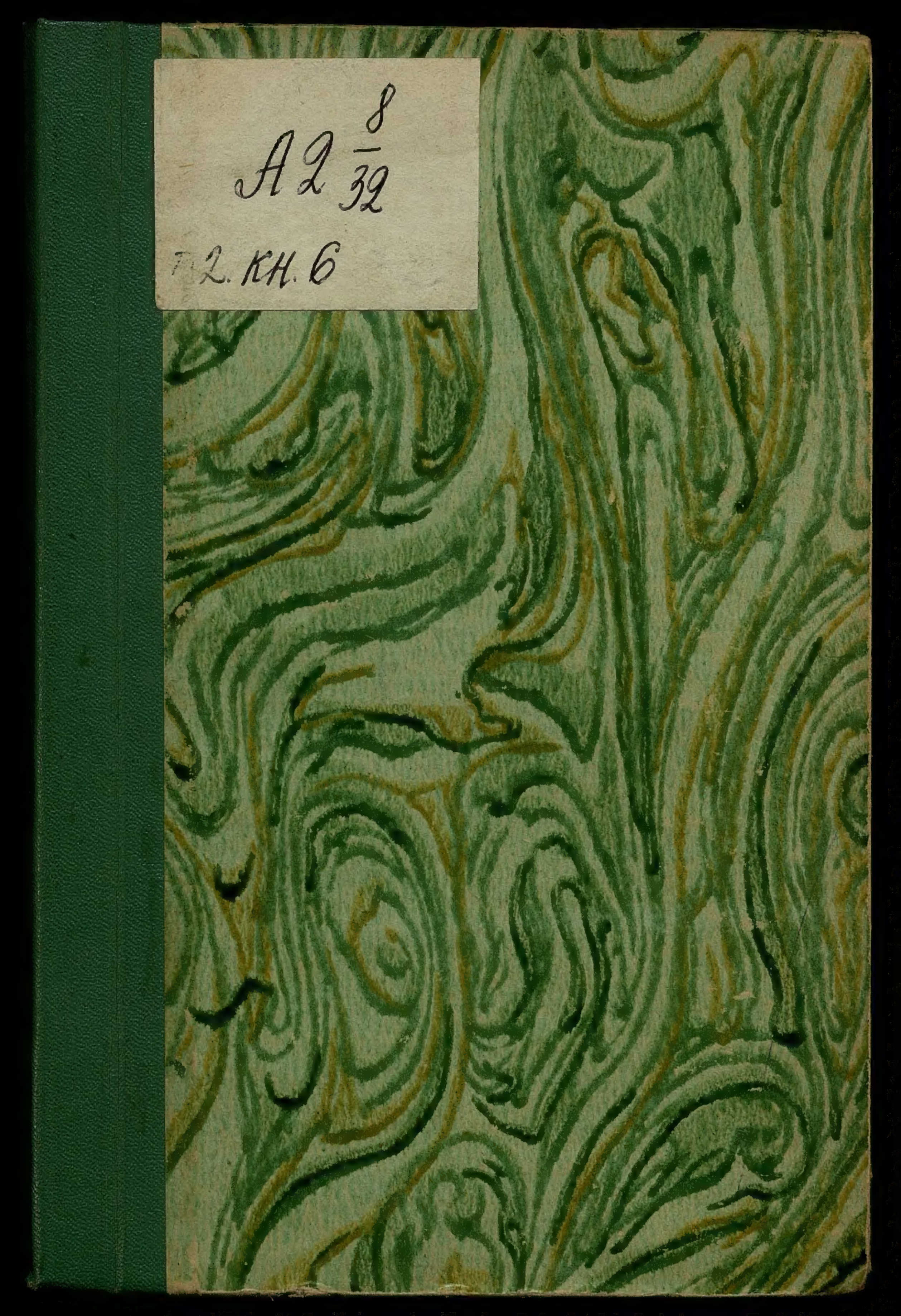
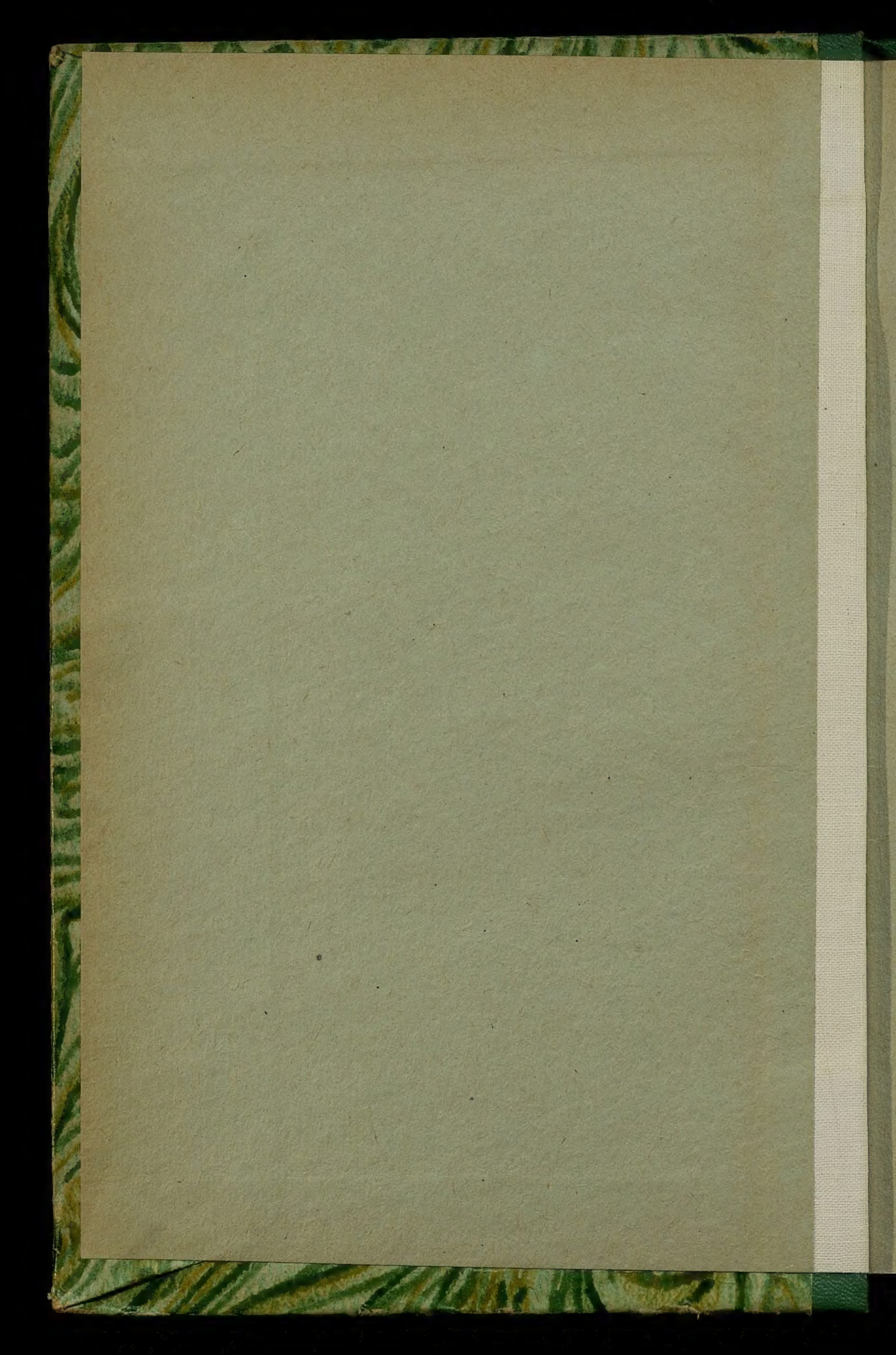
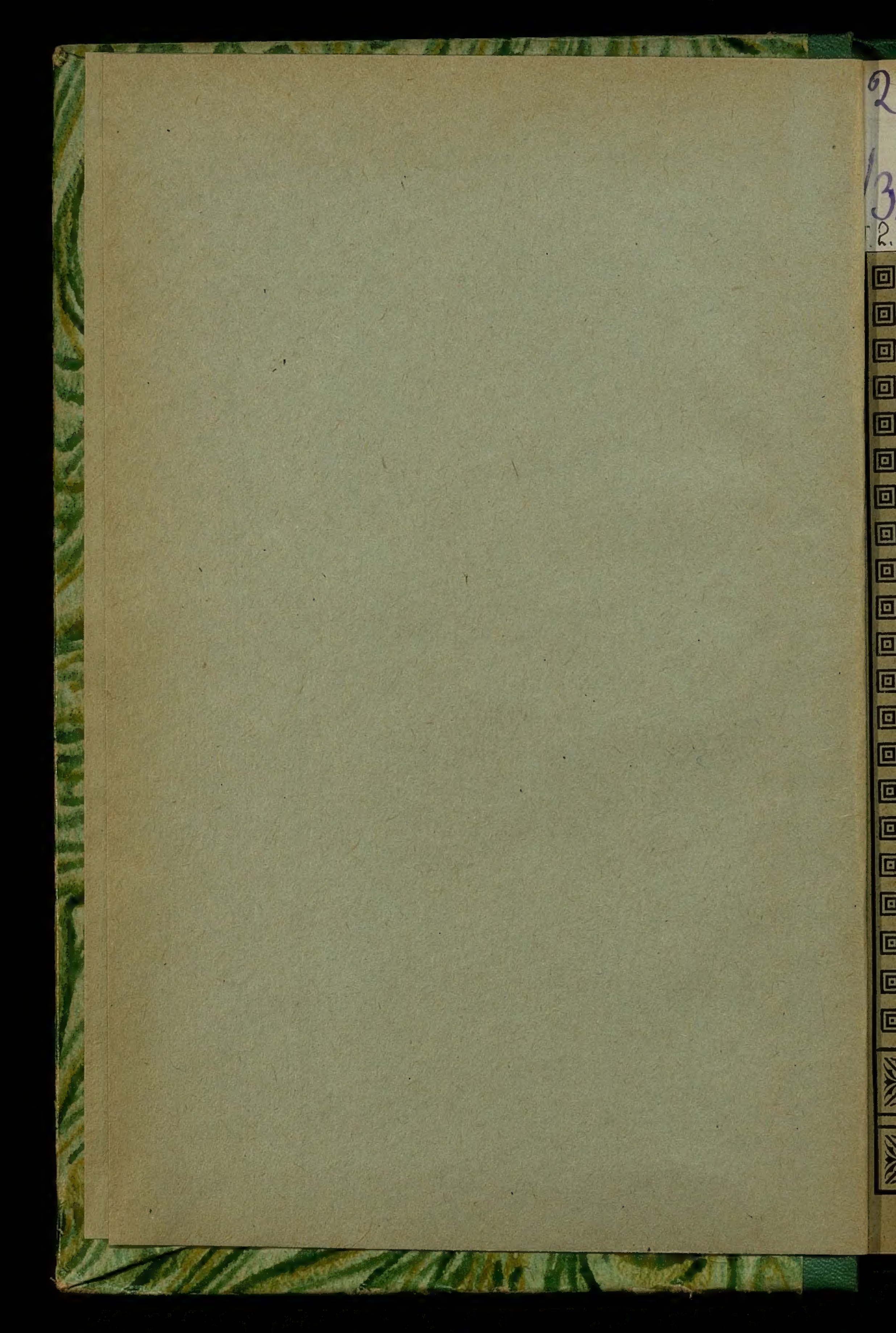






ТВОРЕНІЯ

ИЖЕ ВО СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО

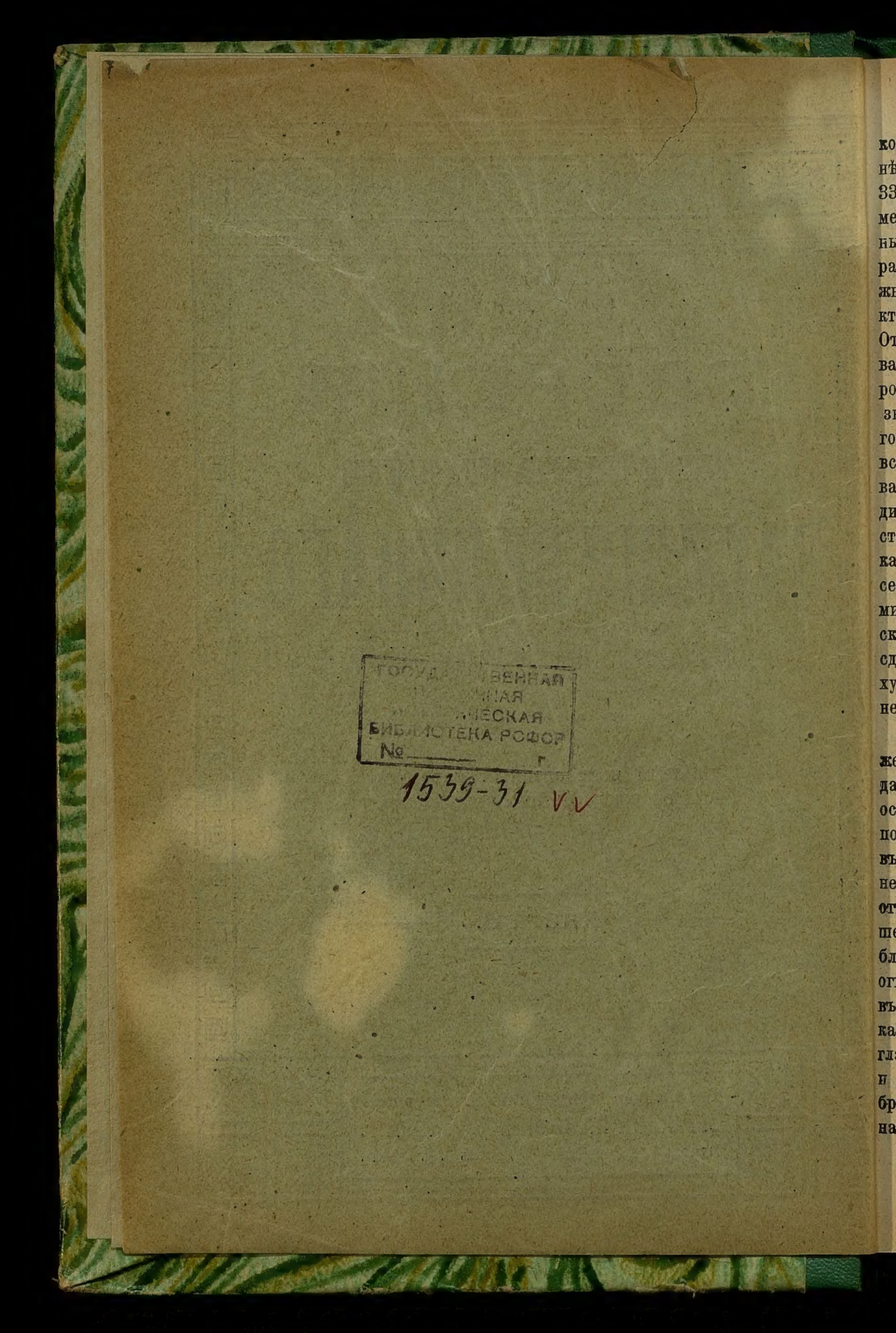
ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

Архіепископа Кесаріи Каппадокійскія.

Новый исправленный переводъ Московской Духовной Академіи.

Книга 6.

Безплатное приложеніе къ журналу „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ" за 1911 г.
Редакторъ Е. А. Поповицкій. Издатель П. П. Сойкинъ.



которымъ они уподобляются своимъ порокомъ. Оно именуетъ ихъ псами нѣмыми (Ис. 56, 10), зміями, порожденіями ехидниными (Матѳ. 23, 33). И за готовность взаимно губить другъ друга и вредить единоплеменнымъ, справедливо причислить ихъ къ звѣрямъ и ядовитымъ животнымъ, у которыхъ отъ природы непримиримая ненависть къ людямъ. Отъ раздражительности—необузданный языкъ, неукротимыя уста, невоздержныя руки, обиды, упреки, злорѣчіе, удары и многое другое, что едва ли кто и перечтетъ,—вотъ худыя послѣдствія гнѣва и раздражительности. Отъ раздражительности и мечъ изощряется; рука человѣческая отваживается на убійство человѣка. Отъ нея и братья не узнаютъ другъ друга, родители и дѣти забываютъ узы природы. Разгнѣванные сначала не знаютъ сами себя, а потомъ не знаютъ также и всѣхъ ближнихъ. Какъ горные потоки, стекая въ мѣста низменныя, увлекаютъ съ собою все встрѣчающееся, такъ насильственныя и неудержимыя стремленія разгнѣванныхъ поражаютъ всѣхъ одинаково. Раздраженные не уважаютъ ни сѣдины, ни добродѣтельной жизни, ни родственной связи, ни прежнихъ милостей, ни всего прочаго, что имѣетъ какую-либо цѣну. Раздраженіе есть какое-то кратковременное бѣшенство. Раздраженные часто ввергаютъ сами себя въ явное зло; стараясь отмстить другимъ, нерадятъ о себѣ. Воспоминаніемъ объ оскорбителяхъ уязвляемые, какъ жаломъ, въ порывахъ и скачкахъ своего гнѣва до тѣхъ поръ они не успокаиваются, пока или не сдѣлаютъ какого зла огорчившему, или при случаѣ не потерпятъ чего худаго и сами, какъ и нерѣдко стремительно упадающее болѣе терпитъ, нежели причиняетъ вреда, разбиваясь о то, къ чему приразилось.

Кто объяснитъ это зло? Отъ чего люди скоро приходятъ въ раздраженіе, воспламеняемое маловажными причинами; крича, свирѣпѣя, кидаясь опрометчивѣе всякаго ядовитаго животнаго, до тѣхъ поръ не останавливаются, пока отъ чрезмѣрности и неисцѣльности зла, гнѣвъ ихъ, подобно пузырю, не лопнетъ и горячка не останетъ? Душу, приведенную въ бѣшенство гнѣвомъ, ни остріе меча, ни огонь, ни другое что страшное, не сильны удержать почти такъ же, какъ и человѣка одержимаго бѣсомъ, отъ котораго разгнѣванный не отличается ни наружнымъ видомъ, ни душевнымъ расположеніемъ. У желающихъ за оскорбленіе воздать оскорбленіемъ, кровь въ сердцѣ кипитъ, бурля и клокоча, какъ на сильномъ огнѣ; устремившись на поверхность тѣла, показываетъ она разгнѣваннаго въ иномъ видѣ, обыкновенныя и всѣмъ извѣстныя черты его замѣнивъ какъ бы личиной употребляемой на позорищѣ. У нихъ не узнаешь тѣхъ глазъ, какіе имъ свойственны и обычны; напротивъ того взоръ блуждаетъ и сверкаетъ огнемъ. Они скрипятъ зубами, какъ свиньи, когда онѣ бросаются другъ на друга. Лице мрачно и налито кровью; все тѣло надуто, жилы готовы лопнуть, оттого что духъ взволнованъ внутреннею

бурей. Голосъ жестокъ и напряженъ, рѣчь несвязна, вдается въ излишества, течетъ нераздѣльно, не въ порядкѣ, невразумительно. А когда, какъ огонь при обиліи сгораемаго вещества, человѣкъ воспламененъ до крайней степени огорчительнымъ для него; тогда, о! тогда увидишь такія зрѣлища, которыхъ нельзя пересказать словомъ и стерпѣть на дѣлѣ. Онъ поднимаетъ руки на единоплеменныхъ, заноситъ на всѣ части тѣла, ноги его нещадно попираютъ самые важные члены; что ни попадается въ руки, дѣлается орудіемъ его бѣшенства. А если и на противной сторонѣ встрѣтится готовымъ къ отпору одинаковое зло—подобный гнѣвъ и неистовство равной степени; въ такомъ случаѣ раздраженные во взаимной схваткѣ все то другъ другу наносятъ и другъ отъ друга терпятъ, что только свойственно терпѣть ратоборствующимъ подъ вліяніемъ подобнаго демона; такіе ратоборцы въ награду гнѣва получаютъ нерѣдко поврежденіе членовъ или даже смерть. Одинъ наноситъ обиду рукою, другой мститъ тѣмъ же; одинъ отвѣчаетъ на ударъ новымъ ударомъ, другой не хочетъ уступить. Разбиты уже уста, но раздраженіе лишаетъ чувства боли. У нихъ нѣтъ и времени ощутить, что потерпѣли, потому что вся душа занята мщеніемъ оскорбителю.

Не врачуйте зла зломъ, не старайтесь превзойти другъ друга въ бѣдствіяхъ. Въ недобрыхъ борьбахъ злосчастнѣе тотъ, кто побѣдилъ: потому что съ побѣды приноситъ больше грѣха. Не будь собирателемъ худой дани, и еще болѣе лукавымъ воздаятелемъ лукаваго долга. Обидѣлъ тебя разгнѣванный? Останови зло молчаніемъ. А ты гнѣвъ его, какъ потокъ, принявъ въ собственное свое сердце, подражаешь вѣтрамъ, которые противнымъ своимъ дыханіемъ отбрасываютъ назадъ, что принесено. Не бери врага въ учители себѣ; не ревнуй о томъ, что ненавидишь. Не будь для гнѣвнаго какъ бы зеркаломъ, показывая въ себѣ его образъ. Онъ багровъ; а ты развѣ не раскраснѣлся? У него глаза налились кровью; но скажи мнѣ, и въ твоихъ глазахъ видна ли тишина? Его голосъ суровъ; но и твой кротокъ ли? Пустынное эхо не отзывается говорящему съ такой полнотой, съ какой обиды возвращаются укорителю. Справедливѣе же сказать, эхо повторяетъ, что скажешь самъ ты, а укоризна возвращается съ прибавкой. Ибо что говорятъ другъ другу ругатели? Одинъ скажетъ: ты подлъ и подлаго рода; другой отвѣтитъ: а ты рабъ у рабовъ. Одинъ назоветъ нищимъ, другой бродягой; одинъ—невѣждой, другой—глупцомъ, и такъ далѣе, пока не станетъ уже обидныхъ словъ, какъ стрѣлъ въ колчанѣ. А потомъ, когда разстрѣляны языкомъ всѣ укоризны, переходятъ уже къ мщенію самымъ дѣломъ. Ибо раздраженіе возбуждаетъ ссору, ссора родитъ ругательство, ругательства родятъ драку, драка—раны, а отъ ранъ нерѣдко бываетъ смерть.

Остановимъ зло въ первомъ его началѣ, всѣми мѣрами истребляя въ

душахъ гнѣвъ. Въ такомъ случаѣ будемъ въ состоянiи вмѣстѣ съ этой страстiю подсѣчь, какъ бы въ корнѣ и въ началѣ, большую часть худаго. Укоряегъ кто тебя? а ты благословляй. Бьетъ? а ты терпи. Презираетъ и за ничто почитаетъ тебя? а ты приведи себѣ на мысль, что изъ земли ты составленъ, и въ землю опять разрѣшишься. Кто ограждаетъ себя такими разсужденiями, тотъ найдетъ всякое безчестiе болѣе легкимъ, чѣмъ оно обыкновенно бываетъ въ дѣйствительности. Чрезъ это и врагу невозможнымъ сдѣлаешь мщенiе, показавъ, что не уязвляютъ тебя укоризны, и себѣ предуготовишь великiй вѣнецъ терпѣнiя. когда бѣшенство другаго обратишь въ поводъ къ собственному своему любомудрiю.

Поэтому, если послушаешься меня, то къ обиднымъ словамъ другаго отъ себя прибавь нѣчто. Онъ назвалъ тебя подлымъ, безславнымъ, нигдѣ ничего не значащимъ? А ты назови себя землею и пепломъ. Ты не честнѣе отца нашего Авраама, который такъ себя называетъ (Быт. 18, 27). Онъ назвалъ тебя невѣждою, нищимъ, человѣкомъ, ничего не стоющимъ? А ты, говоря словами Давида, скажи о себѣ, что ты червь и ведешь начало отъ гноища (Псал. 21, 7). Присовокупи къ сему прекрасный поступокъ Моvсея. Укоренный Аарономъ и Марiамой, не жаловаться на нихъ сталъ онъ Богу, но молиться за нихъ. Чьимъ ученикомъ желаешь ты лучше быть? Мужей ли богоугодныхъ и блаженныхъ, или людей, исполненныхъ духомъ лукавства?

Когда смущаетъ тебя искушенiе сказать укоризненное слово, представь, что долженъ ты рѣшить о себѣ, приблизиться ли тебѣ къ Богу долготерпѣнiемъ, или чрезъ гнѣвъ передаться на сторону противника. Дай время своимъ помысламъ избрать благую честь. И врагу, или окажешь нѣкоторую пользу примѣромъ кротости, или сильнѣе отмстишь презрѣнiемъ. Можетъ ли что быть для него болѣзненнѣе, какъ видѣть, что врагъ его выше обидъ? Не теряй благоразумiя, и не позволяй себѣ поддаваться обидчику. Пусть онъ безъ пользы на тебя лаетъ и надрываетъ самъ себя. Кто бьетъ не чувствующаго боли, тотъ самъ себя наказываетъ, потому что и врагу не отмщаетъ, и своего раздраженiя не успокоиваетъ; и кто оскорбляетъ словами человѣка, не трогающагося укоризнами, тотъ не можетъ найдти удовлетворенiя своей страсти; а напротивъ того, какъ сказалъ я, разрывается съ досады

Какъ же въ этомъ случаѣ присутствующiе назовутъ каждаго изъ васъ? Его—ругателемъ, а тебя—великодушнымъ; его—сердитымъ и несноснымъ, а тебя—долготерпѣливымъ и кроткимъ. Онъ будетъ жалѣть о томъ, что говорилъ, а ты никогда не будешь раскаяваться въ добродѣтели. Нужно ли говорить много? Ему укоризны его заградили царствiе небесное. Ибо „досадители царствiя Божiя не наслѣдятъ“ (1 Кор. 6, 10). А

тебѣ молчаніе уготовало царство. Ибо „претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ" (Матѳ. 10, 22).

А если отмщаешь и на укоризны отвѣчаешь укоризнами; что скажешь въ свое оправданіе? То, что раздражилъ тебя начавшій ссору? Но достойно ли это какого извиненія? Блудникъ, который слагаетъ вину на блудницу, что она побудила его ко грѣху, не меньшему за это подвергается осужденію. Нѣтъ и вѣнцовъ, гдѣ нѣтъ противоборниковъ; нѣтъ и пораженій, гдѣ нѣтъ противниковъ. Выслушай, что говоритъ Давидъ: „внегда востати грѣшному предо мною", не раздражался, не отмщалъ я, но „онѣмѣхъ и смирихся, и умолчалъ отъ благъ" (Псал. 38, 2, 3). А ты самъ огорчаешься укоризною, какъ чѣмъ-то худымъ; но опять и подражаешь ей, какъ чему-то доброму. И вотъ сталъ виновенъ въ томъ же, что осуждаешь. Или въ чужой порокъ всматриваешься внимательно, а что гнуснаго въ тебѣ, то ставишь ни во что? Обида развѣ не худое дѣло? Бѣгай же подражанія. А того, что началъ ссору другой, конечно, недостаточно къ извиненію. Поэтому, какъ самъ себя увѣряю, справедливѣе противнику твоему негодовать на тебя за то, что не видалъ отъ тебя уцѣломудривающаго примѣра. Видя, какъ безобразенъ разгнѣванный, ты не остерегся отъ подражанія ему, напротивъ того самъ негодуешь, самъ раздражаешься, самъ гнѣваешься, и страсть твоя служитъ извиненіемъ предупредившему тебя. Ибо тѣмъ, что дѣлаешь, и его освобождаешь отъ вины, и себя самого обвиняешь. Если раздраженіе не хорошо; почему не уклонился ты отъ худого? А если заслуживаетъ оно снисхожденія; почему негодуешь на раздраженнаго? Поэтому, если ты и не первый сталъ мстить; это ни мало тебѣ не поможетъ. Въ подвигахъ, за которые увѣнчиваютъ, вѣнчается не начавшій борьбу, но побѣдитель. Потому и осуждается не только предначавшій худое дѣло, но и тотъ, кто за лукавымъ вождемъ послѣдовалъ въ грѣхъ.

Если онъ назвалъ тебя нищимъ, и говоритъ правду, пріими это, какъ правду, а если лжетъ, что тебѣ до сказаннаго имъ? Не надмевайся похвалами, которыя выше правды; не огорчайся и обидами, которыя не касаются тебя. Не видишь ли, что стрѣлы пробиваютъ, обыкновенно, насквозь тѣла твердыя и упорныя, а въ тѣлахъ мягкихъ и уступчивыхъ теряютъ свою стремительность? Чѣмъ-то подобнымъ представляй себѣ и свойство укоризны. Кто противоборствуетъ ей, тотъ принимаетъ ее на себя; а кто поддается и уступаетъ, тотъ мягкостію нрава ослабляетъ устремленную противъ него злобу. Почему возмущаетъ тебя названіе: нищій? Вспомни о своей природѣ; нагъ взошелъ ты въ міръ, нагъ и выйдешь (Іов. 1, 21). А что бѣднѣе нагаго? Ничего не услышишь обиднаго, если самъ себѣ усвояешь то, что о тебѣ говорятъ. Кого за бѣдность отводили когда-нибудь въ темницу? Укоризненно—не нищимъ быть, а не

имѣть мужества въ перенесеніи нищеты. Вспомни Владыку: „Онъ богатъ сый“ насъ „ради обнища“ (2 Кор. 8, 9). А если назоветъ тебя неразумнымъ и невѣждою, вспомни обидныя слова Іудеевъ, какими укоряли истинную Премудрость: „Самарянинъ еси Ты, и бѣса имаши“ (Іоан. 8, 48). Если гнѣваешься, то симъ подтверждаешь укоризну. Ибо что неразумнѣе гнѣва? А если останешься негнѣвнымъ, то приводишь въ стыдъ обидчика, показавъ цѣломудріе на самомъ дѣлѣ. Ты заушенъ? Но заушенъ былъ и Господь. Ты оплеванъ? Но оплеванъ былъ и Владыка нашъ; ибо не отвратилъ „лица отъ студа заплеваній“ (Ис. 50, 6). Тебя оклеветали? Но оклеветанъ былъ и Судія. У тебя разодрали рубашку? И съ Господа моего сняли хитонъ, и одежды Его раздѣлили по себѣ. Ты еще не осужденъ; ты еще не распятъ. Многаго недостаетъ тебѣ, чтобы дойдти до уподобленія Господу.

Пусть все это прійдетъ тебѣ на мысль, и утушитъ воспламененіе. Ибо подобныя симъ предуготовленія и расположенія, останавливая какъ бы порывы и трепетанія сердца, приводятъ помыслы въ благоустройство и тишину. Сіе-то самое сказано у Давида: „уготовихся, и не смутихся“ (Псал. 118, 60). Поэтому бѣшеное и неразумное движеніе сердца должно усмирять припоминаніемъ примѣровъ блаженныхъ мужей. Съ какою кротостію великій Давидъ перенесъ укоризны Семея! Онъ не далъ времени возбудиться гнѣву, обративъ мысль къ Богу; ибо сказалъ: „Господь рече“ Семею „проклинати Давида“ (2 Цар. 16, 10). Потому, слыша названія: „мужъ кровей и мужъ беззаконный“ (7), не раздражился онъ противъ Семея, но самъ себя смирилъ, какъ бы заслуживъ встрѣченную имъ обиду.

Истреби въ себѣ двѣ мысли: не признавай себя достойнымъ чего-либо великаго, и не думай, чтобы другой какой человѣкъ былъ многимъ ниже тебя по достоинству. Въ такомъ случаѣ наносимыя намъ безчестія никогда не приведутъ насъ въ раздраженіе. Ужасно, если человѣкъ облагодѣтельствованный, обязанный величайшими милостями, при неблагодарности своей, наноситъ ему обиду и безчестіе. Ужасно это, но здѣсь больше вреда тому, кто дѣлаетъ, а не кто терпитъ. Пусть онъ обижаетъ; но ты не обижай. Слова его да будутъ для тебя упражненіемъ въ любомудріи. Если они не трогаютъ тебя; это значитъ, что ты неуязвимъ. А если и страждетъ нѣсколько душа, удержи прискорбное внутри себя. Ибо сказано: „во мнѣ смятеся сердце мое“ (Псал. 142, 4), то есть страсть не выказалась наружу, но усмирилась, подобно волнѣ, разбившейся внутри береговъ. Успокой свое лающее и разсвирѣпѣвшее сердце. Пусть страсти твои устыдятся присутствія въ тебѣ разума, какъ рѣзвыя дѣти стыдятся пришествія достопочтеннаго мужа.

Поэтому какъ избѣжимъ вреда, причиняемаго нашею гнѣвливостію?

если внушимъ своей раздражительности не предупреждать разсудка, но прежде всего позаботимся, чтобы никогда не шла впередъ мысли; станемъ же обходиться съ нею, какъ съ конемъ, который данъ намъ въ управленіе, какъ нѣкоторой уздѣ, покоряется разуму, никогда не выступаетъ изъ собственнаго своего долга, но идетъ, куда ему укажетъ разумъ. Раздражительная сила души пригодна намъ еще для многихъ дѣлъ добродѣтели, когда она, подобно какому-то воину, сложившему оружіе передъ вождемъ, съ готовностію подаетъ помощь, гдѣ приказано, и споборствуетъ разуму противъ грѣха. Ибо раздражительность есть душевный нервъ, сообщающій душѣ силу къ прекраснымъ предпріятіямъ. И если когда случится, что душа разслаблена сластолюбіемъ, раздражительность, закаливъ ее, какъ желѣзо закаливается погруженіемъ, изъ слабой и весьма изнѣженной дѣлаетъ ее мужественною и суровою. Если ты не раздраженъ противъ лукаваго, не возможно тебѣ ненавидѣть его, сколько должно. Думаю, что съ равною ревностію должно и любить добродѣтель, и ненавидѣть грѣхъ. Для этого же весьма полезна раздражительность, когда она, какъ песъ за пастухомъ, слѣдуя за разсудкомъ, остается кроткою и послушною тѣмъ, которые оказываютъ помощь, скоро бѣжитъ на зовъ разсудка, но приходитъ въ свирѣпость отъ чужаго голоса и взора хотя, повидимому, они и дружелюбны, сжимается же отъ страха, когда слышитъ голосъ знакомаго и друга. Вотъ самое лучшее и правильное содѣйствіе, какое раздражительная сила можетъ оказать разумной части души. Въ такомъ случаѣ она будетъ непримирима съ умышляющими зло, не вступитъ съ ними ни въ какія сношенія, никогда не заключитъ дружбы во вредъ, а напротивъ того всегда, какъ на волка, станетъ лаять и кидаться на коварное сластолюбіе. Такова польза раздражительности, если кто умѣетъ держать ее въ рукахъ; потому что всякая другая способность, по образу ея употребленія, бываетъ или худа или хороша для имѣющаго ее. Напримѣръ: кто вожделѣвательную силу души употребилъ на услажденіе плотскими и нечистыми удовольствіями, тотъ гнусенъ и невоздерженъ; но кто обратилъ ее на любовь къ Богу и желаніе вѣчныхъ благъ, тотъ достоинъ подражанія и блаженъ. И опять, кто хорошо владѣетъ судительною силою, тотъ благоразуменъ и смышленъ; а кто изострилъ умъ ко вреду ближняго, то лукавецъ и злодѣй.

Поэтому, что Творецъ далъ намъ ко спасенію, того не будемъ обращать для себя въ поводъ ко грѣху! Въ такомъ случаѣ и раздражительность, приводимая въ дѣйствіе, когда должно и сколько должно, производитъ мужество, терпѣніе и воздержаніе; а если дѣйствуетъ вопреки здравому разуму, обращается въ бѣшенство. Поэтому и вразумляетъ насъ псаломъ: „гнѣвайтеся, и не согрѣшайте“ (Псал. 4, 5). И Господь гнѣвающемуся напрасно угрожаетъ судомъ, но не запрещаетъ, гдѣ должно,

употреблять гнѣвъ, какъ бы въ видѣ врачества. Ибо слова: „вражду положу“ между тобою и между зміемъ (Быт. 3, 15), и: „враждуйте Мадіанитомъ“ (Числ. 25, 17),—слова научающаго пользоваться раздражительностію, какъ оружіемъ. Поэтому Моvсей, самый кроткій изъ всѣхъ людей (Числ. 12, 3), когда наказывалъ за идолопоклонство, вооружилъ руки Левитовъ на убіеніе братьевъ. Онъ говорилъ: „препояшите кійждо мечъ при бедрѣ“ своемъ, „и пройдите отъ вратъ до вратъ и возвратитеся сквозѣ полкъ, и убійте кійждо брата своего ближняго, и кійждо сосѣда своего“ (Исх. 32, 27). И вскорѣ потомъ сказано: „и рече Моvсей: наполнисте руки ваша днесь Господу, кійждо въ сынѣ своемъ, и въ братѣ своемъ, да дастся на васъ благословеніе“ (29). Что оправдало Финееса? Не праведный ли гнѣвъ на соблудившихъ? Онъ былъ весьма человѣколюбивъ и кротокъ; но когда увидѣлъ блудодѣяніе, явно и безстыдно совершаемое Замвріемъ и Мадіанитянкою, такъ что они не скрыли позорнаго зрѣлища своего студа, тогда, не потерпѣвъ сего, благовременно воспользовался раздражительностію, и пронзилъ обоихъ „сулицею“ (Числ. 25, 7, 8). И Самуилъ не умертвилъ ли въ праведномъ гнѣвѣ, выведя на среду, царя амаликитскаго Агага, котораго вопреки Божію повелѣнію спасъ Саулъ (1 Царствъ 15)? Такъ раздражительность нерѣдко бываетъ служительницею добрыхъ дѣлъ. И ревнитель Илія, въ разсудительномъ и цѣломудренномъ раздраженіи, къ пользѣ всего Израиля предалъ смерти четыреста пятьдесятъ священниковъ студныхъ и четыреста священниковъ дубравныхъ, „ядущихъ трапезу Іезавелину“ (3 Цар. 18, 19).

Но ты гнѣваешься на брата своего напрасно. Ибо не напрасенъ ли гнѣвъ, когда одинъ бываетъ причиною дѣйствія, а ты раздражаешься на другаго? Не то же ли дѣлаешь, что и псы, которые грызутъ камень, а не трогаютъ бросившаго камень? Жалокъ, кто служитъ орудіемъ дѣйствія; но ненавистенъ, кто дѣйствуетъ. Противъ него обрати свою раздражительность—противъ человѣкоубійцы, отца лжи, дѣлателя грѣха; но будь сострадателенъ къ брату, который, если пребудетъ во грѣхѣ, то вмѣстѣ съ діаволомъ преданъ будетъ вѣчному огню.

Какъ различны слова: раздраженіе и гнѣвъ; такъ весьма различно между собою и означаемое ими. Ибо раздраженіе есть какое-то воспламененіе и скорое испареніе страсти, гнѣвъ—постоянная скорбь и продолжительное стремленіе воздать равнымъ тому, кто обидѣлъ, такъ что душа, какъ бы жаждетъ мщенія. Поэтому надобно знать, что люди погрѣшаютъ въ томъ и другомъ расположеніи духа, когда или неистово и безумно кидаются на огорчившихъ, или коварно и злонамѣренно разставляютъ сѣти оскорбившимъ. Мы должны остерегаться того и другаго.

Какъ же сдѣлать, чтобы страсть не возбуждалась, гдѣ не должно? Какъ сдѣлать? Обучись предварительно смиренномудрію, которое Го-

сподь, и словомъ заповѣдалъ, и дѣломъ показалъ. Заповѣдалъ словомъ, когда говоритъ: „кто хощетъ" въ васъ „старый быти, да будетъ всѣхъ меньшій" (Марк. 9, 35); показалъ дѣломъ, когда кротко и безъ гнѣвнаго движенія потерпѣлъ и того, кто ударилъ. Творецъ и Владыка неба и земли, Которому покланяется всякая тварь, и умная, и чувственная, „Носяй всяческая глаголомъ силы Своея" (Евр. 1, 3), не низринулъ его живаго во адъ, не повелѣлъ землѣ разверзнуться подъ нечестивымъ, но увѣщаваетъ и учитъ его: „аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что Мя біеши" (Іоан. 18, 23)? Если, по заповѣди Господней, научишься быть всѣхъ меньшимъ; то можешь ли когда вознегодовать, какъ получившій незаслуженную обиду? Когда укоритъ тебя неразумный ребенокъ; укоризны его подадутъ тебѣ поводъ къ смѣху. И когда говоритъ тебѣ безчестныя слова безумный, помѣшанный въ умѣ; ты почитаешь его достойнымъ болѣе жалости, нежели ненависти. Поэтому, обыкновенно, возбуждаютъ въ насъ скорбь не слова, но презрѣніе къ укорившему насъ и представленіе каждаго о себѣ самомъ. Потому, если уничтожишь въ мысли своей то и другое, произносимое будетъ не болѣе, какъ пустый шумъ звуковъ.

Итакъ, „престани отъ гнѣва и остави ярость" (Псал. 36, 8), чтобы не узнать тебѣ на опытѣ гнѣва, открывающагося „съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ" (Рим. 1, 18). Ибо, если въ состояніи будешь цѣломудреннымъ разсудкомъ подсѣчь горькій корень раздражительности, то симъ уничтожишь много страстей въ самомъ ихъ началѣ. Коварство, подозрительность, недовѣріе, злонравіе, злонамѣренность, дерзость и весь рой подобныхъ пороковъ суть отпрыски этого грѣха. Поэтому не допустимъ въ себя столь великаго зла—этого душевнаго недуга, помраченія разсудка, отчужденія отъ Бога, незнанія родства, начала браней, полноты бѣдствій,—этого лукаваго демона, который зараждается въ самыхъ душахъ нашихъ, подобно какому-то безпокойному обитателю занимаетъ нашу внутренность и заграждаетъ входъ Святому Духу. Ибо гдѣ „вражды, рвенія, ярости, разжженія" (Гал. 5, 20), состязанія, производящія въ душахъ неумолкаемые мятежи; тамъ не упокоивается Духъ кротости. Но, покорившись увѣщанію блаженнаго Павла, возмемъ отъ себя „всякъ гнѣвъ и ярость и кличъ со всякою злобою" (Ефес. 4, 31), будемъ добры и милосердны другъ къ другу, ожидая блаженнаго упованія, обѣщаннаго кроткимъ (ибо „блажени кротцыи: яко тіи наслѣдятъ землю") (Матѳ. 5, 5), о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки! Аминь.

Бесѣда 11. О зависти.

Богъ благъ и подаетъ блага достойнымъ; діаволъ лукавъ и способствуетъ въ грѣхахъ всякаго рода. И какъ за Благимъ слѣдуетъ беззавистность, такъ за діаволомъ всюду ходитъ зависть. Будемъ же, братія, остерегаться этой страсти—зависти, чтобы не стать намъ сообщниками въ дѣлахъ сопротивника, и въ послѣдствіи не подвергнуться одному съ нимъ сужденію. Если разгордѣвшійся „въ судъ“ впадаетъ „діаволь“ (1 Тим. 3, 6); то завистливому какъ избѣжать наказанія, уготованнаго діаволу?

Другой страсти, болѣе пагубной, чѣмъ зависть, и не зарождается въ душахъ человѣческихъ. Она менѣе вредитъ постороннимъ, но первое и ближайшее зло для того, кто имѣетъ ее. Какъ ржавчина изъѣдаетъ желѣзо, такъ зависть—душу, въ которой живетъ она. Лучше же сказать, какъ объ ехиднахъ говорятъ, что онѣ рождаются, прогрызая носившую ихъ утробу, такъ и зависть обыкновенно пожираетъ душу, въ которой зарождается.

Зависть есть скорбь о благополучіи ближняго. Поэтому у завистливаго никогда нѣтъ недостатка въ печаляхъ и огорченіяхъ. Урожай ли на полѣ у ближняго? домъ ли изобилуетъ всѣми житейскими потребностями? или нѣтъ у него недостатка въ радостяхъ?—все это—пища болѣзни, и приращеніе скорби для завистливаго. Поэтому нимало не разнится онъ съ человѣкомъ, который ничѣмъ не покрытъ, и въ котораго всѣ мечутъ стрѣлы. Крѣпокъ ли кто, или здоровъ?—это поражаетъ завистливаго. Красивъ ли другой лицемъ это—новый ударъ завистнику. Такой-то превосходитъ многихъ душевными преимуществами, обращаетъ на себя взоры и возбуждаетъ соревнованіе своимъ благоразуміемъ и силою слова; другой богатъ, славится щедростію подаяній и общительностью съ нуждающимися, и получаетъ много похвалъ отъ облагодѣтельствованныхъ. Все это—удары и раны, наносимыя въ самое сердце завистника.

И тяжко въ этой болѣзни то, что завистливый не можетъ сказать объ ней. Хотя потупляетъ онъ глаза, ходитъ унылый, смущенный, печальный и погибаетъ отъ недуга; однако же, когда спросятъ о страданіи, стыдится сдѣлать гласнымъ свое несчастіе и сказать: „я человѣкъ завистливый и злой; меня сокрушаютъ совершенства друга; сѣтую о благодушіи брата; не могу видѣть чужихъ совершенсвтъ; напротивъ того, благоденствіе ближняго считаю для себя несчастіемъ“. Такъ надлежало бы сказать ему, если бы захотѣлъ говорить правду. Но поелику не рѣшается высказать сего, то въ глубинѣ удерживаетъ болѣзнь, которая гложетъ и снѣдаетъ его внутренности.

Поэтому не принимаетъ онъ врачующаго болѣзнь, не можетъ найдти никакого врачевства, избавляющаго отъ страданій, хотя Писанія полны такихъ цѣлительныхъ средствъ. Напротивъ, онъ ждетъ одного утѣшенія въ бѣдствіи—видѣть паденіе кого-либо изъ возбуждающихъ его зависть. Одинъ предѣлъ ненависти—увидѣть, что внушавшій зависть изъ счастливаго сталъ несчастнымъ, и возбуждавшій соревнованіе сдѣлался жалкимъ. Тогда примиряется и дѣлается другомъ, когда видитъ плачущимъ, встрѣчаетъ печальнымъ. Съ веселящимся не веселится вмѣстѣ, но съ сѣтующимъ проливаетъ слезы. И если оплакиваетъ переворотъ жизни, по которому человѣкъ изъ такого счастія впалъ въ такое несчастіе, то не изъ человѣколюбія, не изъ сострадательности хвалитъ прежнее его состояніе, но чтобы болѣе тягостнымъ сдѣлать для него бѣдствіе. По смерти сына, хвалитъ его, превозноситъ тысячами похвалъ, что онъ былъ и прекрасенъ, и понятенъ къ ученію, и способенъ ко всему: а если бы младенецъ былъ живъ, языкъ не вымолвилъ бы добраго о немъ слова. Какъ скоро видитъ, что многіе съ нимъ вмѣстѣ начинаютъ хвалить, опять перемѣняется, опять начинаетъ завидовать умершему. Дивится богатству по разореніи. Тѣлесную красоту, или силу и здоровье хвалитъ и превозноситъ уже по наступленіи болѣзней. И вообще, онъ врагъ того, что есть, и другъ того, что погибло.

Что же можетъ быть пагубнѣе этой болѣзни? Это—порча жизни поруганіе природы, вражда противъ того, что дано намъ отъ Бога, противленіе Богу. Что виновника зла—демона вооружило на брань противъ человѣка? Не зависть ли? Въ зависти явно изобличилъ себя богоборецъ, когда вознегодовалъ на Бога за щедрые дары Его человѣку, но отмстилъ человѣку, потому что не могъ мстить Богу. То же дѣлающимъ оказывается и Каинъ, первый ученикъ діавола, научившійся у него и зависти и убійству—этимъ сродственнымъ между собою беззаконіямъ, которыя сочеталъ и Павелъ, сказавъ: „исполненныхъ зависти, убійства“ (Рим. 1, 29). Что же сдѣлалъ Каинъ? Видѣлъ честь отъ Бога, и воспламенился ревностію, истребилъ отличеннаго честію, чтобы оскорбить Почтившаго. Не имѣя силъ къ богоборству, впалъ въ братоубійство. Будемъ, братія, избѣгать сего недуга, который дѣлается учителемъ богоборства, матерью человѣкоубійства, извращеніемъ природы, забвеніемъ родства, бѣдствіемъ самымъ неописаннымъ.

О чемъ скорбишь ты, человѣкъ, не потерпѣвъ ничего худаго? Для чего идешь войною противъ человѣка, который имѣетъ у себя нѣсколько благъ и не сдѣлалъ ущерба твоимъ благамъ? Если же ты и облагодѣтельствованный негодуешь; то не прямо ли собственной своей выгодѣ завидуешь? Таковъ былъ Саулъ, который избытокъ благодѣяній обратилъ въ поводъ къ войнѣ противъ Давида. Сперва, его стройною и божественною

игрою на гусляхъ освободившись отъ неистовства, покушался пронзить благодѣтеля копьемъ. Потомъ, спасенный отъ враговъ съ цѣлымъ воинствомъ, избавленный отъ позора, какимъ угрожалъ Голіафъ, какъ скоро ликовствующія дѣвы въ побѣдныхъ пѣсняхъ стали приписывать Давиду въ десять разъ большее участіе въ пріобрѣтеніи побѣды: „побѣди Давидъ со тьмами, и Саулъ съ тысящами своими“ (1 Цар. 18, 7), за одно это выраженіе, за это на самой истинѣ основанное свидѣтельство сначала хотѣлъ убить Давида собственноручно и погубить хитростію, потомъ, принудивъ его стать бѣглецомъ, и послѣ этого не прекратилъ вражды, но въ заключеніе всего выступилъ противъ него съ тремя тысячами избранныхъ воиновъ и искалъ по пустынямъ. А если бы спросить его о причинѣ войны; то, конечно, указалъ бы на благодѣянія Давидовы; потому что въ самое время гоненія, когда застигнутъ былъ сонный и уготованный на убіеніе врагу, но спасенъ праведникомъ, удержавшимся наложить на него руки, не тронулся и этимъ благодѣяніемъ, но снова собиралъ войско, снова продолжалъ гоненіе, пока въ другой разъ не былъ захваченъ Давидомъ въ пещерѣ, гдѣ добродѣтели его показалъ въ большемъ свѣтѣ, и лукавство свое сдѣлалъ очевиднѣйшимъ.

Зависть есть самый непреодолимый родъ вражды. Другихъ недоброжелателей дѣлаютъ болѣе кроткими благотворенія. Завистливаго же и злонравнаго еще болѣе раздражаетъ сдѣланное ему добро. Чѣмъ больше видитъ онъ себѣ благодѣяній, тѣмъ сильнѣе негодуетъ, печалится и огорчается. Онъ болѣе оскорбляется силою благодѣтеля, нежели чувствуетъ благодарность за содѣланное для него. Какого звѣря не превосходятъ и завистливые съ жестокостію своихъ нравовъ? Не превышаютъ ли свирѣпостію самаго неукротимаго изъ нихъ? Псы, если ихъ кормятъ, дѣлаются кроткими; львы, когда за ними ходятъ, становятся ручными. Но завистливые еще болѣе свирѣпѣютъ, когда оказываютъ имъ услуги.

Что содѣлало рабомъ благороднаго Іосифа? Не зависть ли братьевъ? Потому и достойно удивленія неразуміе этого недуга. Убоявшись исполненія сновъ, продали брата въ рабство, какъ будто рабу никогда не кланяются. Но если сны справедливы; можно ли сдѣлать, чтобы предвѣщаемое ими вовсе не исполнилось. А если сонныя видѣнія лживы, въ чемъ завидуете обманувшемуся? Но вотъ, по Божію усмотрѣнію, мудрость ихъ обращается въ ничто. Чѣмъ думали воспрепятствовать исполненію предвѣщанія, тѣмъ самымъ, какъ оказалось, проложили путь событію. Если бы не проданъ былъ Іосифъ; то не пришелъ бы въ Египетъ, не подпалъ бы, по своему цѣломудрію, навѣтамъ похотливой жены, не былъ бы заключенъ въ темницу, не свелъ бы знакомства съ служителями Фараоновыми, не сталъ бы толковать сновъ, не получилъ бы за это

начальства надъ Египтомъ, и не поклонились бы ему братья, пришедшіе къ нему по недостатку въ хлѣбѣ.

Обратись мыслію къ величайшей зависти, оказавшейся въ самомъ важномъ случаѣ, какая по неистовству Іудеевъ была къ Спасителю! За что завиствовали? За чудеса. А что это были за чудодѣйствія? Спасеніе нуждающихся. Алчущіе были питаемы; и на Питающаго воздвигнута брань. Мертвые были воскрешаемы; и Животворящій сталъ предметомъ зависти. Демоны были изгоняемы, и на Повелѣвающаго демонамъ злоумышляли. Прокаженные очищались, хромые начинали ходить, глухіе слышать, слѣпые видѣть; и Благодѣтеля изгоняли. Напослѣдокъ предали смерти Даровавшаго жизнь, били бичами Освободителя человѣковъ, осудили Судію міра. Такъ на все простерлась злоба зависти. Этимъ однимъ оружіемъ, отъ сложенія міра до скончанія вѣка, всѣхъ уязвляетъ и низлагаетъ истребитель жизни нашей—діаволъ, который радуется нашей погибели, самъ палъ отъ зависти, и насъ низлагаетъ съ собою тою же страстію.

Премудръ былъ тотъ, кто запрещалъ и вечерять „съ мужемъ завистливымъ" (Притч. 23, 6), подъ сближеніемъ на вечери разумѣя и всякое также общеніе въ жизни. Какъ удобовозгараемое вещество заботимся мы класть подальше отъ огня; такъ, по мѣрѣ возможности, не надобно сводить дружескихъ бесѣдъ съ завистливыми, поставляя себя вдали отъ стрѣлъ зависти. Ибо не иначе можно предаться зависти, какъ сближаясь съ нею въ тѣсномъ общеніи; потому что, по слову Соломонову, „ревность мужа отъ подруга своего" (Еккл. 4, 4). Дѣйствительно, такъ и бываетъ: не Скиѳъ завидуетъ Египтянину, но всякій своему соплеменнику; и изъ соплеменниковъ завидуютъ не тому, кто неизвѣстенъ, но коротко знакомымъ, и изъ знакомыхъ—сосѣдямъ, людямъ того же ремесла и почему нибудь иному близкимъ, и изъ нихъ опять—сверстникамъ, сродникамъ, братьямъ. Вообще, какъ ржа есть болѣзнь хлѣбнаго зерна, такъ и зависть есть недугъ дружбы.

И то развѣ одно похвалитъ кто въ этомъ злѣ, что, чѣмъ сильнѣе оно дѣйствуетъ въ человѣкѣ, тѣмъ тягостнѣе имѣющему его въ себѣ. Стрѣлы, брошенныя сильно, когда попадаютъ во что-нибудь твердое и упругое, отлетаютъ назадъ къ тому, кто ихъ пустилъ; такъ и движенія зависти, не дѣлая вреда предмету зависти, наносятъ удары завистнику. Кто, огорчаясь совершенствами ближняго, уменьшилъ ихъ чрезъ это? Между тѣмъ, снѣдаемый скорбію, онъ изнуряетъ самъ себя.

Страждущихъ завистію почитаютъ еще болѣе вредоносными, нежели ядовитыхъ звѣрей. Тѣ впускаютъ ядъ чрезъ рану, и угрызенное мѣсто предается гніенію постепенно; о завистливыхъ же иные думаютъ, что они наносятъ вредъ однимъ взоромъ, такъ что отъ ихъ завистливаго

взгляда начинають чахнуть тѣла крѣпкаго сложенія, по юности возраста цвѣтущія всею красотою. Вся полнота ихъ вдругъ исчезаетъ, какъ будто изъ завистливыхъ глазъ льется какой-то губительный, вредоносный и истребительный потокъ. Я отвергаю такое повѣрье, потому что оне простонародно и старыми женщинами занесено въ женскіе терема; но утверждаю, что ненавистники добра—демоны, когда находятъ въ людяхъ демонамъ свойственныя произволенія, употребляютъ всѣ мѣры воспользоваться ими для собственнаго своего намѣренія; почему и глаза завистливыхъ употребляютъ на служеніе собственной своей волѣ.

Поэтому, ужели не придешь въ ужасъ, дѣлая себя служителемъ губительнаго демона, и допустишь въ себя зло, отъ котораго сдѣлаешься врагомъ людей, ничѣмъ тебя не обидѣвшихъ, и кромѣ того врагомъ благаго и беззавистнаго Бога? Убѣжимъ отъ нестерпимаго зла. Оно—внушеніе змія, изобрѣтеніе демоновъ, посѣвъ врага, залогъ мученія, препятствіе благочестію, путь въ геенну, лишеніе царствія.

Завистливыхъ можно узнать нѣсколько и по самому лицу. Глаза у нихъ сухи и тусклы; щеки впалы, брови навислы, душа возмущена страстію, не имѣетъ вѣрнаго сужденія о предметахъ. У нихъ не похвальны ни добродѣтельный поступокъ, ни сила слова, украшенная важностію и пріятностію, ни все прочее, достойное соревнованія и вниманія. Какъ коршуны, пролетая мимо многихъ луговъ, многихъ мѣстъ пріятныхъ и благоухающихъ, стремятся къ чему-либу зловонному; и какъ мухи, минуя здоровое, поспѣшаютъ на гной: такъ завистливые не смотрятъ на свѣтлость жизни, на величіе заслугъ, нападаютъ же на одно гнилое. И если случится въ чемъ проступиться (какъ часто бываетъ съ людьми), они разглашаютъ это, хотятъ, чтобы по одному этому узнавали человѣка, какъ и недобрые живописцы лице изображаемаго ими на картинѣ отличаютъ искривленнымъ носомъ, или какимъ-нибудь рубцомъ, или другимъ недостаткомъ природнымъ, либо происшедшимъ въ слѣдствіе болѣзни. Они искусны сдѣлать презрѣннымъ и похвальное, перетолковавъ въ худую сторону, и оклеветать добродѣтель, представивъ ее въ видѣ порока съ ней смежнаго: мужественнаго называютъ дерзкимъ, цѣломудреннаго—нечувствительнымъ, справедливаго—жестокимъ, благоразумнаго—коварнымъ. Кто любитъ великолѣпіе, на того клевещутъ, что у него грубый вкусъ; о щедромъ говорятъ, что расточителенъ, и о бережливомъ опять, что онъ скупъ. И вообще всякій видъ добродѣтели не остается у нихъ безъ такого имени, которое заимствовано отъ противоположнаго порока.

Что же? ограничимъ ли слово однимъ осужденіемъ сего зла? Но это—какъ бы одна половина врачеванія. Не безполезно показать страждущему важность болѣзни, чтобы внушить ему должную заботливость объ

избавленіи себя отъ зла; но оставить при семъ страждущаго, не давъ руководства къ пріобрѣтенію здравія, не иное что значитъ, какъ предоставить его дѣйствію болѣзни.

Что же? Какъ можемъ, или никогда не страдать сею болѣзнію, или, подпавъ ей, избѣжать ее? Во-первыхъ, можемъ, если изъ человѣческаго не будемъ ничего почитать великимъ и чрезвычайнымъ, ни того, что люди называютъ богатствомъ, ни увядающей славы, ни тѣлеснаго здоровья, потому что не въ преходящихъ вещахъ поставляемъ для себя благо, но призваны мы къ причастію благъ вѣчныхъ и истинныхъ. Поэтому недостойны еще нашего соревнованія—богатый ради его богатства, властелинъ ради величія его сана, мудрый ради обилія въ словѣ. Это—орудія добродѣтели для тѣхъ, которые пользуются ими хорошо, но въ самомъ себѣ не заключаетъ блаженства. Потому жалокъ, кто пользуется симъ худо, подобно человѣку, который, взявъ мечъ для отмщенія врагамъ, добровольно ранитъ имъ самъ себя. А если кто распоряжается настоящими благами хорошо и какъ должно, если остается онъ только приставникомъ даруемаго отъ Бога, и не для собственнаго наслажденія собираетъ сокровища; то справедливость требуетъ хвалить и любить такого за братолюбіе и общительность нрава. Опять, кто отличается благоразуміемъ, почтенъ отъ Бога даромъ слова,—кто истолкователь священныхъ словесъ; не завидуй такому, не желай, чтобы умолкъ когда-нибудь пророкъ священнаго слова, если, по благодати Духа, сопровождаютъ его какое-либо одобреніе и похвала слушателей. Твое это благо, тебѣ чрезъ брата посылается даръ ученія, если хочешь принять его. Притомъ никто не заграждаетъ источника ключевой воды, никто не закрываетъ взоровъ отъ сіяющаго солнца, никто не завидуетъ имъ, но самъ желаетъ насладиться ими. Почему же, когда духовное слово источается въ церкви и благочестивое сердце изливаетъ струи дарованій Духа, не приклоняешь съ веселіемъ слуха, не пріемлешь съ благодарностію пользы; а напротивъ того рукоплесканіе слушателей угрызаетъ тебя, и ты желалъ бы, чтобы не было ни того, кто получаетъ пользу, ни того, кто хвалитъ? Какое извиненіе будетъ имѣть это предъ Судіею сердецъ нашихъ? Правда, что душевное благо надобно почитать прекраснымъ по природѣ; но если кто превосходитъ другихъ богатствомъ славится могуществомъ и тѣлеснымъ здоровьемъ, впрочемъ, что имѣетъ, пользуется тѣмъ хорошо, то и его должно любить и почитать, какъ человѣка, обладающаго общими орудіями жизни, если только распоряжается онъ ими, какъ должно, щедръ въ подаяніи денегъ нуждающимся, собственными руками служитъ немощнымъ, все же прочее, что ни имѣетъ, не болѣе почитаетъ своею собственностію, какъ и собственностію всякаго нуждающагося. А кто не съ таковымъ расположеніемъ принимаетъ сіи блага, того должно при-

знавать болѣе жалкимъ, нежели достойнымъ зависти, если у него больше случаевъ быть худымъ. Ибо это значитъ погибать съ большими пособіями и средствами. Если богатство служитъ напутствіемъ къ неправдѣ; то жалокъ богачъ. А если онъ служитъ къ добродѣтели, то нѣтъ мѣста зависти; потому что польза богатства дѣлается общею для всѣхъ, развѣ кто въ избыткѣ лукавства станетъ завидовать и собственнымъ своимъ благамъ. Вообще же, если прозришь разсудкомъ выше человѣческаго и устремишь взоръ къ истинно прекрасному и похвальному, то очень будешь далекъ отъ того, чтобы достойнымъ уваженія и соревнованія признать что-нибудь тлѣнное и земное. А кто таковъ, кто не поражается мірскимъ, какъ чѣмъ-то великимъ, къ тому никогда не можетъ приблизиться зависть.

Но если непремѣнно желаешь славы, хочешь быть виднѣе многихъ и не терпишь быть вторымъ (ибо и это бываетъ поводомъ къ зависти); то честолюбіе твое, подобно какому-то потоку, направь къ пріобрѣтенію добродѣтели. Ни подъ какимъ видомъ не желай разбогатѣть всякимъ способомъ и заслуживать одобреніе чѣмъ-либо мірскимъ. Ибо это не въ твоей волѣ. Но будь справедливъ, цѣломудренъ, благоразуменъ, мужественъ, терпѣливъ въ страданіяхъ за благочестіе. Такимъ образомъ и себя спасешь, и при большихъ благахъ пріобрѣтешь большую знаменитость: потому что добродѣтель отъ насъ зависитъ; и можетъ быть пріобрѣтаема трудолюбивымъ; а большое имѣніе, тѣлесная красота, и высота сана не отъ насъ зависятъ. Поэтому, если добродѣтель есть высшее и достаточное благо, и по общему всѣхъ признанію имѣетъ предпочтеніе, то къ ней должны мы стремиться,—къ добродѣтели, которой не можетъ быть въ душѣ, не очищенной какъ отъ прочихъ страстей, такъ особенно отъ зависти.

Не видишь ли, какое зло—лицемѣріе? И оно—плодъ зависти; потому что двоедушіе нрава бываетъ въ людяхъ по большей части отъ зависти, когда, скрывая въ глубинѣ ненависть, показываютъ наружность, прикрашенную любовію, и подобны подводнымъ скаламъ, которыя, будучи немного закрыты водою, причиняютъ неосторожнымъ непредвидѣнное зло.

Поэтому, если изъ зависти, какъ изъ источника, проистекаютъ для насъ смерть, лишеніе благъ, отчужденіе отъ Бога, смѣшеніе уставовъ, низвращеніе всѣхъ въ совокупности житейскихъ благъ; то послушаемся Апостола, и „не бываимъ тщеславни, другъ друга раздражающе, другъ другу завидяще“ (Гал. 5, 26); но будемъ паче „блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ простилъ есть намъ во Христѣ“ Іисусѣ, Господѣ нашемъ (Ефес. 4, 32), съ Которымъ слава Отцу со Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 12. На начало книги Притчей 1, 1—5

Хороша награда за послушаніе. Поэтому послушаюсь добраго отца, который изъ словесъ Духа предлагаетъ мнѣ нѣчто для упражненія, и, по примѣру опытныхъ ловцовъ, хочетъ у меня, какъ у молодого пса, испытать скорость бѣга въ мѣстахъ непроходимыхъ. Предложилъ же онъ мнѣ для истолкованія вступленіе въ книгу Притчей. Но сколько неудобопостижимъ смыслъ сего чтенія, извѣстно это всякому, даже мало свѣдущему. Впрочемъ не должно отказываться отъ порученія, возлагая упованіе на Господа, Который по молитвамъ Пастыря, дастъ „ми слово во отверзеніе устъ моихъ“ (Ефес. 6, 19).

Всѣхъ книгъ премудраго Соломона знаемъ три: книгу сихъ Притчей, книгу Екклесіаста и книгу Пѣснь-Пѣсней. Каждая составлена съ особенной цѣлію, всѣ же написаны на пользу людямъ. Ибо книга Притчей есть образованіе нравовъ, исправленіе страстей, и вообще ученіе жизни, заключающее въ себѣ множество правилъ для дѣятельности. А Екклесіастъ касается естествословія и открываетъ намъ суету того, что въ этомъ мірѣ, чтобы не почитали мы для себя вожделѣннымъ преходящаго и душевныхъ заботъ не тратили на суетное. Пѣснь же Пѣсней показываетъ способъ душевнаго усовершенствованія; потому что изображаетъ согласіе невѣсты и жениха, то есть близость души съ Богомъ-Словомъ

Но возвратимся къ предположенному

1, 1). „Притчи Соломона, сына Давидова иже царствова во Израили“. Слово: „притча“ у внѣшнихъ употребляется въ означеніе изреченій общенародныхъ и произносимыхъ, всего чаще на путяхъ; потому что путь называется у нихъ οἶμος, отъ чего и притчу (παροιμία) опредѣляютъ такъ: реченіе припутное, самое обычное въ народномъ употребленіи и отъ немногаго удобно прилагаемое ко многому подобному. А у насъ притча есть полезное слово, выраженное съ нѣкоторою прикровенностью, но какъ съ перваго взгляда заключающее въ себѣ много полезнаго, такъ и въ глубинѣ своей скрывающее обширную мысль. Потому и Господь говоритъ: „сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ“ (Іоан. 16, 25); потому что приточное слово не имѣетъ открыто и общевразумительно высказаннаго смысла, но обнаруживаетъ намѣреніе свое косвеннымъ образомъ, и только людямъ болѣе внимательнымъ. Поэтому „притчи Соломона“, то есть, изреченія, возбуждающія вниманіе и доставляющія пользу на всемъ пути жизни.

А имя писателя наименовалъ съ тѣмъ, чтобы знаменитостію лица привлечь слушателя; потому что достовѣрность поучающаго, какъ дѣ-

лаетъ слово достойнымъ вѣроятія, такъ располагаетъ учащихся къ большей внимательности. Итакъ „притчи Соломона“, того Соломона, которому сказалъ Господь: „се дахъ ти сердце смыслено и мудро; яко же ты, не бысть мужъ прежде тебѣ, и по тебѣ не возстанетъ подобенъ тебѣ“ (3 Цар. 3, 12). И еще: „даде Господь смыслъ и мудрость Соломону многу зѣло, и широту сердца, яко песокъ, иже при мори:“ и „умножися мудрость Соломонова, паче всѣхъ древнихъ человѣкъ, и паче всѣхъ смысленныхъ египетскихъ“ (4, 29. 30). Такъ необходимо присовокупленіе имени!

„Притчи Соломона, сына Давидова“. Присовокуплено и имя отца, чтобы знать тебѣ, что Соломонъ былъ премудръ, произошелъ отъ отца также премудраго и Пророка, съ младенчества обученъ былъ священнымъ письменамъ, но по жребію получилъ власть, не силою присвоилъ себѣ царство, нимало ему не принадлежавшее, но принялъ отеческій скипетръ по справедливому суду отца и по Божію опредѣленію

Онъ былъ царемъ во Іерусалимѣ. И это сказано не напрасно, но главнымъ образомъ для различенія отъ другихъ подобнаго имени царей, а сверхъ сего и для того, чтобы поелику онъ построилъ преславутый храмъ, то и ты зналъ соорудителя сего храма и виновника всякаго гражданскаго устройства, уставовъ и благочинія. Много же содѣйствуетъ къ принятію совѣтовъ и то, что писатель книги—царь. Ежели царская власть есть законное правительство; то очевидно, что и правила, какія даетъ царь, истинно достойный сего наименованія, имѣютъ великую законность, будучи направлены къ общей всѣхъ пользѣ, а не составлены съ намѣреніемъ достигнуть царю собственной своей пользы. Тѣмъ и отличается злый властелинъ отъ царя, что одинъ вездѣ имѣетъ въ виду свои выгоды, а другой помышляетъ о пользѣ подданныхъ.

Но перечисляется также, какая именно польза, и въ какой мѣрѣ, пріобрѣтается изъ сей книги учащимися.

И во-первыхъ, изъ притчей можно (2) „познати премудрость и наказаніе“. А премудрость есть знаніе вещей божественныхъ и человѣческихъ, также и ихъ причинъ.

Посему, кто съ успѣхомъ богословствуетъ, тотъ позналъ премудрость, какъ и блаженный Павелъ говоритъ: „премудрость же глаголемъ въ совершенныхъ: премудрость же не вѣка сего, ни князей вѣка сего престающихъ: но глаголемъ премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, юже предустави Богъ прежде вѣкъ“ (1 Кор. 2, 6. 7).

И кто изъ устройства міра уразумѣваетъ Зиждителя, тотъ познаетъ также Бога изъ премудрости, видимой въ мірѣ. „Невидимая бо Его, отъ созданія міра, твореньми помышляема видима суть“ (Рим. 1, 20). А къ мысли о Богѣ приближаетъ насъ, когда говоритъ: „Богъ премудростію основа землю“ (Притч. 3, 19); и: „егда готовяше небо, съ

Нимъ бѣхъ“ (8, 27); и: „бѣхъ при Немъ устрояя“: и: „Азъ бѣхъ о нейже радовашеся“ (29, 30). Ибо все сіе говоритъ Соломонъ отъ имени олицетворенной имъ премудрости, чтобы доставить намъ ясное о ней познаніе. И вообще въ словахъ: „Господь созда мя начало путей Своихъ“ (Притч. 8, 22), разумѣетъ премудрость, открывающуюся въ мірѣ, которая едва не выговариваетъ чрезъ видимое, что она произошла отъ Бога, и что въ тваряхъ не самослучайно сіяетъ столько премудрости. Ибо какъ „небеса повѣдаютъ славу Божію“, и „твореніе руку Его возвѣщаетъ твердь“, возвѣщаетъ же не издавая гласа; потому что „не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ“ (Псал. 18, 2, 4): таковы словеса и началородной премудрости, которая при твореніи прежде всего другаго положена въ основаніе твари: она молча вопіетъ о своемъ Творцѣ и Господѣ, чтобы ты восходилъ чрезъ нее къ мысли объ единомъ Премудромъ.

Но есть и человѣческая нѣкая мудрость; это — опытность въ дѣлахъ житейскихъ, по которой называемъ премудрыми свѣдущихъ въ одномъ какомъ-нибудь изъ полезныхъ искусствъ.

Поэтому у писателя сего приглашеніемъ къ премудрости и занята не малая часть книги. „Премудрость во исходѣхъ поется, въ стогнахъ же дерзновеніе водитъ. На краехъ же стѣнъ проповѣдуется“ (Притч. 1, 20. 21). Видя ревность людей, видя, что всѣ мы естественнымъ образомъ любимъ знаменитость премудрости, Соломонъ похвалами премудрости возбуждаетъ души стремиться къ ней безъ укоснѣнія и нерадѣнія. Говоритъ, что вездѣ много о ней рѣчей, на путяхъ, на торжищахъ, на городскихъ стѣнахъ. Для того именуетъ врата, стогны, стѣны, чтобы наименованіемъ „исходовъ“ и „стогнъ“ показать знаменитость премудрости, а наименованіемъ ея стѣнъ — ея пользу и достаточность для всякой безопасности въ жизни. И желая освоить насъ съ нею, говоритъ: „нарцы премудрость сестру тебѣ быти“ (7, 4). И еще: „возжелѣй ея, и соблюдетъ тя“ (4, 6). Потомъ, показывая общеполезность ея, и что польза отъ нея простирается равно на всѣхъ, говоритъ: „закла своя жертвенная“, то есть, уготовала твердую пищу для обучившихъ душевныя чувствія долгимъ ученіемъ; „раствори въ чаши своей вино“, веселящее сердце человѣка; а подъ чашею разумѣетъ онъ общее и всенародное причащеніе благъ, гдѣ всѣмъ дозволено съ одинаковымъ правомъ почерпать, сколько кто можетъ, и сколько кому потребно; и „уготова свою трапезу“ (9, 2). Все говоритъ въ высшемъ знаменованіи, подъ образомъ тѣлеснаго давая намъ разумѣть духовное. Ибо словесную пищу души называетъ трапезою, къ которой созываетъ „съ высокимъ проповѣданіемъ“, то есть ученіями, не заключающими въ себѣ ничего низкаго и презрѣннаго. „Ихже есть безуменъ, да уклонится ко

мнѣ" (9, 4). Ибо какъ больные требуютъ врачеванія, такъ безумные имѣютъ нужду въ мудрости. И: „лучше бо сію куповати, нежели злата и сребра сокровища" (3, 14). И: „честнѣйша же есть каменій многоцѣнныхъ; всяко честное недостойно ея есть" (15). И: „сыне, аще премудръ будеши, себѣ премудръ будеши и искреннимъ твоимъ" (9, 12). И: сыну „же мудру благопоспѣшна будутъ дѣла" (13, 14). И вообще въ истинѣ сего слова можешь ты увѣриться, собравъ на досугѣ все, что сказано о премудрости у Соломона.

Поелику же „въ злохудожну душу не внидетъ премудрость" (Прем. 1, 4); то прежде всего души, намѣревающіяся бесѣдовать съ мудростію, очищаетъ Божіимъ страхомъ. Ибо тайны спасенія повергать предъ всякимъ безъ разбора и принимать одинаково всѣхъ, даже не имѣющихъ ни чистой жизни, ни разума испытаннаго и точнаго, походитъ на то же, что и нечистый сосудъ вливать многоцѣнное муро. Посему „начало премудрости страхъ Господень" (Притч. 1, 7). А страхъ — очищеніе души по молитвѣ Пророка, который гворитъ: „пригвозди страху Твоему плоти моя" (Псал. 118, 120). Гдѣ обитаетъ страхъ, тамъ пребываетъ всякая душевная чистота; потому что оттуда бѣжитъ всякій порокъ и всякій нечестивый поступокъ; и тѣлесные члены, пригвожденные страхомъ, не могутъ порываться на дѣла неблагоприличныя. Какъ человѣкъ, въ котораго вонзены вещественные гвозди, будучи удерживаемъ болью, остается бездѣйственнымъ; такъ и пригвожденный страхомъ Божіимъ, ожиданіемъ угрожающихъ наказаній пронзаемый какъ бы нѣкоторою болью, не можетъ и глазъ употреблять, на что не должно, и рукъ простирать на дѣла непозволенныя, и вообще, ни въ маломъ, ни въ великомъ поступать вопреки своему долгу. Оскверненныхъ же и подлыхъ душею Соломонъ не допускаетъ къ слышанію Божественныхъ ученій, говоря: а безстрашные во вратахъ водворятся (Притч. 19, 23). И: взыщете „премудрости у злыхъ, и не" обрящете (14, 6). И еще: „взыщутъ мене зліи, и не обрящутъ" (1 28); потому что не очищены Божіимъ страхомъ. Поэтому, кто намѣренъ приступить къ принятію премудрости, тотъ приходи, очистивъ срамоту грѣха спасительнымъ страхомъ. Итакъ изъ ученія Притчей открылось намъ и другое благо, а именно: восприятіе страха, внушенное намъ премудростію.

Вторымъ изъ обѣщаннаго было: „познати наказаніе". А наказаніе есть нѣкоторое полезное для души образованіе, которое часто очищаетъ ее отъ пятенъ грѣха не безъ труда, и въ это время „не мнится радость быти, но печаль: послѣди же плодъ миренъ наученымъ тѣмъ воздаетъ во спасеніе" (Евр. 12, 11). Поэтому „познати" сіе „наказаніе" не всякому уму возможно; потому что многіе, отказавшись отъ

трудности настоящаго, и невѣжеству не ждутъ полезнаго окончанія дѣла, но, огорчаясь суровостію прилагаемаго о нихъ попеченія, остаются въ недугѣ невѣжества. Потому достойны удивленія слова праведныхъ, которые говорятъ: „Господи, да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене“ (Псал. 6, 2). Они желаютъ избыть не наказанія, но гнѣва. Подобно сему и слѣдующее: „накажи насъ, Господи, обаче въ судѣ, а не въ ярости“ (Іерем. 10, 24). И: „наказаніе Господне отверзаетъ уши мои“ (Исаіи 40, 5). Какъ малыя дѣти, нерадивыя къ ученью, послѣ лозъ, которыми высѣчетъ ихъ учитель или приставникъ, сдѣлавшись внимательнѣе, начинаютъ понимать уроки, и то же слово, котораго до побоевъ не слыхали, послѣ боли отъ лозъ, какъ бы чрезъ это отверзлись у дѣтей уши, и слухомъ пріемлется, и удерживается въ памяти: такъ бываетъ и съ тѣми, которые не внимаютъ Божію ученію и презрительно относятся къ заповѣдямъ. Когда Богъ нашлетъ на нихъ наказаніе; тогда тѣ особенно Божіи повелѣнія, о которыхъ всегда имъ было говорено, и которыя всегда оставляли они безъ вниманія, пріемлются ими, какъ въ первый разъ коснувшіяся ихъ слуха. Поэтому сказано: „наказаніе Господне отверзаетъ уши Мои“.

Поелику же наказаніе вразумляетъ безчиннаго, какъ сдѣлалъ Павелъ, предавшій сатанѣ, какъ мучителю, который вывертываетъ члены и бичуетъ для того, „да накажутся не хулити“ (1 Тим. 1, 20), и поелику мятежнаго возвращаетъ оно къ долгу, подобно тому, о комъ сказано: что „послѣди плѣненія“ его покаяся (Іер. 31, 19), то нужно знать силу наказанія, къ чему оно полезно. Потому Соломонъ, зная пользу онаго, совѣтуетъ: „не преставай младенца наказовати: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ. Ты бо побіеши его жезломъ, душу же его избавиши отъ смерти“ (Притч. 23, 13. 14). „Который бо есть сынъ, его же не наказуетъ отецъ“ (Евр. 12, 7)? Сіе наказаніе для разсуждающихъ здраво дороже множества денегъ. Потому Соломонъ говоритъ: „пріимите наказаніе, а не сребро“ (Притч. 8, 10), чтобы во время нужды, когда или тѣло больно, или домашнія дѣла въ разстройствѣ, не возъимѣть тебѣ лукавой мысли о Богѣ, но со многимъ терпѣніемъ принимать Его удары, вразумляясь, въ чемъ ты согрѣшилъ, и познавъ „наказаніе“, говорить: „гнѣвъ Господень стерплю, яко согрѣшихъ Ему“ (Мих. 7, 9). И: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“ (Псал. 118, 71). Таковъ былъ Павелъ, который говоритъ: „наказуеми, а не умерщвляеми“ (5 Кор. 6, 9). И: обличаемые „отъ Господа наказуемся, да не съ міромъ осудимся“ (1 Кор. 11, 32).

Поелику же и обученіе наукамъ называется наказаніемъ, по написанному о Моvсеѣ: „и наказанъ бысть сей премудрости египетстѣй“. (Дѣян. 7, 22); то не маловажно для спасенія не какими ни есть зани-

маться науками, но знать полезнѣйшее „наказаніе“. Ибо иные упражняясь въ геометріи, которую изобрѣли Египтяне, или въ астрологіи, которая была въ уваженіи у Халдеевъ или вообще вдаваясь въ выспреннія умствованія объ образахъ и тѣняхъ, презрѣли изученіе Божія слова. А многихъ занимали піитика, реторика и изобрѣтеніе софизмовъ, для которыхъ содержаніемъ служитъ ложь; потому что піитика не можетъ обойдтись безъ басни, реторика—безъ искусства въ слововыраженіи, и софистика—безъ ложныхъ умозаключеній. Итакъ, поелику многіе при тщательномъ изученіи всего этого, вознерадѣли о познаніи Бога, состарѣвшись въ изслѣдованіи предметовъ пустыхъ; то необходимо познаніе „наказанія“, чтобы избирать обученіе полезное, избѣгать же обученія неразумнаго и вреднаго.

Внимательно читая Притчи и нелѣностно извлекая изъ нихъ пригодное, можно еще „уразумѣти словеса мудрости“ (φρόνησις), ибо можно уразумѣть полезное. Сказано: „злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте“ (1 Коринѳ. 14, 20). О мудрости знаемъ, что она есть одна изъ родовыхъ добродѣтелей, посредствомъ которой мы человѣки дѣлаемся свѣдущими въ томъ, что добро и зло, и что безразлично. А мудрымъ (φρόνιμος), очевидно, называется человѣкъ по производству сего имени отъ слова: мудрость (φρόνησις).

Но какъ же засвидѣтельствовано, что „змій бѣ мудрѣйшій (φρονιμώτατος) всѣхъ звѣрей“ (Быт. 3, 1)? И еще Господь говоритъ: „будите мудри (φρόνιμοι) яко змія“ (Матѳ. 10, 16)? И „строитель“ неправедный названъ мудрымъ (Лук. 16, 8)? Не видно ли изъ сего, что слово: мудрость, берется трояко? Въ одномъ смыслѣ она есть охраненіе собственной своей пользы, соединенное съ злоумышленіемъ противъ ближняго; такова мудрость змѣи, которая бережетъ свою голову. Есть еще какая-то изворотливость нрава, которая скоро находитъ полезное для себя и овладѣваетъ людьми простодушными; такова мудрость „строителя“ неправеднаго. Истинная же мудрость есть распознаніе того, что должно дѣлать, и чего не должно. Кто слѣдуетъ ей, тотъ никогда не отступитъ отъ дѣлъ добродѣтели, и никогда не будетъ проникнутъ пагубою порока.

Посему разумѣвающій „словеса мудрости“ знаетъ, кто лжеумствователь и обманщикъ, и кто внушаетъ лучшія правила жизненной дѣятельности. Онъ, какъ искусный „торжникъ“, удержитъ у себя добротное, самъ же удержится отъ всякаго рода зла (1 Солун. 5, 21). Сія-то мудрость созидающему „храмину свою“ помогаетъ положить основаніе ея „на камени“, то есть, опереться на вѣрѣ во Христа, чтобы оставаться незыблимымъ во время дождей, вѣтровъ и устремленій рѣчныхъ (Матѳ. 7, 24, 25). Ибо подобными симъ словами Господь изобразилъ намъ въ притчѣ непоколебимость въ искушеніяхъ, какъ человѣческихъ, такъ и

свыше посылаемыхъ. Онъ же учитъ не нерадѣть о необходимомъ, но, заблаговременно запасшись напутіями жизни, съ готовностію сердца ожидать пришествія Жениха. Ибо сказано, что мудрыя (φρόνιμοι) дѣвы, поелику имѣли елей въ свѣтильникахъ, взошли вмѣстѣ съ женихомъ, а юродивыя, по неготовности своей, лишены радости брачнаго чертога (Мато. 25, 1—12).

После сего посмотримъ, что значитъ (3) „пріяти извитія словесъ". Истинное и отъ здраваго разумѣнія происходящее слово просто и единообразно, объ одномъ и томъ же всегда говоритъ одно; а слово изукрашенное и искуственное, заключая въ себѣ много хитросплетеннаго и изысканнаго, принимаетъ тысячи видовъ и извивается въ безчисленныхъ извитіяхъ, будучи преобразуемо въ угодность слушающимъ. Потому притчи доставляютъ намъ великую пользу, дѣлая способными крѣпко противостоять приражeнію искусственныхъ словъ. И кто внимателенъ къ притчамъ и не съ нерадѣніемъ слушаетъ ихъ совѣты, тотъ, какъ бы вооруженный опытностію, безвредно пріемлетъ „извитія словесъ", не совращаясь ими и ни въ чемъ не отступая отъ истины. Когда иначе вещь существуетъ въ природѣ, а иначе увѣряетъ о ней слово; тогда будетъ это „извитіе", лучше же сказать, извращеніе истины словомъ. И кто инаковымъ кажется, а инаковъ въ дѣйствительности, тотъ употребляетъ „извитія словесъ", обманывая имѣющихъ съ нимъ дѣло, какъ зайцы и лисицы обманываютъ собакъ, одну сторону имъ показывая, а въ другую оборачиваясь.

И противоположенія лжеименнаго вѣдѣнія суть какія-то „извитія словесъ". Ибо не пріемлющіе простоты духовнаго ученія, изощренные же діалектикою на противорѣчія, правдоподобіемъ лжеумствованій превозмогаютъ нерѣдко твердость истины. Итакъ, огражденный притчами „пріемлетъ" сіи „извитія словесъ". Хотя и встрѣтитъ онъ иногда такіе спорные вопросы, что доводы съ обѣихъ сторонъ равносильны, и трудно различить, гдѣ болѣе вѣроятности; однакоже умъ его, какъ упражнявшійся въ притчахъ, не прійдетъ въ замѣшательство, даже когда собесѣдники своими доводами наносятъ другъ другу, повидимому, совершенно почти равные удары.

Притча даетъ также „уразумѣти правду истинную". Поелику „правда" есть способность воздавать за все по достоинству, а достигнуть сего трудно; потому что одни, по недостатку разумѣнія, не могутъ дознать, какъ воздать каждому должное, а другіе, будучи преобладаемы человѣческими страстями, нарушаютъ справедливость, какъ бѣдныхъ презираютъ, а сильныхъ обидчиковъ не обличаютъ: то книга Притчей обѣщаетъ ученикамъ своимъ дать вѣдѣніе „правды истинной".

И поелику многіе, уловляя похвалу толпы, хотя на дѣлѣ предпо-

читаютъ неправду и любостяжательность, какъ нѣчто для нихъ полезное, но по наружности и на словахъ хвалятъ равенство и правду; то обученный Притчамъ не останется въ невѣдѣніи о сихъ людяхъ, но будетъ знать, какая правда поддѣльная и подложная, и какая истинная и не обманчивая.

Также, поелику и внѣшніе мудрецы предлагали многія ученія о правдѣ, и они своими правдоподобіями вводятъ въ обманъ людей, которые, при разсужденіи объ этомъ, не способны слѣдовать истинному ученію; то книга сія обѣщаетъ сдѣлать извѣстною „правду истинную", чтобы намъ избѣгать вредныхъ лжеумствованій.

Даже и законы язычниковъ, имѣя между собою большую разность, приводятъ въ затрудненіе умы людей, не составившихъ себѣ точнаго понятія о правдѣ. Нѣкоторые языческіе народы признаютъ справедливымъ отцеубійство, а другіе отвращаются всякаго убійства, какъ злодѣянія. Одни выше всего ставятъ цѣломудріе, а другіе предаются похоти съ матерями, дочерями и сестрами. И вообще многіе, находясь подъ властію застарѣлыхъ обычаевъ, не распознаютъ гнусности дѣлъ своихъ. Но книга сія, научая „правдѣ истинной", избавляетъ человѣка отъ страстей, какія въ немъ отъ неразумія.

Но какъ есть правда, собственно въ насъ находящаяся, именно: присвоеніе каждому должнаго, и хотя мы не достигаемъ сего въ точности, однако же, поступая съ самымъ правдивымъ расположеніемъ, не уклоняемся далеко отъ цѣли: такъ есть правда, постигающая насъ съ небеси отъ праведнаго Судіи,—правда то исправляющая, то вознаграждающая, въ которой многое для насъ неудобообъяснимо по высотѣ заключающихся въ ней опредѣленій. О ней, думаю, говоритъ псалмопѣвецъ: „правда Твоя, яко горы Божія" (Псал. 35, 7). Итакъ, книга сія обѣщаетъ эту подлинно „истинную" и Божію „правду" представить въ ясности упражнявшимся въ приточномъ ученіи.

Опять, поелику иные грѣхи бываютъ непроизвольны, а въ иномъ случаѣ грѣшимъ съ лукавымъ намѣреніемъ; то и опредѣленіе Правосуднаго о сихъ грѣхахъ не одинаково. Ибо положимъ, что подвергается суду блудъ, и что на судѣ двѣ блудницы; но одна, будучи продана содержателю развратнаго дома, по нуждѣ бываетъ во грѣхѣ, доставляя собою прибыль лукавому господину, а другая по сластолюбію добровольно предаетъ себя грѣху. Поэтому въ одномъ случаѣ находитъ себѣ извиненіе грѣхъ непроизвольный, а въ другомъ осуждается грѣхъ худаго произволенія. Опять иный согрѣшилъ, будучи сначала воспитанъ худо: потому что и на свѣтъ произведенъ родителями неправедными, и росъ, слыша и видя рѣчи и поступки безаконные, а у другаго было многое, что призывало его къ добродѣтели, — честное воспитаніе, совѣты родителей, взы-

скательность учителей, слышаніе словесъ Божіихъ, образъ жизни упорядоченный, и все прочее, чѣмъ душа руководится къ добродѣтели; но и онъ впослѣдствіи поползнулся въ подобный грѣхъ; таковый не по справедливости ли будетъ признанъ достойнымъ тягчайшаго наказанія? Одинъ будетъ осужденъ вслѣдствіе спасительныхъ побужденій, всѣянныхъ въ умы наши, и именно за то, что не воспользовался ими здраво; а другой сверхъ сего и за то, что сдѣлалъ напрасными всѣ данныя ему пособія и по невнимательности увлекся въ порочную жизнь. Поэтому „уразумѣти правду истинную“ подлинно есть дѣло великаго ума и самаго совершеннаго сердца.

А едва ли книга сія не обѣщаетъ и того, что обучившійся притчамъ будетъ уже въ состояніи заняться точнымъ изученіемъ богословія. Ибо истинная правда есть Христосъ, „Иже бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе“ (1 Кор. 1, 30).

Съ познаніемъ правды истинной сопряжено и то, чтобы „судъ исправляти“. Кто не изучилъ предварительно справедливаго, тому невозможно правильно разбирать дѣла сомнительныя. И самъ Соломонъ, еслибъ не имѣлъ точныхъ понятій о справедливомъ, не могъ бы такъ правильно и удачно произнести этого всѣмъ извѣстнаго опредѣленія, которымъ рѣшилъ споръ двухъ безчестныхъ женщинъ о младенцѣ. Поелику не было свидѣтелей тому, что говорили женщины: то Соломонъ обратился къ природѣ, и при ея помощи нашелъ неизвѣстное; потому что чужая женщина безъ сожалѣнія соглашалась на истребленіе младенца, а настоящая мать по естественной любви не могла даже и слышать объ его страданіи. Поэтому, кто узналъ „правду истинную“, и чрезъ нее научился отдавать каждому его собственное, тотъ можетъ „исправляти судъ“. Какъ стрѣлокъ направляетъ стрѣлу въ цѣль, нимало не погрѣшая въ стрѣльбѣ, и стрѣла падаетъ ни дальше, ни ближе, ни по ту, ни по другую сторону цѣли: такъ судья отгадываетъ справедливое, не взирая на лица (потому что знать „лице на судѣ не добро“, Притч. 24, 23), и ничего не дѣлая по пристрастію, но произнося опредѣленія правыя и непревратныя. И когда у него двое подсудимыхъ: человѣкъ любостяжательный и другой, имѣющій у себя мало; судья уравниваетъ ихъ между собою, и столько отнимаетъ у имѣющаго больше, сколько находитъ недостаточнымъ обиженнаго. А кто не запасся у себя въ душѣ „истинною правдою“, но подкупленъ деньгами, или поблажаетъ дружбѣ, или мститъ по враждѣ, или боится сильнаго, тотъ не можетъ „судъ исправляти“. Ему псаломъ говоритъ: „аще воистинну убо правду глаголете, правая судите, сынове человѣчестіи“ (Псал. 57, 2). Ибо правильность суда служитъ доказательствомъ правдиваго расположенія. Почему и самъ Соломонъ въ послѣдствіи говоритъ: „вѣсъ великъ и малъ, и мѣра сугуба, нечиста предъ

Господемъ“ (Притч. 20, 10), наименованіемъ вѣсовъ приточно выражая несоблюденіе равенства въ судѣ.

Полезно же сіе не только судіямъ, но и при избраніи чего бы то не было при жизни. Поелику въ насъ есть какое-то естественное судилище, на которомъ различаемъ доброе и лукавое; то при избраніи того, что дѣлать, необходимо намъ составлять правильныя сужденія о вещахъ и, подобно судьѣ, который безпристрастно и со всею справедливостію даетъ приговоръ тяжущимся, довѣрять добродѣтели и осуждать порокъ. Напримѣръ, у тебя судятся блудъ и цѣломудріе; высокій умъ твой, которому ввѣрено судилище, предсѣдательствуетъ; сластолюбіе защищаетъ блудъ, а страхъ Божій заступается за цѣломудріе. Итакъ, ежели осудишь грѣхъ. и дашь побѣдить цѣломудрію; то правильно разсудишь дѣло. А ежели, давъ перевѣсъ сластолюбію, объявишь, что грѣхъ предпочтительнѣе; то разсудишь криво, подпавъ клятвѣ сказавшаго: „горе глаголющимъ горькое сладкое, и сладкое горькое“, глаголющимъ „свѣтъ тму, и тму свѣтъ“ (Ис. 5, 20)? Если же, по словамъ того же Соломона, „мысли праведныхъ судьбы“ (Притч. 12, 5); то надобно стараться, чтобы внутри, въ потаенномъ судилищѣ помышленій, составлялись о дѣлѣ сужденія непревратныя, а чтобы умъ уподоблялся вѣсамъ, неуклонно опредѣляющимъ вѣсъ каждаго поступка. Когда каждая заповѣдь судится у тебя съ противоположнымъ ей порокомъ; тогда закону Божію доставляй побѣду надъ грѣхомъ. Судятся ли алчность и справедливость? Произнеси осужденіе на пожеланіе чужаго, а добродѣтели дай одобрительный приговоръ. Вступаютъ ли между собою въ тяжбу укоризна и долготерпѣніе? Постыди укоризну, и предпочти долготерпѣніе. Или препираются вражда и любовь? Вражду, предавъ безчестію, гони, какъ можно дальше, а любовь, почтивъ, сдѣлай къ себѣ приближенною. Судятся ли лицемѣріе и искренность, мужество и трусость, благоразуміе и неблагоразуміе, справедливость и неправда, цѣломудріе и своеволіе, короче сказать, судится ли всякая другая добродѣтель со всякимъ другимъ порокомъ? Тогда-то именно и покажи правость суда въ потаенномъ судилищѣ души твоей, и, заповѣдь содѣлавъ какъ бы засѣдающей съ тобою на судѣ, окажи себя ненавистникомъ лукавства, отвращающимся грѣховъ и предпочитающимъ добродѣтели. Если сдѣлаешь, что въ каждомъ дѣлѣ будетъ препобѣждать у тебя лучшее; то будешь „блаженъ въ день“ оный, „егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ, по благовѣстію“ нашему, „и между собою помысломъ осуждающимъ, или отвѣщающимъ“ (Рим. 2, 16, 15), не пойдешь осужденнымъ за преклонность къ худому, но почтенъ будешь вѣнцами правды, какими въ продолженіе всей своей жизни самъ ты увѣнчивалъ добродѣтель. Сколько же благъ доставитъ тебѣ книга Притчей, научающая знать „истинную правду и судъ исправляти?“

Что же еще, кромѣ сего? Сказано: (4) „да дастъ незлобивымъ коварство [1]), отрочати же юну чувство же и смыслъ". Незлобіе понимаемъ двояко. Или разумѣемъ отчужденіе отъ грѣха, совершаемое разсудкомъ. И когда долговременнымъ попеченіемъ о добрѣ и упражненіемъ въономъ какъ бы подсѣкаемъ въ себѣ какой-то корень злобы, тогда по совершенномъ ея отнятіи, принимаемъ наименованіе незлобиваго. Или незлобіе есть неизвѣданіе еще зла, какъ иные, всего чаще по молодости, или по роду жизни, не знаютъ по опыту какихъ-нибудь пороковъ. Напримѣръ: дитя не знаетъ надменія, не знаетъ притворства и плутовства. Опять есть люди, живущіе въ деревнѣ, которымъ неизвѣстны обманы въ торговлѣ и судебныя кляузы. Такихъ называемъ незлобивыми не по тому, что они по произволенію далеки отъ порока, но по тому, что опытомъ не доведены до лукаваго навыка.

Незлобивый въ собственномъ смыслѣ, каковъ былъ Давидъ, который говоритъ: „азъ же незлобою моею ходихъ" (Псал. 25, 11), чрезъ упражненіе въ добродѣтели изналъ изъ души своей всякое лукавство и удостоивается наслѣдія благъ; потому что „Господь не лишитъ благихъ ходящихъ незлобіемъ" (Псал. 83, 12). Таковый съ увѣренностію скажетъ: „суди ми, Господи, яко азъ незлобою моею ходихъ" (Псал. 25, 1); и, еще: „суди ми Господи, по правдѣ моей, и по незлобѣ моей на мя" (Псал. 7, 9). Отличительныя же черты незлобиваго—простота, благородство, безъискуственность нрава. Таковъ былъ Іаковъ. Сказано: „не лукавъ, живый въ дому" (Быт. 25, 27), то есть, обнаруживая въ себѣ естественное простодушіе, онъ не налагалъ на себя искусствомъ прикрашеннаго вида, на подобіе какой-нибудь личины, чтобы ввести въ обманъ имѣвшихъ съ нимъ дѣло.

Впрочемъ, здѣсь Соломонъ, кажется мнѣ, называетъ незлобивымъ неизвѣдавшаго зла опытно, потому и говоритъ, что онъ имѣетъ нужду въ похвальной хитрости (πανουργία), чтобы при естественной невинности пріобрѣсти ему и житейскую опытность и, этою прекрасною хитростію оградившись какъ бы какимъ-то оружіемъ, содѣлаться недоступнымъ злоумышленію противниковъ. Ибо, думаю, что совершенный долженъ быть разуменъ въ разсужденіи добра, и невиненъ въ разсужденіи зла. Отсюда, какъ изъ нѣкотораго источника, да почерпаютъ незлобивые спасительную хитрость. Ибо „мужъ" хитрый, „престолъ чувствія" (Притч. 12, 23); и „хитрый злымъ находящимъ укрывается" (27, 12); и: „храняй" же обличенія „хитрѣйшій" (15, 5). Поэтому хитрость (πανουργία)

---

[1]) Πανουργίαν умѣнье все дѣлать съ искусствомъ, какъ ниже объясняетъ сіе слово св. Василій. Поелику же слово πανουργός въ слав. пер. Библ. переводится словомъ: „хитрый", то въ настоящемъ толкованіи и слово: πανουργια, впослѣдствіи переводится словомъ: „хитрость".

есть дѣйствованіе во всемъ съ искусною попечительностію, какъ злодѣяніе (κακουργία) есть упражненіе въ одномъ злѣ.

Но поелику хитрый берется за всякое дѣло, въ числѣ же всякихъ дѣлъ бываютъ и дѣла негодныя; то наименованіе хитраго имѣетъ два значенія. Кто промышляетъ дѣла свои ко вреду другихъ, тотъ лукавый хитрецъ; а похвально хитръ, кто скоро и смышлено отъискиваетъ свойственное себѣ благо, и избѣгаетъ всякаго вреда, коварно и злонамѣренно замышляемаго противъ него другими. Поэтому тщательно вникай въ слово: хитрость, и знай что есть среднее какое-то состояніе, въ которомъ человѣкъ, съ здравымъ расположеніемъ къ собственной своей пользѣ и къ пользѣ ближняго пользующійся хитростію, достоинъ одобренія. Но кто направляетъ хитрость ко вреду ближняго, тотъ осужденъ; потому что умѣнье свое употребляетъ въ средствѣ къ погибели. Исторія же полна примѣровъ, какъ тѣмъ и другимъ образомъ употреблять свое умѣнье. Прекрасна хитрость Евреевъ, которые перехитрили Египтянъ, взяли съ нихъ плату за постройку городовъ, и запаслись веществами, нужными на скинію. Похвально хитрили повивальныя бабки, спасавшія еврейскихъ младенцевъ мужескаго пола. Прекрасна хитрость Ревекки, пріобрѣтшей сыну великое благословеніе. Прекрасно хитрила Раавъ, прекрасно хитрила Рахиль, когда одна спасла соглядатаевъ, а другая перехитрила отца, и освободила его отъ идолослуженія. Лукаво хитрили съ Израильтянами Гаваониты. Лукава хитрость Авессалома, который подъ видомъ правдивости подущалъ подданныхъ, и собиралъ многихъ измѣнниковъ въ заговоръ противъ отца. А нѣкоторые обвиняются за то, что „на люди" Божія „лукавноваша волею" (Псал. 82, 4).

Впрочемъ здѣсь Писаніе одобряетъ хитрость, употребляемую на пользу, служащую какъ бы оружіемъ въ дѣлахъ житейскихъ и ограждающую собою души людей простаго нрава. Если бы хитрость сію имѣла Ева, то не была бы уловлена обольщеніями змѣя. Поэтому незлобиваго, у котораго мысли, по довѣрчивости его ко всякому слову, удобно растлѣваются, предлагаемое ученіе ограждаетъ, какъ бы на вспоможеніе ему въ дѣлахъ житейскихъ предлагая пользу хитрости.

Слѣдуетъ разсмотрѣть, какъ „отрочати юну" даетъ „чувство и смыслъ". Поелику человѣкъ, какъ Апостолъ говоритъ, двойственъ, а именно: есть человѣкъ „внѣшній" и есть человѣкъ „внутренній" (2 Кор. 4, 16); то и возрасты, какъ въ человѣкѣ видимомъ, такъ и въ умопредставляемомъ въ тайнѣ, надобно намъ понимать приблизительно къ тому и другому. Сказать, что новорожденный младенецъ пріобрѣтаетъ тѣлесное чувство, не далеко отъ смѣшнаго; потому что какое изъ чувствъ можетъ дать книга, когда зрѣніе, и слухъ и обоняніе, и вкусъ, и осязаніе прирождены уже намъ, и не вслѣдствіе ученія по-

являются, но сама природа надѣляетъ ими живое существо? Поэтому и слово: „отроча“, надобно разумѣть не тѣлесно, и подъ чувствомъ понимать не одно изъ сихъ перечисленныхъ чувствъ.

А напротивъ того, возрасты должно принимать относительно ко внутреннему человѣку. Ибо изъ многихъ мѣстъ Писанія знаемъ и состояніе души дѣтское, и состояніе цвѣтущее, и состояніе уже старческое. Напримѣръ, какъ узнаемъ отъ Павла, Коринѳяне были младенцы; почему и имѣли еще нужду въ молокѣ, предуготовительномъ и простомъ ученіи Евангелія, а не были въ состояніи преодолѣвать твердую пищу ученій. А юноша душею тотъ, кто доведенъ до совершенства во всѣхъ частяхъ добродѣтели, духомъ горящъ, исполненъ ревности къ дѣламъ благочестія, имѣетъ силы со всѣмъ напряженіемъ дѣлать добрыя дѣла. Его и евангеліе называетъ „хищникомъ“, могущимъ „восхитить небесное царство“ (Матѳ. 11, 12). Его и Духъ Святый, какъ способнаго, употребляетъ къ пѣснопѣніямъ; ибо сказано: „юноши и дѣвы да восхвалятъ имя Господне“ (Псал. 148, 12. 13). И у Іоиля обѣщано юношамъ, что „видѣнія увидятъ“ (Іоил. 2, 28). Старецъ же душею тотъ, кто совершенъ въ благоразуміи. Таковъ былъ Даніилъ, который въ юношескомъ тѣлѣ показывалъ степенную разумность, внушавшую уваженіе болѣе всякой сѣдины; почему и говорятъ ему старцы, исполненные дней лукавыхъ: „гряди, сяди посредѣ насъ и возвѣсти намъ, яко тебѣ даде Богъ старѣйшинство“ (Дан. 13, 50).

Слѣдовательно и здѣсь притча называетъ отрочатемъ юнымъ возрожденнаго банею пакибытія, воскормленнаго, сдѣлавшагося, „яко отроча“, и въ этомъ состояніи способнаго уже къ небесному царству. Такому новорожденному младенцу, возжелавшему словеснаго и нелестнаго млека, книга Притчей, чрезъ упражненіе въ ней, даетъ „чувство и смыслъ“, чувство для настоящаго, а смыслъ для будущаго; ибо обучаетъ тому, что свойственно человѣку, и дѣлаетъ людей чувствительными къ предметамъ, чтобы не порабощались удовольствіямъ неприличнымъ, и не приходили въ изумленіе предъ суетною славою міра сего; также сообщаетъ и понятіе о будущемъ вѣкѣ, и тѣмъ, что говоритъ, приводитъ къ вѣрѣ въ обѣтованія.

А поелику различія возрастовъ объяснили мы о внутреннемъ человѣкѣ; то слѣдуетъ и наименованія чувствъ приложить къ способностямъ душевнымъ. Посему, когда Соломонъ говоритъ: „къ словесамъ“ моимъ „прилагай твое ухо“ (Притч. 22, 18), надобно знать намъ, что требуетъ онъ благопослушной души, какъ и Господь: „имѣяй уши слышати, да слышитъ“ (Матѳ. 13, 9); и: „слово премудро во ухо благопослушно“ (Притч. 22, 12). Итакъ, этими словами и подобными имъ даетъ „отрочати юну“ здравое чувство слуха. Когда же говоритъ: „не внимай злѣй

женѣ“ (5, 3): и еще: „ниже“ утверди, „ока своего къ ней“ (9, 18); и: „очи твои право да зрятъ“ (4, 25): тогда, очевидно, даетъ отрочати какъ бы душевное зрѣніе. И когда увѣщаваетъ: „яждь медъ, сыне, да насладится гортань твой“ (24, 13), медомъ въ переносномъ смыслѣ называя Божественное ученіе; ибо сказано: „коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ“ (Псал. 118, 103): тогда увѣщаніемъ симъ образуетъ въ душѣ духовный вкусъ, о которомъ говорится: „вкусите, и видите, яко благъ Господь“ (Псал. 33, 9). А есть и осязаніе душевное, чрезъ которое прикасается къ душѣ премудрость, какъ бы объемлющая своего любителя. Ибо сказано: „возжелѣй ея, да тя объиметъ“ (Притч. 4, 6, 8). И еще Екклесіастъ говоритъ: „время объимати, и время удалятися отъ объиманія“ (Еккл. 3, 5). Тѣла нечистыми объятіями оскверняются; а душа, объятіемъ премудрости вся и всецѣло съ нею соединившись, исполняется святыни и чистоты.

Такъ даетъ „чувство отрочати юну“. А какъ сообщаетъ „смыслъ?“ Когда говоритъ: „не упользуютъ имѣнія въ день“ золъ (Притч. 11, 4). Ибо симъ въ сердце твое влагаетъ помышленіе о томъ днѣ, въ который множество имѣній не поможетъ тебѣ, и не избавитъ тебя отъ вѣчнаго наказанія. И когда говоритъ: „незлобивіи“ наслѣдуютъ землю (Притч. 2, 20) ту землю, которой наслѣдники и кроткіе, какъ по словамъ Псалмопѣвца: „кротцыи же̑ наслѣдятъ землю“ (Псал. 36, 11), такъ и по ублаженію Господню: ибо сказано: „блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю (Матѳ. 5, 5); и еще когда говоритъ: „славу премудріи наслѣдятъ“ (Притч. 3, 35): тогда возбуждаетъ душу къ вожделѣнію обѣтованныхъ благъ. Сей то смыслъ даетъ „отрочати юну“, то есть, боязнь того, что угрожаетъ грѣшнымъ и вожделѣніе того, что уготовано праведнымъ.

(5) „Сихъ бо послушавъ мудрый, премудрѣе будетъ“. Писаніе свидѣтельствуетъ о великой силѣ притчей, а именно, что онѣ превосходятъ мудрость мудрыхъ, и что преподанное въ сей книгѣ важнѣе уроковъ, какіе найдешь у мудрыхъ. Почему ученики у другихъ учителей люди неискусные, а слушатели сей книги мудрые. Поелику же слово: мудрый, имѣетъ не одно значеніе, и мудрыми называются какъ мудрецы вѣка сего, такъ пріявшіе истинную мудрость—Господа нашего Іисуса Христа чрезъ вѣру въ Него; то людямъ, которые внѣ нашего ученія, когда приступятъ къ здравому ученію притчей, Писаніе обѣщаетъ, что сдѣлаются они премудрѣйшими, презрѣвъ знаніе суетнаго и обратившись съ удивленіемъ къ истинѣ.

Или, поелику мудрымъ человѣкъ называется въ различныхъ значеніяхъ, и тотъ, кто вожделѣваетъ мудрости, и тотъ, кто преуспѣваетъ уже въ умозрѣніяхъ мудрости и тотъ, кто усовершился въ навыкѣ, именуются

подобно: то „сихъ послушавъ мудрый“, любитель ли онъ мудрости, или уже оказалъ въ ней нѣкоторые успѣхи, „премудрѣе будетъ“, какъ наставленный многому изъ Божественныхъ догматовъ, такъ обученный многому изъ свойственнаго человѣку; потому что книга сія различными средствами изгоняетъ порокъ, и опять многими способами вводитъ добродѣтель. Она обуздываетъ языкъ неправдивый, исправляетъ глазъ, который смотритъ лукаво, не дозволяетъ начинать рукамъ неправеднымъ, отгоняетъ праздность, наказываетъ неумѣстныя вожделѣнія, учитъ благоразумію, учитъ мужеству, превозноситъ цѣломудріе. Поэтому, кто обученъ сему, кто имѣетъ въ себѣ самомъ сильное отвращеніе отъ худаго, и при великомъ стремленіи, какъ бы при одобрительныхъ какихъ-то восклицаніяхъ, пріобрѣлъ любовь къ добру, тотъ, будучи мудръ, по собственному своему стремленію, дѣлается мудрѣйшимъ чрезъ усовершеніе ученіемъ.

„Разумный“ же „строительство [1]) стяжетъ“. Кто хочетъ приняться за какое-нибудь искусство, тому надобно имѣть готовыми естественныя способности, борцу—хорошее сложеніе и крѣпость тѣла, скороходу—стройность и легкость членовъ, также и правителю—остроту и быстроту ума. Потому и Писаніе не всякаго призываетъ къ правленію, но разумнаго.

Чтоже такое — управленіе? Не безъ всякаго ли сомнѣнія, оно есть сознаніе души о непостоянствѣ дѣлъ человѣческихъ и о томъ, какъ надобно переплыть непостоянную жизнь. Ибо во многихъ мѣстахъ Писанія находимъ, что настоящая жизнь называется водами и моремъ; напримѣръ въ псалмѣ: „ниспосла съ высоты и пріятъ мя: воспріятъ мя отъ водъ многихъ“ (Псал. 17, 27). Ибо ясно, что псаломъ водами называетъ житейскій мятежъ; потому что, какъ счастливое и вожделѣваемое многими не имѣетъ твердости и постоянства, такъ несчастное и плачевное не установляется въ неподвижности, но все подвержено колебанію. волненію и неожиданнымъ перемѣнамъ. Поэтому, какъ море не можетъ оставаться надолго въ томъ же положеніи; если теперь оно гладко и незыблемо, то въ непродолжительномъ времени увидишь, что изрыто будетъ порывами вѣтровъ, а если теперь свирѣпѣетъ и кипитъ отъ бури, то вскорѣ возстановится на немъ глубокая тишина: такъ и житейскія дѣла удобно принимаютъ тотъ и другой оборотъ. Для этого нуженъ правитель, который вы, и въ благоведріе жизни, какъ все у него несется попутнымъ вѣтромъ, ждалъ перемѣнъ и не успокоивался настоящимъ, какъ безсмертнымъ, и въ горестномъ состояніи дѣлъ не терялъ надежды и не утопалъ поглощенный излишнею скорбію; потому что ни тѣлесное здравіе, ни цвѣтущая юность, ни домашнее обиліе, ни всякое другое благоденствіе жизни, не бываютъ продолжительны; а напротивъ того, и

[1]) Κυβέρνησιν, управленіе.

среди этого благоведрія жизни ожидай иногда непогоды. Прійдетъ болѣзнь, прійдетъ нищета; вѣтеръ не всегда дуетъ въ корму; но и такого человѣка, который по всѣмъ отношеніямъ обращаетъ на себя взоры и достоинъ соревнованія постигаетъ нерѣдко неожиданное безславіе; также и всякое благоденствіе жизни возмущаютъ непредвидимыя обстоятельства, подобныя какимъ-то бурямъ. Самая непрерывность золъ для тебя то же, что волны, которыя одна за другой возвышаются, бороздятъ твою жизнь, и воздвигаютъ страшное волненіе. Современемъ увидишь, что и это минуется, жизнь перемѣнится въ радость и истинно пріятную тишину. Посему тотъ разумный правитель, кто, вникая въ дѣйствительную природу, управляетъ приключеніями жизни, остается всегда самъ себѣ равенъ, не превозносится въ благодушіи, не упадаетъ духомъ въ несчастіяхъ.

Еще и въ другихъ случаяхъ полезно для насъ благо управленія. Ибо знаю другія волны и страшное обуреваніе, востающее въ душѣ—обуреваніе плотскихъ страстей. Раздраженіе и страхъ, удовольствія и скорби, наносимыя намъ плотскимъ мудрованіемъ, какъ будто сильною какою-то бурею, нерѣдко потопляютъ неуправляемую душу. Посему должно, чтобы умъ, какъ кормчій, возсѣдая выше страстей, правя плотію, какъ кораблемъ, искусно направляя помыслы, какъ кормило, мужественно попиралъ волны, высоко держась надъ ними, не доступенъ будучи страстямъ, нисколько не принялъ въ себя ихъ горечи, подобной соленымъ морскимъ водамъ, но всегда говорилъ въ молитвѣ: „да избавлюся отъ ненавидящихъ мя, и отъ глубокихъ водъ. Да не потопитъ мене буря водная, ниже да пожретъ мене глубина“ (Псал. 68, 15, 16).

Хочешь ли, опишу тебѣ и другое плаваніе, для котораго необходимъ намъ даръ управленія. „Подобно есть царствіе небесное человѣку купцу“ (Матѳ. 13, 45). Поэтому всѣ мы—купцы, всѣ, которые идемъ евангельскимъ путемъ, и чрезъ исполненіе заповѣдей пріобрѣтаемъ себѣ обладаніе небеснымъ. Намъ должно собрать великое и разнообразное небесное богатство, чтобы, при объявленіи прибыли на полученные таланты, не остаться постыжденными, и не услышать: „лукавый рабе и лѣнивый“ (Матѳ. 25, 26), но, нагрузившись товарами, отважиться безопасно переплыть жизнь сію. Многіе, собравъ въ молодости многое, когда достигли они средины жизни, и духами злобы воздвигнуты были на нихъ искушенія, не перенесли тяготы сей непогоды, потому что не было у нихъ управленія, и они подверглись ущербу во всемъ ими собранномъ. Отъ этого одни потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ (1 Тим. 1, 19); другіе погубили цѣломудріе, пріобрѣтенное ими въ юности, какъ скоро, подобно какой-то неожиданной бурѣ, подуло на нихъ лукавое сластолюбіе. Подлинно, самое жалкое зрѣлище — послѣ поста, послѣ суровой жизни,

послѣ продолжительныхъ молитвъ, послѣ обильныхъ слезъ, послѣ двадцатилѣтняго, или даже тридцатилѣтняго воздержанія, по невнимательности и по нерадѣнію души оказаться вдругъ лишеннымъ всего! Жалкое зрѣлище—тому, кто обогатился исполненіемъ заповѣдей, уподобиться какому-то богатому купцу, который, восхищаясь множествомъ товаровъ. когда корабль его, носимый попутнымъ вѣтромъ, переплылъ уже страшное море, вдругъ остается безъ всего; потому что корабль разбивается у самой пристани,—уподобиться, если и онъ пріобрѣтенное многими трудами и потомъ губитъ при одномъ приращеніи бѣса, потопленный грѣхомъ, какъ нѣкою бурею! Такому человѣку, у котораго вся добродѣтель подвергается вдругъ кораблекрушенію, прилично сказать; „пріидохъ во глубины морскія, и буря потопи мя“ (Псал. 68, 3).

Поэтому твердо держись за кормило жизни. Управляй своимъ глазомъ, чтобы когда-нибудь чрезъ зрѣніе не вторглись въ тебя стремительныя волны вожделѣнія; управляй слухомъ и языкомъ, чтобы однимъ не принять въ себя всего вреднаго, а другимъ не выговорить чего запрещеннаго. Смотри, чтобы не опрокинула тебя буря раздражительности, чтобы не обрушились на тебя ужасы страховъ, чтобы не потопила тебя тягота скорби. Страсти суть волны; держась выше ихъ, будешь надежнымъ кормчимъ жизни. А если не уклоняешься каждой изъ нихъ благоразумно и постоянно; то, подобно кораблю безъ груза, увлекаясь всѣмъ, что ни приключится, погрязнешь въ морѣ грѣха. Поэтому выслушай, какъ можетъ пріидти къ тебѣ знаніе управленія. У мореходцевъ въ обычаѣ смотрѣть на небо, и тамъ находить путеуказаніе кораблю, днемъ въ солнцѣ, а ночью въ медвѣдицѣ, или въ другой какой изъ постоянно видимыхъ звѣздъ, и по онымъ всегда угадывать прямизну пути. Посему и ты имѣй око обращенное къ небу, по слову сказавшаго: „къ Тебѣ воздвигохъ очи мои, живущему на небеси“ (Псал. 122, 1). Взирай на Солнце правды, и какъ ясными звѣздами, руководясь Господними заповѣдями, имѣй неусыпное око, не давай „сна очима и вѣждома дреманія“ (Псал. 131, 4), чтобы въ заповѣдяхъ имѣть тебѣ достаточное путеуказаніе. Ибо сказано: „свѣтильникъ ногама моима законъ Твой, и свѣтъ стезямъ моимъ“ (Псал. 118, 105). Если никогда не задремлешь у кормила, пока находишься въ сей жизни, въ этомъ непостоянствѣ мірскихъ дѣлъ; то получишь и содѣйствіе Духа, Который поведетъ тебя впередъ, и безопасно понесетъ кроткими и мирными вѣяніями, пока не спасешься въ оную неволнуемую и тихую пристань Божіей воли. Богу слава и держава въ нескончаемые вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда 13. Побудительная къ принятію святаго крещенія.

Премудрый Соломонъ, разбирая времена для житейскихъ дѣлъ, и всему, что ни бываетъ, опредѣляя собственное свое время, сказалъ: „всѣмъ время, и время всякой вещи. Время раждати и время умирати" (Еккл. 3, 1, 2). А я, возглашая вамъ спасительную проповѣдь, измѣнилъ бы нѣсколько изреченіе премудраго и сказалъ: время умирать, и время раждаться.

Что же основаніемъ сего измѣненія? То, что Соломонъ, разсуждая о подлежащемъ рожденію и тлѣнію, и слѣдуя порядку тѣлесной природы, рожденіе предпоставилъ смерти. Ибо невозможно испытать смерти тому, кто не родился прежде. А я, намѣреваясь вести слово о духовномъ возрожденіи, полагаю смерть прежде жизни. Ибо, только умерши плотію, рождаемся мы духомъ, какъ и Господь говоритъ: „Азъ убію, и жити сотворю" (Второз. 32, 39). Итакъ, умремъ, чтобы намъ жить; умертвимъ мудрованіе плотское, которое не „можетъ покарятися закону Божію", чтобы родилось въ насъ крѣпкое мудрованіе духовное, слѣдствіемъ котораго бываютъ, обыкновенно, животъ и миръ (Рим. 8, 6, 7). Спогребемся умершему за насъ Христу, чтобы и возстать съ Виновникомъ нашего воскресенія.

Поэтому для каждаго дѣла есть свое пригодное время; свое время—сну, свое—бодрствованію, свое—войнѣ, и свое—миру, но время крещенію—вся жизнь человѣческая. Тѣлу не возможно жить безъ дыханія; и душѣ не возможно существовать, не зная Творца; ибо невѣдѣніе Бога—смерть для души. Но некрестившійся не просвѣщенъ; а безъ свѣта, какъ глазъ не видитъ того, что можно ему видѣть, такъ и душа не способна къ созерцанію Бога. Поэтому, ко спасенію посредствомъ крещенія благопотребно всякое время, будетъ ли это ночь, или день, или часъ, или мгновеніе, или и еще кратчайшая часть времени.

Но гораздо благопотребнѣе къ сему должно быть время болѣе тому свойственное. А какое время такъ удобно для крещенія какъ день пасхи? Ибо этотъ день есть память воскресенія; а крещеніе есть сильное средство (δύναμις) къ воскресенію. Посему въ воскресный день пріимемъ благодать воскресенія. Для того и Церковь „высокимъ проповѣданіемъ" задолго прежде озываетъ своихъ питомцевъ, чтобы тѣхъ, которыми давно уже болѣзновала, породить въ это время, и воскормивъ какъ молокомъ словами оглашенія, дать для вкушенія твердую пищу догматовъ.

Іоаннъ проповѣдывалъ крещеніе покаянія; и къ нему выходила вся Іудея. Господь проповѣдуетъ крещеніе сыноположенія; и кто изъ возложившихъ на Него упованіе не будетъ повиноваться? То крещеніе предначинательное, а это совершительное; то удаленіе отъ грѣха, а это—

присвоеніе Богу. Тамъ была проповѣдь одного человѣка — Іоанна, и всѣхъ влекла къ покаянію: а тебя учатъ пророки: „измыйтеся, чисти будите" (Исаіи 1, 16); тебя вразумляютъ псалмы: „приступите къ Нему, и просвѣтитеся" (Псал. 33, 6); тебѣ благовѣствуютъ Апостолы: „покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя" Господа „Іисуса Христа во оставленіе грѣховъ, и пріимете" обѣтованіе „Святаго Духа" (Дѣян. 2, 38); тебя приглашаетъ къ себѣ самъ Господь, говоря: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы" (Матѳ. 11, 28); ибо все это предлагалось нынѣ въ чтеніи.

И ты откладываешь, раздумываешь, медлишь? Съ младенчества оглашаемый ученіемъ, доселѣ еще не приступилъ къ истинѣ? Всегда учась, не пришелъ еще въ познаніе? Всю жизнь испытываешь, до старости высматриваешь; когда же сдѣлаешься христіаниномъ? Когда узнаемъ, что ты нашъ? За годъ ждалъ ты настоящаго года. Смотри, чтобы обѣщанія твои не оказались простирающимися за предѣлы жизни. „Не вѣси бо, что родитъ находяй день" (Притч. 27, 1). Не обѣщай того, что не твое.

Къ жизни призываемъ тебя, человѣкъ: почему уклоняешься отъ призванія? Призываемъ къ пріобщенію благъ: зачѣмъ проходишь мимо дара? Царство небесное отверсто; Призывающій не лживъ; путь удобенъ, не нужно ни времени, ни расходовъ, ни хлопотъ. Что медлишь? Зачѣмъ отступаешь назадъ? Что боишься ига, какъ юница, не извѣдавшая ярма? Оно „благо, легко" (Матѳ. 11, 30); не третъ шеи, но украшаетъ, потому что не ремнемъ привязывается къ выѣ, но требуетъ, чтобы влекущій его былъ свободенъ. Видишь ли, что Ефремъ обвиняется, „якоже юница стрѣкаломъ стрѣчема" (Осіи 4, 16); потому что безчинно блуждаетъ, презрѣвъ иго закона? Подклони свою необузданную выю; будь подъ яремникомъ Христовымъ, чтобы, въ противномъ случаѣ, ослабивъ ремень и своевольствуя въ жизни, не сдѣлаться тебѣ удобоуловимымъ отъ звѣрей.

„Вкусите и видите яко благъ Господь" (Псал. 33, 9). Какъ не знающимъ объяснить сладость меда? „Вкусите и видите". Чувство въ опытѣ яснѣе всякаго слова.

Іудей не отлагаетъ обрѣзанія по причинѣ угрозы, что всякая душа, которая не обрѣжется въ день осьмый, „погубится" изъ среды людей своихъ (Быт. 17, 14). А ты откладываешь „обрѣзаніе нерукотворенное въ совлеченіи плоти", совершаемое въ крещеніи (Кол. 2, 11), слышавъ отъ самого Господа: „аминь, аминь глаголю" вамъ, „аще кто не родится водою и Духомъ, не внидетъ во царствіе Божіе" (Іоан. 3, 5). Тамъ боль и язва; а здѣсь орошеніе души и врачество для язвы сердечной.

Поклянешься Умершему за тебя? Поэтому рѣшись спогребстись

Ему крещеніемъ (Римл. 6, 11). Если не будешь „сообразенъ подобію смерти Его“, то какъ сдѣлаешься причастникомъ воскресенія (5)?

Израиль крестился „въ Моѵсея во облацѣ и въ мори“ (1 Кор. 10, 2), тебѣ представляя прообразованія и предначертывая ту истину, которая открылась въ послѣднія времена. А ты убѣгаешь крещенія, не моремъ прообразуемаго, но совершаемаго въ дѣйствительности, крещенія не въ облакѣ, но въ духѣ, не въ Моѵсея тебѣ сослужебнаго, но во Христа тебя сотворившаго. Если бы Израиль не перешелъ чрезъ море, то не былъ бы отлученъ отъ фараона; и ты, если не пройдешь чрезъ воду, не выйдешь изъ-подъ горькаго діаволова мучительства. Онъ не пилъ бы отъ духовнаго камня, если бъ не крестился прообразовательно; а тебѣ никто не дастъ истиннаго питія, если не крестишься истинно. Онъ, по крещеніи, „хлѣбъ ангельскій яде“ (Псал. 77, 25); какъ же ты вкусишь „Хлѣба животнаго“ (Іоан. 6, 51), если не пріимешь прежде крещенія? Онъ чрезъ крещеніе взошелъ въ землю обѣтованія; какъ же ты возвратишься въ рай, не запечатлѣвшись крещеніемъ? Или не знаешь, что приставлено „пламенное оружіе хранити путь древа жизни“ (Быт. 3, 24), для невѣрныхъ страшное и опаляющее, а для увѣровавшихъ удобоприступное и пріятно озаряющее? И Владыка содѣлалъ его обращающимся: когда видитъ оно вѣрнаго, обращается задомъ; а когда видитъ кого-либо изъ незапечатлѣнныхъ, встрѣчаетъ его остріемъ.

Илія не ужаснулся приближающихся къ нему колесницы огненной и коней огненныхъ, но, вожделѣвая горняго шествія, отважился на страшное, и съ радостью взошелъ на колесницу, хотя жилъ еще во плоти (4 Цар 2, 11). А ты когда надобно не на огненныя восходить колесницы, но водою и Духомъ взойдти на небо, не спѣшишь на призваніе?

Илія показалъ силу крещенія на жертвенникѣ всесожженій, попаливъ жертву не огнемъ, но водою. Въ иныхъ случаяхъ природа огня противоборствуетъ водѣ; но, поелику въ сіе время вода таинственно возлита на жертвенникъ троекратно, то стала началомъ огню, и возжгла пламень, подобно елею. „Принесите ми“, говоритъ онъ, „четыре водоносы воды, и возливайте на всесожженіе и на полѣна: и рече: удвойте, и удвоиша, утройте, и утроиша“ (3 Цар. 18, 34). А симъ Писаніе показываетъ, что приходящій къ Богу усвояется Ему крещеніемъ, и что въ душахъ, приступающихъ чрезъ вѣру въ Троицу, возсіяваетъ чистый и небесный свѣтъ. Если бы золото раздавалъ я въ церкви, не сказалъ бы ты мнѣ: завтра пріиду, завтра дашь; но, прося поспѣшить раздачей, потребовалъ бы теперь же, и негодовалъ бы на замедленіе. Но, когда Великодаровитый предлагаетъ тебѣ не доброцвѣтность вещества, но душевную чистоту, придумываешь предлоги, и вычисляешь причины, между тѣмъ какъ надлежало спѣшить къ дару.

О чудо! Тебя обновляютъ безъ переплавки, вновь созидаютъ безъ предварительнаго сокрушенія, врачуютъ безъ ощущенія боли: и ты ни во что ставишь сію благодать!

Если бы ты былъ рабомъ у людей, и объявлена была свобода рабамъ: не явился ли бы ты въ назначенный день, не нанялъ ли бы за себя ходатаевъ, не сталъ ли бы умолять судей, чтобы всѣми средствами выйдти на свободу? Конечно, стерпѣлъ бы и пощечину, этотъ послѣдній ударъ, наносимый рабамъ [1]), только бы послѣ этого освободиться отъ оскорбленій. А когда тебя, раба не людей, но грѣха, призываетъ къ свободѣ проповѣдникъ, чтобы избавить отъ плѣна, сдѣлать согражданиномъ Ангеловъ, объявить сыномъ Божіимъ, усыновленнымъ по благодати, и наслѣдникомъ благъ Христовыхъ: говоришь, что тебѣ не время еще принять даруемое.

Какія лукавыя препятствія! Какіе гнусные и пустые недосуги! Долго ли еще будутъ эти удовольствія? Долго ли эти забавы? Много времени жили мы для міра; будемъ наконецъ жить сами для себя. Что равноцѣнно душѣ? Что равновѣсно небесному царству? Какой совѣтникъ болѣе достоинъ вѣры, нежели Богъ? Кто благоразумнѣе Премудраго? Кто благопотребнѣе Благого? Кто ближе къ намъ Творца? Не было пользы Евѣ, что больше повѣрила совѣту змія, нежели совѣту Владыки. Какія безразсудныя слова: „мнѣ нѣкогда исцѣлиться; не показывай мнѣ свѣта: не приближай меня къ Царю“! Не это ли прямо говоришь ты, или даже не безумнѣе ли и этого?

Если бы на тебѣ числились общественные долги, и состоящимъ въ долгу была объявлена уступка долга, а между тѣмъ кто-нибудь старался по злобѣ лишить тебя части въ этомъ прощеніи: конечно, ты вознегодовалъ бы и возвысилъ свой голосъ, какъ лишаемый принадлежащей тебѣ доли въ общей милости. А когда проповѣданы тебѣ не только прощеніе прошедшаго, но и будущіе дары: самъ себѣ нанося обиду, какой не сдѣлалъ бы тебѣ ни одинъ врагъ, полагаешь, что надлежащимъ образомъ обсудилъ свое дѣло и придумалъ для себя полезное, то есть, не воспользоваться прощеніемъ, но умереть въ долгахъ? Притомъ знаешь, что и должному десятью тысячами талантовъ былъ бы прощенъ долгъ, если бы самъ безчеловѣчіемъ къ своему сослужителю не возобновилъ на себя иска (Матѳ. 18, 23—35). И намъ надобно беречься, чтобы не потерпѣть сего же, если, по полученіи сей благодати, не прощаемъ долговъ должникамъ нашимъ: надобно беречься для того, чтобы даръ оставался у насъ неотъемлемо.

---

[1]) Здѣсь указывается на римскій обычай отпускать рабовъ, какъ говорилось у нихъ, per vindictam. Господинъ отпускаемаго на свободу раба приводилъ его къ претору, давалъ ему пощечину съ увѣреніемъ, что можетъ идти, куда хочетъ.

Войди въ таинницу души своей, приведи себѣ на память дѣла свои. Если много у тебя грѣховъ; не падай духомъ по причинѣ ихъ множества. „Идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать“ (Рим. 5, 20), если только пріимешь сію благодать. Ибо много задолжавшему и прощено будетъ много, чтобы больше возлюбилъ (Лук. 7, 42, 43). А если грѣхи твои не велики, неважны и не къ смерти; для чего безпокоишься о будущемъ ты, который не безъ мужества перенесъ прошедшее, и притомъ еще не будучи руководимъ закономъ?

Представляй, что душа твоя стоитъ теперь какъ бы на вѣсахъ, и съ одной стороны влекутъ ее къ себѣ Ангелы, а съ другой—демоны. Къ кому изъ нихъ преклонишь свое сердце? Что одержитъ у тебя побѣду? Удовольствіе ли плоти, или святыня души? Наслажденіе ли настоящимъ, или вожделѣніе будущаго; Ангелы ли тебя пріимутъ, или удержатъ тѣ, которые доселѣ обладаютъ тобою?

Во время военныхъ дѣйствій военачальники сообщаютъ подчиненнымъ условный знакъ, чтобы и союзники могли удобнѣе призывать другъ друга, и отъ непріятелей, когда перемѣшаются съ ними во время схватки, можно было отдѣлиться безъ замѣшательства. Никто не узнаетъ тебя, нашъ ли ты, или изъ числа противниковъ, если таинственными знаками не докажешь единенія съ нами, если не знаменался на тебѣ „свѣтъ лица Господня“ (Псал. 4, 7). Какъ будетъ оспоривать тебя Ангелъ себѣ, какъ исхитить у враговъ, если не знаетъ печати? Какъ скажешь: „я Божій“, если не носишь на себѣ признаковъ? Или не знаешь, что „Погубляющій“ миновалъ домы запечатлѣнные, и убивалъ первенецъ въ домахъ незапечатлѣнныхъ (Исх. 12, 23—29)? Незапечатанное сокровище удобно похищается ворами; непомѣченную овцу безопасно можно отманить.

Ты юнъ? Приведи въ безопасность свою юность уздою крещенія. Миновались твои цвѣтущіе годы? Не утрать напутствія, не погуби охранительнаго средства, не разсчитывай на одиннадцатый часъ, какъ на первый; потому что и начинающему жизнь надобно имѣть предъ очами кончину.

Если бы кто изъ врачей обѣщалъ какими-нибудь средствами и промышленіями сдѣлать тебя изъ стараго молодымъ: не желалъ ли бы ты, чтобы наступилъ тотъ день, въ который бы ты увидѣлъ себя возвратившимся въ цвѣтущій возрастъ? А когда крещеніе обѣщаетъ, что процвѣтетъ у тебя душа, которую довелъ ты до обветшанія и чрезъ беззаконія сдѣлалъ дряхлою и оскверненною: презираешь Благодѣтеля, и не спѣшишь воспользоваться обѣщаніемъ. Ужели не пожелаешь видѣть, что значитъ это великое чудо обѣтованія? какъ человѣкъ возраждается безъ матери? какъ устарѣвшій и „тлѣющій въ похотехъ прелестныхъ“ (Ефес.

4, 22) опять приходитъ въ силу, юнѣетъ и возвращается къ истинно цвѣтущей юности?

Крещеніе—искупленіе плѣнныхъ, прощеніе долговъ, смерть грѣха, пакибытіе души, свѣтлая одежда, неприкосновенная печать, колесница на небо, предуготовленіе царствія, дарованіе сыноположенія. Ужели для тебя, несчастный, такъ многихъ и великихъ благъ предпочтительнѣе плотское удовольствіе?

Понимаю твою медлительность, хотя и прикрываешь словами; самыя дѣла вопіютъ, хотя и неслышно твоего голоса. „Оставь меня; воспользуюсь плотію для гнусныхъ наслажденій, буду валяться въ тинѣ удовольствій, обагрять руки кровію, отнимать чужое, жить обманомъ, нарушать клятвы, лгать: и тогда пріиму крещеніе, когда наконецъ перестану дѣлать худое“. Поэтому, если грѣхъ прекрасенъ, держись его до конца; а если вреденъ тому, кто грѣшитъ, для чего закоснѣваешь въ дѣлахъ пагубныхъ? Кто старается освободиться отъ желчи, тотъ не станетъ умножать ее въ себѣ безпорядочнымъ и невоздержнымъ образомъ жизни. Надобно очистить тѣло отъ того, что безпокоитъ его, а не увеличивать болѣзнь сверхъ силы. Корабль виденъ надъ водою, пока поднимаетъ грузъ товаровъ; а положи въ него сверхъ этого, онъ тонетъ. Бойся и ты, чтобы не потерпѣть тебѣ подобнаго и, сдѣлавъ грѣхи, превышающіе мѣру прощенія, не подвергнуться кораблекрушенію прежде, нежели войдешь въ чаемую пристань.

Развѣ Богъ не видитъ того, что дѣлается не знаетъ твоихъ помышленій? содѣйствуетъ тебѣ въ беззаконіяхъ? Сказано: „вознепщевалъ еси беззаконіе, яко буду тебѣ подобенъ“ (Псал. 49, 21. 22). Ты же самъ, домогаясь дружбы человѣка смертнаго, привлекаешь его къ себѣ благодѣяніями, говоришь и дѣлаешь то, чему онъ, какъ догадываешься, будетъ радъ; а желая вступить въ общеніе съ Богомъ и надѣясь, что будешь принятъ Имъ въ достоинствѣ сына, и между тѣмъ, дѣлая противное Богу и безчестя Его преступленіемъ закона, надѣешься тѣмъ самымъ достигнуть общенія съ Нимъ, чѣмъ наипаче оскорбляешь Его? Смотри, чтобы, въ надеждѣ искупленія собирая себѣ множество золъ, не сдѣлать тебѣ того, что грѣхи скопишь, а прощенія не получишь. „Богъ поругаемъ не бываетъ“ (Гал. 6, 7). Не торгуй благодатію; не говори: „законъ прекрасенъ, но грѣхъ пріятнѣе“. Удовольствіе—дьявольская уда, влекущая въ пагубу. Удовольствіе—матерь грѣха, а грѣхъ—„жало смерти“ (1 Кор. 15, 56). Удовольствіе—пища вѣчнаго червя; оно на время утѣшаетъ наслаждающагося, а въ послѣдствіи даетъ такіе отпрыски, въ которыхъ больше горечи, чѣмъ въ желчи.

Эта медленность не иное что выражаетъ, какъ слѣдующее: „Пусть сначала царствуетъ во мнѣ грѣхъ, послѣ будетъ когда-нибудь царство-

вать и Господь. Сначала уды мои „представлю оружія неправды грѣху“, а потомъ, со временемъ, „представлю“ ихъ и „оружія правды Богови“ (Рим. 6, 13). Такъ и Каинъ приносилъ жертвы; что было лучшаго, то—въ услажденіе себѣ самому, а что похуже, то—сотворившему и даровавшему Богу. Пока способенъ ты къ трудамъ,—проводишь юность свою въ грѣхахъ; а какъ скоро члены ослабѣли, тогда приносишь ихъ въ даръ Богу, когда уже ни на что нельзя употребить ихъ, и по необходимости надобно оставлять въ бездѣйствіи, потому что сила утрачена отъ долговременнаго истощанія. Цѣломудріе въ старости—уже не цѣломудріе, а невозможность предаваться невоздержанію. Мертваго не увѣнчаютъ; не тотъ праведникъ, кто не въ силахъ дѣлать зло. Пока есть у тебя силы, преодолѣвай грѣхъ разумомъ; ибо вотъ добродѣтель—уклоняться отъ зла и дѣлать добро. А когда порокъ отъ усталости приходитъ въ недѣятельность, это само по себѣ, не заслуживаетъ ни похвалъ, ни наказаній Если перестанешь грѣшить по причинѣ возраста; это будетъ по милости твоей немощи. А мы хвалимъ тѣхъ, которые добры по произволенію, а не тѣхъ, которые вынуждены какою либо необходимостію.

Да и кто тебѣ твердо назначилъ предѣлъ жизни? Кто опредѣлилъ срокъ твоей старости? Кто у тебя достовѣрнымъ поручителемъ за будущее? Не видишь ли, что смерть похищаетъ и дѣтей, увлекаетъ и приходящихъ въ возрастъ? Не одинъ срокъ положенъ жизни. Для чего ждешь, чтобы крещеніе было для тебя даромъ горячки, когда не въ состояніи уже будешь произнести спасительныхъ словъ, а можетъ быть, нельзя тебѣ будетъ и выслушать ихъ ясно; потому что болѣзнь поселится въ самой головѣ; когда не станетъ у тебя силъ ни воздѣть руки къ небу, ни стать на ноги, ни согнуть колѣна для поклоненія, ни научиться съ пользою, ни исповѣданіе проговорить твердо, ни съ Богомъ сочетаться, ни отъ врага отречься, ни даже, можетъ быть, съ сознаніемъ слѣдовать за порядкомъ тайноводства, такъ что и присутствующіе останутся въ сомнѣніи, ощутилъ ли ты благодать, или безчувственъ къ совершаемому; если даже и съ сознаніемъ пріимешь благодать, то будешь имѣть у себя талантъ, однако же не принесешь на него прибыли?

Подражай евнуху. Нашелъ онъ огласителя, и не пренебрегъ ученіемъ: богачъ возводитъ на колесницу бѣднаго, гордый и надменный беретъ человѣка простаго и низкаго и, научившись евангелію царствія, и вѣру пріемлетъ сердцемъ, и не отлагаетъ пріять печать Духа. Ибо какъ скоро встрѣтили они воду; „се“, говоритъ, „вода“. Отъ радости вырвалось это слово! Вотъ искомое! „Что возбраняетъ ми креститися“ (Дѣян. 8, 36)? Гдѣ произволеніе готово, тамъ нѣтъ никакихъ преградъ. Призывающій человѣколюбивъ; служитель готовъ; благодать неоскудѣваема; будь только усердіе, препятствія не будетъ.

Одинъ у насъ запинатель, заграждающій намъ пути къ спасенію: его препобѣдимъ благоразуміемъ. Онъ внушаетъ намъ медлительность; возстанемъ на дѣланіе. Онъ обольщаетъ сердца наши пустыми обѣщаніями; не останемся въ невѣденіи объ его замыслахъ. Не онъ ли, хотя не совѣтуетъ намъ сегодня дѣлать грѣхъ, однако же убѣждаетъ насъ спрятать правду до завтра? Поэтому Господь, разрушая его лукавые совѣты, говоритъ: „днесь аще гласъ Мой услышите“ (Псал. 94, 7). Тотъ учитъ: „сегодня“—мнѣ, а „завтра“—Богу. Господь вопіетъ противъ сего: „днесь“ услышите гласъ мой. Пойми врага: не смѣетъ онъ совѣтовать, чтобы совершенно отпали мы отъ Бога; знаетъ, что христіанамъ тяжко это слышать; но обольстительными средствами достигаетъ своего предпріятія. Онъ мудръ, „еже творити злая“ (Іер. 4, 22). Видитъ, что мы люди живемъ настоящимъ, и что всякое дѣло у насъ дѣлается ради настоящаго; потому, ухищренно похищая у насъ „сегодня“, оставляетъ намъ надежды на „завтра“. Потомъ, когда настаетъ завтра, опять приходитъ этотъ злый нашъ половинщикъ, и требуетъ „сегодня“—себѣ, а „завтра“—Господу. Такъ и всегда, отнимая у насъ настоящее посредствомъ удовольствій и представляя нашимъ надеждамъ будущее, незамѣтно уводитъ насъ изъ жизни.

Такую хитрость видѣлъ я однажды въ догадливой птицѣ. Птенцовъ ея, по слабости ихъ силъ, поймать было легко: она сама кинулась, какъ готовая добыча, и вертясь подъ руками у охотниковъ, и себя не давала взять ловцамъ безъ труда, и ихъ не приводила въ отчаяніе остаться безъ добычи, но разными способами маня ихъ надеждами, пока занимались ею, дала время птенцамъ на безопасное бѣгство, а потомъ, наконецъ, и сама улетѣла. Бойся, чтобы и тебѣ не испытать подобнаго, въ надеждѣ на сомнительное упуская явное.

Итакъ, приступи, и всецѣло отдайся Господу, присовокупи свое имя, припишись къ Церкви. Воинъ заносится въ списки; подвижникъ, записавшись, выходитъ на подвигъ; житель города, вписавшись въ число гражданъ, дѣлается членомъ городскихъ общинъ. Все сіе обязанъ сдѣлать и ты, какъ воинъ Христовъ, какъ подвижникъ благочестія, имѣющій жительство на небесахъ. Впишись въ эту книгу, чтобы тебя переписали въ книгу горнюю. [illegible]

Учись, обучайся евангельскому образу жизни, вѣрности очей, воздержности языка, порабощенію тѣла, смиренному о себѣ мнѣнію, чистотѣ мысли, истребленію въ себѣ гнѣва! Вынуждаютъ у тебя силою, приложи отъ себя; отнимаютъ, не судись; ненавидятъ, люби; гонятъ, терпи; хулятъ молись; умертви себя грѣху, распнись съ Христомъ, всю любовь свою обрати къ Господу.

„Но это трудно!“ Какое же изъ благъ достается легко? Кто, почи-

вая, воздвигъ себѣ побѣдный памятникъ? Кто, предаваясь роскоши и услаждаясь звуками свирѣли, украсился вѣнцами терпѣнія? Никто, не пробѣжавъ поприща, не беретъ награды. Труды раждаютъ славу; изнуренія доставляютъ вѣнцы. „Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе“ (Дѣян. 14, 22), говорю и я. Но за этими скорбями слѣдуетъ блаженство въ царствѣ небесномъ, а труды для грѣха ожидаютъ геенское мученіе и сѣтованіе. Ибо, если разсмотрѣть строго, то и діавольскія дѣла дѣлателямъ беззаконія обходятся не безъ труда. Нужно ли проливать потъ для цѣломудрія? Но блудникъ весь облитъ потомъ; его истомляетъ сластолюбіе. Воздержаніе отнимаетъ ли чего-нибудь столько у тѣла, сколько портитъ гнусная и бѣшеная невоздержность? Безсонны ночи у тѣхъ, которые проводятъ ихъ во всенощныхъ молитвахъ; но гораздо тяжелѣе очи тѣхъ, которые неусыпно дѣлаютъ неправды. Страхъ быть уловлену и страсть къ удовольствіямъ совершенно гонятъ всякое упокоеніе. Если же, избѣгая узкаго пути, ведущаго ко спасенію, идешь пространнымъ путемъ грѣха: боюсь, чтобы, продолжая идти широкою дорогою, не нашелъ ты и пристанища, соотвѣтственнаго этому пути.

„Но сокровище беречь трудно!“ Бодрствуй, братъ! У тебя если захочешь, будутъ помощники; стрегущая ночи молитва, охранитель дома постъ, назидающее душу псалмопѣніе. Ихъ пріими къ себѣ въ сообщество; путь они бодрствуютъ съ тобою на стражахъ, охраняя твои драгоцѣнности! Скажи мнѣ, что лучше: обогатившись ли, терпѣть намъ безпокойство при охраненіи драгоцѣнностей, или въ самомъ началѣ не имѣть, что и оберегать! Никто не отвергаетъ благъ и страха лишенія. Въ такомъ случаѣ не состоялось бы ни одно человѣческое дѣло, еслибы при каждомъ занятіи стали мы расчитывать неудачи. Съ земледѣліемъ идетъ рядомъ безплодіе земли, съ торговлею—кораблекрушеніе, съ супружествомъ—вдовство, съ воспитаніемъ дѣтей—потеря ихъ. Однако же мы беремся за дѣла, опираясь на лучшія надежды и исполненіе чаемаго, возлагая на устрояющаго дѣла наши—Бога.

На словахъ уважаешь ты святыню; а на дѣлѣ проводишь жизнь въ числѣ отверженныхъ. Смотри, чтобы не раскаяться тебѣ со временемъ въ злыхъ начинаніяхъ, когда въ раскаяніи не будетъ уже для тебя пользы. Да уцѣломудритъ тебя примѣръ дѣвъ; онѣ, не имѣя елея въ сосудахъ, когда надлежало имъ взойдти съ Женихомъ, тогда уже примѣтили, что не достаетъ у нихъ необходимаго. За то писаніе и назвало ихъ юродивыми, что, время употребленія елея потративъ на ходьбу и покупку, сами не замѣтили, какъ лишили себя свѣтлости брачнаго чертога. И ты, откладывая годъ за годъ, мѣсяцъ за мѣсяцъ и день за день и не пріемля елея, этой пищи свѣту, не впади наконецъ въ день, котораго не чаешь, и въ который оскудѣютъ уже у тебя истоки жизни.

Отовсюду будетъ нищета и безутѣшная скорбь, потому что откажутся отъ тебя врачи, откажутся домашніе. Тогда, стѣсняемый учащеннымъ и сухимъ дыханіемъ, потому что сильная горячка жжетъ и пожираетъ твою внутренность, возстанешь изъ глубины сердца, и не найдешь раздѣляющаго печаль твою. Проговоришь что-нибудь тихо и слабо, но не будетъ слушающаго; и все, что ни скажешь, останется въ пренебреженіи, какъ бредъ. Кто тогда преподастъ тебѣ крещеніе? Кто напомнитъ тебѣ потерявшему память отъ страданія? Ближніе—въ унынiи, не участвующіе въ скорби пренебрегаютъ этимъ, другъ медлитъ напоминаніемъ, боясь привести тебя въ смущеніе, а можетъ быть, и врачъ обманываетъ, и самъ ты ошибаешься въ себѣ по естественному животолюбію. Ночь! Помощниковъ нѣтъ ни одного; крещающій не приходитъ; смерть близко; пришедшіе за душей торопятъ. Кто избавитъ тебя? Богъ тобою презрѣнный? Онъ послушаетъ тогда; потому что ты слушаешь Его нынѣ? Онъ дастъ еще отсрочку; потому что прекрасно пользовался ты данною? „Никтоже да льститъ" себѣ „суетными словесы" (Ефес. 5, 6). Ибо „внезапу нападетъ" на тебя „всегубительство" (1 Солун. 5, 3), и постигнетъ переворотъ, подобно бурѣ. Пріидетъ грозный ангелъ, насильно поведетъ и повлечетъ душу твою, связанную грѣхами, часто обращающуюся къ тому, что оставляетъ здѣсь, и рыдающую безгласно; потому что уже сомкнулось орудіе плача.

О, сколько будешь ты терзать самъ себя! Какъ возстенешь, безъ пользы раскаяваясь въ своихъ начинаніяхъ, когда увидишь свѣтлость праведниковъ при торжественномъ раздаяніи даровъ и унылость грѣшныхъ въ самой глубокой тьмѣ! Что скажешь тогда въ сердечной своей мукѣ? „Увы мнѣ, что не свергъ я съ себя тяжкаго бремени грѣха, когда такъ легко было сложить его, но привлекъ кучу этихъ золъ! Увы мнѣ, что не омылъ я своей скверны, но заклейменъ грѣхами! Теперь былъ бы я съ ангелами, теперь наслаждался бы я небесными благами. О, лукавыя мои разсужденія! За временное наслажденіе грѣха безсмертно мучусь, за удовольствіе плоти преданъ теперь огню. Праведенъ судъ Божій! Меня призывали, и я не слушалъ: меня учили, и я не внималъ; мнѣ представляли свидѣтельства, а я смѣялся". Такъ и подобно сему будешь говорить, оплакивая самъ себя, если смерть похититъ тебя прежде крещенія.

Или убойся геенны, человѣкъ, или возжелай царствія. Не презирай призыванія. Не говори: „имѣй мя отречена" (Лук. 14, 18. 20) по тому и тому. Никакой предлогъ не достаточенъ къ извиненію. Мнѣ приходится плакать, когда размышляю, что постыдныя дѣла предпочитаешь великой славѣ Божіей и, по пріятности невоздержанія, неразрывно привязываясь ко грѣху, самъ себя отлучаешь отъ обѣтованныхъ благъ, пре-

граждая себѣ возможность увидѣть блага Іерусалима небеснаго. Тамъ тьмы Ангеловъ, сонмы первородныхъ, престолы Апостоловъ, предсѣдательства Пророковъ, скиптры патріарховъ, вѣнцы мучениковъ, похвалы праведниковъ. Возжелай, чтобы къ нимъ быть причисленнымъ и тебѣ, омытому и освященному по дару Христа; потому что Ему слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 14. На упивающихся.

Вечернія зрѣлища побуждаютъ меня къ слову; но опять и удерживаетъ мое стремленіе, притупляетъ мое усердіе безполезность прежнихъ трудовъ. И земледѣлецъ, когда не взошли у него первыя сѣмена, не съ такимъ радѣніемъ начинаетъ сѣять на тѣхъ же пашняхъ въ другой разъ. Если послѣ столькихъ увѣщаній, которыя неопустительно дѣлалъ я, вразумляя васъ въ предшествовавшее время, и которыхъ не прекращалъ, въ теченіе этихъ седми недѣль поста, возвѣщая вамъ евангеліе благодати Божіей,—не было пользы; то съ какими надеждами буду говорить нынѣ?

О, сколько ночей напрасно проводили вы во бдѣніи! Сколько дней напрасно собирались сюда! И о если бы еще напрасно! Ибо кто, преуспѣвъ въ добрыхъ дѣлахъ, снова возвратился потомъ къ прежнему обычаю, тотъ не только потерялъ награду понесенныхъ трудовъ, но даже достоинъ тягчайшаго осужденія; потому что, вкусивъ добраго Божія глагола и удостоившись вѣдѣнія таинъ, все это утратилъ, уловленный кратковременнымъ удовольствіемъ. Ибо сказано: „малый достоинъ есть милости: сильніи же сильнѣ истязани будутъ“ (Прем. 6, 6). Одинъ вечеръ, одно прираженіе врага разрушили и въ ничто обратили весь этотъ трудъ.

Поэтому, какому теперь быть усердію къ слову? И я бы умолкъ (знайте это), если бы не устрашалъ меня примѣръ Іереміи, который, когда не хотѣлъ говорить непокорному народу, испыталъ на себѣ имъ самимъ описанное, а именно, что былъ у него огонь во внутренности, и разслабѣлъ онъ „отвсюду“, и не могъ „носити“ (Іерем. 20, 9).

Невоздержныя жены, забывъ страхъ Божій, презрѣвъ вѣчный огонь, въ тотъ самый день, когда, ради воспоминаемаго воскресенія, надлежало имъ сидѣть въ домахъ и имѣть въ мысли оный день, въ который отверзутся небеса, явится же намъ съ небесъ Судія, и трубы Божіи, и воскресеніе мертвыхъ, и праведный судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ его,—вмѣсто того, чтобы сіе имѣть въ мысляхъ, очищать сердца свои отъ лукавыхъ помышленій, стирать слезами прежніе грѣхи, и уготовляться къ срѣтенію Христа въ великій день Его явленія,—сринувъ съ себя иго служенія Христова, сбросивъ съ головы покровы благоприличія, презрѣвъ Бога, презрѣвъ Ангеловъ Его, безстыдно выставляя себя

на показъ всякому мужескому взору, распустивъ волосы, влача за собою одежды, и вмѣстѣ играя ногами, съ наглымъ взоромъ, съ разливающимся смѣхомъ, неистово предаваясь пляскѣ, привлекая къ себѣ всю похотливость молодыхъ людей, составивъ лики за городомъ при гробахъ мучениковъ, освященныя мѣста сіи содѣлали мѣстомъ собственнаго своего позора, осквернили воздухъ любодѣйными пѣснями, осквернили землю, нечистыми ногами попирая ее во время пляски; себя самихъ выставивъ, какъ зрѣлище, толпѣ юношей, ставъ подлинно безстыдными, совершенно изступленными, не оставивъ уже и возможности превзойдти ихъ въ неистовствѣ.

Какъ умолчу объ этомъ? Какъ и оплачу, сколько должно? Вино было у насъ причиною погибели душъ, вино, по дару Божію данное цѣломудреннымъ къ облегченію въ немощи, но содѣлавшееся нынѣ для похотливыхъ оружіемъ невоздержанія. Пьянство,—этотъ добровольно накликаемый бѣсъ, чрезъ сластолюбіе вторгающійся въ душу, пьянство—матерь порока, противленіе добродѣтели, дѣлаетъ мужественнаго робкимъ, цѣломудреннаго похотливымъ, не знаетъ правды, отнимаетъ благоразуміе. Какъ вода враждебна огню, такъ неумѣренность въ винѣ угашаетъ разсудокъ.

Поэтому медлилъ я нѣсколько говорить противъ пьянства, не потому что это зло мало и можетъ быть оставлено безъ вниманія, но потому что никакой пользы не принесло бы слово. Если пьяный не владѣетъ умомъ и омраченъ: то дѣлающій ему выговоръ напрасно тратитъ слова для неслушающаго. Поэтому кому же сталъ бы я говорить, если имѣющій нужду въ увѣщаніи не слышитъ того, что говорятъ, а цѣломудренный и трезвый чистъ отъ этой страсти, и ему не нужна помощь слова? Какое же средство употребить мнѣ въ настоящемъ случаѣ, если и слово безполезно, и молчаніе неприлично? Оставить ли безъ попеченій? Но нерадѣніе опасно. Или сказать нѣчто противъ упивающихся? Но буду оглашать мертвый слухъ. Развѣ какъ въ заразительныхъ болѣзняхъ врачи тѣлъ предохранительными пособіями приводятъ въ безопасность здоровыхъ, а къ одержимымъ недугомъ и рукъ не прикладываютъ: такъ и вамъ въ половину будетъ полезно слово, послуживъ охраненіемъ для незараженныхъ, а не освобожденіемъ и исцѣленіемъ отъ недуга для одержимыхъ имъ.

Чѣмъ отличенъ отъ безсловесныхъ ты, человѣкъ? Не даромъ ли разума, который получивъ отъ своего Творца, сталъ ты начальникомъ и господиномъ всей твари? Поэтому лишившій себя смысла опьяненіемъ „приложися скотомъ несмысленнымъ, и уподобися“ имъ (Псал. 48, 13). А я сказалъ бы лучше, что упившійся несмысленнѣе скотовъ: потому что всѣ четвероногія и звѣри въ опредѣленные сроки имѣютъ стремленіе къ совокупленію; но у кого душа связана упоеніемъ, и тѣло наполнено

неестественнымъ жаромъ, тѣ во всякое время, во всякій часъ стремятся къ нечистымъ и срамнымъ объятіямъ. И не это одно производитъ въ нихъ неразуміе, но и превратность чувствъ показываетъ, что опьянѣвшій хуже всякаго скота. Ибо какая скотина такъ недостаточно видитъ и такъ недостаточно слышитъ, какъ упившійся? Самыхъ близкихъ не узнаютъ упившіеся, а къ чужимъ нерѣдко бѣгутъ, какъ къ знакомымъ. Часто прыгаютъ черезъ тѣнь, какъ черезъ ручей или ровъ. А слухъ у нихъ наполненъ звуками и шумомъ, какъ бы бушующаго моря. Имъ представляется, что земля подымается вверхъ, и горы идутъ кругомъ. Они иногда смѣются неумолчно, а иногда безпокоятся и плачутъ безутѣшно; то дерзки и неустрашимы, то боязливы и робки. У нихъ сонъ тяжелый, почти непробудный, удушающій, близкій къ дѣйствительной смерти, а бодрствованіе безчувственнѣе самаго сна; потому что жизнь ихъ есть сновидѣніе; у кого нѣтъ одежды, кому нечего ѣсть завтрашній день, въ опьяненіи царствуютъ, предводительствуютъ войсками, строятъ города, дѣлятъ деньги. Такими мечтаніями, такимъ обольщеніемъ наполняетъ сердца ихъ кипящее въ нихъ вино. Другіе бываютъ приведены въ противоположныя симъ страсти: впадаютъ въ отчаяніе, дѣлаются унылы, безпокойны, слезливы, боятся всякаго шума, отъ всего приходятъ къ ужасъ. Одно и то же вино, по различнымъ сложеніямъ тѣла, производитъ въ душахъ различныя страсти. У кого, приводя кровь въ волненіе, расцвѣтетъ на поверхности тѣла, тѣхъ дѣлаетъ свѣтлыми, пріятными и радостными; а у кого своею тяжестію подавитъ сложеніе, сжимая и сгущая ихъ кровь, тѣхъ приводитъ въ противоположное расположеніе. Нужно ли еще говорить о множествѣ другихъ страстей, о своенравіи, о раздражительности, о склонности на все жаловаться, о перемѣнчивости души, о крикахъ и смятеніяхъ, объ удобопріемлемости всякаго обмана, о неспособности удержаться отъ гнѣва? Невоздержность въ удовольствіяхъ изъ вина льется, какъ изъ источника, и вмѣстѣ съ упояющимъ питіемъ вторгается недугъ похотливости, отъ котораго наглость упившихся превосходитъ всякое неистовое стремленіе скотовъ къ другому полу. Безсловесныя знаютъ уставы естества, а упившіеся ищутъ въ мужскомъ полѣ женскаго, и въ женскомъ—мужского.

Не легко изобразить и словомъ, сколько золъ происходитъ отъ пьянства. Вредоносность заразы дѣйствуетъ на людей не во мгновеніе времени, но по мѣрѣ того, какъ воздухъ постепенно вноситъ въ тѣло происходящую отъ него порчу; но вредъ отъ вина вторгается вдругъ. Ибо такимъ образомъ погубивъ душу свою, и какъ бы испестривши себя всякою нечистотою, упившіеся разстроиваютъ и самое тѣлесное сложеніе. Они не только чахнутъ и таютъ отъ излишка удовольствій, которыя разжигаютъ къ похотливости, но и при самой тучности тѣло у нихъ напол-

нено влагъ и мокротъ, и лишено жизненной силы. Глаза у нихъ поблекшіе. лице блѣдное, дыханіе трудное, языкъ нетвердый, произношеніе невнятное, ноги слабыя какъ у дѣтей, отдѣленіе излишествъ производится само собою, вытекая какъ изъ мертваго. Они жалки среди своихъ наслажденій, и еще болѣе жалки, нежели обуреваемые среди моря, когда волны, догоняя одна другую и заливая ихъ собою, не даютъ имъ выбиться изъ волненія. Такъ и у этихъ людей погрязаютъ души, затопляемыя виномъ. Поэтому какъ корабли, застигнутые бурею, когда начинаютъ заливаться водою, по необходимости облегчаютъ, сбрасывая съ нихъ грузъ: такъ и для упившихся необходимо облегченіе отъ обременяющаго ихъ. Но изрыгая и изблевывая, едва освобождаются отъ бремени и въ той мѣрѣ болѣе жалки несчастныхъ пловцовъ, что пловцы слагаютъ вину на вѣтры и море, на внѣшнія бѣдствія, а упившіеся произвольно навлекаютъ на себя бурю опьяненія. Жалокъ одержимый бѣсомъ, а утопившійся, хотя терпитъ то же, не достоинъ сожалѣнія, потому что борется съ произвольно накликаннымъ бѣсомъ.

Упившіеся составляютъ и пьянственныя врачевства, не для того ухищряясь, чтобы не потерпѣть какого зла отъ вина, но для того, чтобы непрестанно быть въ упоеніи. Для нихъ коротокъ день; и ночи, даже зимней, имъ мало на питье. Нѣтъ и конца сему злу. Вино само себя ведетъ къ большему, оно не удовлетворяетъ потребности, но дѣлаетъ неизбѣжною потребность другого питья, воспламеняя упившихся и непрестанно возбуждая къ большей жаждѣ.

Но когда думаютъ, что у нихъ желаніе пить неутолимо, тогда испытываютъ противное тому, чего желали. Ибо отъ непрестаннаго наслажденія увядаютъ чувства. Какъ чрезмѣрный блескъ омрачаетъ зрѣніе, и какъ оглушаемые сильнымъ шумомъ непомѣрностію пораженія бываютъ доведены до того, что вовсе не слышатъ: и упивающіеся, отъ чрезмѣрнаго сластолюбія, сами того не примѣчая, теряютъ ощущенія удовольствія. Вино для нихъ не вкусно и водяно, хотя ничѣмъ не разведено; вино молодое представляется на вкусъ тепловатымъ, хотя оно весьма прохладно, да и самый снѣгъ не можетъ утушить пламени, возженнаго внутри ихъ излишествомъ вина.

„Кому горе? Кому молва? Кому судове? Кому горести и свары? Кому сокрушенія вотще? Кому сини очи? Не пребывающимъ ли въ винѣ, и не назирающимъ ли, гдѣ пирове бываютъ“ (Притч. 23, 29. 30)? „Горе!“—это—восклицаніе оплакивающаго. Упивающіеся же достойны плача, потому что „пьяницы царствія Божія не наслѣдятъ“ (1 Кор. 6, 10). А „молва“, по причинѣ смятенія, производимаго виномъ въ помыслахъ. И „горести“ отъ непріятныхъ послѣдствій этого удовольствія—пить; потому что у нихъ связаны бываютъ ноги, связаны руки

отъ испареній, какія передаетъ имъ упоеніе. Впрочемъ и прежде сихъ недуговъ, во время самаго питья, съ ними бываютъ припадки, свойственные помѣшаннымъ въ умѣ. Ибо когда мозговыя оболочки наполняются чадомъ, какой возгоняетъ испаряющееся вино: голова поражается нестерпимыми болями, и, не имѣя силъ держаться на плечахъ прямо, опадаетъ туда и сюда, качаясь на позвонкахъ. А „сварами" называетъ бесѣды во время пиршествъ неумѣренныя и состоящія въ спорахъ. И „сокрушенія вотще" бываютъ у піяницъ, которые отъ опьянѣнія не могутъ стоять на ногахъ; ибо шатаясь падаютъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, отчего необходимо имѣть на тѣлѣ „сокрушенія вотще".

Но кто скажетъ это людямъ преданнымъ пьянству? Голова у нихъ тяжела отъ опьяненія, они дремлютъ, зѣваютъ, видятъ какъ въ туманѣ, чувствуютъ тошноту. Потому не слушаютъ учителей, которые во многихъ мѣстахъ взываютъ имъ: „не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ" (Еф. 5, 18); и еще: „невинно вино, укоризненно же піянство" (Притч. 20, 1); а не слушая ихъ, поэтому собираютъ плоды пьянства. Тѣло у нихъ отекаетъ, глаза влажны, уста сухи и горятъ. Какъ овраги, пока текутъ въ нихъ весенніе потоки, кажутся полными, а по прошествіи наводненія остаются сухими: такъ и уста піяницъ, пока налиты виномъ, полны и влажны, а едва оно протекло чрезъ нихъ, оказываются сухими и лишенными влаги; непрестанно же насилуемыя и наливаемыя виномъ безъ мѣры, теряютъ и жизненную влажность. Ибо какое человѣческое сложеніе будетъ такъ крѣпко, чтобы противиться всѣмъ худымъ послѣдствіямъ пьянства? Есть ли какое средство тѣлу, которое непрестанно разгорячается и всегда бываетъ напитано виномъ, не сдѣлаться слабымъ, хилымъ, истощеннымъ? Отъ сего происходитъ дрожаніе и разслабленіе. Поелику отъ излишняго употребленіе вина дыханіе прерывается, нервы тряютъ свою напряженность; то происходитъ трясеніе во всемъ составѣ тѣла. Для чего же навлекаешь на себя Каиново проклятіе, трясясь и вертясь всю жизнь? Ибо тѣлю, когда нѣтъ у него естественной опоры, по необходимости колеблется и шатается.

Долго ли будетъ это вино? долго ли это пьянство? Есть наконецъ опасность, что изъ человѣка сдѣлаешься ты грязью. Такъ весь ты растворенъ виномъ, и перегнилъ съ нимъ отъ ежедневнаго опьяненія, издавая отъ себя запахъ вина, притомъ перегорѣлаго, подобно сосуду, ни на что уже негодному. Такихъ людей оплакиваетъ Исаія: „горе востающимъ заутра, и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера: вино бо сожжетъ я: съ гусльми бо и свирѣльми вино піютъ; на дѣла же Господня не взираютъ, и дѣлъ руку Его не помышляютъ (Ис. 5, 11. 12). У Евреевъ въ обычаѣ называть сикеромъ всякой напитокъ, который можетъ произвести опьянѣніе. Итакъ людей, которые съ наступленіемъ дня „нази-

раютъ, гдѣ пирове бываютъ" (Притч. 23, 30) заглядываютъ въ мѣста винопродажи и въ корчмы, принимаютъ другъ друга, чтобы вмѣстѣ пить, и на заботы о подобныхъ вещахъ истощаютъ все душевное попеченіе, Пророкъ оплакиваетъ за то, что они не оставляютъ себѣ ни малаго времени на размышленіе о чудесахъ Божіихъ. Ибо не даютъ очамъ своимъ досуга воззрѣть на небо, изучить красоты его, разсмотрѣть все благоустройство существъ, чтобы изъ стройнаго ихъ чина уразумѣть Создателя. Но едва начинается день, украшаютъ мѣста своихъ пиршествъ испещренными коврами и цвѣтными завѣсами, выказываютъ рачительность и тщательность въ приготовленіи сосудовъ для питія, разстанавливая сосуды прохлаждающіе, чаши и фіалы, какъ бы на показъ и для зрѣлища; какъ будто разнообразіе сосудовъ можетъ утаить отъ нихъ пресыщеніе, а обмѣнъ и передача чашъ доставить достаточное промедленіе во время питья. Бываютъ же при этомъ какіе-то князья вечеринокъ, главные виночерпіи и учредители пира: въ безпорядкѣ придуманъ порядокъ, и въ неблагочинномъ дѣлѣ—устройство, чтобы, какъ мірскимъ властямъ придаютъ важности оруженосцы, такъ и пьянство, подобно царицѣ, окружалось служителями, и избыткомъ усердія закрывался позоръ его! Сверхъ того вѣнки и цвѣты, благовонныя масти и куренія и тысячи придуманныхъ постороннихъ увеселеній доставляютъ большее развлеченіе гибнущимъ. Потомъ, съ продолженіемъ пиршества и начинаются вызовы, кто больше выпьетъ, состязанія и подвиги между домогающимися чести превзойдти другъ друга въ пьянствѣ. И законодателемъ этихъ подвиговъ у нихъ діаволъ, а наградою за побѣду грѣхъ. Ибо кто больше вливаетъ въ себя цѣльнаго вина, тотъ получаетъ отъ другихъ побѣдные вѣнки. Подлинно, „слава въ студѣ ихъ" (Филип. 3, 19). Состязуются другъ съ другомъ, и сами себѣ отмщаютъ. Какое слово можетъ слѣдить за гнусностію происходящаго? Все исполнено неразумія, все полно смятенія! Побѣжденные упиваются, упиваются и побѣдители, а прислужники смѣются; руки отказались служить, уста не принимаютъ, чрево расторгается, но злю не престаетъ. Бѣдное тѣло, лишившись естественной силы, разслабѣло, не выдерживая насилія неумѣренности.

Жалкое зрѣлище для очей христіанскихъ! Того, кто цвѣтетъ возрастомъ, полонъ тѣлесныхъ силъ, отличенъ въ воинскихъ спискахъ, того лежащаго переносятъ домой; онъ не можетъ стоять прямо и идти на своихъ ногахъ. Кто долженъ быть страшенъ врагамъ, тотъ дѣлается поводомъ къ смѣху дѣтямъ на торжищѣ. Онъ низложенъ безъ меча, убитъ безъ враговъ. Человѣкъ вооруженный, въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ, сталъ добычею вина, готовъ потерпѣть отъ враговъ, что имъ угодно. Пьянство—утрата разсудка, истощеніе силы, безвременная старость, кратковременная смерть. Упившіеся—что иное, какъ не языческіе идолы? „Очи

имутъ, и не" видятъ: „уши имутъ, и не" слышатъ (Псал. 113, 13. 14); руки разслабѣли, ноги онѣмѣли. Кто злоумыслилъ это? Кто виновникъ сихъ золъ? Кто растворилъ намъ этотъ адъ неистовства? Человѣкъ! изъ пиршества сдѣлалъ ты битву. Выкидываешь юношей, выводимыхъ подъ руки, какъ бы раненыхъ съ поля сраженія, цвѣтъ юности умертвивъ виномъ. Зовешь къ себѣ какъ друга на ужинъ, а выкидываешь отъ себя замертво, угасивъ въ немъ жизнь виномъ.

Когда по мнѣнію другихъ пресыщены виномъ, тогда начинаютъ пить, и пьютъ подобно скотамъ, какъ бы изъ явившагося вдругъ источника, въ которомъ открылось столько же ключей, сколько возлежащихъ. Ибо въ продолженіи пиршества входитъ къ нимъ юноша, мужественный по сложенію плечъ, еще не пьяный, неся огромный фіалъ прохлажденнаго вина. Оттолкнувъ ихъ виночерпія, становится онъ на средину, и чрезъ изогнутыя трубки поравну дѣлитъ пирующимъ опьянѣніе. Вотъ новая мѣра неумѣренности, чтобы, равномѣрно другъ съ другомъ предавясь невоздержности, никому не превзойдти другого въ питьѣ. Ибо, раздѣливъ между собою трубки, и каждый взявъ обращенную къ нему, подобно быкамъ, какъ бы изъ какого водоема, не переводя дыханія пьютъ, поспѣшая столько втянуть въ гортань, сколько прохлаждающій сосудъ даетъ имъ сверху чрезъ серебряные водопроводы. Склонивъ взоръ на бѣдное свое чрево, вымѣряй величину выпиваемаго сосуда; его вмѣстимость равняется одному котилу [1]). Смотри не на сосудъ, скоро ли его опорожнишь, но на собственное свое чрево, потому что оно давно наполнено.

Поэтому „горе востающимъ заутра и сикеръ гонящимъ, ждущимъ вечера", и день проводящимъ въ упоеніи; потому что нѣтъ уже у нихъ времени на дѣла Господня взирать, и о дѣлахъ рукъ Его помышлять. „Вино бо сожжетъ я". Жаръ, производимый виномъ, сообщаясь плоти, дѣлается поджогою для разжженныхъ стрѣлъ врага. Вино потопляетъ разсудокъ и умъ, и возбуждаетъ подобно рою пчелъ страсти и сластолюбіе. Какая колесница, влачимая молодыми конями, такъ безчинно несется, сринувъ съ себя возницу? Всякій корабль не управляемый кормчимъ и несомый по волнамъ, куда случится, не безопаснѣе ли упившагося? Послѣ подобныхъ бѣдъ, мужчины и женщины, составивъ вмѣстѣ общіе лики, и предавъ души винолюбивому демону, язвятъ другъ друга жалами страстей. Съ обѣихъ сторонъ смѣхъ, срамныя пѣсни, любодѣйныя положенія тѣла, возбуждающія къ похотливости.

Скажи мнѣ: ужели ты смѣешься и услаждаешься постыднымъ наслажденіемъ, когда надлежало бы плакать и стенать о предшествовавшемъ? Поешь любодѣйныя пѣсни, отринувъ псалмы и пѣснопѣнія, кото-

---

[1]) Мѣра жидкостей, заключающая въ себѣ около 12 куб. дюм.

рые выучилъ. Движешь ногами и скачешь, какъ помѣшанный, пляшешь непристойно, когда надобно прегибать колѣна для поколенія? Кого стану оплакивать? дѣвъ ли, не вступившихъ въ замужество, или тѣхъ, которыя уже носятъ иго супружества? Однѣ пришли домой, не имѣя уже дѣвства; другія не возвратились къ мужьямъ цѣломудренными. Ибо, если нѣкоторыя избѣжали грѣха тѣлеснаго, то, безъ сомнѣнія, приняли растлѣніе въ душу. То же самое должно сказать мнѣ и о мужчинахъ. Ты худо посмотрѣлъ, и на тебя смотрѣли худо: „иже воззритъ на жену ко еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею“ (Матѳ. 5. 28). Ежели случайныя встрѣчи столько опасны для взирающихъ мимоходомъ; то каковы нарочитыя сходбища, гдѣ можно видѣть женщинъ, не имѣющихъ стыда отъ опьянѣнія, принимающихъ на себя распутный видъ, поющихъ нѣжныя пѣсни, одно слышаніе которыхъ можетъ возбудить въ невоздержныхъ все неистовство сластолюбія? Что скажутъ, или чѣмъ оправдываютъ себя тѣ, которые на такихъ зрѣлищахъ собираютъ рой безчисленныхъ золъ? Скажутъ ли, что не для того смотрѣли, чтобы возбудить похоть? Итакъ, по непреложному опредѣленію Господню, они подлежатъ осужденію за любодѣйство.

Какъ пятидесятница пріиметъ васъ, поругавшихъ такъ пасху? Въ пятидесятницу было явное и всѣмъ видимое сошествіе Духа Святаго: а ты предварительно содѣлалъ себя жилищемъ сопротивнаго духа, сталъ храмомъ идольскимъ, вмѣсто того, чтобы тебѣ стать храмомъ Божіимъ чрезъ вселеніе Духа Святаго. Ты навлекъ на себя клятву пророка, который говоритъ отъ лица Божія: „превращу праздники ваши въ жалость“ (Ам. 8. 10). Какъ будете начальствовать надъ рабами, когда сами, подобно невольникамъ, порабощены похотями „несмысленными и враждающими“ (Тим. 6. 9)? Какъ будете вразумлять дѣтей, когда сами ведете жизнь неразумную и безчинную?

И такъ что же? Оставить ли мнѣ васъ въ такомъ состояніи? Но боюсь, чтобы безчинный не сдѣлался еще развратнѣе, и уязвленный отъ него не былъ „многою скорбію пожертъ“ (2 Кор. 2, 7). Ибо сказано: „исцѣленіе утолитъ грѣхи велики“ (Еккл. 10, 4). Постъ да уврачуетъ пьянство; псаломъ—срамныя пѣсни; слезы да будутъ врачевствомъ смѣха. Вмѣсто пляски преклони колѣна; вмѣсто рукоплесканій ударяй въ грудь; а нарядность въ одеждѣ да замѣнитъ смиреніе. И паче всего милостыня да искупитъ тебя отъ грѣха. Ибо „избавленіе мужа, свое ему богатство“ (Притч. 13, 8): пріими многихъ несчастныхъ въ общеніе молитвы, да будетъ тебѣ отпущено измышленіе пророка.

Когда „сѣдоша людіе ясти и пити, и восташа играти“ (а играніемъ ихъ было идолослуженіе, Исх. 32, 6): тогда левиты, вооружаясь на своихъ братьевъ, освятили руки свои для священства. Такъ и вамъ боящіеся

Бога, которые воскорбѣли о срамотѣ предосудительныхъ дѣлъ, заповѣдуемъ слѣдующее: если увидите раскаявающихся въ неприличіи сдѣланнаго, состраждите съ ними, какъ съ собственными вашими больными членами. Если увидите непокоряющихся и презирающихъ вашу о нихъ скорбь; „изъидите отъ среды ихъ и отлучитеся, и нечистотѣ не прикасайтеся“ (2 Кор. 6, 17), чтобы такимъ образомъ устыдившись пришли они въ познаніе собственнаго своего грѣха; а вы пріяли награду Финеесовой ревности (Числъ 25), по праведному суду Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 15. О вѣрѣ.

Непрестанно памятовать о Богѣ—благочестиво, и въ этомъ боголюбивая душа не знаетъ сытости; но описывать словомъ божественное—дерзко; потому что и мысль далеко не досязаетъ достоинства предмета, а опять и слово не ясно изображаетъ представляемое мыслію. А поэтому, если и мысль наша во многомъ ниже великости предмета, а слова ниже и самой мысли; то какъ же не быть необходимымъ молчанію, чтобы иначе и это чудо богословія не оказалось у насъ близкимъ къ опасности отъ низости реченій? Посему, хотя во всѣхъ разумныхъ существахъ природою всѣяно желаніе славить Бога: однако, же говорить о Немъ по достоинству всѣ равно недостаточны. Превосходимъ мы другъ друга ревностію къ благочестію, но никто не ослѣпленъ и не самообольщенъ до такой степени, чтобы сталъ почитать себя достигшимъ самой высоты разумѣнія. Напротивъ того, чѣмъ кто болѣе, по видимому, преуспѣетъ въ вѣдѣніи, тѣмъ болѣе восчувствуетъ свою немощь. Таковъ былъ Авраамъ, таковъ былъ Моѵсей. Когда пришли они въ состояніе видѣть Бога, сколько человѣку видѣть можно: тогда наипаче уничижилъ себя каждый изъ нихъ,—Авраамъ, именуя себя „землею и пепломъ“ (Быт. 18, 27), а Моѵсей, называя себя „худогласнымъ и косноязычнымъ“ (Исх. 4, 10), потому что видѣлъ немощь языка своего, неспособнаго служить величію уразумѣваемаго.

Но поелику нынѣ всякій слухъ отверстъ къ слушанію богословія, и таковымъ слушаніемъ не можетъ насытиться церковь, подтверждая собою слово Екклесіаста, что не „исполнится ухо слышанія“ (Еккл. 1, 8): то необходимо говорить по мѣрѣ силъ. Скажемъ же о Богѣ, не каковъ Онъ Самъ въ Себѣ, но сколько намъ о Немъ говорить можно. Какъ по тому, что не можемъ объять глазами всего пространства между небомъ и землей, не отказываемся уже и столько смотрѣть на оное, сколько можетъ; такъ и теперь въ немногія реченія заключимъ благочестіе, величію же Естества уступимъ побѣду надъ всякимъ словомъ. Ибо и евангельское

языки, каковы бы они ни были, и архангельскіе, даже въ совокупномъ соединеніи со всею умною природою, не могутъ изобразить и малѣйшей части, не только что сравниться съ цѣлымъ.

А ты, если хочешь говорить или слышать о Богѣ, отрѣшись отъ своего тѣла, отрѣшись отъ тѣлесныхъ чувствъ, оставь землю, оставь море, сдѣлай, чтобы воздухъ былъ ниже тебя, минуй времена года, ихъ чинный порядокъ, украшенія земли, стань выше ѳеира, пройди звѣзды, ихъ чудеса, ихъ благолѣпіе, величину, пользу какую доставляютъ цѣлому, благоустройство, свѣтлость, положеніе, движеніе и то, сколько имѣютъ онѣ между собою связи, или разстоянія. Протекши все это умомъ, обойдя небо и ставъ выше его, одною мыслію обозри тамошнія красоты: пренебесныя воинства, Ангеловъ, начальства Архангеловъ, славу Господствій, предсѣданія Престоловъ, Силы, Начала, Власти. Миновавъ все сіе, оставивъ ниже своихъ помышленій всю тварь, возведя умъ за предѣлы сего, представь въ мысли Божіе естество неподвижное, непревратное, неизмѣнное, безстрастное, простое, несложное, нераздѣльное, свѣтъ неприступный, силу неизреченную, величину безпредѣльную, славу лучезарную, доброту вожделѣнную, красоту неизмѣримую, которая сильно поражаетъ уязвленную душу, но не можетъ по достоинству изображена быть словомъ.

Такъ Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ, — несотворенное естество, владычественное достоинство; естественная благость. Отецъ — начало всего, причина бытія существъ, корень живущихъ. Отсюда происшелъ источникъ жизни, мудрость, сила, неразнственный образъ невидимаго Бога, отъ Отца рожденный Сынъ, живое Слово, сущій Богъ и сущій у Бога; сущій, а не привзошедшій; существующій прежде вѣковъ, а не впослѣдствіи стяжанный; Сынъ, а не стяжаніе; Производитель, а не произведеніе; Творецъ, а не тварь; сущій всѣмъ тѣмъ, чѣмъ есть Отецъ. Сынъ, сказалъ я, и Отецъ. Обрати вниманіе на сіи личныя свойства. Пребывая въ томъ, что Онъ—Сынъ, Онъ есть все то, что есть Отецъ, по изреченію самого Господа, Который говоритъ: „вся, елика имать Отецъ, Моя суть“ (Іоан. 16, 15). Ибо дѣйствительно Образу принадлежитъ все то, что есть въ Первообразѣ. „Видѣхомъ“, говоритъ евангелистъ, „славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца“ (Іоан. 1, 14). То есть, не по дару и благодати даны Ему видныя свойства, но по естественному общенію Сынъ имѣетъ достоинство Отчаго Божества. Ибо принимать—общее достояніе твари; но имѣть по естеству—свойственно Рожденному. Посему, какъ Сынъ, естественно обладаетъ Онъ принадлежащимъ Отцу; какъ Единородный, имѣетъ все въ самомъ себѣ совокупно, ничего не раздѣляя съ другимъ. Поэтому изъ самаго наименованія: „Сынъ“, научаемся, что Онъ имѣетъ общее съ Отцемъ естество; не повелѣніемъ созданъ Онъ, но изъ сущности возсіялъ неразлучно, не во времени соединенъ съ Отцемъ,

равенъ Ему въ благости, равенъ въ силѣ, имѣетъ общую съ Нимъ славу. Ибо что иное Онъ, какъ не печать и образъ, показывающій въ себѣ всецѣлаго Отца?

А что послѣ сего, домостроительствуя спасеніе людей, которое показалъ, явившись намъ во плоти, говоритъ Онъ тебѣ относительно къ тѣлесному устроенію, называя Себя посланнымъ (Іоан. 5, 36), не могущимъ о „Себѣ творити ничесоже" (30), пріявшимъ заповѣдь (10, 18), и тому подобное: то сіе да не подастъ тебѣ повода къ уничиженію Божества Единороднаго; потому что снисхожденіе къ твоей немощи не должно быть умаленіемъ достоинства Сильнаго. Напротивъ того, естество разумѣй боголѣпно, а уничтожительныя реченія принимай въ отношеніи къ домостроительству. Если бы мы въ настоящемъ словѣ захотѣли о такихъ реченіяхъ разсуждать подробно; то непримѣтнымъ для себя образомъ, ввели бы въ предметъ свой великое и даже безчисленное множество словъ.

Но возвратимся къ предложенному, а именно, къ тому, что мысль, когда она въ состояніи очистить себя отъ вещественныхъ страстей, оставить ниже себя всякую умопредставляемую тварь и, подобно какой-нибудь рыбѣ, изъ глубины изникнуть на самую поверхность, ставъ въ чистотѣ твари, тамъ узритъ Духа Святаго, гдѣ Сынъ и гдѣ Отецъ, узритъ, что и Духъ, сосущественно и по естеству, имѣетъ все—благость, правоту, святыню, жизнь. Ибо сказано: „Духъ Твой благій" (Псал. 142, 10); и еще: „Духъ правъ" (Псал. 50, 12); и еще: „Духъ Святый" (11). И Апостолъ говоритъ: „законъ Духа жизни" (Рим. 8, 2). Все это не пріобрѣтено Имъ, и не въ послѣдствіи привзошло: но какъ отъ огня неотдѣлимо, что онъ грѣетъ, и отъ свѣта, что онъ свѣтитъ; такъ неотдѣлимо и отъ Духа, что Онъ святитъ, животворитъ, что Онъ—благость, правота. Поэтому Духъ состоитъ тамъ,—тамъ, въ блаженномъ Естествѣ; не ко множеству причисляется, но умосозерцается въ Троицѣ; единично возвѣщается, а не включается въ сочетанія многихъ. Ибо какъ Отецъ единъ, и Сынъ единъ, такъ единъ и Святый Духъ. Служебные же духи въ каждомъ чинѣ представляютъ намъ едва исчислимое множество. Посему не ищи въ тваряхъ Того, Кто выше твари; Освящающаго не низводи въ рядъ съ освящаемыми. Духъ исполняетъ Ангеловъ, исполняетъ Архангеловъ, освящаетъ Силы, все животворитъ. Онъ, раздѣляемый всей твари, и каждымъ по своему пріемлемый, не умаляется отъ множества причастниковъ. Хотя всѣмъ подаетъ свою благодать; однако же не тратится на пріобщающихся, но и принимающіе исполняются, и Самъ Онъ не оскудѣваетъ. И какъ солнце, освѣщая тѣла, и въ различныхъ видахъ имѣя ихъ своими причастниками, не умаляется отъ множества причащающихся: такъ и Духъ, всѣмъ сообщая Свою благодать, пребаветъ неумаленнымъ и нераздѣль-

нымъ. Всѣхъ просвѣщаетъ къ познанію Бога, вдохновляетъ пророковъ, умудряетъ законодателей, совершаетъ священниковъ, укрѣпляетъ царей, приводитъ въ благоустройство праведныхъ, украшаетъ цѣломудренныхъ, сообщаетъ дарованіе исцѣленій, оживотворяетъ мертвыхъ, разрѣшаетъ узниковъ, усыновляетъ чуждыхъ. Производитъ сіе чрезъ рожденіе свыше. Если возьметъ мытаря вѣрующаго (Матѳ. 9, 9), дѣлаетъ его евангелистомъ. Если будетъ въ рыбарѣ, совершаетъ его богословомъ (4, 18—19). Если найдетъ гонителя кающагося, содѣлываетъ его Апостоломъ языковъ, проповѣдникомъ вѣры, сосудомъ избраннымъ (Дѣян. 9, 15). Имъ немощные крѣпки, бѣдные богатѣютъ; Имъ невѣжды словомъ мудрѣе мудрыхъ. Павелъ немощенъ, но присутствіемъ Духа „главотяжи пота тѣла“ его сообщаютъ исцѣленіе пріемлющимъ (Дѣян. 19, 12). И самъ Петръ былъ обложенъ немощнымъ тѣломъ, но, по обитающей въ немъ благодати Духа, тѣнь, падавшая отъ тѣла его, прогоняла болѣзни страждущихъ (Дѣян. 5, 15). Бѣдны были Петръ и Іоаннъ, потому что не имѣли „сребра и злата“: но подавали здравіе, которое драгоцѣннѣе золота. Ибо хромый, отъ многихъ получая золотыя монеты, оставался еще нищимъ, но, пріявъ благодать отъ Петра, пересталъ ниществовать, „скача“, какъ елень, и „хваля Бога“ (Дѣян. 3, 6—8). Іоаннъ не зналъ мірской мудрости, но силою Духа провѣщавалъ глаголы, въ которые не можетъ проникать никакая мудрость. Духъ и на небѣ пребываетъ, и землю наполняетъ: вездѣ присутствуетъ, и ничѣмъ не объемлется. Всецѣло обитаетъ въ каждомъ, и всецѣло пребываетъ съ Богомъ. Не служебно преподаетъ дары, но полновластно раздѣляетъ дарованія; ибо сказано „раздѣляютъ властію, коемуждо якоже хощетъ“ (1 Кор. 12, 11). Хотя посылается по домостроительству, но дѣйствуетъ свободно.

Будемъ молиться, чтобы пребывалъ Онъ въ душахъ нашихъ, и ни въ какое время не оставлялъ насъ, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда 16. На слова: въ началѣ бѣ Слово (Іоан. 1, 1).

Всякое евангельское изреченіе возвышеннѣе прочихъ наставленій Духа, поколику въ послѣднихъ глаголахъ намъ чрезъ рабовъ-Пророковъ, а въ евангеліяхъ самолично бесѣдовалъ съ нами Владыка. Наиболѣе же велегласный въ самой евангельской проповѣди, вѣщавшій то, что невмѣстимо всякому слуху и выше всякаго разумѣнія, есть Іоаннъ сынъ громовъ. И теперь только слышали мы чтенное начало его евангельской книги. „Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово“.

Знаю, что многіе изъ тѣхъ, которые непричастны слову истины и кичатся мірской мудростью, дивились словамъ симъ и отважились вклю-

чить ихъ въ собственныя свои сочиненія; ибо діаволъ—тать, и наши ученія разглашаетъ своимъ провѣщателямъ. А если и плотская мудрость столько дивилась силѣ словъ сихъ; что будемъ дѣлать мы, ученики Духа? Мимоходомъ ли выслушаемъ, и такое только сдѣлаемъ заключеніе, что есть въ нихъ нѣкоторая небольшая сила? Но кто столько страждетъ безчувственностію, чтобы не поразиться такою красотою мысли, столь непостижимою глубиною догматовъ, и не пожелать истиннаго ихъ уразумѣнія?

Однако удивляться прекрасному не трудно; пріобрѣсти же точное понятіе о томъ, что приводитъ въ удивленіе, сіе трудно и неудободостижимо. Ибо нѣтъ человѣка, который бы не превозносилъ похвалами и сего чувственнаго солнца, съ услажденіемъ смотря на его величину, красоту, соразмѣрность его лучей и яркій блескъ. Впрочемъ, если поупорствуетъ съ большимъ усиліемъ устремить свои взоры на солнечный кругъ, не только не увидитъ желаемаго, но повредитъ наконецъ и вѣрность зрѣнія. Чему-то подобному, какъ думаю, подвергнется мысль, усиливающаяся произвести подробное изслѣдованіе сихъ реченій: „въ началѣ бѣ Слово". Кто составитъ соотвѣтственное предмету понятіе о началѣ? Какая сила реченій окажется способною равносильно выразить представляемое въ умѣ?

Намѣревающійся передать намъ богословіе о Сынѣ Божіемъ положилъ слову своему не другое какое начало, какъ начало всяческихъ. Духъ Святый зналъ возстающихъ на славу Единороднаго; предувѣдалъ тѣхъ, которые будутъ предлагать намъ лжеумствованія, изобрѣтаемыя ими къ погибели слушателей; а именно: „если Сынъ рожденъ, то не былъ; и прежде нежели рожденъ, Его не было: и: изъ небытія пришелъ въ самостоятельность". Подобное сему произносятъ языки, изощренные словопреніемъ, паче всякаго меча обоюдуостраго. Поэтому, чтобы никто не могъ сказать подобнаго сему, Духъ Святый, предваривъ евангеліемъ, сказалъ: „въ началѣ бѣ Слово". Если удержишь сіе изреченіе; не потерпишь ничего опаснаго отъ людей злохудожныхъ. Ибо, если скажетъ кто: „ежели Сынъ рожденъ, то не былъ"; ты отвѣчай: „въ началѣ бѣ". Но, скажетъ, какъ же былъ прежде нежели рожденъ? Ты не отступайся отъ этого „бѣ"; не оставляй сего „въ началѣ". У начала не возможно представить какой-нибудь крайній предѣлъ; ничего не найдется, что было бы внѣ начала.

Да не приводитъ тебя въ обманъ кто-нибудь многозначительностію реченія. Ибо много началъ у многихъ вещей этой жизни. Но одно начало—превыше всего. „Начало пути блага" (Притч. 16, 6), сказала притча. Но „начало пути"—первое движеніе, откуда начинаемъ шествіе, у котораго можно найти предъидущее. „Начало премудрости страхъ Господень" (Псал. 110, 10). И у сего начала есть нѣчто другое предшествующее. Ибо въ уразумѣніи искусствъ служитъ началомъ изученіе пер-

выхъ основаній. Потому страхъ Господень есть первое основаніе мудрости; но есть нѣчто первоначальнѣе сего начала, именно, состояніе души въ человѣкѣ еще не умудренномъ и не пріявшемъ въ себѣ страха Божія. Началами называются также гражданскія власти, высочайшія достоинства: но сіи начала служатъ началомъ только для нѣкоторыхъ, и каждое есть начало въ отношеніи къ чему-либо одному. Ибо начало черты—точка, начало поверхности—черта, а начало тѣла—поверхность. И начала сложнаго слова—буквы.

Но не таково оное Начало. Ибо ни съ чѣмъ оно не связано, ничему не подчинено, не въ отношеніи къ чему-либо разсматривается, но свободно и независимо, отрѣшено отъ всякаго отношенія къ другому; за него не преступаетъ разумѣніе; для него нельзя и найдти чего-либо запредѣльнаго. Ибо, если станешь усиливаться представленіемъ ума перейдти за сіе начало, то найдешь, что оно само идетъ впередъ тебя и предваряетъ твои мысли. Дай уму своему идти, сколько хочетъ, и простираться выше и выше; потомъ найдешь, что умъ, послѣ тысячекратныхъ скитаній и послѣ напрасныхъ усилій, опять возвращается къ самому себѣ, потому что не можетъ оставить начало ниже себя. Поэтому всегда оказывается, что начало простирается далѣе мыслимаго и обширнѣе его.

Итакъ: „въ началѣ бѣ Слово“. О чудо! Какъ всѣ реченія равносильно сопряжены между собою! Слово: „бѣ“, равнозначительно съ словомъ: „въ началѣ“. Гдѣ хулитель? Гдѣ языкъ христоборный, говорящій: „было нѣкогда, когда Онъ не былъ“?—Слушай, что говоритъ евангеліе: „въ началѣ бѣ“. А если былъ въ началѣ, то когда же не былъ? Нечестіе ли ихъ оплакивать мнѣ,или съ отвращеніемъ смотрѣть на ихъ невѣжество? Но „прежде нежели рожденъ, Его не было“? Но знаешь ли „когда“ рожденъ, чтобы это „прежде“ относить ко времени? Ибо „прежде“—реченіе времени, предполагающее давность одного сравнительно съ другимъ. А есть ли сообразность, чтобы Творецъ времени имѣлъ рожденіе, подлежащее именованіямъ, употребляемымъ о времени? Итакъ: „въ началѣ бѣ“. Ежели не отступишь отъ сего „бѣ“; то лукавой хулѣ не дашь никакого доступа. Ибо находящіеся на морѣ, когда держатся на двухъ якоряхъ, презираютъ бурю: такъ и ты, если душа твоя будетъ укрыта подъ защитой сихъ реченій, посмѣешься этому лукавому смятенію, какое духи злобы производятъ въ мірѣ, приводя въ колебаніе вѣру многихъ.

Но мысль наша доискивается: кто „бѣ въ началѣ?“ Сказано: „Слово“, Какое слово? Человѣческое ли слово? или слово ангельское? Такъ, Апостолъ открылъ намъ, что и Ангелы имѣютъ свой собственный языкъ, когда сказалъ: „аще языки человѣческими глаголю и ангельскими“ (1 Кор. 12, 1). Притомъ понятіе слова двояко: есть слово про-

износимое голосомъ, но по произношеніи исчезаетъ въ воздухѣ; и есть слово внутреннее, заключенное въ сердцахъ нашихъ, мысленное и иное искусственное слово.

Посему смотри, чтобы не ввела тебя въ обманъ подобоименность слова. Ибо какъ быть въ началѣ человѣческому слову, когда человѣкъ получилъ начало бытія уже потомъ? Прежде человѣка—звѣри, прежде человѣка—скоты, всѣ пресмыкающіяся, все живущее на сушѣ и въ водѣ, птицы небесныя, звѣзды, солнце, луна, растенія, сѣмена, земля, море, небо; поэтому не человѣческое слово „бѣ въ началѣ"; но и не ангельское; потому что всякая тварь позднѣе вѣковъ отъ Творца получила начало бытія. Но и слово въ сердцѣ, и оно новѣе каждаго мысленнаго предмета.

Напротивъ того боголѣпно понимай Слово. Ибо бесѣдующій съ тобою объ Единородномъ, Его наименовалъ Словомъ, какъ нѣсколько послѣ называетъ Его свѣтомъ, и жизнію, и воскресеніемъ. И ты слыша реченіе: „свѣтъ", не обращаешься къ этому чувственному и глазамъ видимому свѣту; и слыша реченіе: „жизнь", не разумѣешь сей общей жизни, какою живутъ и безсловесныя: такъ слыша и реченіе: „слово", остерегайся, чтобы, по немощи своей мысли, не увлечься въ мысли, пресмыкающіяся по землѣ и низкія, но изслѣдуй смыслъ реченія. Почему Слово? Чтобы показано было, что произошелъ изъ ума. Почему Слово? Потому что рожденъ безстрастно. Почему Слово? Потому что Сынъ—образъ Родившагося, всецѣло показывающій въ Себѣ Родившаго, ничего не отдѣлившій отъ Него, и Самъ въ Себѣ совершенный, какъ и наше слово изображаетъ собою цѣлое наше понятіе. Ибо что помыслили мы въ сердцѣ, то же самое произнесли рѣчью; и выговоренное есть изображеніе сердечнаго мышленія: потому что слово произносится отъ избытка сердца. Сердце наше есть какъ бы нѣкоторый источникъ, а произносимое слово—какъ бы нѣкоторый ручей, текущій изъ сего источника. Поэтому утекаетъ столько же, сколько источено первоначально; каково сокровенное, таково и обнаруженное. Итакъ наименовалъ Словомъ, чтобы изобразить тебѣ безстрастное рожденіе Отца, изложить богословское ученіе о совершенномъ существованіи Сына, а чрезъ сіе показалъ довременное единеніе Сына со Отцемъ. Ибо и наше слово—порожденіе ума, раждаемое безстрастно; оно не отсѣкается, не отдѣляется, не истекаетъ; но всецѣлый умъ, пребывая въ собственномъ своемъ составѣ, производитъ всецѣлое и совершенное слово; и происшедшее слово заключаетъ въ себѣ всю силу породившаго ума. Почему, что благочестиво, то изъ реченія: „слово", бери въ богословіе объ Единородномъ: а что найдешь несходнымъ и видимо несообразнымъ, того избѣгай, и всѣми мѣрами старайся то миновать.

„Въ началѣ бѣ Слово“. А если бы сказалъ: „въ началѣ бѣ“ Сынъ, то съ наименованіемъ Сына привходило бы у тебя понятіе о страсти; потому что раждаемое у насъ раждается во времени, раждается со страстію. Посему предварительно наименовалъ Словомъ, предупреждая неприличныя предположенія, чтобы душу твою сохранить неуязвленною.

„И слово бѣ у Бога“. Опять „бѣ“, ради говорящихъ хульно, что Сына не было. Гдѣ было Слово? Не въ мѣстѣ, потому что не объемлется мѣстомъ безпредѣльное. Гдѣ же было? У „Бога“. Отецъ не въ мѣстѣ, и Сынъ не въ какомъ-либо объемѣ, и не въ извѣстномъ очертаніи заключенъ; но какъ безконеченъ Отецъ, такъ безконеченъ и Сынъ. Что ни представишь умомъ, куда ни пойдешь духомъ своимъ: найдешь, что всюду сораспростерта Ѵпостась Сына.

„И слово бѣ у Бога“. Подивись точности каждаго реченія: не сказалъ: въ Богѣ было Слово, но „у Бога“, чтобы изобразить отличительное свойство Ѵпостаси. Не сказалъ: въ Богѣ, чтобы не подать повода къ слiянію Ѵпостаси. Ибо лукава и эта хула, когда стараются все смѣшать, говорятъ, что одно подлежащее—Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, но одному предмету даны различныя наименованія. Лукаво это нечестіе; его не менѣе должно бѣгать, какъ и тѣхъ, которые хульно утверждаютъ, что Сынъ Божій по сущности не подобенъ Богу и Отцу.

„И слово бѣ у Бога“. Реченіемъ: слово, воспользовавшись для того чтобы показать безстрастіе въ рожденіи, вскорѣ потомъ устранилъ и вредъ, какой могли бы извлечь и изъ самаго реченія: „слово“. И какъ бы самъ себя спасая отъ клеветы хулителей, говоритъ: что такое „Слово?—Богъ бѣ Слово“. Не ухищряйся въ какихъ-то различеніяхъ словъ и, по своей злонамѣренности, не наноси никакой хулы ученію Духа. Тебѣ дано опредѣленіе: покорись Господу. „Богъ бѣ Слово“.

„Сей бѣ искони у Бога“. Евангелистъ опять въ немногихъ реченіяхъ сокращенно излагаетъ все свое богословіе, какое передалъ намъ объ Единородномъ. Кто „Сей? Сей“ Слово-Богъ. Ибо когда довелъ въ тебѣ до правильности понятіе о немъ, посредствомъ ученія какъ бы напечатлѣлъ въ душѣ твоей невѣдомое, и вселилъ бы въ сердцѣ твоемъ Слово-Христа: тогда говоритъ: „Сей“. Каковъ „Сей?“ Не обращай взоровъ вовнѣ, теряя изъ виду Того, Кто показанъ тебѣ этимъ указательнымъ реченіемъ; но войди въ таибницу своей души, и о Комъ наученъ, что Онъ—Богъ Сущій въ началѣ, происшедшій какъ Слово, и Сущій у Бога, Того познавъ, Тому почудившись, и поклонившись Владыкѣ своему, утвердившемуся въ тебѣ посредствомъ ученія, познай, что „Сей бѣ искони“, т. е. всегда у Бога Отца Своего.

Храните немногія реченія, какъ печать назнаменовавъ въ своей памяти. Они будутъ нерушимою стѣною при устремленіи навѣтующихъ;

они—спасительное огражденіе для душъ отъ нападающихъ. Пріидетъ ли кто къ тебѣ, и скажетъ: „не сущій рожденъ; ибо если былъ, то какъ рожденъ“?—Ты какъ демонскаго голоса бѣгай этой хулы на славу Единороднаго; а самъ возвратись и прибѣгни къ евангельскимъ реченіямъ: „въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ слово. Сей бѣ искони у Бога“. Четырекратно скажи: „бѣ“, и отразишь это ихъ „не былъ“.

Сіи основанія вѣры да будутъ незыблемы. На нихъ, Богъ дастъ, будутъ созидать и прочее. Ибо не возможно бесѣдовать съ вами вдругъ о всемъ: иначе продолжительностію слова содѣлаемъ для васъ безполезнымъ трудолюбиво собранное. Мысль, не имѣя силъ обнять все однимъ разомъ, подвергнется тому же, что терпитъ чрево, которое при излишествѣ насыщенія не способно переваривать сообщаемаго ему. Потому желаю вамъ, чтобы вы усладились вкушеніемъ, и воспользовались предложеннымъ. А я готовъ служить вамъ и прочимъ, О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда 17. На день святаго мученика Варлаама.

Въ прежнія времена смерть святыхъ чествовали сѣтованіемъ и слезами. „Горько плакася“ Іосифъ объ умершемъ Іаковѣ (Быт. 50, 1); не мало сѣтовали Іудеи о кончинѣ Моvсеевой (Втор. 34, 8), и Самуила почтили многими слезами (1 Цар. 25, 1). А нынѣ ликуемъ при кончинѣ преподобныхъ; потому что естество скорбнаго измѣнилось послѣ креста. Не плачемъ уже сопровождаемъ смерть святыхъ, но въ восторженныхъ ликованіяхъ веселимся при ихъ гробахъ; потому что смерть для праведныхъ—сонъ, вѣрнѣе же сказать,—отшествіе къ лучшей жизни. Поэтому закалаемые мученики радуются; желаніе блаженнѣйшей жизни умерщвляетъ въ нихъ ощущеніе болѣзней при закланіи. Мученикъ смотритъ не на опасности, но на вѣнцы; не ужасается ударовъ, но вычисляетъ награды; видитъ не исполнителей казни, бичующихъ здѣсь на землѣ, но представляетъ себѣ Ангеловъ, привѣтствующихъ съ неба; имѣетъ въ виду не кратковременныя опасности, но вѣчныя воздаянія. И у насъ уже мученики пожинаютъ свѣтлый залогъ славы; потому что, отъ всѣхъ оглашаемые восторженными привѣтствіями, изъ гробовъ уловляютъ они въ мрежу свою тысячи народа.

Сіе самое исполнилось нынѣ надъ мужественнымъ Варлаамомъ. Прозвучала бранная труба мученика, и, какъ видите, собрала воиновъ благочестія. Провозглашенъ лежащій Христовъ подвижникъ, и окрылилъ зрѣлище Церкви. И какъ сказалъ Владыка вѣрныхъ: „вѣруяй въ Мя, аще и умретъ, оживетъ“ (Іоан. 11, 25); такъ мужественный Варлаамъ умеръ, и созываетъ торжественныя собранія; поглощенъ гробомъ, и приглашаетъ къ пиршеству.

Теперь благовременно намъ воскликнуть: „гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ вѣка сего“ (1 Кор. 1, 20)? Сегодня у насъ непобѣдимымъ учителемъ благочестія поселянинъ, котораго мучитель влекъ, какъ удобоуловляемую добычу, но въ которомъ, по испытаніи, узналъ непреодолимаго воина, надъ которымъ смѣялся за его неправильную рѣчь, и который устрашилъ ангельскимъ мужествомъ: ибо нравы его не огрубѣли вмѣстѣ съ орудіемъ слова, и разсудокъ не оказалъ въ себѣ тѣхъ же недостатковъ, какіе были у него въ слогахъ. Но сталъ онъ вторымъ Павломъ, съ Павломъ говоря: „аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ“ (2 Кор. 11, 6). Бичующіе его исполнители казни приходили въ оцѣпенѣніе, а мученикъ оказывался возрастающимъ въ силахъ; ослабѣвали руки строгающихъ, но разсудокъ строгаемаго не преклонялся; бичи расторгали сплетенія жилъ, но крѣпость вѣры дѣлалась болѣе нерасторгаемою; исчезала плоть на истерзанныхъ бокахъ, но цвѣло любомудріе разума; большая часть плоти омертвѣла, но мученикъ былъ бодръ, какъ не начинавшій еще подвиговъ.

Когда любовь къ благочестію поселится въ душѣ: тогда всѣ виды браней для нея смѣшны, и всѣ терзающіе ее за любимый предметъ болѣе услаждаютъ, нежели поражаютъ. Свидѣтелемъ мнѣ въ этомъ любовь Апостоловъ, которая нѣкогда дѣлала для нихъ пріятными бичи Іудеевъ. Ибо сказано: „идяху радующеся отъ лица собора, яко“ за имя Его „сподобишася безчестіе пріяти“ (Дѣян. 5, 41).

Таковъ и нынѣ прославляемый нами воинъ. Мученія вмѣнялъ онъ себѣ въ веселіе, бичуемый думалъ, что бросаютъ въ него розами; тѣней нечестія избѣгалъ какъ стрѣлъ, а гнѣвъ судіи почиталъ тѣнью дыма; смѣялся свирѣпымъ приказамъ копьеносцевъ; шествовалъ среди опасностей какъ среди вѣнковъ; увеселялся побоями, какъ почестями; жесточайшимъ мученіямъ радовался, какъ бы блистательнѣйшимъ наградамъ; презиралъ обнаженные мечи; съ такимъ же ощущеніемъ принималъ на себя руки исполнителей казни, какъ бы онѣ были мягче воска; древо казни лобызалъ, какъ спасительное; темничными затворами наслаждался, какъ лугами; вновь изобрѣтаемыми мученіями услаждался, какъ разнообразіемъ цвѣтовъ. Правая рука его была крѣпче огня, который враги употребили противъ него какъ послѣднее средство. Ибо, возложивъ огонь на жертвенникъ для возліянія демонамъ, привели и поставили предъ нимъ мученика, и велѣвъ ему надъ жертвенникомъ держать распростерши правую руку, употребили ее вмѣсто мѣднаго алтаря, злодѣйски возлагая на нее горящій ладанъ. Они надѣялись, что рука, препобѣжденная силою огня, вскорѣ по необходимости сложитъ ладонъ на жертвенникъ.

Увы, какое хитросплетенное обольщеніе нечестивыхъ! „Поелику,— говорятъ они, — тысячи ранъ не поколебали его воли, то поколеблемъ

пламенемъ хотя руку упорнаго борца. Поелику разнообразными средствами не потрясли его душу, то приведемъ въ потрясеніе по крайней мѣрѣ десницу, дѣйствуя на нее огнемъ". Но жалкіе эти люди не воспользовались сею надеждой. Ибо, хотя пламень пожигалъ руку, но рука продолжала держать на себѣ пламень подобно пеплу; она не обратила хребта, подобно бѣглецамъ, враждующему огню; но неизмѣнно держалась, доблестно борясь съ пламенемъ, и дала мученику случай сказать словами Пророка: „благословенъ Господь Богъ мой, научаяй руцѣ мои на ополченіе, персты моя на брань" (Псал. 143, 1). Огонь вступилъ въ брань съ рукою; и пораженіе оказывалось на сторонѣ огня. Завязалась борьба между пламенемъ и правой рукою мученика, и рука одержала какую-то небывалую въ борьбахъ побѣду; хотя пламень проникалъ сквозь руку, однако же рука была еще распростерта для борьбы. Подлинно, это рука, превосходящая упорствомъ огонь! Рука, не учившаяся уступать огню! Огонь, наученный терпѣть пораженіе отъ руки! Желѣзо уступаетъ огню, смягчаемое его мучительной силой. Мѣдь не противится его властительству. Огнемъ препобѣждается твердость камней. Но все преодолѣвающая сила огня, сожигая простертую руку мученика, не поколебала ее! Справедливо мученикъ могъ воскликнуть при семъ къ Владыкѣ: „удержалъ еси руку десную мою: и совѣтомъ Твоимъ наставилъ мя еси, и со славою пріялъ мя еси" (Псал. 72, 23. 24).

Какъ наименую тебя, доблій воинъ Христовъ? Назову ли изваяніемъ? Но много унижу твою терпѣливость. Огонь, принявъ на себя изваяніе, размягчаетъ его; а правую твою руку не убѣдилъ и къ тому, чтобы она показала движеніе. Наименую ли тебя желѣзомъ? Но нахожу, что и этотъ образъ ниже твоего мужества. Ты одинъ убѣдилъ пламень не дѣлать насилія рукѣ; ты одинъ имѣлъ руку алтаремъ. Ты одинъ пламенѣющею десницею поражалъ лица демоновъ, и тогда обращенною въ уголь рукою поразилъ ихъ главы, а нынѣ обращенною въ пепелъ десницею попираешь и ослѣпляешь ихъ полчища.

Но для чего дѣтскимъ лепетомъ уничижаю доблягo подвижника? Уступимъ мѣсто языку величественнѣйшихъ въ честь его пѣсней; призовемъ на сіе велегласнѣйшія трубы учителей. Возстаньте теперь передо мною вы, славные живописатели подвижническихъ заслугъ! Добавьте своимъ искусствомъ это неполное изображеніе военачальника! Цвѣтами вашей мудрости освѣтите неясно представленнаго мною вѣнценосца! Пусть буду побѣжденъ вашимъ живописаніемъ доблестныхъ дѣлъ мученика; радъ буду признать надъ собою и нынѣ подобную побѣду вашей крѣпости. Посмотрю на эту точнѣе изображенную вами борьбу руки съ огнемъ. Посмотрю на этого борца, живѣе изображеннаго на вашей картинѣ. Да плачутъ демоны, и нынѣ поражаемые у васъ доблестями муче-

ника! Опять да будетъ показана имъ палимая и побѣждающая рука! Да будетъ изображенъ на картинѣ и Подвигоположникъ въ борьбахъ, Христосъ, Которому слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда 18. На день святаго мученика Гордія[1]).

Таковъ естественный законъ у пчелъ—не вылетать изъ ульевъ, пока не будетъ предводительствовать ими въ полетѣ царь. И я, поелику вижу, что народъ Господень въ первый разъ идетъ нынѣ къ небеснымъ цвѣтамъ—мученикамъ, ищу предводителя. Кто же подвигъ этотъ многочисленный рой? Кто зимнюю унылость превратилъ въ весеннюю свѣтлость? Ибо народъ нынѣ дѣйствительно въ первый разъ, какъ бы изъ ульевъ, высыпавъ изъ города, наполнилъ своими толпами это украшеніе предградія, это священное и прекрасное поприще мучениковъ. А поелику чудо мученика и меня, возбудивъ и доведя до забвенія немощи, привело сюда; то, какъ бы на цвѣткѣ какомъ, прожужжу и я посильнымъ голосомъ дѣянія сего мужа, совершивъ тѣмъ дѣло и благочестивое и вмѣстѣ пріятное здѣсь присутствующимъ. Ибо „похваляему праведну, возвеселятся людіе“ (Притч. 29, 2), говорилъ намъ недавно премудрый Соломонъ.

Впрочемъ недоумѣвалъ я самъ себѣ, что значитъ загадка сія у Приточника: то ли, когда какой нибудь риторъ, или искусный витія составитъ слово на удивленіе слушателямъ, тогда увеселяются люди какимъ-то увлекательнымъ звукомъ, пріятно поражающимъ слухъ, одобряя и изобрѣтеніе мыслей, и расположеніе, и пышность и стройное теченіе рѣчи? Но сего никакъ не могъ сказать тотъ, кто никогда не употреблялъ такого рода рѣчи. Не могъ совѣтовать намъ—торжественно съ велерѣчіемъ говорить похвалы блаженнымъ, кто самъ вездѣ предпочиталъ слогъ ровный и рѣчь безъискусственную. Поэтому, что же говоритъ онъ? То, что люди веселятся духовнымъ веселіемъ, при одномъ напоминаніи о заслугахъ праведниковъ, возбуждаясь къ соревнованію и подражанію благамъ, о которыхъ слышатъ. Ибо исторія людей, благоустроенныхъ въ жизни, ищущимъ спасенія даетъ какъ бы нѣкоторый свѣтъ, озаряющій путь жизни. Потому, какъ скоро мы выслушаемъ жизнь Моусея, повѣствуемую Духомъ, тотчасъ рождается въ насъ соревнованіе добродѣтели сего мужа, и кротость нрава для каждаго становится достоподражаемою и достоуважаемою. Другимъ людямъ похвалы слагаются чрезъ распространеніе словъ; а въ разсужденіи праведниковъ, и того, что дѣйствительно содѣлано ими, достаточно къ показанію превосходства ихъ добродѣтели. Посему, когда пересказываемъ житія прославившихся благочестіемъ, прежде

---

[1]) Память сего св. мученика совершается Церковію въ 19 день ноября мѣсяца.

всего Владыку прославляемъ въ рабахъ Его; восхваляемъ же праведниковъ засвидѣтельствованіемъ о томъ, что знаемъ, и людей увеселяемъ слышаніемъ прекраснаго. Такъ жизнь Іосифа есть увѣщаніе къ цѣломудрію, а повѣствованіе о Сампсонѣ—побужденіе къ мужеству.

Поэтому Божественное училище не знаетъ закона похвальныхъ рѣчей, вмѣняетъ же въ похвальную рѣчь свидѣтельство о дѣлахъ, какъ и къ похвалѣ святыхъ достаточное, и стремящимся къ добродѣтели въ довольной мѣрѣ полезное.

Какъ законъ похвальныхъ рѣчей тотъ, чтобы довѣдаться объ отечествѣ, розыскать родъ, описать воспитаніе: такъ наше правило, умолчавъ о соприкосновенномъ, наполняетъ свидѣтельство тѣмъ, что собственно принадлежитъ каждому. Досточестнѣе ли я отъ того, что городъ совершилъ нѣкогда трудные и великіе подвиги, воздвигъ славные памятники побѣдъ надъ врагами? Что мнѣ изъ того, если положеніе его благопріятно, удобно и зимою и лѣтомъ? А если онъ и людьми изобиленъ, и можетъ прокормить много скота, какая мнѣ изъ ѳтого польза? Пусть и множествомъ коней превосходитъ всѣ города подъ солнцемъ; можетъ ли это содѣлать насъ совершеннѣйшими въ человѣческой добродѣтели? А также, описывая вершины сосѣдней горы, что онѣ заоблачны и высоко подъемлются въ воздухѣ, не обманываемъ ли сами себя тѣмъ, что будто бы чрезъ это восписываемъ похвалу людямъ? Всего будетъ смѣшнѣе, когда праведники презираютъ цѣлый міръ, а мы станемъ наполнять похвальныя имъ рѣчи ничего не стоющими малостями. Итакъ достаточно памятованіе для всегдашней пользы. Ибо самимъ праведникамъ не нужно приращеніе славы, но намъ, которые еще въ ѳтой жизни, необходимо памятованіе для подражанія. Какъ за огнемъ само собою слѣдуетъ то, что онъ свѣтитъ, и за мѵромъ—то, что оно благоухаетъ; такъ и за добрыми дѣлами необходимо слѣдуетъ полезное.

Впрочемъ и то не маловажно, чтобы въ подробности узнать истину совершившагося тогда; потому что намъ переданъ неясный слухъ, которымъ сохранены доблестныя мужа сего дѣла въ подвигахъ; и наше, какъ кажется, дѣло—уподобляться живописцамъ. И они, когда списываютъ изображенія съ изображеній, весьма далеко (что и естественно) уклоняются отъ подлинниковъ; и намъ, которые лишены зрѣнія самыхъ дѣйствій, не малая настоитъ опасность—умалить истину. Но поелику насталъ день, приносящій намъ память мученика, который славно подвизался въ свидѣтельствѣ за Христа; то скажемъ, что знаемъ.

Онъ родился въ семъ городѣ, за что и болѣе любимъ мы его; потому что онъ—собственное наше украшеніе. Какъ плодовитыя дерева возращенные ими плоды отдаютъ собственной землѣ: такъ и сей мученикъ, произойдя изъ нѣдръ нашего города и восшедши на величайшую высоту

славы, родившему и воспитавшему его городу даровалъ наслажденіе собственными его плодами благочестія. Прекрасны плоды и иноземные, когда они сладки и питательны; но гораздо пріятнѣе чужеземныхъ плоды отечественные и туземные: они, сверхъ наслажденія, по близости къ намъ, доставляютъ еще и нѣкоторое украшеніе.

Гордій, вписанный въ военную службу, и въ воинскихъ спискахъ отличаясь и тѣлесною силою и душевнымъ мужествомъ, дѣлается славенъ; почему начальству его ввѣрено сто воиновъ. Когда же мучитель того времени лютость и жестокость души простеръ до того, что объявилъ войну церкви и богоборную руку поднялъ на благочестіе; повсюду сдѣланы объявленія, и на каждомъ торжищѣ, на каждомъ видномъ мѣстѣ прочитаны указы не покланяться Христу, или покланяющимся наказаніемъ будетъ смерть; дано также повелѣніе, чтобы всѣ кланялись идоламъ и почитали богами камни и дерева, на которыхъ искусство отпечатлѣло нѣкоторый образъ, или не покоряющіеся жестоко пострадаютъ; когда во всемъ городѣ были безпорядокъ и мятежъ, а благочестивые подверглись грабежу; расхищали имущество, мучили побоями тѣла христолюбцевъ; женъ влекли по всему городу, не миновали юности, не уважали старости; не сдѣлавшіе никакой неправды терпѣли, какъ злодѣи; тѣсными дѣлались темницы опустѣли богатые домы, а пустыни наполнялись бѣгущими; виною же терпѣвшихъ все это было благочестіе; и отецъ предавалъ сына; сынъ доносилъ на отца; братья неистовствовали другъ на друга; рабы возставали на господъ;—какая-то страшная ночь объяла міръ; отъ діавольскаго умоповрежденія всѣ не узнавали другъ друга: домы молитвы разоряемы были руками нечестивыми; ниспровергались жертвенники; не было „ниже приношенія, ниже кадила, ни мѣста, еже пожрети“ (Дан. 3, 38); но все, подобно облаку, обдержало страшное уныніе; изгоняемы были служители Божіи; всякое благочестивое собраніе было приводимо въ ужасъ, а демоны ликовали, все оскверняя тукомъ и кровію: тогда сей доблій мужъ, предваривъ принужденіе судилищъ, свергнувъ съ себя воинское препоясаніе, удалился изъ города. Презрѣвъ власть, презрѣвъ славу, всякаго рода богатство, родство, друзей, рабовъ, наслажденіе жизнію, все, что вожделѣнно для людей, пошелъ въ самыя глубокія и непроходимыя для людей пустыни, жизнь со звѣрями почитая для себя болѣе пріятною, нежели общеніе съ идолослужителями, и подражая въ семъ ревнителю Иліи, который, когда увидѣлъ превозмогающее идолослуженіе Сидонянки, удалился на гору Хоривъ, и жилъ въ пещерѣ, взыскуя Бога, пока не увидѣлъ желаемаго, сколько человѣку можно видѣть Бога. Таковъ былъ и Гордій, бѣжавшій городскихъ мятежей, торжищной толпы, высокомѣрія чиновниковъ, судилищъ клеветниковъ, продающихъ, покупающихъ, клянущихся, говорящихъ лживо, скверн-

нословія, сладкорѣчія и всего инаго, что городское многолюдство влечетъ за собою, какъ корабль—малую ладью.

Очищая слухъ, очищая очи, и прежде всего очистивъ сердце, чтобы прійдти въ состояніе видѣть Бога и стать блаженнымъ, онъ видѣлъ въ откровеніяхъ, изучалъ тайны, „ни отъ человѣкъ, ни“ человѣками (Гал. 1, 1), но имѣя великаго учителя—Духа истины. Отсюда перешедши къ размышленію о жизни, какъ безполезна, какъ суетна, какъ малосущнѣе всякаго сновидѣнія и всякой тѣни, сильнѣе возбудился къ вожделѣнію вышняго званія.

И какъ подвижникъ, ощутивъ, что довольно уже упражнялъ себя и умастилъ къ подвигу постами и бдѣніями, молитвами, постояннымъ и непрерывнымъ поученіемъ въ словесахъ Духа, замѣтилъ тотъ день, въ который весь городъ поголовно, совершая празднество въ честь бранполюбиваго демона, занялъ мѣсто зрѣлища, чтобы видѣть конское ристалище. Итакъ, когда, весь городъ собрался вверху, были тамъ и Іудей, и Еллинъ, а къ нимъ примѣшалось немалое число и христіанъ, которые, живя безъ осторожности, засѣдая „съ сонмомъ суетнымъ“ (Псал. 25, 4), не уклоняясь отъ сборищъ „лукавнующихъ“ (Псал. 63, 3), и въ этотъ разъ стали зрителями быстраго бѣга коней и опытности возницъ: когда и рабовъ отпускали господа, и дѣти изъ училищъ бѣжали на зрѣлище, явились и женщины изъ простаго народа и незнатныя; когда поприще было полно, и всѣ уже напрягали взоры видѣть ристаніе коней: тогда сей доблій мужъ, великій сердцемъ, великій разумомъ, съ высоты горы сойдя на мѣсто зрѣлища, не устрашился народа, не сталъ вычислять, какому множеству враждебныхъ рукъ предаетъ себя, но съ безтрепетнымъ сердцемъ и возвышеннымъ разумомъ, какъ бы сквозь частые камни, или множество деревъ, протѣснившись сквозь сидѣвшихъ вкругъ поприща, сталъ по срединѣ, подтверждая собою то слово, что „праведникъ яко левъ“ уповаетъ (Притч. 28, 1). И сколько неустрашимъ былъ душою, что, стоя на открытомъ мѣстѣ среди зрѣлища, съ безтрепетнымъ дерзновеніемъ (и до нынѣ живы нѣкоторые изъ слышавшихъ это) возгласилъ слѣдующія слова: „обрѣтохся не ищущимъ мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о мнѣ“ (Исаіи 65, 1), показывая тѣмъ, что не нуждою приведенъ въ опасность, но добровольно отдалъ себя на подвигъ въ подражаніе Владыкѣ, который, неузнанный Іудеями во мракѣ ночи, Самъ объявилъ о Себѣ.

Необычайностію зрѣлища вскорѣ обратилъ на себя вниманіе зрителей человѣкъ по наружности одичавшій, у котораго отъ продолжительнаго пребыванія въ горахъ голова была всклокочена, борода стала длинна, одежда грязна, все тѣло изсохло; въ рукѣ у него былъ жезлъ, и съ боку висѣла сума. Во всемъ же этомъ видна была какая-то пріят-

ность, въ тайнѣ его озаряющая. А какъ скоро узнали, кто онъ: тотчасъ подняли всѣ смѣшанный крикъ. Присные по вѣрѣ рукоплескали отъ радости; а враги истины побуждали судію убить его, и напередъ уже осуждали на смерть. Все наполнилось крикомъ и смятеніемъ; перестали смотрѣть на коней; перестали смотрѣть на возницъ, показъ колесницъ обратился въ напрасный шумъ. Ни у кого не было досуга глазамъ видѣть что-нибудь кромѣ Гордія; ничей слухъ не терпѣлъ слышать что-либо иное, кромѣ его словъ. Какой-то неясный гулъ, подобный легкому вѣтру, проходя по всему собранію зрителей, оглашалъ ристалище. Когда же глашатаями поданъ народу знакъ къ молчанію; утихли свирѣли, замолкли многосличные органы. Слушали Гордія, смотрѣли на Гордія.

Тотчасъ онъ представленъ былъ къ градоначальнику, который тутъ же сидѣлъ и располагалъ подвигомъ ристанія. Сначала тихимъ и кроткимъ голосомъ спрошенъ Гордій: кто онъ и откуда? А когда наименовалъ отечество, родъ, степень достоинства, какую занималъ, причину бѣгства, возвращеніе: тогда присовокупилъ: „Я здѣсь, чтобы самымъ дѣломъ доказать презрѣніе къ вашимъ приказамъ и вѣру въ Бога, на Котораго возложилъ я упованіе. Я здѣсь; ибо слышалъ, что многихъ превосходишь ты свирѣпостію; потому и избралъ это время, какъ удобное къ исполненію моего желанія“. Сими словами, подобно огню, воспламенивъ ярость градоначальника, возбудилъ противъ себя все его неистовство. „Позови исполнителей казни,—говоритъ онъ. Гдѣ свинцовые шары? Гдѣ бичи? Пусть растянутъ его на колесѣ; вывертываютъ ему члены на деревѣ; принесутъ орудіе пытки, приготовятъ звѣрей, огонь, мечъ, крестъ, яму. Но что пріобрѣтаетъ,—продолжалъ онъ,—однажды на всегда умирая, этотъ беззаконникъ“?—„Сколько же терплю ущерба,—сказалъ немедленно Гордій,—что не могу умереть за Христа многократно“! А градоначальникъ, при своей природной свирѣпости, дѣлался еще болѣе жестокимъ, смотря на достоинство мученика и почитая собственнымъ безчестіемъ мужественную возвышенность его мысли. Чѣмъ болѣе видѣлъ неустрашимости въ его сердцѣ, тѣмъ болѣе ожесточался, и тѣмъ болѣе усиливался противоборство сего мужа препобѣдить измышленіемъ мученій. Такъ дѣйствовалъ градоначальникъ!

А мученикъ, обращая взоръ къ Богу, услаждалъ свою душу словами священныхъ псалмовъ, говоря: „Господь мнѣ помощникъ, и не убоюся, что сотворитъ мнѣ человѣкъ“ (Псал. 117. 6); и „не убоюся зла, яко Ты со мною еси“ (Псал. 22, 4), и повторяя другія изреченія, съ ними сходныя и возбуждающія къ мужеству, какія зналъ онъ изъ Божіихъ словесъ. Сколько же далекъ онъ былъ отъ того, чтобы уступить угрозамъ и бояться, что самъ призвалъ къ себѣ мученія. „Что медлите, говорилъ онъ, что стоите? Терзайте тѣло, вывертывайте члены, мучьте, какъ

угодно! Не завидуйте мнѣ въ блаженномъ уповании. Чѣмъ болѣе увеличиваете мученія, тѣмъ большее готовите мнѣ воздаяніе. У насъ есть объ этомъ договоръ со Владыкою. За язвы, появляющіяся на тѣлѣ, въ воскресеніе процвѣтаетъ на насъ свѣтлое одѣяніе, за безчестіе—вѣнцы; за темницу—рай; за осужденіе съ злодѣями—пребываніе съ Ангелами. Сѣйте на мнѣ больше, чтобы пожать мнѣ еще гораздо больше".

Когда же не могли преодолѣть его страхомъ и дѣло оказалось неисполнимымъ; перемѣнивъ средства, прибѣгали къ ласкамъ. Убо таково ухищреніе діавола,—робкаго устрашаетъ, мужественнаго разслабляетъ. Такова была и тогда хитрость злокозненнаго. Когда увидѣлъ, что мученикъ не уступаетъ угрозамъ; покушался окружить его обманами и приманками. И дары обѣщалъ, и одни уже давалъ, а въ другихъ ручался, что даны будутъ царемъ, именно же: значительное мѣсто въ войскѣ, денежныя награды, и все, чего бы ни захотѣлъ. Когда же покушеніе его не удалось; блаженный, слыша обѣщанія, посмѣялся его безумію, если онъ дѣйствительно думалъ дать что нибудь равноцѣнное небесному царствію: тогда мучитель не могъ уже владѣть гнѣвомъ, обнажилъ мечь, самъ принялъ на себя должность исполнителя казни, и рукою и языкомъ совершая убійство, осудилъ блаженнаго на смерть.

Всѣ зрители перешли на сіе мѣсто, и кто оставался въ домахъ, всѣ стеклись къ городскимъ стѣнамъ: всѣ смотрѣли на это великое и подвижническое зрѣлище, дивное для Ангеловъ, и для всей твари, мучительное діавола, страшное для бѣсовъ. Городъ опустѣлъ отъ жителей; подобно какому-то потоку, народъ толпами стремился на мѣсто сіе: не хотѣли лишить себя зрѣлища ни одна женщина; и ни одинъ мужчина, неизвѣстный или знатный; стражи домовъ оставили свою стражу; не запертыми остались лавки купцовъ; товары лежали брошенные на торжищахъ. Единственною стражею и безопасностію для всего служило то, что всѣ ушли, и даже худаго человѣка не оставалось въ городѣ. Рабы оставили господскія службы, и что ни было въ городѣ пришлыхъ и туземцевъ, всѣ явились здѣсь видѣть мученика. Тогда и дѣва, осмѣлившись предстать мужскимъ взорамъ, и старецъ, и больной, пересиливая свою немощь, были внѣ городскихъ стѣнъ.

Друзья, обступивъ блаженнаго, стремящагося къ жизни, пріобрѣтаемой смертію, окружали его, оплакивая и лобызая въ послѣдній разъ. Проливая о немъ горячія слезы, умоляли не предавать себя огню, не губить своей юности, не оставлять этого пріятнаго солнца. Другіе пытались сладкорѣчивыми совѣтами ввести его въ заблужденіе, говорили: „словомъ только произнеси отреченіе, а въ душѣ имѣй вѣру, какую хочешь. Безъ сомнѣнія же, Богъ внемлетъ не языку, но мысли говорящаго. Такъ можно тебѣ будетъ и судью смягчить, и Бога умилостивить". Но

мученикъ былъ непреклоненъ, несокрушимъ и неуязвимъ при всѣхъ приражденіяхъ искушеній. Незыблемость его мысли можешь уподобить „храминѣ“ мудраго, которую, по причинѣ безопаснаго утвержденія „на камени“, не сильны поколебать ни укротимые порывы вѣтровъ, ни сильный дождь, льющійся изъ облаковъ, ни разлившіеся потоки (Матѳ. 7, 24. 25).

Таковъ былъ сей мужъ, соблюдающій непоколебимымъ „утвержденіе вѣры во Христа“ (Кол. 2, 5). Духовными очами видя, что діаволъ ходитъ вокругъ, и одного побуждаетъ къ слезамъ, другому содѣйствуетъ въ сладкорѣчіи,—мученикъ плачущимъ говоритъ словами Господа: „не плачитеся о мнѣ“ (Лук. 23, 28), но плачьте о богоборцахъ, которые подобнымъ образомъ отваживаются поступать съ благочестивымъ, и этимъ пламенемъ, который возжигаютъ для насъ, сокровиществуютъ себѣ огонь геенскій; престаньте плакать и сокрушать мнѣ сердце: я не одинъ только разъ, но и тысячекратно, если бы это было возможно, готовъ умереть за имя Господа Іисуса“. А тѣмъ, которые совѣтовали отречься на словахъ, отвѣтствовалъ только, что „языкъ, сотворенный Христомъ, не потерпитъ выговорить что-нибудь противъ Творца своего“. „Сердцемъ бо“ вѣруемъ „въ правду, усты же“ исповѣдуемъ „въ спасеніе“ (Рим. 10, 10). Ужели воинскій чинъ лишенъ надежды на спасеніе? Ужели нѣтъ ни одного благочестиваго сотника? Припоминаю перваго сотника, который, стоя при крестѣ Христовомъ, и по чудесамъ сознавъ силу, когда еще не остыла дерзость Іудеевъ, не убоялся ихъ ярости, и не отказался возвѣстить истину, не исповѣдалъ и не отрексяи, что „воистину Божій Сынъ бѣ“ (Матѳ. 27, 54). Знаю и другаго сотника, который о Господѣ, когда былъ еще во плоти, познал, что Онъ Богъ и Царь силъ, и что Ему достаточно одного повелѣнія, чтобы чрезъ служебныхъ духовъ посылать пособія нуждающимся. О вѣрѣ его и Господь подтвердилъ, что она больше вѣры всего Израиля (Матѳ. 8, 10). А Корнилій, будучи сотникомъ, не удостоился ли видѣть Ангела, и напослѣдокъ чрезъ Петра не получилъ ли спасеніе? Его милостыни и молитвы услышаны были Богомъ (Дѣян. 10, 31). Ихъ-то ученикомъ хочу быть я. Какъ же отрекусь Бога моего, Которому поклонялся съ дѣтства? Не ужаснется ли небо свыше? Не омрачатся ли звѣзды надо мною? Удержитъ ли меня даже земля? „Не льститеся, Богъ поругаемъ не бываетъ“ (Галат. 6, 7); отъ „устъ“ нашихъ судитъ насъ; по словамъ оправдываетъ, по словамъ же и осуждаетъ (Лук. 19, 22). Ужели не читали страшной угрозы Господа: „иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергнуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ“ (Матѳ. 10, 33)? Но для чего совѣтуете мнѣ ухищряться въ этомъ? Для того ли, чтобы таковою хитростію пріобрѣсти мнѣ для себя нѣчто? Для того ли, чтобы выгадать себѣ нѣсколько дней?

Но утрачу цѣлую вѣчность. Для того ли, чтобы избѣжать мученій плоти? Но не увижу благъ, уготованныхъ праведнымъ. Явное помѣшательство ума—погибнуть съ хитростію, лукавствомъ и кознями выхлопотать себѣ вѣчное наказаніе. Напротивъ того я и вамъ совѣтую: если мысли ваши худы, то поучитесь благочестію: а если приспособляетесь ко времени, то, „отложите лжу, глаголите истину“ (Еф. 4, 25). Скажите, что „Господь“ Іисусъ „Христосъ въ славу Бога Отца“; ибо слова сіи изречетъ всякій языкъ, когда „о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится, небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ“ (Филип. 2, 10. 11). Смертны люди всѣ, а мучениковъ изъ насъ не много. Не будемъ ждать, чтобы стать мертвыми, но перейдемъ отъ жизни въ жизнь. Что ждете такой смерти, которая приходитъ сама собою? Она безплодна, безполезна, общее достояніе скотовъ и людей. Кто чрезъ рожденіе вступилъ въ жизнь, того или изнуряетъ время, или сокрушаетъ болѣзнь, или неумолимо губитъ насильственная смерть. Поэтому, когда несомнѣнно должно умереть, пріобрѣтемъ себѣ смертію жизнь. Вынужденное сдѣлайте добровольнымъ; не щадите жизни, утрата которой необходима. Если бы земныя блага были столько же продолжительны; то и тогда надлежало бы стараться обмѣнить ихъ на небесныя. А если они и кратковременны, и достоинствомъ много ниже благъ небесныхъ; то страшное оцѣпенѣніе ума—попеченіемъ о земныхъ благахъ лишать себя уповаемыхъ блаженствъ“.

Сказавъ сіе и описавъ на себѣ образъ креста, пошелъ онъ подъ ударъ, не перемѣнившись въ цвѣтѣ тѣла, и нимало не измѣнивъ свѣтлости лица. Ибо шелъ въ расположеніи духа, что не съ исполнителемъ казни встрѣтится, но передастъ себя въ руки Ангеловъ, которые пріимутъ его тотчасъ по закланіи, и перенесутъ въ блаженную жизнь, какъ Лазаря. Кто изобразитъ вопль окружавшаго народа? Когда такой громъ оглашалъ землю изъ облаковъ, какой тогда отъ земли восходилъ къ нему?

Вотъ поприще сего вѣнценосца? Сей самый день видѣлъ досточудное это зрѣлище, котораго не потемнило время, не нарушилъ обычай, не превозмогла чрезвычайность послѣдующихъ событій. Какъ всегда смотримъ на солнце, и всегда ему дивимся: такъ и память сего мужа всегда для насъ свѣтла; потому что „въ память вѣчную будетъ праведникъ“ (Псал. 111, 6) и у живущихъ на землѣ, пока стоитъ земля, и на небѣ, и у праведнаго Судіи, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 19. На святыхъ четыредесять мучениковъ.

Любителю мучениковъ наскучитъ ли когда творить память мучениковъ? Честь, воздаваемая доблестнымъ изъ нашихъ сослужебниковъ, есть доказательство нашего благорасположенія къ общему Владыкѣ. Ибо несо-

мнѣнно, что восхваляющій мужей превосходныхъ не преминетъ и самъ подражать имъ въ сходныхъ обстоятельствахъ. Искренно ублажай претерпѣвшаго мученіе, чтобы и тебѣ содѣлаться мученикомъ по произволенію, и безъ гоненія, безъ огня, безъ бичей оказаться удостоеннымъ одинаковыхъ съ ними наградъ. А намъ предстоитъ подивиться не одному, и не двумъ только, даже не десятью ограничивается число ублажаемыхъ: но сорокъ мужей, у которыхъ въ раздѣльныхъ тѣлахъ была какъ бы одна душа, въ согласіи и единомысліи вѣры показали терпѣніе въ мученіяхъ, одинаковую стойкость за истину. Всѣ подобны одинъ другому, всѣ равны духомъ, равны подвигомъ; посему и удостоены равночестныхъ вѣнцовъ славы.

Поэтому какое слово можетъ изобразить ихъ по достоинству? И сорока устъ не достало бы къ прославленію доблести столькихъ мужей. Если бы и одинъ былъ предметомъ удивленія, то и сего было бы достаточно, чтобы превысить силу моего слова; тѣмъ паче такое множество, эта воинственная дружина, этотъ непреоборимый полкъ, одинаково и въ браняхъ неодолимы, и для похвалъ недоступны. Однако, возстановивъ въ памяти образъ ихъ, предложу предстоящимъ здѣсь общую отъ нихъ пользу, показавъ всѣмъ, какъ бы на картинѣ, доблестные подвиги сихъ мужей; потому что и доблести, оказанныя въ браняхъ, не рѣдко изображали и исторіописатели, и живописцы, одни украшая ихъ словомъ, а другіе начертывая на картинахъ; а симъ тѣ и другіе многихъ возбудили къ мужеству. Что повѣствовательное слово передаетъ чрезъ слухъ, то живопись показываетъ молча чрезъ подражаніе. Такъ и я предстоящимъ здѣсь напомню добродѣтель сихъ мужей и, какъ бы изведя предъ взоры дѣянія ихъ, подвигну къ подражанію тѣхъ, которые мужественнѣе и болѣе сродственны съ ними по произволенію. Вотъ похвальное слово мученикамъ — возбужденіе къ добродѣтели собравшихся; потому что слова о святыхъ не могутъ рабски слѣдовать правиламъ похвальныхъ словъ. Слагатели сихъ словъ въ составъ похвалъ берутъ мірскіе поводы: а кому „міръ распяся" (Гал. 6, 14), къ прославленію того можетъ ли что мірское быть поводомъ?

У святыхъ сихъ не одно было отечество; потому что каждый происходилъ изъ особаго мѣста. Что же изъ этого? Какъ назовемъ ихъ? не имѣющими ли отечества, или гражданами вселенной? Какъ при взносѣ денегъ въ складчину вносимое каждымъ дѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ вкладчиковъ: такъ и у сихъ блаженныхъ отечество каждаго есть общее отечество всѣхъ, и всѣ, будучи изъ разныхъ мѣстъ, мѣняются другъ съ другомъ отечествами. Лучше же сказать, какая нужда доискиваться земныхъ ихъ отечествъ, когда о настоящемъ ихъ градѣ можно домыслиться, каковъ онъ? Градъ мучениковъ есть градъ

Божій, „емуже хуожникъ и содѣтель Богъ“ (Евр. 11, 10), „вышній Іерусалимъ, свободь, мати“ (Гал. 4, 26) Павлу и тѣмъ, которые подобны ему. Родъ же у нихъ—человѣческій—у каждаго свой, а духовный—у всѣхъ одинъ; потому что общій имъ отецъ—Богъ, и всѣ они братья, не какъ рожденные отъ одного и одной, но какъ по сыноположенію Духа сочетавшіеся другъ съ другомъ въ единомысліи любви.

Это—готовый ликъ, великое добавленіе къ прославляющимъ Господа отъ вѣка; они не одинъ по другому собрались, но вдругъ переселились. И какое же это переселеніе? Отличаясь отъ всѣхъ своихъ сверстниковъ тѣлеснымъ ростомъ, юностію возраста и силою, включены они были въ воинскіе списки, и за искусство ратное и за мужество душевное получили у царей первыя почести, у всѣхъ будучи имениты за добродѣтель. А когда объявлено было это безбожное и нечестивое воззваніе—не исповѣдывать Христа или подвергнуться опасностямъ; грозили же всѣми родами мученій, и судіями неправды подвигнута на благочестивыхъ великая и звѣрская ярость; составлялись противъ ихъ клеветы и злоухищренія, изъискиваемы были различные роды истязаній, мучители были неумолимы, огонь готовъ, мечъ изощрялся, водружаемъ былъ въ землю крестъ, изготовлялись ровъ, колеса, бичи; когда одни бѣжали, другіе покорялись, иные были бы въ нерѣшимости, а нѣкоторые еще до изъвѣданія поражались ужасомъ отъ однѣхъ угрозъ, другіе отъ близости ужасовъ приходили въ круженіе, иные, вступивъ въ борьбу, не въ состояніи потомъ были до конца выдержать трудъ и, на половинѣ отказываясь отъ подвига, подобно застигнутымъ бурею на морѣ, теряли отъ кораблекрушенія и тотъ грузъ терпѣнія, какой уже имѣли; сіи непобѣдимые и мужественные воины Христовы, выступивъ на среду, градоначальнику, показывавшему царское писаніе и требовавшему повиновенія, свободнымъ голосомъ, смѣло и небоязненно, ни мало не устрашившись видимаго, не ужаснувшись угрозъ, возвѣстили о себѣ, что они христіане. О, блаженныя уста, произнесшія этотъ священный гласъ, которымъ пріявшій его воздухъ освятился, которому рукоплескали услышавшіе его Ангелы, которымъ уязвлены были діаволъ и демоны, и который Господомъ записанъ на небесахъ! Итакъ каждый, выходя на среду, говорилъ: я христіанинъ! И какъ на ристалищахъ вступающіе въ подвигъ, въ одно время и имена свои сказываютъ и становятся на мѣсто борьбы: такъ и каждый изъ нихъ, отринувъ тогда нареченное ему имя при рожденіи, заимствовалъ себѣ имя отъ общаго всѣмъ Спасителя. И это дѣлали всѣ, къ предшествовавшему присоединялся и послѣдующій, отъ сего у всѣхъ стало одно наименованіе: не говорили: я такой-то или такой-то; но всѣ провозгласили себя христіанами.

Что же дѣлалъ тогдашній властитель? А онъ былъ искусенъ и

обиленъ въ средствахъ, то обольщать ласками, то совращать угрозами. И ихъ сперва хотѣлъ очаровать ласками, пытаясь ослабить въ нихъ силу благочестія. Онъ говорилъ: „не выдавайте своей юности; не промѣнивайте этой сладостной жизни на безвременную смерть. Привыкшимъ отличаться доблестію въ браняхъ неприлично умереть смертію злодѣевъ". Сверхъ сего обѣщалъ имъ деньги. И это давалъ имъ, и почести у царя, и одѣлялъ чинами, и хотѣлъ одолѣть тысячами выдумокъ. Поелику же они не поддались такому искушенію, обратился къ другому роду ухищреній: стращалъ ихъ побоями, смертями, извѣданіемъ несноснѣйшихъ мученій.

Такъ дѣйствовалъ онъ! Что же мученики? Говорятъ: „для чего, богопротивникъ, уловляешь насъ, предлагая намъ эти блага, чтобы отпали мы отъ живаго Бога и поработились погибельнымъ демонамъ?. Для чего столько даешь, сколько стараешься отнять? Ненавижу даръ, который влечетъ за собою вредъ; не принимаю чести, которая бываетъ матерью безчестія. Даешь деньги, отнимающія неувядаемую славу. Дѣлаешь извѣстнымъ царю, но отчуждаешь отъ Царя истиннаго. Что такъ скупо и такъ немного предлагаешь намъ изъ мірскаго? Нами презрѣнъ и цѣлый міръ. Съ вожделѣннымъ для насъ упованіемъ не-йдетъ и въ сравненіе видимое. Видишь это небо: какъ прекрасно оно видомъ, какъ величественно! Видишь землю: какъ она пространна и какія на ней чудеса! Ничто изъ этого не равняется блаженству праведныхъ. Ибо это преходитъ, а наши блага пребываютъ. Желаю одного дара—вѣнца правды; стремлюсь къ одной славѣ—къ славѣ въ царствѣ небесномъ. Ревную о почести горней: боюсь мученія, но мученія въ гееннѣ. Тотъ огонь мнѣ страшенъ, а этотъ, которымъ вы угрожаете, мнѣ сослужебенъ. Онъ умѣетъ уважать тѣхъ, которые презираютъ идоловъ. За „стрѣлы младенецъ" считаю „язвы" ваши (Псал. 63, 8), потому что поражаешь ты тѣло, а оно, если долго выдерживаетъ удары, свѣтлѣе вѣнчается, а если скоро изнемогаетъ, избавится отъ такихъ судей-притѣснителей, которые, взявъ въ услуженіе себѣ тѣло, усиливаетесь возобладать и надъ душею. которые, если не будете предпочтены Богу нашему, какъ будто потерпѣвъ отъ насъ крайнюю обиду, раздражаетесь и грозите этими страшными мученіями, ставя намъ въ вину благочестіе. Но не найдете насъ ни робкими, ни привязанными къ жизни, ни легко приводимыми въ ужасъ. По любви къ Богу мы готовы претерпѣть колесованіе, вытягиваніе, сожженіе и принять всякій родъ истязаній".

Когда выслушалъ сіе этотъ человѣкъ гордый и безчеловѣчный: не терпя дерзновенія сихъ мужей и воскипѣвъ яростію, сталъ разсуждать самъ съ собою, какой бы найдти ему способъ, чтобы приготовить имъ смерть и продолжительную и вмѣстѣ горькую. Нашелъ наконецъ, и смо-

трите, какъ жестока его выдумка! Обративъ вниманіе на свойство страны, что она холодна, на время года, что оно зимнее, замѣтивъ ночь, въ которую стужа простиралась до наибольшей степени, а притомъ дулъ еще и сѣверный вѣтеръ, далъ онъ приказаніе всѣхъ ихъ обнаживъ уморить на открытомъ воздухѣ, заморозивъ среди города.

Безъ сомнѣнія же, знаете вы, испытавшіе зимній холодъ, какъ невыносимъ этотъ родъ мученія; потому что невозможно и объяснить сего другимъ, кромѣ тѣхъ, которые въ собственномъ опытѣ имѣютъ готовые примѣры пересказываемаго. Тѣло, подвергшееся холоду, сперва все синѣетъ отъ того, что кровь ссѣдается; потомъ оно дрожитъ и трясется, между тѣмъ какъ зубы стучатъ, жилы сводятся, и весь составъ невольно стягивается. А какая-то острая боль и невыразимое мученіе, проникающія въ самые мозжечки, производятъ въ замерзающихъ нестерпимое ощущеніе. Потомъ члены тѣла отпадаютъ, какъ будто сожигамые огнемъ; потому что теплота, отгоняемая отъ оконечностей тѣла и сбѣгающаяся во внутренность, оставляетъ омертвѣлыми тѣ части, отъ которыхъ удалилась: а тѣ части, въ которыхъ она сбирается, предаетъ мучительной боли, между тѣмъ какъ смерть отъ замерзанія постепенно приближается.

Итакъ они были осуждены пробыть ночь подъ открытымъ небомъ, тогда какъ и озеро, около котораго населенъ городъ, гдѣ подвизались святые, покрывшись льдомъ, сдѣлалось подобнымъ проѣзжему полю, и такъ отвердѣло отъ стужи, что по поверхности его безопасно могли ходить окрестные жители, и непрерывно текущія рѣки, будучи скованы льдомъ, оставили свои струи, и вода, мягкая по природѣ, измѣнилась до твердости камней, и рѣзкое дыханіе сѣвернаго вѣтра приносило смерть всему живущему.

Выслушавъ тогда это повелѣніе (разсуждай по этому о непобѣдимомъ мужествѣ мучениковъ), каждый съ радостію сбросилъ съ себя послѣдній хитонъ, и всѣ потекли на встрѣчу смерти, какою грозила стужа, поощряя другъ друга, какъ бы шли къ расхищенію добычи. „Не одежду скидаемъ съ себя,—говорили они,—но отлагаемъ „ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ“ (Ефес. 4, 22). Благодаримъ тебя, Господи, что съ этою одеждою свергаемъ съ себя грѣхъ; чрезъ змія мы облеклись, чрезъ Христа совлечемся. Не будемъ держаться одеждъ ради рая, который потеряли. „Что“ воздадимъ „Господеви“ (Псал. 115, 3)? И съ Господа нашего совлечены были одежды. Тяжко ли для раба потерпѣть, что терпѣлъ и Владыка? Лучше сказать, и съ самаго Господа мы совлекли одежды. Это была дерзость воиновъ; они совлекли и раздѣлили по себѣ его одежды. Поэтому загладимъ собою на насъ написанное обвиненіе. Жестока зима, но сладокъ рай; мучительно—замерзнуть, но пріятно упокоеніе. Не долго потерпимъ, и насъ согрѣетъ Патріархово

жою. За одну ночь вымѣняемъ себѣ цѣлый вѣкъ. Пусть горитъ нога, только бы непрестанно ликовать съ Ангелами! Пусть отпадаетъ рука, только бы имѣть дерзновеніе воздѣвать ее Владыкѣ! Сколько нашихъ товарищей воиновъ пало въ строю, сохраняя вѣрность царю тлѣнному? Ужели мы не пожертвуемъ своею жизнію изъ вѣрности Царю истинному? Сколько человѣкъ, уличенныхъ въ преступленіи, подверглись смерти злодѣевъ? Ужели мы не вынесемъ смерти за правду? Не уклонимся, товарищи, не дадимъ мѣста діаволу. Есть у насъ плоть, не пощадимъ ее. Поелику непремѣнно должно умереть, то умремъ, чтобы жить. „Да будетъ жертва наша предъ Тобою", Господи (Дан. 2, 40). Какъ жертва живая, благоугодная Тебѣ, да будемъ приняты мы, всесожигаемые симъ хладомъ,—мы, приношеніе прекрасное, всесожженіе новое, возносимое не огнемъ, но хладомъ".

Такія утѣшенія предлагая другъ другу, и одинъ другаго поощряя, какъ будто въ военное время стоя на стражѣ, проводили они ночь, мужественно перенося настоящее, радуясь ожидаемому, посмѣваясь противнику. У всѣхъ же была одна молитва. „Сорокъ человѣкъ вступило насъ на поприще, сорокъ человѣкъ и да увѣнчаемся, Владыко! Ни однимъ да не уменьшится это число. Оно честно: Ты самъ, чрезъ Кого законъ вошелъ въ міръ, почтилъ его сорокодневнымъ постомъ. Сорокъ дней въ постѣ искавшій Господа Илія сподобился видѣнія"! И хотя такова была ихъ молитва, однакожъ одинъ изъ сего числа, изнемогши отъ страданій, оставивъ мѣсто подвига удалился, возбудивъ въ святыхъ несказанное сожалѣніе. Но Господь не попустилъ, чтобы прошенія ихъ остались напрасными.

Тотъ, кому ввѣрено было охраненіе мучениковъ, грѣясь не подалеку отъ одного училища борьбы, наблюдалъ, что будетъ, готовый принять тѣхъ изъ воиновъ, которые прибѣгнутъ къ нему. И кромѣ того напередъ было расчитано, чтобы была вблизи баня, обѣщавшая скорую помощь перемѣнившимъ мысли. Но что съ злымъ намѣреніемъ придумано врагами, именно: найдти для подвига такое мѣсто, гдѣ готовность облегченія могла бы ослабить твердость подвижниковъ, это самое въ большемъ свѣтѣ показало терпѣніе мучениковъ. Ибо не тотъ терпѣливъ, у кого нѣтъ необходимаго, но тотъ, кто, не имѣя недостатка въ наслажденіи, продолжаетъ терпѣть бѣдствіе.

Когда же мученики подвизались, а стражъ наблюдалъ, что произойдетъ: видитъ онъ необычайное зрѣлище, видитъ, что какія-то Силы сходятъ съ небесъ, и какъ бы раздаютъ воинамъ великіе дары отъ Царя. И всѣмъ раздѣлили онѣ дары; одного только оставили не награжденнымъ, признавъ его не достойнымъ небесныхъ почестей; и это былъ тотъ, который, вскорѣ отказавшись отъ страданій, перешелъ къ противникамъ.

Жалкое зрѣлище для праведныхъ! Воинъ—бѣглецъ, первый изъ храбрыхъ—плѣнникъ, овца Христова—добыча звѣрей. Но еще болѣе было жалко, что онъ и вѣчной жизни не достигъ, и не насладился настоящею; потому что плоть у него тотчасъ распалась отъ дѣйствія на нее теплоты. Но какъ этотъ животолюбецъ палъ, безъ всякой для себя пользы преступивъ законъ: такъ исполнитель казни, едва увидѣлъ, что онъ уклонился и пошелъ къ банѣ, самъ сталъ на мѣсто бѣглеца и, сбросивъ съ себя одежды, присоединился къ обнаженнымъ, взывая въ одинъ голосъ со святыми: я христіанинъ! И внезапностію перемѣны изумивъ предстоящихъ, какъ число собою восполнилъ, такъ своимъ присоединеніемъ облегчилъ скорбь объ ослабѣвшемъ, поступивъ по примѣру стоящихъ въ строю, которые, какъ скоро падетъ кто въ первомъ ряду, тотчасъ замѣщаютъ его собою, чтобы убылымъ не разрывался у нихъ рядъ. Подобно этому поступилъ и сей. Видѣлъ онъ небесныя чудеса, позналъ истину, притекъ къ Владыкѣ, сталъ сопричисленъ къ мученикамъ! Іуда пошелъ прочь, а на мѣсто его введенъ Матѳій. Подражателемъ сталъ Павловымъ вчерашній гонитель, а нынѣ благовѣствующій. И онъ имѣлъ званіе свыше „ни отъ человѣкъ, ни человѣкомъ" (Гал. 1, 1). Увѣровалъ во имя Господа нашего Іисуса Христа, крещенъ въ Него не другимъ кѣмъ, но собственною вѣрою, не въ водѣ, но въ крови своей.

И такимъ образомъ, при началѣ дня еще дышащіе мученики преданы огню, а остатки отъ огня брошены въ рѣку, чтобы подвигъ блаженныхъ объялъ собою всю тварь. Ратоборствовали они на землѣ, показали терпѣніе въ воздухѣ, преданы огню, воспріяла ихъ вода. Имъ прилично сказать: „придохомъ сквозь огнь и воду, и извелъ еси ны въ покой" (Псал. 65, 12). И они-то, занявъ нашу страну, подобно какому-то непрерывному ряду столповъ, доставляютъ безопасность отъ нашествія противниковъ, не въ одномъ мѣстѣ заключившись, но имѣя пристанище во многихъ мѣстахъ и украсивъ собою многія отчизны. И, что необычайно, не по одному раздѣлившись, посѣщаютъ они пріемлющихъ, но не разлучаясь другъ съ другомъ, соединеннымъ приходятъ ликомъ.

И какое чудо! И не уменьшаются числомъ, и не допускаютъ приумноженія. Если раздѣлишь ихъ на каждаго, не выступаютъ изъ свойственнаго имъ числа. И если соберешь во едино, и въ такомъ случаѣ остаются тѣ же сорокъ, уподобляясь природѣ огня; потому что и огонь, какъ переходитъ ко вновь возжигающему его, такъ всецѣло остается у того, кто имѣлъ его у себя. И сіи сорокъ и всѣ вмѣстѣ, и всѣ у каждаго. Это—неоскудѣвающая благотворительность, неистощимая благодать, готовая для христіанъ помощь, церковь мучениковъ, воинство побѣдоносцевъ, ликъ славословящихъ. Сколько употребилъ ты труда найдти и одного молитвенника за себя ко Господу!—И вотъ сорокъ молитвен-

никовъ, возсылающихъ согласную молитву. „Идѣже еста два, или тріе собрани во имя“ Господне, „ту“ есть „посредѣ ихъ“ (Матѳ. 18, 20); а гдѣ сорокъ; тамъ усумнится ли кто въ присутствіи Божіемъ? Къ сорока мученикамъ прибѣгаетъ утѣсненный, къ нимъ притекаетъ веселящійся,—одинъ, чтобы найдти избавленіе отъ трудныхъ обстоятельствъ,—другой, чтобы охранялось его благополучіе. Здѣсь встрѣтишь благочестивую жену, молящуюся о чадахъ, испрашивающую отлучившемуся мужу возвращенія, а болящему—здравія.

Прошенія ваши да будутъ приличны мученикамъ. Юноши да подражаютъ имъ, какъ сверстникамъ; отцы да молятся о томъ, чтобы быть родителями подобныхъ дѣтей; матери да изучаютъ повѣствуемое о доброй матери. Ибо матерь одного изъ сихъ блаженныхъ, увидѣвъ, что другіе скончались уже отъ хлада, а сынъ ея, по крѣпости силъ и терпѣливости въ мученіяхъ, еще дышитъ, когда исполнители казни оставили его въ надеждѣ, что перемѣнится, сама, взявъ собственными своими руками, положила его на колесницу, на которой везли прочихъ къ костру. Вотъ въ подлинномъ смыслѣ матерь мученика! Она не пролила слезы малодушія, не произнесла ничего низкаго и недостойнаго по времени; но говоритъ: „иди, сынъ, въ добрый путь съ сверстниками и съ товарищами; не отставай отъ сего лика; не позже другихъ явись ко Владыкѣ“. Вотъ подлинно добраго корня добрая отрасль! Доблестная матерь показала, что питала его болѣе догматами благочестія, нежели млекомъ. Такъ былъ онъ воспитанъ, такъ предпосланъ благочестивою матерью! А діаволъ остался посрамленнымъ: потому что, возставивъ на мучениковъ всю тварь, уидѣлъ, что все препобѣждено доблестію ихъ,—и вѣтреная ночь, и холодъ страны, и время года, и обнаженіе тѣлъ.

Святый ликъ! священная дружина! непоколебимый полкъ! общіе хранители человѣческаго рода! добрые сообщники въ заботахъ, споспѣшники въ молитвѣ, самые сильные ходатаи, свѣтила вселенной, цвѣтъ церквей (какъ думаю, и духовный, и чувственный)! Васъ не земля сокрыла, но пріяло небо; вамъ отверзлись врата рая. Зрѣлище достойное ангельскаго воинства, достойное патріарховъ, пророковъ, праведниковъ: мужи въ самомъ цвѣтѣ юности презрѣвшіе жизнь, паче родителей, паче дѣтей возлюбившіе Господа! Находясь въ возрастѣ наиболѣе полномъ жизни, вмѣнили они ни во что временную жизнь, чтобы прославитъ Бога въ членахъ своихъ: ставъ „позоромъ міру и Ангеломъ и человѣкомъ“ (1 Кор. 4, 9), возставили падшихъ, утвердили колеблющихся, усугубили ревность въ благочестивыхъ. Всѣ, воздвигнувъ одинъ побѣдный памятникъ за благочестіе, украсились однимъ вѣнцомъ правды, о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Бесѣда 20. О Смиренномудріи.

О, если бы человѣкъ пребылъ въ славѣ предъ Богомъ, и имѣлъ высоту не поддѣльную, но истинную, возвеличенный Божіею силою, просвѣтляемый Божіею премудростію, увеселяемый вѣчною жизнію и ея благами! Но онъ измѣнилъ въ себѣ вожделѣніе Божественной славы, и понадѣявшись на большее, поспѣшивъ къ тому, чего не получилъ, потерялъ и то, что могъ имѣть. И съ тѣхъ поръ величайшимъ для него спасеніемъ, врачевствомъ отъ болѣзни и средствомъ возвратиться въ первобытное состояніе служитъ скромность, то есть, чтобы не вымышлять самому отъ себя облеченія какою-то славою, но искать славы у Бога. Этимъ только исправитъ онъ ошибку; этимъ уврачуетъ недугъ; чрезъ это возвратится къ священной заповѣди, которую оставилъ.

Между тѣмъ діаволъ, низложившій человѣка надеждою ложной славы, не престаетъ поощрять его тѣми же побужденіями и изобрѣтать для сего тысячи козней. Представляетъ ему чѣмъ-то важнымъ, если обложится онъ деньгами, чтобы тѣмъ величался и о томъ заботился, что ни мало не ведетъ къ славѣ, а великія приноситъ опасности; потому что пріобрѣтеніе денегъ—начало любостяжанія, а обладаніе ими не ведетъ къ доброй славѣ, но понапрасну ослѣпляетъ, попусту надмеваетъ и производитъ въ душѣ болѣзнь, подобную опухоли. Толщина опухшихъ тѣлъ и не здорова и не полезна, а напротивъ того болѣзненна и вредна; въ ней начало опасности, скрытая причина погибели. То же самое и гордость въ душѣ. И не отъ однихъ денегъ раждается въ человѣкѣ превозношеніе: люди превозносятся не одною пышностію снѣдей и одеждъ, пріобрѣтаемыхъ за деньги, не тѣмъ однимъ, что устрояютъ сверхъ нужды дорогіе и роскошные столы, облекаются въ ненужныя одежды, созидаютъ огромные домы, испещренные украшеніями, водятъ за собою множество сопровождающихъ слугъ и безчисленныя толпы ласкателей: но они, забывая свою природу, величаются чинами, въ которые возводятся по выборамъ. Если народъ возвелъ въ чинъ; если удостоилъ какого либо предсѣдательства, приговорилъ почтить высокимъ саномъ; то вотъ уже, какъ бы ставъ выше человѣческой природы, думаютъ о себѣ, что едва не на облакахъ сидятъ, а низшихъ себя людей считаютъ подножіемъ, превозносясь предъ тѣми, которые дали имъ чинъ, гордясь противъ тѣхъ, чрезъ кого въ собственномъ своемъ мнѣніи стали что-то значить! Продолжая дѣло, исполненное безумія, имѣя славу, которая непостояннѣе сновидѣнія, облекаясь въ блистательность, которая пустѣе ночныхъ призраковъ, по мановенію народа возникаетъ и по его же мановенію исчезаетъ. Таковъ былъ этотъ неразумный сынъ Соломоновъ, юный возрастомъ и еще болѣе юный умомъ,

который народу, просившему правленія снисходительнѣйшаго, угрожалъ правленіемъ еще болѣе обременительнымъ, и за сію угрозу лишился царства. Чрезъ что надѣялся показаться болѣе полновластнымъ, чрезъ это самое потерялъ и то достоинство, какое имѣлъ. Человѣка дѣлаетъ также дерзкимъ сила рукъ, скорость ногъ, благообразіе тѣла, хотя все это истребляетъ болѣзнь, истощаетъ время. И не разумѣетъ онъ, что „всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный: изсше трава, и цвѣтъ отпаде“ (Исаіи 40, 6—7). Таковы были киченіе исполиновъ силою, благопротивное мнѣніе о себѣ безумнаго Голіаѳа: таковы были Адонія, высоко думавшій о красотѣ, и Авессаломъ, превозносившійся длинными волосами.

И что, повидимому, гораздо важнѣе и прочнѣе другихъ, у человѣка находящихся, благъ,—мудрость и благоразуміе, и это ведетъ къ суетному превозношенію, доставляетъ высоту не истинную: потому что и сіи блага вмѣняются ни во что, какъ скоро нѣтъ премудрости, которая отъ Бога. Ибо самому діаволу не удается ухищреніе противъ человѣка: что измышлялъ онъ противъ человѣка, то, самъ того не зная, устроилъ противъ себя, не столько повредивъ тому, кого надѣялся отдалить отъ Бога и отъ вѣчной жизни, сколько измѣнивъ себѣ тѣмъ, что отпалъ отъ Бога и осужденъ на вѣчную смерть. И поставивъ сѣть Господу, самъ онъ уловленъ ею, распятъ на томъ крестѣ, на которомъ думалъ Его распять, умеръ тою смертію, которою надѣялся умертвить Господа. Если же и князь міра, первый, величайшій и невидимый искусникъ въ мірской мудрости, уловляется собственными ухищреніями, впадая въ крайнее неразуміе: то тѣмъ паче ученики и ревнители его, хотя и тысячекратно умудрялись, „глаголющеся быти мудри, объюродѣша“ (Римл. 1, 22). Ухищряется Фараонъ на погибель Израиля: но ухищреніе его непредвидѣнно разрушается, чѣмъ и не ожидалъ. Младенецъ, по его повелѣнію преданный на смерть, тайно воспитанъ въ собственномъ его домѣ, сокрушилъ силу его и цѣлаго народа, и избавилъ Израильтянъ. Убійца Авимелехъ, незаконнорожденный сынъ Гедеоновъ, умертвившій семьдесятъ законныхъ сыновъ и думавшій, что нашелъ мудрое средство—прочно овладѣть царствомъ, сокрушаетъ, правда, споспѣшниковъ своихъ въ убійствѣ, но и самъ сокрушается ими и погибаетъ, наконецъ, отъ женской руки и отъ удара камнемъ. И всѣ Іудеи придумали противъ Господа пагубное намѣреніе, разсуждая сами съ собою: „аще оставимъ его тако, вси увѣруютъ въ Него: и пріидутъ Римляне, и возмутъ мѣсто и языкъ нашъ“ (Іоан. 11, 48). Отъ этого намѣренія дошедши до христоубійства въ той же мысли, что спасаютъ народъ и страну, погибли отъ того, что замышляли, будучи и изъ страны изгнаны, и лишившись законовъ и богослуженія. И вообще, изъ тысячи примѣровъ можно ураз-

умѣть, что преимущество человѣческой мудрости не прочно и скорѣе маловажно и низко, чѣмъ велико и высоко.

Поэтому ни одинъ благомыслящій не будетъ высоко думать о своей мудрости и о прочемъ вышесказанномъ, но повѣритъ прекрасному увѣщанію блаженной Анны и пророка Іереміи: „да не хвалится мудрый мудростію своею, и да не хвалится крѣпкій крѣпостію своею, и да не хвалится богатый богатствомъ своимъ" (Іер. 9, 23. 1 Цар. 2, 10). Но въ чемъ же истинная похвала? И чѣмъ человѣкъ великъ? „О семъ", сказано, „да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати, яко Азъ Господь" (Іер. 9, 24). Вотъ высота человѣка, вотъ слава и величіе его—знать истинно великое, прилѣпляться къ нему и искать славы у Господа славы. Апостолъ же выражается: „хваляйся, о Господѣ да хвалится", говоря, что Христосъ „бысть намъ премудрость отъ Бога, правда же и освященіе и избавленіе: да, якоже пишется, хваляйся о Господѣ да хвалится" (1 Кор. 1, 30. 31). Ибо это—совершенная и всецѣлая похвала о Богѣ, когда человѣкъ не превозносится своею праведностію, но знаетъ, что онъ имѣетъ нужду въ праведности истинной, и оправданъ одною вѣрою во Христа. И Павелъ хвалится тѣмъ, что презрѣлъ собственную свою праведность, а ищетъ праведности чрезъ Христа, ищетъ „сущую отъ Бога правду въ вѣрѣ, яко разумѣти Его и силу воскресенія Его, и сообщеніе страстей Его, сообразуяся смерти Его, аще како" достигнетъ „въ воскресеніе мертвыхъ" (Филип. 3, 9—11).

Здѣсь падаетъ всякая высота гордыни. Ничего не остается для высокомѣрія тебѣ, человѣкъ, чья похвала и надежда въ томъ, чтобы умертвить все свое и искать будущей жизни во Христѣ, которой начатки имѣя въ себѣ, и теперь уже всецѣло живемъ благодатію и даромъ Божіимъ. И какъ „Богъ есть дѣйствуяй въ" насъ „и еже хотѣти и еже дѣяти о благоволеніи" (Филип. 2, 13): такъ Богъ собственнымъ Духомъ Своимъ открываетъ свою премудрость, предуставленную въ славу нашу (1 Кор. 2, 7); а также Богъ даетъ и силу въ трудахъ: „паче всѣхъ потрудихся", говоритъ Павелъ, „не азъ же, но благодать Божія, яже со мною" (1 Кор. 15, 10). Богъ же избавляетъ и отъ опасностей, сверхъ всякаго человѣческаго чаянія. Сказано: „сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ, да не надѣющеся будемъ на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя: Иже отъ толикія смерти избавилъ ны есть, и избавляетъ, на-Ньже и уповахомъ, яко и еще избавитъ" (2 Кор. 1, 9. 10).

Итакъ скажи мнѣ, для чего превозносишься благими, какъ бы собственностію, вмѣсто того, чтобы за дары исповѣдать благодарность Давшему? „Что имаши, егоже нѣси пріялъ? Аще же и пріялъ еси, что хвалишися, яко не пріемъ" (1 Кор. 4, 7)? Не ты позналъ Бога чрезъ праведность, но Богъ позналъ тебя по благости. — Сказано: „познавше Бога,

паче же познани бывше отъ Бога" (Гал. 4. 9). Не ты постигъ Христа чрезъ добродѣтель, но Христосъ постигъ тебя пришествіемъ. Сказано „гоню, аще и постигну, о немже и постиженъ быхъ отъ Христа" (Филип. 3, 12). „Не вы Мене избрасте", говоритъ Господь, „но Азъ избрахъ васъ" (Іоан. 15, 16).

Но ты высоко о себѣ думаешь, потому что почтенъ, и милость берешь за предлогъ къ гордынѣ. Познай же, наконецъ, кто ты, какъ Адамъ, изверженный изъ рая, какъ Саулъ, оставленный Духомъ Божіимъ, какъ Израиль, отсѣченный отъ святаго корня. Сказано: „вѣрою стоиши, не высокомудрствуй, но бойся" (Рим. 11, 20). За милостію слѣдуетъ судъ, и Судія изслѣдуетъ, какъ воспользовался ты даннымъ тебѣ по милости. Если же не понимаешь и того самаго, что сподобился благодати, но въ избыткѣ безчувствія благодать обращаешь въ собственную свою заслугу: то не досточестнѣе ты блаженнаго Апостола Петра: потому что любовію къ Господу не возможешь превзойдти того, который такъ сильно любилъ, что желалъ и умереть за Него. Но поелику онъ выразился высокомудренно, сказалъ: „аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогдаже соблажнюся" (Матѳ. 26, 33): то преданъ человѣческой боязни, и палъ даже до отреченія, вразумляемый паденіемъ соблюдать осторожность и научаемый щадить немощныхъ сознаніемъ собственной немощи и яснымъ уразумѣніемъ, что, какъ, утопая въ морѣ, поддержанъ десницею Христовою, такъ, въ обуреваніи соблазномъ подвергшись опасности погибнуть отъ невѣрія, охраненъ силою Христа, Который и предсказалъ ему, что случится съ нимъ, говоря: „Симоне, Симоне. се сатана проситъ васъ, дабы сѣялъ яко пшеницу. Азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя, и ты нѣкогда обращся утверди братію твою" (Лук. 22, 31. 32).

И Петръ, обличенный такимъ образомъ, справедливо получилъ помощь, будучи наставленъ отложить высокомѣріе и щадить немощныхъ. А этотъ фарисей несносный и чрезъ мѣру горделивый, не только смѣло полагающійся на себя, но и злословящій мытаря предъ Богомъ, какъ виновный въ гордынѣ, лишился похвалы за праведность. И мытарь „сниде оправданъ паче" его (Лук. 18, 14); потому что прославилъ святаго Бога, и не смѣлъ смотрѣть вверхъ, но просилъ одного помилованія, обвиняя самъ себя, что показывалъ и наружнымъ видомъ, и біеніемъ въ перси, и тѣмъ, что не искалъ ничего инаго, кромѣ помилованія. Поэтому смотри, и имѣй во вниманіи этотъ примѣръ, какъ тяжекъ вредъ гордыни, и поучайся изъ онаго. Утратилъ праведность возгордившійся, погубилъ мзду смѣло полагавшійся на себя, уничиженъ предъ смиреннымъ и грѣшникомъ возвеличившій себя предъ нимъ и не дождавшійся суда Божія, но самъ произнесшій о немъ судъ. А ты никогда не превозносись ни передъ кѣмъ, даже и предъ великими грѣшниками. Смиренномудріе

часто спасаетъ и того, кто сдѣлалъ многіе и великіе грѣхи. Не оправдывай себя паче другаго, чтобы, оправдавшись по собственному приговору, не быть осужденнымъ по приговору Божію. „Ни самъ себе востязую“, говоритъ Павелъ: „ничесоже бо въ себѣ свѣмъ; но ни о семъ оправдаюся: востязуяй же мя Господь есть“ (Кор. 4, 3. 4).

Полагаешь ли, что тобою сдѣлано нѣчто доброе? Благодари Бога, не превозносись предъ ближнимъ. Сказано: „дѣло свое да искушаетъ кійждо, и тогда въ себѣ точію хваленіе да иматъ, а не во иномъ“ (Гал. 6, 4). Ибо какую пользу сдѣлалъ ты ближнему тѣмъ, что исповѣдалъ вѣру, или терпѣливо несъ труды поста, или претерпѣлъ изгнаніе за имя Христово? Не другому отъ этого выгода, а тебѣ. Бойся уподобленія въ паденіи діаволу, который, вознесшись предъ человѣки, палъ низложенный человѣкомъ, и преданъ въ попраніе попранному. Подобно сему и паденіе Израильтянъ. Превознесшись предъ язычниками, какъ предъ нечистыми, дѣйствительно стали они нечисты. И правда ихъ стала, „якоже портъ нечистыя“ (Иса. 64, 6), а беззаконіе и нечестіе язычниковъ заглаждены вѣрою. Вообще помни истинную притчу: „гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать“ (Притч. 3, 34. 1 Петр. 5, 5). Имѣй всегда изреченіе Господне: „всякъ смиряяйся вознесется, и возносяйся смирится“ (Лук. 14, 11). Не будь несправедливымъ судіею самого себя, испытывай себя, не льстя себѣ, и, если думаешь, что есть въ тебѣ нѣчто доброе,—не это одно выставляя на видъ, паденія же намѣренно забывая, не величаясь заслугою, какую сдѣлалъ сегодня, извиняя же себя въ томъ, что дѣлалъ худого за день и давно. Напротивъ того, когда надмеваетъ тебя настоящее, приводи себѣ на память давнее, и избавишься отъ глупой надутости. И если увидишь ближняго во грѣхѣ: не на это одно смотри, но размысли, что сдѣлалъ, или дѣлаетъ онъ хорошаго, и не рѣдко, испытавъ вообще, а не въ частности судя, найдешь, что онъ лучше тебя. И Богъ испытываетъ человѣка не въ частности. „Азъ“, говоритъ Онъ, „дѣла и помышленія ихъ гряду собрати“ (Иса. 66, 18). И Іосафату сдѣлавъ нѣкогда выговоръ за грѣхъ настоящій, восполнилъ и заслуги его, говоря: „но токмо“ словеса „благая обрѣтошася въ тебѣ“ (2 Пар. 19, 3).

Симъ и подобнымъ сему будемъ всякій разъ ограждать себя отъ гордыни, смиряя себя, чтобы возвыситься, подражая Господу, нисшедшему съ неба до крайняго уничиженія вознесшемуся на подобающую высоту. Ибо находимъ, что въ Господѣ все научаетъ смиренномудрію. Будучи младенцемъ, прежде всего Онъ—въ вертепѣ, и не на ложѣ, но въ ясляхъ; въ домѣ тектона и бѣдной матери повинуется матери и обрученному съ нею; учится, выслушиваетъ то, въ чемъ не нуждался, вмѣстѣ вопрошаетъ и въ вопросахъ удивляетъ мудростію, подчиняется Іоанну

и Владыка пріемлетъ крещеніе отъ раба; не противится никому изъ возстающихъ на Него и не приводитъ въ дѣйствіе той неизрѣченной власти, какую имѣлъ, но уступаетъ имъ, какъ бы сильнѣйшимъ, и временной власти отдаетъ принадлежащую ей твердость; предстоитъ первосвященникамъ въ видѣ подсудимаго, приводится къ игемону, пріемлетъ на себя осужденіе; когда могъ обличить клеветниковъ, въ молчаніи терпитъ клеветы; бываетъ оплеванъ отъ рабовъ и самыхъ презрѣнныхъ слугъ, предается смерти и смерти у людей самой поносной. Такъ прошелъ Онъ всю человѣческую жизнь отъ рожденія до конца, и послѣ такого смиренномудрія являетъ, наконецъ, славу, прославляя съ Собою тѣхъ, которые съ Нимъ обезславлены. И это, во-первыхъ, блаженные Апостолы, которые въ нищетѣ и наготѣ обтекаютъ вселенную, не въ мудрости слова, не съ множествомъ сопровождающихъ, но одни, скитающіеся, одинокіе проходятъ сушу и море, бичуемые, побиваемые камнями, гонимые, наконецъ, умерщвляемые. Вотъ отеческіе божественные для насъ уроки! Научимся подражать имъ, чтобы изъ смиренномудрія возсіяла для насъ вѣчная слава,—сей совершенный и истинный даръ Христовъ.

Но какъ же снизойдемъ до спасительнаго смиренномудрія, оставивъ пагубное надменіе гордыни? Такъ, если во всемъ будемъ исполнять подобное и ничѣмъ не станемъ пренебрегать, какъ будто нѣтъ отъ того вреда. Ибо душа уподобляется своимъ занятіямъ; что она дѣлаетъ, въ то самое и отпечатлѣвается, отъ того и принимаетъ на себя видъ. Да будутъ у тебя наружный видъ, и одежда, и поступь, и сѣдалище, и составъ пищи, и приготовленіе постели, и домъ, и всѣ домашніе сосуды доведены до того, чтобы въ этомъ не было излишествъ; и слово, и пѣснь, и обращеніе съ ближнимъ да будутъ направлены болѣе къ скромности, нежели къ надменію. Да не будетъ у тебя софистическихъ прикрасъ въ словѣ, чрезмѣрнаго сладкогласія въ пѣніи, рѣчей горделивыхъ и высокомѣрныхъ, но во всемъ отсѣкай величавость. Будь добръ съ другомъ, кротокъ съ слугою, непамятозлобивъ на дерзкихъ, человѣколюбивъ къ смиреннымъ, утѣшай злосчастныхъ, посѣщай болѣзнующихъ, совершенно никого не презирай, привѣтствуй съ пріятностію, отвѣчай съ свѣтлымъ лицемъ, ко всѣмъ будь благосклоненъ, доступенъ, не пускайся въ похвалы себѣ самому, не вынуждай и другихъ говорить о тебѣ, не принимай неприличнаго слова, прикрывай, сколько можно, свои преимущества, а въ грѣхахъ самъ себя обвиняй и не жди обличенія отъ другихъ, чтобы тебѣ, по примѣру праведнаго, быть „себе самаго оглагольникомъ въ первословіи“ (Притч. 18, 17); чтобы уподобиться Іову, который не посрамился „народнаго множества, еже не повѣдати предъ ними“ паденіе свое (Іов. 31 34). Не будь тяжелъ въ выговорахъ, обличай не скоро и не съ страстнымъ движеніемъ; ибо это признакъ высокомѣрія; не осуждай за маловажное, какъ

будто самъ ты строгій праведникъ. Впадшихъ въ погрѣшность принимай, исправляй ихъ духовно, какъ даетъ совѣтъ Апостолъ: „блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши“ (Гал. 6, 1). Столько прилагай стараніе не быть прославляемымъ отъ людей, сколько другіе стараются быть прославляемыми, если только помнишь, что Христосъ называетъ ущербомъ награды, получаемой отъ Бога, произвольное выказываніе себя передъ людьми и дѣланіе добра съ тѣмъ, чтобы видѣли это люди. Ибо о таковыхъ сказано: „воспріемлютъ мзду свою“ (Мато. 6. 2). Поэтому не дѣлай себѣ ущерба, желая быть на виду у людей. Поелику Богъ—великій зритель: ищи славы предъ Богомъ; потому что Онъ воздаетъ славную награду. Но ты удостоенъ первенства, люди оказываютъ къ тебѣ вниманіе и прославляютъ тебя? Будь равенъ подчиненнымъ, какъ сказано: не „яко“ обладая „причту“ (Петр. 5, 3); не подражай мірскимъ начальникамъ; ибо кто хочетъ быть первымъ, тому Господь повелѣлъ быть рабомъ всѣмъ (Марк. 10, 44). Кратко же сказать: такъ стремись къ смиренномудрію, какъ любитель его; возлюби смиренномудріе, и прославитъ тебя. Такимъ образомъ прекрасно будешь восходить къ истинной славѣ,—къ славѣ у Ангеловъ, къ славѣ предъ Богомъ; Христосъ признаетъ тебя предъ Ангелами ученикомъ Своимъ, и прославитъ тебя, если будешь подражателемъ Его смиренномудрія. Ибо Онъ говоритъ: „научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ“ (Мато. 11, 29). Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда 21. О томъ, что не должно прилѣпляться къ житейскому, и о пожарѣ, бывшемъ внѣ церкви.

Обращая на васъ при всякомъ разѣ язвительное жало слова, думалъ я, возлюбленные, что покажусь вамъ нѣсколько досаднымъ, потому что обнаруживаю какую-то излишнюю смѣлость, неприличную человѣку пришлому и не изъятому отъ подобныхъ же обвиненій: но вы обличеніями возбудились къ благорасположенности, и раны, наносимыя моимъ языкомъ, обратили въ поводъ воспламениться большею любовію. И это не удивительно; потому что вы мудры въ духовномъ. „Обличай премудра, и возлюбитъ тя“ (Притч. 9, 8), говоритъ гдѣ-то въ своихъ писаніяхъ Соломонъ. Посему и теперь, братія приступаю къ тому же увѣщанію, желая, какъ бы то ни было, отвести васъ отъ сѣтей діавола.

А врагъ истины ежедневно ведетъ съ нами, возлюбленные, сильную и многовидную брань. И ведетъ эту брань, какъ сами знаете, наши же пожеланія обращая противъ насъ въ стрѣлы, и у насъ всегда заимствуя себѣ крѣпость, чтобы вредить намъ. Поелику много у него силы связалъ Владыка неразрѣшимыми законами, и не попустилъ ему однимъ устрем-

леніемъ стереть родъ человѣческій съ земли: то завистникъ татски уже одерживаетъ надъ нами побѣду, пользуясь нашимъ неразуміемъ. Какъ лукавые и корыстолюбивые люди, у которыхъ одно дѣло и одинъ замыслъ—обогащаться чужимъ, но нѣтъ силы смѣло употребить насиліе, обыкновенно дѣлаютъ засады при дорогахъ, и если видятъ около нихъ какое-нибудь мѣсто, или изрытое глубокими оврагами, или закрытое частыми деревьями, скрываются тамъ, и такими прикрытіями пресѣкая путешественникамъ возможность видѣть вдаль, внезапно нападаютъ на нихъ, почему они и не могутъ замѣтить опасныхъ силковъ, пока не попадутъ въ нихъ: такъ и сей, издревле намъ непріязненный и враждебный, прибѣгая подъ тѣнь мірскихъ наслажденій, которыя, при пути этой жизни, удобно могутъ скрывать въ себѣ разбойника и затаивать злокозненнаго, непредвидимо разставляетъ намъ здѣсь сѣти погибели.

Потому, если желаемъ безопасно пройдти предлежащій путь жизни, представить Христу и душу, и тѣло свободными отъ постыдныхъ язвъ и получить побѣдные вѣнцы: то должны мы обращать всюду бодрственныя душевныя очи, на все пріятное смотрѣть подозрительно, безъ замедленія пробѣгать мимо и ни къ чему не прилѣпляться мыслію; хотя бы казалось, что золото лежитъ разсыпано кучами и готово перейдти въ руки желающимъ; ибо сказано: „богатство аще течетъ, не прилагайте сердца“ (Псал. 61, 11); хотя бы земля произращала наслажденія всякаго рода и предлагала многоцѣнные кровы: „наше бо житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Христа“ (Филип. 3, 20); хотя бы предстояли пляски, пиры, пьянство, оглашаемые свирѣлями ужины; ибо сказано: „суета суетствій, всяческая суета“ (Еккл. 1, 2),—хотя бы представлялась красота тѣлъ, въ которыхъ живутъ порочныя души; ибо премудрый говоритъ: отъ лица жены, „яко отъ лица зміина, бѣжи“ (Сир. 21, 2; 25, 18),—хотя бы предлагались господство и самовластіе, толпы тѣлохранителей и льстецовъ, даже высокій и свѣтлый престолъ, подчиняющій намъ народы и города въ добровольное рабство; ибо „всяка плоть, яко трава, и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный: изсше трава, и цвѣтъ ея отпаде“ (1 Петр. 1, 24). Подъ всѣмъ этимъ, столько пріятнымъ, сидитъ общій врагъ, выжидая, не совратимся ли когда съ праваго пути, прельщенные видимымъ, и не уклонимся ли къ его засадѣ. И весьма опасно, что, когда-нибудь подойдя къ сему неосторожно и не почтя вредною пріятность наслажденія, проглотимъ въ первомъ вкушеніи сокрытую уду коварства, а потомъ чрезъ нее, волею или неволею, сдѣлаемся привязанными къ такимъ вещамъ, и непримѣтно увлечемся сластолюбіемъ, на страшное перепутье къ этому разбойнику, то есть въ смерть.

Почему всѣмъ намъ, братія, нужно и полезно, какъ путникамъ, или скороходамъ, уготовившись въ путь и придумавъ всѣ средства къ облег-

ченію душъ въ этомъ шествіи, неуклонно поспѣшить къ концу пути. И никто не думай, что я изобрѣтатель новыхъ именъ, потому что жизнь человѣческую назвалъ теперь путемъ. Ибо и Пророкъ Давидъ такъ же называетъ жизнь, то въ одномъ мѣстѣ говоря: „блажени непорочніи въ пути, ходящіи въ законѣ Господни“ (Псал. 118, 1); то въ другомъ мѣстѣ взывая къ своему Владыкѣ: „путь неправды отстави отъ мене, и закономъ Твоимъ помилуй мя“ (29). А еще, воспѣвая скорую помощь Божію противъ обидящихъ и съ удовольствіемъ подлаживая подъ лиру, говорилъ онъ: „кто Богъ, развѣ Бога нашего? Богъ, препоясуяй мя силою, и положи непороченъ путь мой“ (Псал. 17, 32. 33), справедливо думая, что во всякомъ случаѣ такъ должно называть жизнь человѣческую на землѣ— и достойную удивленія, и худую. Ибо кто совершающіе непрерывное шествіе, попеременно двигая впередъ ступени ногъ одна другу перегоняющихъ, и непрестанно ту ногу, которая прежде утвердилась на землѣ, скорымъ переставленіемъ другой оставляя позади, удобно приходятъ къ предѣлу пути: такъ и введенные Творцемъ въ жизнь, при самомъ началѣ жизни немедленно вступая въ части времени, и ту часть, которая была у нихъ впереди, непрестанно оставляя позади себя, достигаютъ конца жизни. И самимъ вамъ не представляется ли, что настоящая жизнь распростирается какимъ-то непрерывнымъ путемъ и шествіемъ, которое раздѣлено возрастами, какъ перепутьями; что началомъ путешествія представляетъ она каждому матернія муки рожденія, а концемъ поприща указуетъ гробовыя обители, и приводитъ къ нимъ всѣхъ,—однихъ скорѣе, другихъ медленнѣе,—однихъ, когда пройдутъ всѣ разстоянія времени, а другихъ прежде, нежели расположатся на первыхъ перепутьяхъ жизни?

Отъ иныхъ путей, которые ведутъ изъ города въ городъ, можно уклоняться, и не идти путемъ, какимъ не хочемъ: но этотъ путь, хотя бы мы и хотѣли отложить шествіе, захвативъ насильно находящихся на немъ, влечетъ къ назначенному Владыкою предѣлу. И тому, возлюбленные, кто однажды приблизился ко вратамъ, ведущимъ въ жизни сію, и вступилъ на этотъ путь, не возможно не прійдти къ концу онаго. Но каждый изъ насъ, по оставленіи имъ матерняго нѣдра, тотчасъ объятый потоками времени, увлекается ими, всегда позади себя оставляя прожитый имъ день, и никогда не будучи въ силахъ, хотя бы и желалъ, возвратиться къ вчерашнему дню.

А мы веселимся, стремясь впередъ, радуемся, перемѣняя возрасты, какъ будто пріобрѣтаемъ что; почитаемъ счастливымъ; когда кто изъ отрока дѣлается мужемъ, а изъ мужа—старцемъ. Конечно же, не знаемъ, что всякій разъ столько же утратили мы жизни, сколько прожили; не чувствуемъ утраты жизни, хотя всегда измѣряемъ ее прошедшимъ и мимотекшимъ; не помышляемъ какъ не извѣстно, сколько восхощетъ дать

намъ времени на теченіе выславшій насъ въ сіе путешествіе, и когда отверзетъ каждому изъ текущихъ двери входа; не помышляемъ, что ежедневно должны мы быть готовы къ исшествію отсюда и, не сводя очей, ожидать мановенія Владыки. Ибо сказано: „да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы горящіи: и вы подобни человѣкомъ, чающимъ Господа своего, когда возвратится отъ брака, да пришедшу и толкнувшу, абіе отверзутъ Ему“ (Лук. 12, 35. 36).

Не хотимъ мы тщательно всмотрѣться, какія бремена на этомъ поприщѣ для насъ легки, могутъ быть перенесены собравшими ихъ, и обратившись въ собственность пріобрѣтшихъ, дѣлаютъ для насъ радостною будущую жизнь,—и какія бремена тяжелы, не удобны, привязаны къ землѣ, не могутъ быть усвоены людьми навсегда и не пригодны къ тому, чтобы обладающихъ ими сопровождать въ тѣсныя оныя врата. Напротивъ, что надлежало собрать, то мы оставляемъ; а что слѣдовало бы пройдти безъ вниманія, это собираемъ. И что можетъ соединиться съ нами и дѣйствительно стать украшеніемъ, сроднымъ душѣ и тѣлу, на то и вниманія не обращаемъ; а что навсегда остается для насъ чуждымъ, запечатлѣвая насъ однимъ позоромъ, то стараемся собирать, понапрасну утомляя себя и трудясь такимъ трудомъ, съ какимъ развѣ кто, обманывая самъ себя, захотѣлъ бы наливать въ дырявую бочку. Ибо, безъ сомнѣнія, какъ думаю, и малымъ дѣтямъ извѣстно это, что ни одна изъ пріятностей сей жизни, для которыхъ большая часть людей сходятъ съ ума, не наша, или не можетъ стать дѣйствительно нашею, но для всѣхъ равно оказывается чуждою, такъ же для наслаждающихся, по видимому, какъ и для тѣхъ, которые вовсе къ этому не приближаются. Ибо, если иные собрали въ сей жизни несмѣтное множество золота; оно не остается навсегда ихъ собственностію, но или еще при жизни ихъ, какъ бы крѣпко ни запирали отовсюду, ускользаетъ, переходя къ сильнѣйшимъ, или оставляетъ ихъ при смерти, и не хочетъ идти въ слѣдъ за своими обладателями. Напротивъ того, они, увлекаемые въ необходимый путь Тѣмъ, Кто насильно разлучаетъ душу съ симъ жалкимъ тѣломъ, часто обращая взоры къ деньгамъ, оплакиваютъ труды, съ юности для нихъ употребленные; а богатство смотритъ въ чужія руки, отпечатлѣвая на нихъ только слѣды утомленія при собираніи, и укоръ въ любостяжаніи. И если бы кто пріобрѣлъ тысячи десятинъ земли, великолѣпные домы, стада животныхъ всякаго рода, облеченъ былъ у людей всякимъ владычествомъ; то не вѣкъ будетъ наслаждаться этимъ, но, не надолго попользовавшись отъ сего именитостію, другимъ опять уступитъ свое богатство, самъ покрывшись малымъ количествомъ земли, а не рѣдко и до гроба, до переселенія своего отсюда, увидитъ, что имущество его переходитъ къ другимъ, и, можетъ быть, къ врагамъ. Ужели не знаемъ, сколько полей, сколько домовъ, сколько наро-

довъ и городовъ, еще при жизни своихъ владѣтелей, облеклись въ имена другихъ владѣльцевъ? Какъ бывшіе прежде рабами взошли на верхъ могущества, а называвшіеся господами и владыками съ охотою становились въ рядъ съ подчиненными и кланялись рабамъ своимъ, когда обстоятельства внезапно перевернулись, подобно тому, какъ кость въ игрѣ ложится другою стороною? А придуманное въ пищу и питіе намъ и все, что надменное богатство изобрѣло сверхъ нужды въ угожденіе неблагодарному и ничего въ себѣ не удерживающему чреву, дѣлается ли когда нашею собственностію, хотя бы чрево непрестанно было наполняемо? Послѣ того, какъ на время доставитъ это вкусу малое нѣкоторое удовольствіе, вскорѣ чувствуемъ мы непріязнь, какъ отъ чего-то обременительнаго и излишняго, и стараемся скорѣе извергнуть сіе вонъ, какъ подвергающіеся величайшей опасности потерять жизнь, если оно долго пробудетъ въ нашей внутренности. И дѣйствительно, пресыщеніе многимъ причиняло смерть и дѣлало, что ничѣмъ уже не могли наслаждаться они. А сладострастіе, нечистыя объятія и всѣ прочія дѣла души неистовой и бѣснующейся не очевидно ли явная потеря и ясно видимый вредъ природѣ, не отчужденіе ли и умаленіе того, что каждому наиболѣе существенно свойственно; потому что тѣло истощается отъ такихъ сообщеній, и лишается питанія самаго естественнаго и живительнаго для членовъ? Поэтому въ каждомъ изъ предающихся сладострастію тотчасъ по совершеніи гнуснаго дѣла, когда похоть тѣлесная удовлетворена, и умъ, достигнувъ сквернаго конца, котораго домогался, какъ бы послѣ опьяненія или бури, улучитъ время разсудить, до чего онъ дошелъ, появляется какое-то раскаяніе въ невоздержаніи. Ибо чувствуетъ, что и тѣло стало слабѣе, къ отправленію необходимыхъ дѣлъ медлительно и вовсе немощно. Замѣтивъ это, наставники въ тѣлесныхъ упражненіяхъ написали для своихъ училищъ законъ цѣломудрія, которымъ тѣла юношей охраняются неприкосновенными сластолюбію, и не позволяется имъ во время тѣлесныхъ упражненій даже смотрѣть на красивыя лица, если хотятъ, чтобы глава ихъ была увѣнчана; потому что невоздержность во время борьбы ведетъ къ осмѣянію, а не къ вѣнцу.

Сколько прекрасно, смеживъ очи, проходить мимо всего этого, какъ вовсе чуждаго и излишняго, неспособнаго стать чьею либо собственностію; столько же надобно прилагать великое попеченіе о принадлежащемъ намъ существенно. А что существенно наше? Это—душа, которою живемъ, существо тонкое и духовное, не имѣющее нужды ни въ чемъ обременяющемъ; это—тѣло, которое далъ Творецъ душѣ колесницею въ жизнь. Ибо вотъ что человѣкъ,—умъ тѣсно сопряженный съ приспособленною къ нему и приличною плотію. Онъ премудрымъ Художникомъ всяческихъ образуется въ матернихъ нѣдрахъ. Его изъ сихъ темныхъ ложницъ

изводитъ на свѣтъ наступившее время мукъ рожденія. Ему назначено начальствовать надъ тѣмъ, что на землѣ. Предъ нимъ распростерта тварь, какъ училище добродѣтели. Ему положенъ законъ, по мѣрѣ силъ подражать Творцу, и небесное благоустройство изображать на землѣ. Онъ, позванный отсюда, переселяется. Онъ предстаетъ судилищу пославшаго Бога. Онъ подвергается отвѣтственности. Онъ пріемлетъ воздаяніе за здѣшнюю жизнь.

А иный найдетъ, что и добродѣтели дѣлаются нашимъ достояніемъ, когда тщательно сотканы съ нашею природою, и какъ не хотятъ оставить насъ утружденныхъ на землѣ, если только сами по собственной волѣ насильно не отгонимъ введеніемъ худшаго, такъ предваряютъ насъ, поспѣшающихъ туда, стяжавшаго ихъ вчиняютъ съ Ангелами, и вѣчно сіяютъ предъ очами Творца. А богатство, власть, знаменитость, роскошь, и вся эта толпа, ежедневно умножаемая нашимъ неразуміемъ, не съ нами взошли въ жизнь, и ни съ кѣмъ не отходили. Напротивъ того, сказанное въ древности праведникомъ въ разсужденіи всякаго человѣка непремѣнно имѣетъ силу: „нагъ изъидохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отъиду“ (Іов. 1, 21).

Поэтому, кто желаетъ себѣ добра, тотъ, сколько можно болѣе, будетъ заботиться о душѣ, и всячески постарается соблюсти ее чистою и неприкосновенною, а на плоть, истаеваетъ ли она голодомъ. или борется съ стужею и тепломъ, или страждетъ отъ болѣзней, или терпитъ отъ кого нибудь насиліе, не много обратитъ вниманія, при всякой скорби взывая и говоря словами Павловыми: „аще и внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни“ (2 Кор. 4, 16). И видя приближеніе опасностей угрожающихъ жизни, не окажется боязливымъ, но съ упованіемъ скажетъ самъ себѣ: „вѣмы, яко аще земная наша храмина тѣла разорится, созданіе отъ Бога имамы, храмину нерукотворену, вѣчну на небесѣхъ“ (2 Кор. 5, 1).

Если же кто хочетъ пощадить и тѣло, какъ единственное достояніе, необходимое душѣ, и содѣйствующее ей въ земной жизни; то не много займется его нуждами, чтобы только поддержать его и чрезъ умѣренное попеченіе сохранить здоровымъ на служеніе душѣ, а не давать ему воли—скакать отъ пресыщенія. Если же увидитъ, что оно распаляется пожеланіемъ большаго и выходящаго за предѣлы полезнаго, возопіетъ къ нему, вразумляя словомъ Павловымъ: „ничтоже внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ: имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ“ (1 Тим. 6, 7, 8). Сіе непрестанно повторяя и взывая тѣлу, содѣлаетъ его покорнымъ и всегда легкимъ для небеснаго шествія, лучше же сказать: пріобрѣтетъ въ немъ сотрудника въ предлежащихъ подвигахъ.

А если дозволитъ ему быть наглымъ и ежедневно всѣмъ наполняться,

какъ неукротимому звѣрю: то, наконецъ, увлеченный его насильственными порывами къ землѣ, будетъ лежать воздыхая безъ пользы. И приведенный ко Владыкѣ, когда потребуютъ у него плодовъ возложеннаго на него странствованія по землѣ, поелику не можетъ представить никакихъ плодовъ, тяжко восплачетъ, и будетъ жить во всегдашней тьмѣ, сильно укоряя роскошь и ея обманчивость, которою отнято у него время спасенія. Но и отъ слезъ не будетъ тогда никакой пользы, ибо „во адѣ кто исповѣстся Тебѣ?“ говоритъ Давидъ (Псал. 6, 6).

Поэтому спасемся бѣгствомъ, какъ можно скорѣе; не будемъ сами себя губить добровольно. А если кто давно уже уловленъ, или прахъ богатства собралъ себѣ неправдою, и умъ связалъ заботами о немъ, или очернилъ естество свое неизгладимою скверною любострастія, или преисполнился другими винами: то онъ, пока еще время, пока не дошелъ до совершенной погибели, да сложитъ съ себя большую часть бременъ, и, прежде потопленія ладіи, да побросаетъ изъ своего груза, что собралъ незаконно, и да подражаетъ морскимъ промышленникамъ. Они, если и нужное что случится везти на кораблѣ, но поднимется на морѣ сильное волненіе, и кораблю, подавляемому грузомъ, станетъ угрожать потопленіемъ, съ возможною скоростію снимаютъ большую часть тяжести, и безъ пощады выкидываютъ товаръ въ море, чтобы корабль шелъ выше волны, и чтобы самимъ, если только можно, хотя душу и тѣло спасти отъ опасности. А намъ, конечно, гораздо больше ихъ надобно подумать объ этомъ, и дѣлать это. Они, если, что сбросятъ, теряютъ это въ ту же минуту, и ихъ окружаютъ уже невзгоды нищеты. А мы, чѣмъ больше уменьшаемъ лукавое бремя, тѣмъ больше и лучше копимъ богатство для душъ; потому что блудъ и все подобное, если сброшено, погибаютъ, и истребляемое слезами обращается въ ничто, на мѣсто же сего вступаютъ святость и праведность—вещи легкія, никогда не затопляемыя никакими волнами. А имущества, прекрасно изринутыя, не погибаютъ для тѣхъ, которые ихъ изринули и бросили, но, какъ будто переложенныя въ какіе-то другіе надежные корабли, то есть, во утробы бѣдныхъ, спасаются и достигаютъ пристаней, и извергнувшимъ ихъ соблюдается украшеніе, а не опасность.

Итакъ, возлюбленные, положимъ сами о себѣ человѣколюбивое опредѣленіе, и бремя богатства, если хотимъ обратить его въ свою прибыль, раздѣлимъ многимъ, а они съ радостію понесутъ его и положатъ на сохраненіе въ нѣдрахъ Владыки,—въ этихъ безопасныхъ сокровищницахъ, „идѣже ни червь тлитъ, ни“ разбойники „ни подкопываютъ, ни крадутъ“ (Матѳ 6, 20). Дадимъ свободу богатству, когда оно хочетъ чрезъ край литься къ нуждающимся. Не будемъ проходить мимо Лазарей, еще и нынѣ лежащихъ предъ нашими глазами; не пожалѣемъ съ своей трапезы крупицъ, достаточныхъ для ихъ насыщенія; не станемъ подражать этому

жестокосердому богачу, и не пойдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ тотъ же геенскій пламень. Иначе много будемъ умолять тогда Авраама, умолять каждаго изъ жившихъ прекрасно, но не будетъ намъ пользы отъ вопля; ибо „братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ“ (Псал. 48, 8)? Каждый же изъ нихъ скажетъ намъ громко: „Не ищи человѣколюбія, котораго самъ не зналъ къ другимъ; не думай получить такъ много ты, скупившійся и на меньшее; наслаждайся тѣмъ, что собралъ въ жизни. Плачь теперь: потому что не миловалъ тогда брата, видя его плачущимъ“. Вотъ что скажутъ намъ, и скажутъ справедливо!

Но боюсь, что поразятъ насъ словами еще болѣе сихъ горькими; потому что мы, какъ сами знаете, превосходимъ этого богача лукавствомъ. Не потому, что совершенно скупы на богатство, проходимъ мы мимо лежащихъ на землѣ братій; не потому, что бережемъ имѣніе дѣтямъ или другимъ роднымъ, заграждаемъ слухъ, когда просятъ у насъ: напротивъ того расточаемъ на худшее, и щедрость свою обращаемъ на поощреніе къ пороку людей, преданныхъ оному. У многихъ при столѣ сколько собрано мужей и женъ! Одни забавляютъ дающаго пиръ срамными словами; другіе нескромными взорами и тѣлодвиженіями воспламеняютъ огнь невоздержности; иные колкими шутками другъ надъ другомъ стараются разсмѣшить призвавшаго, а другіе обманываютъ его ложными похвалами. И не ту одну получаютъ они выгоду, что угощены пышно, но уходятъ съ полными руками всякихъ даровъ, и узнаютъ чрезъ насъ, что гораздо полезнѣе для нихъ—пускаться на подобныя симъ дѣла и въ этомъ упражняться, а не въ добродѣтеляхъ. А если сталъ предъ нами нищій, который едва можетъ говорить отъ голода: отвращаемся отъ того, кто одного съ нами естества, гнушаемся имъ, поспѣшно бѣжимъ прочь, какъ бы страшась, что, пошедши медленнѣе, сдѣлаемся участниками въ томъ же бѣдствіи. И если онъ, стыдясь своего несчастія, потупляетъ взоры въ землю: говоримъ, что промышляетъ лицемѣріемъ. Если же, понуждаемый жестокимъ голодомъ, смотритъ на насъ смѣло: опять называемъ безстыднымъ и наглымъ. Если, по случаю, покрытъ крѣпкою одеждою, которую кто нибудь ему подалъ; гонимъ его отъ себя, какъ ненасытнаго, и клянемся, что нищета его притворная. А если прикрытъ согнившими рубищами: опять гонимъ прочь за зловоніе, и, хотя къ просьбамъ своимъ присовокупляетъ онъ имя Творца, хотя непрестанно заклинаетъ, чтобы и мы подверглись подобнымъ страданіямъ, никакъ не можетъ перемѣнить нашего безжалостнаго рѣшенія. За сіе-то боюсь тягчайшаго геенскаго огня въ сравненіи съ онымъ богачемъ.

Если бы дозволяло время и доставало силъ: то, объяснивъ вамъ о богачѣ все, какъ показано въ книгѣ, положилъ бы конецъ рѣчи; но пора отпустить васъ, ибо вы уже утомились. Если же чего, по немощи разумѣ-

нія и языка, не договорилъ я; сами воспроизведя это, подобно какому либо врачевству, приложите къ душевнымъ язвамъ. Ибо, „даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ“ (Притч. 9, 9), говоритъ Писаніе. „Силенъ же Богъ всяку благодать изобиловати въ васъ, да о всемъ всегда всяко довольство имуще, избыточествуете, во всяко дѣло благо“ (2 Кор. 9. 8).

Но слово мое, введенное уже, какъ видите, въ пристань, нѣкоторые изъ братій опять вызываютъ на поприще совѣщанія, повелѣвая не проходить мимо того, что вчера чудодѣйствовалъ Владыка, не умалчивать о побѣдномъ памятникѣ, какой воздвигъ Спаситель въ посрамленіе ярости діавола, но доставить вамъ случай къ ликованію и пѣснопѣніямъ. Ибо діаволъ, какъ знаете, опять обнаружилъ противъ насъ свойственное ему неистовство, и вооружившись пламенемъ огненнымъ, нападалъ на церковныя ограды. Но общая матерь опять побѣдила, козни врага обративъ противъ него самого, и онъ ни въ чемъ неуспѣлъ, кромѣ того, что сдѣлалъ явною вражду свою. Благодать воспротивилась устремленію врага, и храмъ остался невредимымъ; воздвигнутая врагомъ буря не въ силахъ была поколебать камня, на которомъ Христосъ построилъ овчій дворъ для Своего стада. И нынѣ сталъ съ нами Тотъ, Который древле угасилъ пещь въ Вавилонѣ. Сколько, думаете, стенаетъ сегодня діаволъ, не насладившись своимъ предпріятіемъ, какъ ему хотѣлось? Этотъ непріязненный зажегъ смежный съ церковію костеръ, чтобы разстроить наши успѣхи. И пламень, повсюду раздуваемый сильными его дыханіями, разливался на все окружающее, пожиралъ близъ лежащій воздухъ, будучи принуждаемъ коснуться священныхъ зданій и вовлечь насъ въ общее бѣдствіе. Но Спаситель сдѣлалъ, что пламень обратился на возжегшаго, и повелѣлъ ему неистовство свое заключить опять въ себѣ самомъ. И врагъ уготовалъ злокозненный лукъ; но ему воспрепятствовали пустить стрѣлу, или лучше сказать, пустилъ и стрѣлу, но она обращена на его же голову. Самъ вкусилъ тѣхъ горькихъ слезъ, которыя намъ готовилъ!

Но сдѣлаемъ, братія, чтобы рана, нанесенная непріязненному, была еще ему болѣзненнѣе, и усилимъ плачь его. А какъ это сдѣлать, я скажу, исполните же вы.

Нѣкоторые, хотя исхищены Творцемъ изъ-подъ власти огня, но у нихъ не осталось уже никакихъ пособій къ жизни, и только душею и тѣломъ избѣжали они опасности. Потому мы, которые остались не извѣдавшими на себѣ сего бѣдствія, предложимъ имъ сообща свое имущество. Распрострем объятія едва спасшимся братіямъ; каждый каждому да скажетъ: „мертвъ бѣ, и оживе; изгиблъ бѣ, и обрѣтеся“ (Лук. 15, 24); и да укроетъ тѣло, ему сродственное. Оскорбленіямъ непріязненнаго противопоставимъ свое утѣшеніе, чтобы этотъ вредоносный не возмечталъ, что причинилъ великій вредъ,—чтобы этотъ воитель не могъ указать кого

либо побѣжденнымъ, и чтобы этотъ истребитель имущества братій оказался побѣжденнымъ чрезъ наше щедролюбіе.

А вы, братія, избѣгшіе опасности, не очень скорбите о приключившемся бѣдствіи, не колеблитесь мыслями, но отрясите мглу печали, укрѣпите души, воспользовавшись болѣе мужественными разсужденіями, и случившееся съ вами обратите въ случай къ полученію вѣнцовъ. Ибо, если вы пребудете непоколебимыми, то окажетесь еще болѣе испытанными въ вѣрѣ, возблиставъ отъ огня, подобно благородному золоту, и тѣмъ паче увеличите позоръ непріязненнаго, что кознями своими не могъ онъ исторгнуть у васъ даже и слезы. Приведите себѣ на память терпѣніе Іовлево, и скажите сами себѣ то же, что говорилъ Іовъ: „Господь даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако и бысть“ (Іов. 1, 21). Никого претерпѣнное имъ да не возбудитъ къ тому, чтобы разсуждать и говорить, что нѣтъ Промысла, распоряжающаго нашими дѣлами; и да не винитъ онъ домостроительство и судъ Владыки. Напротивъ того, каждый да взираетъ на сего подвижника, и его пусть сдѣлаетъ своимъ совѣтникомъ во благое; пусть перечислитъ по порядку всѣ подвиги, въ которыхъ отличился Іовъ, и размыслитъ, что, хотя діаволъ поражалъ его такимъ множествомъ стрѣлъ, однако же онъ не получилъ смертельной раны.

Діаволъ отнялъ у него домашнее благополучіе; онъ же умышлялъ подавить его постепенными извѣстіями о несчастіяхъ. Когда одинъ пересказывалъ ему о какомъ нибудь злоключеніи, приходилъ другой вѣстникъ, принося горестное извѣстіе о чемъ нибудь худшемъ; бѣды непрерывно слѣдовали одна за другой, злоключенія уподоблялись напору волнъ, и прежде, нежели переставали течь слезы объ одномъ, открывался случай плакать снова. Но праведникъ стоялъ, какъ скала, принимая на себя приращенія бури и обращая въ пѣну стремительныя волны, возносилъ къ Владыкѣ благопризнательный гласъ: „Господь даде, Господь отъятъ; яко Господеви изволися, тако и бысть“, и что ни приключилось съ нимъ, не удостоилъ это и слезъ. Когда же пришелъ одинъ вѣстникъ и сказалъ, что сильный какой-то вѣтръ сотрясъ домъ веселія, гдѣ пировали сыны его и дщери: тогда только раздралъ Іовъ свою одежду, показавъ тѣмъ сострадательность природы, и своимъ поступкомъ засвидѣтельствовалъ, что былъ онъ чадолюбивый отецъ. Впрочемъ и тогда, положивъ предѣлъ и мѣру скорби, и приключившееся съ нимъ украшая сими благочестивыми словами, сказалъ: „Господь, даде, Господь отъятъ: яко Господеви изволися, тако и бысть“; какъ бы взывая такъ: „Столько времени назывался я отцемъ, сколько угодно было Тому, Кто содѣлалъ меня отцемъ. Ему опять угодно было отнять у меня вѣнецъ потомства: не оспариваю у Него собственности Его. Да превозможетъ угодное Владыкѣ. Онъ Творецъ рода; а я—орудіе. Какая мнѣ нужда, будучи рабомъ, огорчаться напрасно и

жаловаться на приговоръ, котораго не могу измѣнить?“ Подобными словами поражалъ праведникъ діавола. Но когда непріязненный опять увидѣлъ, что Іовъ побѣждаетъ, и что ничѣмъ этимъ не возможно поколебать его: употребилъ искусительныя средства противъ самой плоти его, и тѣло избичевавъ несказанными ударами, довелъ до того, что оно источало изъ себя множество червей, и сведя этого мужа съ царскихъ престоловъ, посадилъ на гноищѣ. А Іовъ, и такими поражаемый страданіями, пребывалъ непоколебимъ; когда терзалось у него тѣло, неприкосновеннымъ охранялъ сокровище благочестія въ тайникѣ души. Поэтому врагъ, не находя уже, что дѣлать, приводитъ себѣ на память древнія свои козни, и, умъ жены вовлекши въ нечестивое и богохульное намѣреніе, чрезъ нее покушается поколебать подвижника. И утомленная долговременностію труда, предстаетъ она праведнику, съ поникшимъ взоромъ, всплескиваетъ руками при видѣ его, насмѣхается надъ плодами его благочестія, описываетъ прежнее цвѣтущее состояніе домашнихъ дѣлъ, указываетъ на бѣдствія настоящія, на то, какова жизнь его была прежде, и какова стала теперь, какую награду получилъ онъ отъ Владыки за множество жертвъ. И она непрестанно повторяла слова, которыя свойственны, правда, женскому малодушію, однако же могли смутить всякаго человѣка, совратить и мужественный умъ. „Скитающися и служащи“ (Іова 6, 9) хожу я, говоритъ она; изъ царицы стала рабою; принуждена смотрѣть на руки своихъ служителей; прежде многихъ питала, а теперь едва нахожу пропитаніе у другихъ. Хорошо и полезно было бы тебѣ, употребивъ нечестивое слово и изостривъ мечъ Создателева гнѣва, истребиться съ земли, а не продолжать себѣ и сожительницѣ подвижническихъ трудовъ, съ терпѣніемъ перенося сіи бѣдствія“. Но праведникъ, огорченный этими словами болѣе, нежели всѣми прежде постигшими бѣдствіями, со взоромъ исполненнымъ гнѣва обращается къ женѣ, какъ къ врагу, и что говоритъ ей? „Вскую яко едина отъ безумныхъ женъ возглаголала еси?“ „Оставь жена, говоритъ онъ, этотъ совѣтъ. Долго ли тебѣ такими словами оскорблять общую жизнь? Оболгала ты, чего не желалъ я, и поведеніе мое; оклеветала ты, сказавъ это, и жизнь мою. Теперь вижу, что и я одною половиною нечестивъ: потому что супружество изъ обоихъ насъ содѣлало одно тѣло, а ты впала въ богохульство. „Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ“ (Іов. 2, 10)? Вспомни блага, какими пользовались прежде; уравновѣсь лучшее съ худшимъ. Ни у одного человѣка не блаженна жизнь вполнѣ. Всегда блаженствовать свойственно одному Богу. А ты, если прискорбно тебѣ настоящее, утѣшь себя предшествовавшимъ. Теперь плачешь, но прежде смѣялась. Теперь нищенствуешь, но прежде была богата. Ты пила изъ прозрачнаго потока жизни; пей съ терпѣніемъ и изъ мутнаго. И рѣчные потоки не вездѣ оказываются чистыми; а наша жизнь,

какъ знаешь, такая рѣка, которая течетъ непрерывно и струится волнами одна за другою слѣдующими. Часть ея протекла уже, а другая еще течетъ; часть едва изникла изъ источниковъ, а другая изникаетъ: и всѣ мы спѣшимъ къ общему морю смерти. „Аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ!“ Ужели заставимъ Судію всегда подавать намъ одинаковыя блага? Ужели станемъ учить Владыку, какъ Ему расположить жизнь нашу? Онъ властенъ въ Своихъ опредѣленіяхъ; какъ хочетъ, такъ и устрояетъ дѣла наши. Онъ премудръ, и полезное удѣляетъ рабамъ Своимъ съ избыткомъ. Не касайся умомъ своимъ суда Владычняго, а только съ любовію переноси, что домостроительствуетъ Его премудрость. Что даетъ тебѣ, принимай это съ удовольствіемъ. Покажи въ скорбныхъ обстоятельствахъ, что была ты достойна прежняго веселія“. Говоря сіе, Іовъ отразилъ и это приреженіе діавола, и нанесъ ему совершенное посрамленіе, какъ побѣжденному. Что же произошло изъ сего? Болѣзнь вскорѣ бѣжала отъ него, какъ напрасно посѣтившая. Плоть вторично обновилась юностію, жизнь опять процвѣла всѣми благами, и богатство въ сугубой мѣрѣ потекло отовсюду въ домъ его, такъ что одно получилъ, чтобы ничего не потерять, а другое было наградою праведнику за терпѣніе.

Но почему же и коней, и лошаковъ, и верблюдовъ, и овецъ, и воздѣланныхъ полей и всѣхъ утѣхъ изобилія получилъ онъ сугубую мѣру, а число дѣтей произвелъ равное умершимъ? Потому что безсловесныя животныя и все тлѣнное богатство погибли совершенно; а дѣти и по смерти были живы превосходнѣйшею частію своего естества. Поэтому украшенный опять отъ Творца другими сынами и дщерями, и это стяжалъ онъ въ сугубой мѣрѣ. Ибо одни дѣти были при родителяхъ, доставляя имъ веселіе въ сей жизни, а другія, предваривъ отца, ожидали, чтобы всѣмъ имъ тогда окружить Іова, когда Судія человѣческой жизни соберетъ всенародную Церковь, когда труба, знаменующая пришествіе Царя, громко отозвавшись во гробахъ, потребуетъ отъ нихъ залога тѣлъ. Тогда и почитаемые нынѣ мертвыми скорѣе живыхъ предстанутъ предъ Зиждителемъ всяческихъ. Поэтому, думаю, въ сугубой мѣрѣ Надѣлившій Іова прочимъ богатствомъ опредѣлилъ, чтобы онъ довольствовался числомъ дѣтей, равнымъ прежнему.

Видишь ли, сколько благъ пріобрѣлъ себѣ праведный Іовъ терпѣніемъ? Потому и ты, если приключилось тебѣ что либо огорчительное отъ огня, возжженнаго вчера злоумышленіемъ демоновъ, переноси это съ терпѣніемъ, скорби страданія усыпи лучшими размышленіями, и по написанному, „возверзи на Господа печаль Твою, и Той тя препитаетъ“ (Псал. 54, 23). Ему подобаетъ слава во вѣки вѣковъ. Аминь!

Бесѣда 22. Къ юношамъ о томъ, какъ получать пользу изъ языческихъ сочиненій.

Много у меня побужденій посовѣтовать вамъ, чада, что признаю лучшимъ, и что, какъ увѣренъ, если примете, будетъ вамъ полезно. И настоящій мой возрастъ, и упражненіе во многихъ уже дѣлахъ и достаточное извѣданіе всякихъ и всему научающихъ перемѣнъ сдѣлали меня опытнымъ въ дѣлахъ человѣческихъ; почему едва вступившимъ въ жизнь могу указать какъ бы самый безопасный путь. При томъ, по естественному сродству, я—первый для васъ послѣ родителей; почему, не меньше отцевъ, и самъ имѣю къ вамъ благорасположеніе, и о васъ думаю, если только не ошибаюсь въ мнѣніи своемъ, что, видя меня, не желаете видѣть родителей. Поэтому, если охотно примете слова мои, будете во второмъ ряду похваляемыхъ Гезіодомъ; а въ противномъ случаѣ, хотя бы и не сказалъ я ничего непріятнаго, сами припомните стихи, въ которыхъ онъ говоритъ: „превосходенъ“ тотъ, кто самъ собою усматриваетъ потребное; „хорошъ“ и тотъ, кто слѣдуетъ указаніямъ другихъ; но кто не способенъ ни къ тому, ни къ другому, тотъ вовсе безполезенъ“.

Не дивитесь же, если вамъ, которые каждый день ходите къ учителямъ, и съ уважаемыми мужами древности бесѣдуете посредствомъ оставленныхъ ими сочиненій, скажу, что самъ собою нашелъ я нѣчто болѣе полезнымъ. О семъ-то самомъ и хочу дать вамъ совѣтъ, а именно, что не должно, однажды навсегда предавъ симъ мужамъ кормило корабля, слѣдовать за ними, куда не поведутъ, но заимствуя у нихъ все, что есть полезнаго, надобно умѣть иное и отбросить. А что же это такое, и какъ это различать, сему и научу, начавъ такъ.

Мы полагаемъ, дѣти, что настоящая жизнь человѣческая вовсе ничего не значитъ; совершенно не почитаемъ и не называемъ благомъ того, что доставляетъ намъ совершенство въ этой только жизни. Ни знаменитости предковъ, ни крѣпости, красоты и величія тѣла, ни почестей отъ всѣхъ людей, ни самого царства, ни всего прочаго, что ни наименуютъ изъ человѣческаго, не признаемъ великимъ, даже достойнымъ желанія, и не обращаемъ взора на тѣхъ, кто имѣетъ сіе, но простираемъ надежды далѣе, и все дѣлаемъ для пріуготовленія себѣ другой жизни. Поэтому, что къ оной споспѣшествуетъ намъ, о томъ говоримъ, что должно любить сіе и домогаться сего всѣми силами, а что не переходитъ въ оную, то—презирать, какъ ничего не стоющее.

Что же это за жизнь, гдѣ и какъ будемъ проводить ее?—и говорить о семъ потребовалось бы долѣе, чѣмъ сообразно съ настоящимъ намѣреніемъ, и слушать это должны были бы люди болѣе васъ возрастные. Впрочемъ, можетъ быть, достаточно покажу вамъ это, сказавъ, что, если кто

объиметъ словомъ и совокупитъ во едино все счастіе людей, со времени ихъ существованія, тотъ найдетъ, что это не равняется и малѣйшей части благъ той жизни, а напротивъ того всѣ здѣшнія блага гораздо больше отстоятъ достоинствомъ отъ малѣйшаго изъ тѣхъ благъ, чѣмъ тѣнь и сновидѣніе скуднѣе дѣйствительности. Лучше же сказать, (употреблю примѣръ болѣе близкій) сколько душа во всемъ досточестнѣе тѣла, столько же и разности между тою и другою жизнію.

Въ эту жизнь вводятъ насъ, конечно, священныя Писанія, образующія насъ посредствомъ ученій таинственныхъ; но пока, по возрасту, не можемъ изучить глубину смысла ихъ, мы и въ другихъ писаніяхъ, не вовсе отъ нихъ далекихъ, упражняемъ на время духовное око, какъ въ нѣкоторыхъ тѣняхъ и зерцалахъ, подражая упражняющимся въ дѣлѣ ратномъ, которые, пріобрѣтя опытность въ ловкомъ движеніи рукъ и ногъ, выгодами этой игры пользуются въ самыхъ битвахъ. И мы, конечно, должны держаться той мысли, что намъ предлежитъ подвигъ, важнѣйшій всѣхъ подвиговъ,—подвигъ, для котораго все должны сдѣлать, для приготовленія къ которому надобно трудиться по мѣрѣ силъ, бесѣдовать и съ стихотворцами, и съ историками и съ ораторами, и со всякимъ человѣкомъ, отъ кого только можетъ быть какая либо польза къ попеченію о душѣ. Красильщики назначенные къ окраскѣ приготовляютъ сперва особыми способами, и потомъ наводятъ цвѣтъ, пурпуровый, или другой какой: подобнымъ образомъ и мы, чтобы добрая слава наша навсегда оставалась неизгладимою, посвятивъ себя предварительному изученію сихъ внѣшнихъ писателей, потомъ уже начнемъ слушать священные и таинственные уроки, и какъ бы привыкнувъ смотрѣть на солнце въ водѣ, обратимъ, наконецъ, взоры къ самому свѣту. Поэтому, ежели между ученіями есть какое взаимное сродство, то познаніе ихъ будетъ намъ кстати. Если же нѣтъ сего сродства, то изучать разность ученій, сличая ихъ между собою, не мало служитъ къ подтвержденію лучшаго ученія.

Но чему уподобивъ каждое изъ сихъ ученій, можемъ составить себѣ ихъ образъ? Конечно, собственное превосходство дерева — изобиловать зрѣлыми плодами; но оно носитъ на себѣ и нѣкоторое украшеніе—листы, колеблющіеся на вѣтвяхъ: такъ и въ душѣ истина есть преимущественный плодъ, но не лишено пріятности и то, если облечена душа внѣшнею мудростію, какъ листьями, которые служатъ покровомъ плоду и производятъ не неприличный видъ. Почему говорится, что и тотъ славный Моvсей, котораго имя за мудрость у всѣхъ людей было весьма велико, сперва упражнялъ умъ египетскими науками, а потомъ приступилъ къ созерцанію „Сущаго“. А подобно ему, и въ позднѣйшія времена о премудромъ Даніилѣ повѣствуется, что онъ въ Вавилонѣ изучилъ халдейскую мудрость, и тогда уже коснулся Божественныхъ уроковъ.

Однако достаточно сказано о томъ, что сіи внѣшнія науки не безполезны для душъ; теперь слѣдуетъ сказать, въ какой мѣрѣ должно вамъ изучать ихъ. Во-первыхъ, у стихотворцевъ (начну съ нихъ), поелику они въ сочиненіяхъ своихъ не одинаковы, не на всемъ по порядку надобно останавливаться умомъ, но, когда пересказываютъ вамъ дѣянія или изреченія мужей добрыхъ, надобно ихъ любить, соревновать имъ и, какъ можно, стараться быть такими же. А когда доходитъ у нихъ рѣчь до людей злонравныхъ, должно избѣгать подражанія сему, такъ же затыкая уши, какъ Одиссей, по словамъ ихъ, заградилъ слухъ отъ пѣсней сиренъ. Ибо привычка къ словамъ негоднымъ служитъ нѣкоторымъ путемъ и къ дѣламъ. Посему со всякимъ охраненіемъ надобно оберегать душу, чтобы, находя удовольствіе въ словахъ, незамѣтно не принять чего нибудь худаго, какъ иные съ медомъ глотаютъ ядовитыя вещества. Поэтому не будемъ хвалить стихотворцевъ, когда злословятъ, насмѣхаются, представляютъ влюбленныхъ и упивающихся, или когда ограничиваютъ блаженство раздольнымъ столомъ и разгульными пѣснями. Всего же менѣе будемъ внимать имъ, когда говорятъ что нибудь о многихъ богахъ, и притомъ разномыслящихъ. У нихъ братъ въ раздорѣ съ братомъ, отецъ—съ дѣтьми, и у дѣтей опять скрытная война съ родителями. А прелюбодѣянія боговъ ихъ, любовныя похожденія и явныя студодѣянія, особенно же главы и правителя всѣхъ Дія, какимъ сами они называютъ его, какъ такія дѣла, которыя и о скотахъ безъ стыда не сталъ бы разсказывать иный, предоставимъ лицедѣямъ. То же самое могу сказать и объ историкахъ, особенно, когда пишутъ они исторію для развлеченія слушателей. И ораторамъ не будемъ подражать въ искусствѣ лгать. Ибо ни въ судахъ, ни другихъ дѣлахъ не прилична ложь намъ, избравшимъ прямый и истинный путь жизни,—намъ, которымъ предписано закономъ даже и не судиться.

Напротивъ того займемъ лучше у нихъ тѣ мѣста, гдѣ они восхваляли добродѣтель и порицали порокъ. Ибо какъ для другихъ наслажденіе цвѣтами ограничивается благовоніемъ и пестротою красокъ, а пчелы сбираютъ съ нихъ и медъ: такъ и здѣсь, кто гоняется не за одною сладостію и пріятностію сочиненій, тотъ можетъ изъ нихъ запастись нѣкоторою пользою для души. Поэтому, во всемъ уподобляясь пчеламъ, должны вы изучать сіи сочиненія. Ибо и пчелы не на всѣ цвѣты равно садятся, и съ тѣхъ, на какіе сядутъ, не все стараются унести, но, взявъ, что пригодно на ихъ дѣло, прочее оставляютъ нетронутымъ. И мы, если цѣломудренны, собравъ изъ сихъ произведеній, что намъ свойственно и сродно истиною, остальное будемъ проходить мимо. И какъ срывая цвѣты съ розоваго куста, избѣгаемъ шиповъ, такъ и въ сихъ сочиненіяхъ, воспользовавшись полезнымъ, будемъ остерегаться вреднаго.

Поэтому въ самомъ началѣ нужно разсмотрѣть каждую изъ наукъ и

приспособить ее къ цѣли, по дорической пословицѣ: „водя мѣломъ по снурку“. И поелику до нашей жизни надобно достигать съ помощію добродѣтели, а въ похвалу ей многое сказано стихотворцами, многое историками, и еще гораздо болѣе мужами любомудрыми: то на такія особенно сочиненія должны обращать вниманіе. Ибо не малая польза, если души юношей освоиваются и свыкаются съ добродѣтелію, потому что наставленія такого рода, по нѣжности душъ, напечатлѣваясь глубоко, остаются въ нихъ неизгладимыми. Ужели предположимъ, что Гезіодъ съ другою какою мыслію, а не въ поощреніе юношей къ добродѣтели, написалъ слѣдующіе, всѣми повторяемые стихи? „Не гладокъ и не приступенъ въ началѣ, крутъ и съ многимъ потомъ и трудомъ совершается тягостный путь, ведущій къ добродѣтели. Поэтому не всякій можетъ вступить на него, по причинѣ крутизны, а вступивъ, не легко дойти до вершины. Но кто сталъ вверху, тотъ видитъ, что путь гладокъ и прекрасенъ, легокъ и удобенъ, и пріятнѣе другаго пути, ведущаго къ пороку, на который не долго вступить, по причинѣ его близости“, какъ говоритъ тотъ же самый стихотворецъ. Ибо мнѣ кажется, что написалъ онъ сіе не съ другимъ намѣреніемъ, но поощряя насъ къ добродѣтели и всѣхъ убѣждая быть добрыми, чтобы мы, разслабѣвъ для трудовъ, не отказались идти къ цѣли. Такъ, если бы и другой кто восхвалялъ подобнымъ образомъ добродѣтель, примемъ его слова, какъ руководствующія насъ къ тому же.

А слышалъ я у одного искусно изучившаго мысли стихотворца, что какъ все стихотвореніе Омирово есть похвала добродѣтели, и все у Омира, кромѣ придаточнаго, ведетъ къ сей цѣли, такъ не менѣе къ сему же клонится и то мѣсто, гдѣ Омиръ представилъ, что вождь Кефалленянъ спасся нагимъ отъ кораблекрушенія [1]), и что сперва царица, когда надлежало бы ей застыдиться, увидѣвъ его нагимъ, при самомъ его появленіи, ощутила къ нему уваженіе; потому что стихотворецъ представилъ его вмѣсто одежды украшеннымъ добродѣтелію; потомъ и прочіе Феакеане столько почли его достойнымъ, что, оставивъ роскошь, въ какой жили, стали всѣ на него смотрѣть и ему подражать, и ни одинъ Феакеанинъ ничего болѣе не желалъ тогда, какъ содѣлаться Одиссеемъ, и притомъ спасшимся отъ кораблекрушенія. Въ этомъ мѣстѣ, какъ говорилъ истолкователь стихотворцевой мысли, Омиръ, едва не въ слухъ всѣмъ вопія, говоритъ: „о добродѣтели должно стараться вамъ, люди; она и съ претерпѣвшимъ кораблекрушеніе спасается отъ потопленія, и на сушѣ доведеннаго до наготы кажетъ болѣе досточестнымъ, нежели счастливыхъ Феакеанъ“. Такова-то добродѣтель! Другія стяжанія не болѣе принадлежатъ своимъ владѣтелямъ, какъ и всякому другому, подобно тому, какъ кость въ игрѣ выпадаетъ и той и

[1]) Одисс. пѣсн. 6 и 7.

другой стороной; одно стяжаніе не отъемлемо,—это добродѣтель; она принадлежитъ человѣку и при жизни, и по смерти.

Посему-то, какъ кажется, и Солонъ говоритъ богатымъ: „А мы не промѣняемся съ ними богатствомъ добродѣтели; потому что оно всегда постоянно, а имуществомъ людей владѣетъ то тотъ, то другой“. Подобно сему и то мѣсто у Ѳеогнида, гдѣ онъ говоритъ, что „Богъ (какого Бога онъ ни разумѣлъ) наклоняетъ людямъ то ту, то другую чашку у вѣсовъ, чтобы имъ то богатѣть, то ничего не имѣть“.—Да и хіискій софистъ Продикъ, въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, сходно съ симъ любомудрствовалъ о добродѣтели и порокѣ. И въ его слова надобно вникнуть умомъ; потому что онъ человѣкъ не презрѣнія достойный. Говорится же у него тамъ, сколько помню его мысль, потому что словъ не знаю, кромѣ того, что сказано это просто, не мѣрною рѣчью: „когда Ираклъ, будучи очень молодъ, и въ такомъ же почти возрастѣ, въ какомъ теперь вы, разсуждалъ, на какой ему обратиться путь, на тотъ ли, который чрезъ труды ведетъ къ добродѣтели, или на другой легчайшій: подошли двѣ женщины; а это были добродѣтель и порокъ: потому что, хотя онѣ и молчали, но различіе тотчасъ выказывалось въ наружности. У одной красота была подготовлена съ помощію притираній; она дышала роскошью; неотлучно водила съ собою цѣлый рой удовольствій, старалась привлечь къ себѣ Иракла. Другая была худощава, неубрана, смотрѣла пристально и выражала въ себѣ иное тому подобное; потому что обѣщала не что-нибудь легкое и пріятное, но тысячи трудовъ, подвиговъ и опасностей вездѣ—и на сушѣ, и на морѣ. А награда за это такова, что можно стать богомъ, какъ выразился Продикъ. И Ираклъ послѣдовалъ, наконецъ, за сею женщиною“. И всѣ почти сколько нибудь заслуживающіе вниманіе по мудрости, каждый по мѣрѣ силъ, въ сочиненіяхъ своихъ болѣе или менѣе распространялись въ похвалу добродѣтели; имъ должно вѣрить, и надобно стараться въ самой жизни выразить ихъ ученія. И кто любомудріе, заключающееся у другихъ въ словахъ, оправдываетъ дѣломъ, тотъ „одинъ живъ; прочіе же только движущіяся тѣни“ [1]).

Мнѣ кажется, что такой образъ дѣйствій походитъ на то, какъ если бы живописецъ подражалъ чему нибудь дивному, напримѣръ, красотѣ человѣка, и человѣкъ дѣйствительно былъ таковъ, какимъ тотъ представилъ его на картинѣ. Ибо съ жаромъ хвалить добродѣтель предъ людьми, вести о ней длинныя рѣчи, а наединѣ предпочитать цѣломудрію удовольствіе, и справедливости—прибытокъ; назвалъ бы я подражаніемъ тѣмъ, которые лицедѣйствуютъ на зрѣлищѣ, и часто выходятъ представлять царей и владѣльцевъ, не будучи не только ни царями, ни владѣльцами, но

---

[1]) Одисс. пѣсн. 10, 495.

даже, можетъ быть, и свободными. Притомъ, играющій на лирѣ не охотно согласится, чтобы лира у него была не настроена; и начальникъ лика не захочетъ имѣть у себя такой ликъ, который бы не пѣлъ, какъ можно согласнѣе. Такимъ образомъ каждый самъ съ собою будетъ въ разладѣ, представитъ жизнь не соотвѣтствующею словамъ, будетъ говорить словами Еврипида: „языкъ у меня клялся, а сердце не чувствовало въ клятвѣ", и виноватъ будетъ въ томъ, что кажется добрымъ вмѣсто того, чтобы быть такимъ. Но если повѣрить Платону, это крайній предѣлъ несправедливости казаться справедливымъ, не будучи такимъ.

Поэтому такъ будемъ принимать сочиненія, въ которыхъ заключаются правила добродѣтели. Поелику же и доблестныя дѣянія древнихъ мужей или соблюлись до насъ въ непрерывной памяти людей, или сохранены въ сочиненіяхъ стихотворцевъ и историковъ: то не лишимъ себя и отсюда происходящей пользы. Напримѣръ, нѣкто въ народномъ собраніи злословилъ Перикла, но онъ не обращалъ на то вниманія, и цѣлый день продолжалось, что одинъ осыпалъ другаго ругательствами, а другой ни мало о томъ не заботился. Потомъ вечеромъ уже, и когда смерклось, этого человѣка, едва прекратившаго брань, Периклъ проводилъ съ свѣтильникомъ, чтобы не даромъ пропало у него упражненіе въ любомудріи. Еще кто-то, разсердившись, грозилъ смертію Евклиду мегарскому и клялся въ этомъ. Но Евклидъ самъ далъ клятву, что умилостивитъ его и заставитъ прекратить свое къ нему нерасположеніе. Какъ хорошо, если приходятъ на память таковые примѣры человѣку, когда онъ одержимъ уже гнѣвомъ! Ибо не должно вѣрить трагедіи, которая безъ разсужденія говоритъ: „раздраженіе вооружаетъ руку на враговъ". Напротивъ того, всего лучше вовсе не приходить въ раздраженіе. Если же это трудно, то по крайней мѣрѣ, удерживая раздражительность разсудкомъ, какъ уздою, надобно не дозволять выходить ей за предѣлы.

Но возвратимъ слово назадъ къ примѣрамъ доблестныхъ мужей. Нѣкто, нещадно нападая на Софронискова сына, Сократа, билъ его въ самое лице, а онъ не противился, но дозволилъ этому пьяному человѣку насытить свой гнѣвъ, такъ что лице у Сократа отъ ударовъ уже опухло и покрылось ранами. Когда же тотъ пересталъ бить: Сократъ, какъ сказываютъ, ничего другаго не сдѣлалъ, а только, какъ на статуѣ пишутъ имя художника, написалъ на лбу: „дѣлалъ такой-то"; и тѣмъ отмстилъ. Поелику это указываетъ на одно почти съ нашими правилами: то утверждаю, что весьма хорошо подражать такимъ мужамъ. Ибо этотъ поступокъ Сократа сходенъ съ заповѣдью, по которой ударяющему по ланитѣ долженъ ты подставить другую (Матѳ. 5, 39),—въ такой мѣрѣ надобно мстить за себя! А поступокъ Перикла или Евклида сроденъ съ заповѣдью: терпѣть гонителей и кротко переносить гнѣвъ ихъ,—и съ заповѣдію: желать добра

врагамъ, а не проклинать ихъ (44). Посему предварительно обученный сему не будетъ не вѣрить заповѣдямъ, какъ чему-то невозможному. Не умолчу и о поступкѣ Александровомъ. Александръ, взявъ въ плѣнъ дочерей Дарія, о которыхъ засвидѣтельствовано, что красота ихъ была удивительна, не удостоилъ и видѣть ихъ, считая постыднымъ—побѣдителю мужей уступать надъ собою побѣду женщинамъ. Ибо это указываетъ на одно съ заповѣдію, что воззрѣвшій на женщину для услажденія, хотя и не совершитъ прелюбодѣянія самымъ дѣломъ, но за то, что допустилъ въ душу желаніе, не освобождается отъ вины (Матѳ. 5, 28). О поступкѣ же Клинія, одного изъ близкихъ Пиѳагору, трудно повѣрить, чтобы сходство его съ нашими правилами было дѣломъ случая, а не тщательнаго подражанія. Что же сдѣлалъ Клиній? Давъ клятву, могъ онъ избѣжать потери трехъ талантовъ; но лучше заплатилъ ихъ, чѣмъ сталъ клясться, хотя клятва его была въ дѣлѣ справедливомъ. Онъ какъ будто, представляю я, слышалъ ту заповѣдь, которая запрещаетъ намъ клятву (Матѳ. 5, 33—37).

Но возвратимся опять къ тому же, что сказано въ началѣ,—а именно, что не все по порядку надобно намъ брать, а только полезное. Ибо стыдно, вредное въ пищѣ отвергать, а въ наукахъ, которыя питаютъ нашу душу, не дѣлать никакого разбора, но, подобно весеннему ручью, увлекая за собою все встрѣчающееся, нагружать тѣмъ душу. И какой въ этомъ разсчетъ, если кормчій не безразсудно отдается вѣтрамъ, но направляетъ ладію въ безопасное мѣсто, и стрѣлокъ бросаетъ стрѣлу въ цѣль, и мѣдникъ и плотникъ стремятся къ концу, сообразному съ ихъ искусствомъ, а мы останемся ниже и этихъ рабочихъ, имѣя возможность разумѣть свое дѣло? И у ремесленниковъ работа ихъ имѣетъ цѣль; а для жизни человѣческой нѣтъ будто цѣли, смотря на которую должно все дѣлать и говорить тому, кто не намѣренъ совершенно уподобиться безсловеснымъ? Въ такомъ случаѣ, совершенно подобно не оснащеннымъ кораблямъ, никакому уму не ввѣривъ кормила души, будемъ безъ цѣли туда и сюда носиться по жизни. Но и въ состязаніяхъ тѣлесными силами, а если угодно, и на музыкальныхъ орудіяхъ, упражняются въ тѣхъ именно подвигахъ, за которые предложены вѣнцы, а никто, упражняющійся въ борьбѣ, также въ кулачномъ бою и борьбѣ вмѣстѣ, не станетъ учиться играть на гусляхъ, или на свирѣли. По крайней мѣрѣ не дѣлалъ такъ Полидамъ, но предъ олимпійскимъ подвигомъ останавливалъ онъ на бѣгу колесницы, и тѣмъ укрѣплялъ свои силы. И Милонъ не сходилъ съ намазаннаго масломъ щита, а когда стаскивали его, противился не меньше, чѣмъ статуи, припаянныя свинцомъ. Вообще у нихъ упражненія были приготовленіемъ къ подвигамъ. А если бы, оставивъ усыпанное пескомъ поприще и тѣлесныя упражненія, занялись бряцаніями Марсія, или фригійскаго Олимпа: то ужели бы получили вѣнцы и славу, а не бѣжали прочь, чтобы не насмѣялись надъ

ними? Но и Тимофей не проводилъ времени на ратоборныхъ поприщахъ, оставивъ сладкопѣніе; иначе не удалось бы превзойдти такъ въ музыкѣ и ему, у котораго столько было искусства, что и возбуждалъ гнѣвъ созвучіями напряженными и жестокими, и опять укрощалъ и смягчалъ его созвучіями нѣжными. Симъ-то, говорятъ, искусствомъ, выигрывая однажды предъ Александромъ фригійскую пѣсню, заставилъ его среди ужина взяться за оружіе, и потомъ, смягчивъ звуки, сдѣлалъ, что опять возвратился онъ къ пирующимъ. Такую-то крѣпость силъ къ достиженію цѣли въ музыкѣ и тѣлесныхъ подвигахъ доставляетъ упражненіе!

Но поелику упомянулъ я о вѣнцахъ и о подвижникахъ; то присовокуплю: они, претерпѣвъ тысячи трудностей въ тысячѣ случаевъ, всѣми мѣрами пріумноживъ свою силу, проливъ много пота въ трудныхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ, принявъ много побоевъ въ училищѣ, избравъ не самый пріятный образъ жизни, но предписанный учителями, и во всемъ прочемъ (скажу не распространяясь) ведя себя такъ, что жизнь ихъ до подвига была упражненіемъ въ подвигѣ, уже послѣ всего этого являются готовыми на поприще, переносятъ всѣ труды и опасности, чтобы получить вѣнокъ изъ дикой маслины, или изъ гирчи, или изъ чего нибудь подобнаго и, побѣдивъ, заслужить провозглашеніе отъ глашатая. Ужели же намъ которымъ за жизнь предлежатъ награды столь удивительныя по множеству и величію, что не возможно словомъ ихъ выразить, когда спимъ на оба уха и проводимъ жизнь въ большой безпечности, остается взять только эти награды лѣвой рукою? Тогда высоко бы цѣнилась праздная жизнь, и у всѣхъ восхитилъ бы первенство въ счастіи Сарданапалъ, или, если угодно, Маргитъ, о которомъ сказалъ Омиръ (если только Омировы это стихи), что онъ былъ ни пахарь, ни пахатель, ни человѣкъ, способный къ чему либо въ жизни. Но не болѣе ли истинно изреченіе Питтака, который сказалъ, что „трудно пребыть добродѣтельнымъ"? Ибо дѣйствительно, даже подъявъ много трудовъ, едва можемъ сподобиться тѣхъ благъ, которымъ, какъ выше сказано, нѣтъ и образца между благами человѣческими.

Поэтому не должно намъ лѣниться и на краткій покой промѣнивать великія надежды, если не хотимъ слышать укоризны и терпѣть наказанія,—не здѣсь отъ людей, хотя и сіе не маловажно для имѣющаго умъ, но на тѣхъ судилищахъ, гдѣ бы они ни были, хотя бы подъ землею, или гдѣ въ другомъ мѣстѣ. Невольно погрѣшившему противъ долга, можетъ быть и будетъ нѣкоторое помилованіе отъ Бога, но намѣренно избравшему худое нѣтъ и оттоворки, почему бы не терпѣть сугубаго наказанія. Что же, намъ дѣлать? скажетъ кто нибудь. — Что иное, кромѣ того, чтобы, освободившись отъ всѣхъ другихъ попеченій, имѣть попеченіе о душѣ?

Поэтому не должно служить тѣлу, кромѣ крайней необходимости, а душѣ надобно доставлять все лучшее, любомудріемъ, какъ отъ темницы,

освобождая ее отъ общенія съ тѣлесными страстями, а вмѣстѣ и тѣло содѣлывая неодолимымъ для страстей. Чреву надобно доставить необходимое, но не слишкомъ сладкое, какъ дѣлаютъ выдумывающіе какихъ-то приготовителей стола и поваровъ, объискивающіе всю сушу и море, собирающіе дани, какъ жестокому какому-то властелину,—эти жалкіе труженики, страждущіе не менѣе мучимыхъ въ адѣ, которые подлинно прядутъ огонь, рѣшетомъ носятъ воду, льютъ въ дырявую бочку, не видятъ конца трудамъ. А трудиться сверхъ нужды надъ волосами и одеждами, по выраженію Діогена, свойственно или злосчастнымъ, или обидчикамъ. Посему утверждаю, что быть и называться щеголемъ, должны мы почитать столько же срамнымъ дѣломъ, какъ и жить непотребно и злоумышлять на чужое брачное ложе. Ибо для имѣющаго умъ какая разность—надѣть ли на себя зрѣлищный нарядъ, или носить одежду простолюдина, если только она достаточно защищаетъ отъ холода и жара? Подобнымъ образомъ и прочее надобно заготовлять себѣ, не превышая нужды, и не больше заботиться о тѣлѣ, но сколько хорошо это для души. Мужу, по истинѣ достойному сего именованія, быть щеголемъ и занятымъ своею наружностію не менѣе укоризненно, какъ и рабски предаваться другой какой либо страсти. Употреблять все стараніе на то, чтобы тѣло было, какъ можно, наряднѣе, свойственно человѣку, который не позналь самъ себя и не понимаетъ того мудраго правила, что не одно видимое составляетъ человѣка, а потребна нѣкая высшая мудрость, посредствомъ которой каждый изъ насъ познаетъ себя, каковъ онъ. А сіе имѣющимъ не очищенный умъ болѣе невозможно, чѣмъ больному глазами смотрѣть на солнце.

Очищеніемъ же души (чтобы сказать однимъ разомъ, и достаточно для васъ) служитъ—презирать чувственныя удовольствія, не насыщать глазъ нелѣпыми представленіями чудодѣевъ, или зрѣніемъ тѣлъ, возбуждающихъ къ сластолюбію, и чрезъ слухъ не вливать въ душу поврежденнаго сладкопѣнія. Ибо отъ такого рода музыки, обыкновенно, возникаютъ страсти—порожденія рабства и низости. А намъ должно учиться иной музыкѣ, которая лучше, и ведетъ къ лучшему, которою пользуясь Давидъ, творецъ священныхъ пѣснопѣній, какъ говоритъ Писаніе, избавлялъ царя отъ неистовства. Сказываютъ же, что Пиѳагоръ, встрѣтивъ упившихся на пиру, свирѣльщику, который управлялъ пиромъ, велѣлъ, перемѣнивъ напѣвъ, заиграть на дорическій ладъ, и пирующіе такъ образумлены были этою игрою, что, сбросивъ съ себя вѣнки, разошлись со стыдомъ. А иные при звукахъ свирѣли предаются неистовствамъ, какъ корибанты и вакханты. Столько разности—наполнять ли слухъ сладкопѣніемъ здравымъ, или негоднымъ! Посему въ этомъ господствующемъ нынѣ сладкопѣніи должно вамъ участвовать менѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ срамныхъ дѣлъ. А растворять воздухъ различными испареніями, доставляющими удоволь-

ствіе обонянію, намащать себя благовонными мазями, стыжусь и запрещать вамъ. Что же сказалъ бы иный о томъ, что не надобно гоняться за удовольствіями осязанія и вкуса, развѣ то одно, что преданные уловленію сихъ удовольствій принуждены ими бываютъ жить подобно скотамъ, по прихотямъ чрева и того, что ниже чрева. Однимъ словомъ, все тѣлесное должно презирать тому, кто не хочетъ, какъ въ тинѣ, погрязнуть въ тѣлесныхъ удовольствіяхъ. Столько надобно имѣть къ тѣлу привязанности, сколько, говоритъ Платонъ, участвуетъ оно въ служеніи любомудрію, выражаясь нѣсколько подобно Павлу, который даетъ совѣтъ, что ни мало не должно тѣлу „угодія" творить въ поводъ похотямъ (Рим. 13, 14). Тѣ, которые заботятся, чтобы тѣло было, какъ можно, наряднѣе, а душу, которая дѣйствуетъ чрезъ тѣло презираютъ, какъ ничего не стоющую, чѣмъ отличаются отъ людей, прилагающихъ попеченіе объ орудіяхъ, но нерадящихъ объ искусствѣ, дѣйствующемъ чрезъ орудіе? Поэтому, совершенно напротивъ, должно обуздывать и сдерживать тѣло, какъ порывы звѣря, и мятежи, производимые имъ въ душѣ, усмирять, поражая разсудкомъ, какъ бичемъ, а не ослаблять вовсе узды сластолюбію, и не пренебрегать тѣмъ, что умъ увлекается имъ, подобно возницѣ, котораго неудержимо несутъ необузданные кони. И надобно припоминать, какъ Пиѳагоръ, узнавъ, что одинъ изъ его знакомыхъ очень тучнѣетъ отъ тѣлесныхъ упражненій и многояденія, сказалъ ему: „перестанешь ли отстроивать себѣ несноснѣйшую тюрьму"? Поэтому, говорятъ, и Платонъ, предусматривая, что тѣло вредитъ душѣ, съ намѣреніемъ избралъ для Академіи не совсѣмъ здоровое въ Аттикѣ мѣсто, чтобы не давать тѣлу очень нѣжиться, какъ и винограду не даютъ разростаться въ излишнія вѣтви. А я слышалъ отъ врачей, что крайняя степень здоровья даже опасна.

Итакъ, если излишнее попеченіе о тѣлѣ безполезно для самого тѣла и служитъ препятствіемъ душѣ; то покорствовать и услуживать тѣлу— явное безуміе. Но если бы научились мы презирать его, то едва ли бы стали удивляться чему нибудь другому изъ всего человѣческаго. Ибо на что понадобилось бы еще богатство намъ, которые ни во что ставимъ тѣлесныя удовольствія? Я не вижу никакой надобности, развѣ только, какъ въ басняхъ говорится о драконахъ, и то доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, чтобы неусыпно стеречь закрытыя сокровища. Но кто обучился въ разсужденіи подобныхъ вещей вести себя благородно, тотъ вовсе не способенъ избрать что нибудь низкое и постыдное въ дѣлѣ, или въ словѣ. Что сверхъ нужды, будь это лидійскій песокъ, или работа златоносныхъ муравьевъ, тѣмъ болѣе станетъ онъ гнушаться этимъ, чѣмъ менѣе находитъ въ томъ потребности. Самую нужду будетъ опредѣлять онъ естественными потребностями, а не удовольствіями. Ибо преступившіе предѣлы потребностей, подобно несущимся внизъ по скату, не имѣя передъ собою ничего

такого, на чемъ бы удержаться, нигдѣ не останавливаются въ своемъ стремленіи впередъ, но чѣмъ болѣе простираются впередъ, тѣмъ паче, для удовлетворенія пожеланія, имѣютъ нужду въ равномъ прежнему, или еще въ большемъ, по изреченію Ексикестидова сына, Солона, который говоритъ: „въ богатствѣ у людей нѣтъ явнаго предѣла". Въ этомъ же надобно взять себѣ въ учители Ѳеогнида, который говоритъ: „не люблю и не желаю богатѣть, а только бы прожить мнѣ малымъ, не встрѣтивъ ничего худаго". А я дивлюсь презрѣнію всего вообще человѣческаго и въ Діогенѣ, который доказалъ, что онъ богатѣе и великаго царя; потому что меньше его имѣетъ нуждъ въ жизни. А намъ, если нѣтъ у насъ такого же числа талантовъ, какъ у Пиѳія мисійскаго, нѣтъ столькихъ и столькихъ десятинъ земли, нѣтъ стадъ скота, которыхъ бы нельзя было и перечесть, намъ все еще мало.

Но думаю, что, когда нѣтъ богатства, не должно его желать, а когда оно есть, надобно думать не о томъ, что обладаешь имъ, но о томъ, умѣешь ли располагать имъ? Прекрасно изреченіе Сократа, который объ одномъ богатомъ человѣкѣ, высоко думавшемъ о деньгахъ, сказалъ, что не прежде станетъ удивляться ему, какъ извѣдавъ, умѣетъ ли пользоваться ими Фидій и Поликлетъ, еслибы много стали превозноситься золотомъ и слоновою костію, изъ которыхъ первый сдѣлалъ Иліянамъ Дія, а другой Аргивянамъ Иру, подверглись бы посмѣянію за то, что, хвастаясь чужимъ богатствомъ, оставили въ сторонѣ искусство, отъ котораго и золото стало пріятнѣе и драгоцѣннѣе. А мы, предполагая, что человѣческая добродѣтель сама по себѣ не достаточна для украшенія, думаемъ о такомъ своемъ поступкѣ, что онъ менѣе постыденъ! Ужели, презрѣвъ богатство и чувственныя удовольствія поставивъ ни во что, погонимся за лестію и ласкательствомъ, и станемъ подражать пронырству и оборотливости Архилоховой лисицы? Человѣку здравомыслящему болѣе всего должно избѣгать того, чтобы жить для славы, сообразоваться съ мнѣніемъ большинства, а не правый разумъ ставить вождемъ жизни; но, хотя бы пришлось противорѣчить всѣмъ людямъ, или за прекрасное навлечь на себя безславіе и опасности, и въ такомъ случаѣ не должно рѣшаться на извращеніе правильно дознаннаго. А кто не таковъ, о томъ скажемъ ли, что отстаетъ онъ въ чемъ-нибудь отъ египетскаго софиста, который, когда хотѣлъ, дѣлался деревомъ, звѣремъ, огнемъ, водой и всякою вещію, если только онъ то будетъ хвалить справедливое предъ читателями справедливости, то станетъ говорить противное, когда замѣтитъ, что одобряютъ несправедливость, какъ это въ обычаѣ у льстецовъ; и какъ говорятъ о полипѣ, что мѣняетъ цвѣтъ по цвѣту земли, которая подъ нимъ, такъ и онъ будетъ мѣнять свои мысли, по расположенію людей, которые при немъ?

Но хотя этому совершеннѣе обучимся изъ нашихъ писаній, однако

же и изъ внѣшнихъ уроковъ очертаемъ на сей разъ какъ бы нѣкоторый оттѣнокъ добродѣтели. У тщательно собирающихъ пользу съ каждой вещи, какъ и въ большихъ рѣкахъ, по Гезіоду, отвсюду, обыкновенно, прибываетъ многое. Ибо изреченіе стихотворца: „прибавляй малое къ малому“, надобно почитать правильнымъ не только о приращеніи серебра, но и обо всякомъ званіи. Поэтому Віасъ, когда сынъ, отправляясь къ Египтянамъ, спрашивалъ, что дѣлая, особенно угодитъ онъ отцу, отвѣчалъ: „пріобрѣти напутствіе къ старости“, а напутствіемъ назвалъ добродѣтель, заключивъ ее въ тѣсные предѣлы; потому что ограничилъ пользу ея продолженіемъ человѣческой жизни. А я, хотя бы кто наименовалъ мнѣ старость Тиѳона, или Арганѳонія, или старость самаго долговѣчнаго у насъ Маѳусала, о которомъ сказано, что жилъ тысячу лѣтъ безъ тридцати, хотя бы отчислилъ все время сначала, какъ стали существовать люди, посмѣюсь этому, какъ дѣтской мысли, простирая взоръ въ тотъ долгій и нестарѣющійся вѣкъ, въ которомъ такъ же нельзя примышленіемъ своимъ постигнуть предѣла, какъ назначить и предположить кончину безсмертной душѣ. Для сего-то вѣка совѣтовалъ бы я вамъ пріобрѣсти напутствіе, не оставивъ по пословицѣ, не двинутымъ ни одного камня, если только будетъ вамъ отъ того какая польза. Не будемъ бездѣйствовать по той причинѣ, что это тяжело и требуетъ труда; но вспомня совѣтъ сказавшаго, что всякому должно избирать жизнь совершеннѣйшую и ожидать, что привычка сдѣлаетъ ее пріятною, испытаемъ то, что всего лучше. Ибо стыдно, потерявъ настоящее время, въ послѣдствіи стараться возвратить прошедшее, чего не сдѣлаешь уже никакою скорбію.

Итакъ я, что признаю важнѣйшимъ, частію сказалъ вамъ теперь, а частію буду совѣтовать и во всю жизнь. А вы, такъ какъ болѣзни бываютъ троякія, не окажитесь подобными неизлечимо больнымъ, и не обнаружьте въ себѣ недуга воли, похожаго на болѣзнь страждущихъ тѣломъ. Ибо страждущіе не важною болѣзнію сами приходятъ ко врачамъ; одержимые важнѣйшими недугами къ себѣ призываютъ врачующихъ; а впадшіе совершенно въ неисцѣльную болѣзнь черножелчія и приходящихъ къ нимъ врачей не допускаютъ до себя, чего да не будетъ нынѣ съ вами; вы не убѣгайте отъ людей, которые разсуждаютъ право!

Бесѣда 23. На святаго мученика Маманта[1])

Не безъизвѣстна мнѣ важность похвальныхъ рѣчей въ торжественныхъ собраніяхъ; но сколько знаю это, столько же сознаю и свою немощь. Ибо предметъ слова требуетъ, чтобы сказано было нѣчто достойное со-

---

[1]) Память сего св. мученика совершаетъ св. Церковь 2-го числа сентября мѣсяца.

бравшихся, достойное какъ той надежды, которую имѣютъ на меня, такъ и самаго предмета. Поелику сегодня съ величайшимъ торжествомъ совершаемъ память мучениковъ: то всякій умъ напряженъ, всякій слухъ приготовленъ, ожидаетъ, что сказано будетъ нѣчто достойное мученика, и изъ любви къ мученику приходитъ въ собраніе. И благопризнательныя дѣти требуютъ великихъ похвалъ родителямъ, и не попустятъ, чтобы малостію говорящаго подверглось опасности величіе хвалимыхъ. Поэтому чѣмъ больше усердія, тѣмъ больше опасность.

Что же мнѣ дѣлать? Какъ и вашимъ желаніямъ удовлетворить, и самому не пойдти отсюда не воспользовавшись настоящимъ случаемъ? Посовѣтую каждой душѣ, съ какимъ запасомъ въ памяти пришла сюда, то и обновить въ мысли, и идти отсюда напитавшись этимъ, возвеселивъ себя собственнымъ своимъ напутствіемъ. Пусть воспомнятъ мученика всѣ тѣ, которые насладились имъ въ сновидѣніяхъ; которые, приходя на сіе мѣсто, имѣли его содѣйственникомъ въ молитвѣ; которымъ, будучи названъ по имени, предсталъ онъ самымъ дѣломъ; которыхъ привелъ въ домы изъ путешествія; которыхъ возставилъ отъ болѣзни; которымъ возвратилъ дѣтей уже умершихъ; которымъ продлилъ срокъ жизни. Собравъ все это, составьте похвальное слово изъ общихъ вкладовъ. Каждый, что знаетъ, сообщи другому незнающему, а чего не знаетъ, займи у знающаго; и такимъ образомъ, угостивъ другъ друга общимъ приношеніемъ, извините мою немощь.

Ибо вотъ похвала мученику—богатство духовныхъ дарованій. Не имѣемъ нужды прославлять его по закону мірскихъ похвальныхъ словъ; не имѣемъ нужды говорить о знаменитыхъ его родителяхъ и предкахъ; стыдно украшаться чужими нарядами тому, кто сіяетъ собственною добродѣтелію. По законамъ обычая включается и это въ похвальныя рѣчи; а законъ истины требуетъ, чтобы у каждаго была собственная похвала. Коня не дѣлаетъ скорымъ превосходство въ бѣгу его отца; не похвала псу, что рожденъ самыми борзыми псами. Но какъ совершенство всякаго другаго животнаго разсматривается въ немъ самомъ: такъ и у человѣка своя похвала, свидѣтельствуемая личными его заслугами. Что для сына знаменитость его отца? Такъ и мученикъ сей не отъ другихъ заимствовалъ знаменитость, но самъ продолженіемъ жизни возжегъ свѣтильникъ славы. Отъ Маманта—прочіе, а не отъ другихъ—Мамантъ. Дѣти, научившіяся у него благочестію, имъ да прославятся. Самъ онъ изъ себя источаетъ добродѣтель. Это не весенній потокъ, славящійся сліяніемъ чуждыхъ ему водъ, но источникъ, изъ собственныхъ нѣдръ изливающій доброту. Подивимся мужу, который не чужимъ убранствомъ украшенъ, но славенъ своимъ собственнымъ. Видишь славныхъ воспитателей коней? Видишь бѣлѣющіеся ихъ памятники? Видишь, какъ мимо этихъ камней проходятъ безъ вниманія? А памятію мученика вся страна подвигнута; весь городъ прини-

маетъ участіе въ праздникѣ; не сродники стекаются на гробы отцевъ, но всѣ притекаютъ на мѣсто благочестія. Этого началовождя истины именуютъ отцемъ, а не виновниковъ плотской жизни называютъ отцами. Видишь, какъ чествуется добродѣтель, а не богатство. Такъ Церковь, чѣмъ чтитъ предварившихъ, тѣмъ самымъ возбуждаетъ живущихъ еще. „Не домогайся, говоритъ она, ни богатства, ни мудрости міра „престающей" (1 Кор. 2, 6), ни славы увядающей,—все это исчезаетъ вмѣстѣ съ жизнію: но будь дѣлателемъ благочестія; оно и на небо вознесетъ тебя; оно пріуготовитъ тебѣ и безсмертную и продолжительную славу у людей".

Поэтому, если кто помнитъ пастыря, то да не дивится богатству; потому, что собрались мы не богатаго хвалить. Не богатому дивясь, уходи отсюда, но бѣдности, соединенной съ благочестіемъ. Пастырь—не важное, не мудрое званіе. Разсердившись, въ укоръ оскорбившему тебя не говоришь ли: ты пастырь? Пастырь ничего не имѣетъ болѣе, кромѣ насущнаго пропитанія, надѣваетъ суму, носитъ посохъ и дневный запасъ, ни мало не заботится о завтрашнемъ днѣ; онъ врагъ звѣрямъ, союзникъ кроткихъ животныхъ, бѣгаетъ торжища, бѣгаетъ судилищъ, не знакомъ съ доносчиками, не знакомъ съ торговлею, не знаетъ богатства, не имѣетъ собственнаго крова, живетъ подъ общимъ покровомъ міра, ночью смотритъ на небо, и по звѣздамъ изучаетъ чудеса Творца. Пастырь? Не постыдимся истины, не будемъ подражать языческимъ баснотворцамъ, не станемъ облекать истину въ благолѣпіе словъ.

Истина нага, не требуетъ защитниковъ, сама себя показываетъ. Въ большемъ числѣ отношеній это униженно; но тѣмъ паче подивимся похвалѣ. Пастырь и убогій — вотъ почетныя титла христіанина. Если будешь искать начало вождей въ училищѣ благочестія; это—рыбари и мытари. Если будешь искать учениковъ, это—убогіе выдѣлыватели кожъ. Ни одного нѣтъ богатаго, нигдѣ нѣтъ знаменитости. Все это упразднилось съ міромъ. Итакъ, смотри, чей день празднуемъ, ради кого всѣ мы свѣтлы, ради кого измѣнилась жизнь.

Поелику упомянули мы о пастырѣ, то не презирай сего именованія. Слышалъ ты, что первый угодившій Богу Авель былъ пастырь. А кто подражатель его? Моѵсей, великій законодатель, избѣжавшій гнѣва Фараонова, возненавидѣвшій злоумышленіе соплеменниковъ; онъ былъ пастыремъ на горѣ Хоривъ, и во время пастырства бесѣдовалъ съ Богомъ. Не когда сталъ судіею, увидѣлъ онъ Ангела въ купинѣ, но будучи пастыремъ удостоился оной небесной бесѣды. Кто послѣ Моѵсея? Патріархъ Іаковъ, который въ пастырствованіи показалъ терпѣніе за истину, и въ маломъ образѣ отпечатлѣлъ всю жизнь свою. Кому передалъ онъ ревность? Давиду. Давидъ отъ пастырства перешелъ на царство; потому что и пастырское и царское званіе—родныя сестры, за исключеніемъ того, что одному ввѣрено

управленіе неразумными, а другому—разумными существами. Такимъ образомъ пастырское знаніе служитъ основаніемъ знанія высшаго. Потому Господь, совокупляя въ Себѣ то и другое, есть и Пастырь и Царь; надъ неразумными пастырствуетъ, а болѣе разумныхъ вводитъ въ управленіе Своего царства. Хочешь ли знать, каково достоинство пастыря? „Господь пасетъ мя" (Псал. 22, 1), А какимъ образомъ пастырская должность—сестра царской? „Кто есть сей Царь славы" (Псал. 23, 8)? Тотъ, кто здѣсь пастырь, тамъ царь. И не подумай, что другими это засвидѣтельствовано, а самъ Онъ стыдится сего наименованія. Напротивъ того, умолчавъ о ложныхъ пастыряхъ, Себѣ присвоилъ истинное свидѣтельство пастырства. „Азъ есмь, пастырь добрый" (Іоан. 10, 11). „Азъ есмь, и не измѣняюся" (Мал. 3, 6). И когда говоритъ о чемъ либо великомъ: „Азъ рукою Моею утвердихъ землю, распрострохъ небо единъ" (Исаіи 44, 24 и 45, 12), и когда говоритъ что либо иное достолѣпное и достойное того, чтобы сказать сіе о Богѣ, такъ выражается Пастырь добрый. Отгоняетъ пастырей ложныхъ, и Себѣ присвояетъ истину. „Азъ есмь пастырь добрый". Узнай, кто Пастырь и кто Пастырь добрый? Самъ толкуетъ: истинный „пастырь душу свою полагаетъ за овцы. А наемникъ, иже нѣсть пастырь, емуже не суть овцы своя", нерадитъ, егда „видитъ волка грядуща" (Іоан. 10, 11—13).

Здѣсь Церковь спрашиваетъ: если Господь—Пастырь, то кто же—пастырь наемникъ? Не діаволъ ли пастырь наемникъ? Кто же волкъ? Конечно, діаволъ есть волкъ,—этотъ дикій, хищный, коварный звѣрь, этотъ общій всѣхъ врагъ. Поэтому пастырь наемникъ пусть имѣетъ собственное свое именованіе. Пастырями наемниками Господь назвалъ тѣхъ, къ кому тогда обращалъ рѣчь. И теперь есть (лучше бы ихъ не было), есть пріобрѣтающіе себѣ наименованіе наемниковъ. Тогда разумѣлись архіереи и фарисеи, и весь этотъ іудейскій расколъ. Ихъ назвалъ пастырями наемниками,—ихъ, не ради истины, но ради собственной корысти пріявшихъ на себя власть пастырства. Которые изъ суетнаго лицемѣрія молятся, чтобы поѣдать хлѣбъ вдовицъ и сиротъ (Матѳ. 23, 14), тѣ наемники. Которые служатъ собственной выгодѣ, гоняются за настоящимъ, не имѣютъ въ виду будущаго, тѣ наемники, а не пастыри.

И нынѣ много наемниковъ, посвятившихъ жизнь свою жалкой славѣ; они и нынѣ о здравыхъ словесахъ Господа производятъ распрю. Ибо, когда Господь сказалъ это, произошла распря въ нихъ; одни говорили: „бѣса имать"; другіе: бѣсъ не можетъ слѣпыя очи сдѣлать видящими (Іоан. 10, 19—21). Видишь, какъ стара эта страсть къ распрямъ. Ибо „лопата" скоро отдѣляетъ плевы отъ пшеницы (Матѳ. 3, 12); легкое и непостоянное отлучаетъ отъ питательнаго, а годное для духовной пищи остается у земледѣлателей. Для того и распря была, и одни говорили такъ, другіе иначе. Іудеямъ прилично быть въ распрѣ. Церковь Божія, принявъ „хитонъ не-

швенъ, свыше исткан“ (Іоан. 19, 23), который воины соблюли не раздранымъ, Церковь, облекаясь во Христа, да не раздираетъ одежды.

„И знаю Моя, и знаютъ Мя Моя“ (Іоан. 10, 14). Еретикъ воспользовался сими словами къ составленію своей хулы. Вотъ, говоритъ онъ, сказано: „знаютъ Мя Моя, и знаю Моя“. Что такое значитъ знать? Уразумѣвать сущность? Измѣрять величину? То ли самое постигать о Божествѣ, что обѣщаешь ты своими дерзкими устами? Или не разумѣешь предшествовавшаго, какая мѣра вѣдѣнія? Что знаемъ о Богѣ? „Овцы Моя гласа Моего слушаютъ“ (27). Вотъ какъ уразумѣвается Богъ,—чрезъ слышаніе заповѣди Его и чрезъ исполненіе слышаннаго. Вотъ вѣдѣніе Бога—соблюденіе заповѣдей Его. Почему же не пытливое уразумѣніе сущности Божіей, не изъисканіе премірнаго, не примышленіе невидимаго? „Знаютъ Мя Моя, и знаю Моя“. Довольно тебѣ знать, что Пастырь добръ, что положилъ душу за овцы. Вотъ предѣлъ богопознанія! А какъ великъ Богъ? Какая мѣра Его? Каковъ онъ въ сущности? — Подобные вопросы опасны для вопрошающаго и затруднительны для вопрошаемаго. Лучшее обращеніе съ ними—молчаніе. „Овцы Моя гласа Моего слушаютъ“, сказалъ Онъ, а не спорятъ о Немъ, то есть, не остаются преслушными, не входятъ въ состязанія.

Слышалъ ты Сына; самъ не входи въ тонкости объ образѣ рожденія, не подводи подъ причину не условливаемаго причиною, своимъ сѣченіемъ не разграничивай соединеннаго. Поэтому предварительно оградилъ тебя Евангелистъ; и прежде ты слышалъ, и слышишь, конечно: „въ началѣ бѣ Слово“. Чтобы не почесть тебѣ Сына человѣческимъ порожденіемъ, происшедшимъ изъ несуществующаго, Евангелистъ сказалъ тебѣ: „Слово“, означая безстрастіе: сказалъ: „бѣ“, означая, что не во времени; сказалъ: „въ началѣ“, чтобы рожденнаго соединить съ Отцемъ. Видишь, какъ покорная овца слушаетъ Владычняго гласа. „Въ началѣ“, и „бѣ“, и „Слово“. Не говори, какъ „бѣ“? И если „бѣ“, то не рождено; а если рождено, то не „бѣ“. Кто говоритъ такъ, уже не овца: кожа овцы,—а изнутри говоритъ волкъ. Пусть знаютъ навѣтники! „Овцы Моя гласа Моего слушаютъ“. Слышалъ ты Сына; уразумѣй подобіе Его Отцу, говорю, подобіе, по немощи сильнѣйшихъ, а по самой истинѣ (не боюсь приступить къ истинѣ, я не склоненъ къ клеветѣ), разумѣю тождество, сохраняя личныя свойства Сына и Отца. Въ vпостаси Сына представляй Отчій образъ; только соблюди точное понятіе изображенія, только разумѣй богочестно: „Азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ“ (Іоан. 14, 10), представляя себѣ не сліяніе сущностей, но тождество отличительныхъ чертъ.

Но, кажется, возлюбленные, совершилось дѣло, само себѣ противорѣчащее; потому что благопокорность вашего слуха понудила и мою немощь сказать и проглаголать нѣчто въ семъ собраніи, чтобы сила Божія напаче

открылась въ немощи орудія. Ибо для того, можетъ быть, преизбыточествовала моя немощь, чтобы болѣе прославился Укрѣпляющій немощное. Возвращающій же сіе наше торжество, полагающій предѣлъ прошлогоднимъ молитвамъ и возглавляющій наступающее лѣто (ибо одинъ и тотъ же день заключаетъ у насъ собою протекшій кругъ времени и служитъ возглавіемъ вновь наступающему), и такъ собравшій насъ и даровавшій намъ силы къ дѣйствію на будущее время, да сохранитъ насъ въ оное невредимыми, не обидимыми, не расхищенными отъ волка, да соблюдетъ и Церковь сію непоколебимою, огражденною великими столпами мучениковъ, да отвратитъ всѣ злоухищренія и приражевія еретическихъ бѣснованій, да дастъ же намъ въ безмолвіи поучаться словесамъ Божіимъ и познавать дарованную благодать Духа; потому что Ему слава и держава со Святымъ Духомъ нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда 24. Противъ Савелліанъ, Арія и Аномеевъ.

Іудейство враждуетъ съ язычествомъ, а то и другое враждуетъ съ христіанствомъ, какъ Египтяне и Ассиріане были врагами и другъ другу и Израилю, какъ и въ порокѣ находимъ, что трусость и дерзость противоположны и одна другой, и мужеству. Подобная какая-то брань съ двухъ сторонъ облежитъ и правое исповѣданіе, а именно—съ одной стороны отъ Савеллія,—съ другой отъ проповѣдающихъ неединосущіе.

Но мы, какъ бѣжали язычниковъ, удалились отъ лукаваго идолослуженія, и многобожіе ихъ признали безбожіемъ, такъ бѣжали и хулы Іудеевъ, отрицающихъ Сына Божія, устрашившись оной угрозы: „иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ“ (Матѳ. 10, 33). Поэтому бѣжимъ, какъ и должно, еще тѣхъ, которые изобрѣтаютъ нѣчто сродное съ язычествомъ и іудействомъ вопреки слову истины. Поелику мудрый въ злотворствѣ діаволъ видѣлъ, что христіане чуждаются Іудеевъ и язычниковъ, и что самыя имена ихъ располагаютъ насъ ко враждѣ съ ними; то, придавъ наше имя тѣмъ и другимъ, старается такимъ образомъ снова ввести іудейское отреченіе и языческое многобожіе. Ибо одни, утверждая, что Единородный—Божіе дѣло и произведеніе, а потомъ покланяясь Ему и богословствуя о Немъ, служеніемъ своимъ твари, а не Творцу, открыто вводятъ ученія языческія; а другіе, отрицая Бога отъ Бога и признавая Сына по имени, на самомъ же дѣлѣ и по истинѣ отвергая существованіе Его, опять возобновляютъ іудейство. Когда исповѣдуютъ Его словомъ, уподобляютъ слову внутреннему, и, называя Премудростію, утверждаютъ, что она подобна навыку, какой составляется въ душѣ ученыхъ; и поэтому говорятъ, что лице Отца и Сына одно, какъ и о человѣкѣ говорится, что онъ одинъ, а не раздѣленъ съ тѣмъ словомъ, съ тою мудростію, которыя въ немъ.

Впрочемъ Евангелистъ прямо въ началѣ восклицаетъ: „и Богъ бѣ Слово“ (Іоан. 1, 1), усвояя Сыну собственное существованіе. Ибо, если въ сердцѣ было Слово, то какъ признать Его Богомъ?—И какъ Слово было у Бога? Слово въ человѣкѣ—не человѣкъ, и говорится, что оно не у человѣка, но въ человѣкѣ; потому что оно не живое существо, не что либо самостоятельное. Но Слово Божіе есть жизнь и истина. Наше слово, едва сказано, какъ уже его и нѣтъ: о Словѣ же Божіемъ что говоритъ псаломъ? „Во вѣкъ, Господи, Слово Твое пребываетъ на небеси“ (Псал. 118, 89).

Такова брань съ этой стороны. Какая же и какого рода борьба съ истиною съ другой стороны? Допускаютъ существованіе, соглашаются, что есть особое лице Сына, особое—Отца, но вводятъ неединосущіе естества. Допускаютъ именованіе Сына на словахъ, а въ самой истинѣ низводятъ Его на степень твари, не уважая словъ Господа, Который желавшему видѣть Отца, указывая на Себя, сказалъ: „видѣвый Мене видѣ Отца“ (Іоан. 14, 9).

Это изреченіе для разсуждающихъ право заставляетъ умолкнуть хулы тѣхъ и другихъ. Ибо не Себя называетъ Отцемъ Тотъ, Кто ясно различаетъ Лица, когда говоритъ: „видѣвый Мене“ (чѣмъ указываетъ на собственное Свое Лице) „видѣ Отца“ (относя сіе къ Отчему Лицу и явственно отличая Его отъ Себя). И еще, когда говоритъ: „аще Мя бысте знали. и Отца Моего знали бысте“ (Іоан. 14, 7); слова сіи не слитность Лицъ означаютъ, но доказываютъ безразличность Божества.

Да слышатъ то же слово и противники, а именно, что удостоенный общенія съ Сыномъ не лишенъ и Отца; ибо Родитель родилъ не инаковаго, но такого же, каковъ и Самъ. Выслушай Аномей: „Азъ и Отецъ едино есма“ (Іоан. 10, 30). Выслушай и ты, Савеллій: „Азъ изъидохъ отъ Отца“ и къ Нему „иду“ (Іоан. 16, 28). И каждый изъ васъ да уврачуетъ язву свою евангельскимъ ученіемъ. Ты разумѣй единство о безразличности естества; а ты, изреченія: „отъ Него изъидохъ“, и къ Нему иду, понимай о различіи Лицъ. Итакъ сойдемся и примиримся въ этомъ, прекратимъ продолжительную брань съ благочестіемъ, бросивъ сіи изощренныя оружія нечестія и перековавъ копія на орала и мечи на серпы. И ты не называй единымъ, но слѣдуй Тому, Кто говоритъ: „Единъ нѣсмь“; потому что пославшій Меня Отецъ со Мною есть (Іоан. 8, 16). Поэтому иный есть пославшій Отецъ, и иный посланный Сынъ. И еще говоритъ: „Азъ“ свидѣтельствую „о Мнѣ самомъ, и свидѣтельствуетъ о Мнѣ пославый Мя Отецъ“ (Іоан. 8, 18); и „въ законѣ же вашемъ“, говоритъ, „писано есть, яко двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть“ (ст. 17). Сочти, если угодно, Лица. Сказано: „Азъ есмь свидѣтельствуяй“—вотъ одинъ. „И свидѣтельствуетъ о Мнѣ пославый Мя“—вотъ два. И я не считаю такъ смѣло, но самъ Господь научилъ сему, сказавъ: „въ законѣ вашемъ писано есть,

яко двоихъ человѣковъ свидѣтельство истинно есть". Но и ты, который богоборствуешь твоимъ нечестіемъ инаго рода, говоря, что Сынъ не подобенъ Богу по естеству, ты, который не уступаешь равенства, производишь разлученіе жизни, устыдись Павла, который говоритъ: „Иже есть образъ Бога невидимаго" (Кол. 1, 15), и уступи живому образу неразлучность съ первообразною жизнію. Исповѣдуй Отца Сыну, а не зиждителя твари. И въ истинномъ исповѣданіи Отца уступи Рожденному равночестіе съ Отцемъ, вспомнивъ свидѣтельство Евангелиста, что „Отца Своего глаголаше Бога. равенъ Ся творя Богу (Іоан. 5, 18). Равенство же съ Родшимъ разумѣется здѣсь по естеству, а не по измѣренію тѣлесной величины. Какъ не „восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу" (Филип. 2, 6), если, какъ ты богохульствуешь, никогда не равенъ? Какъ и „во образѣ Божіи" былъ тотъ, кто, по твоимъ словамъ, даже не подобенъ?

Но такова брань, воздвигаемая на насъ съ двухъ сторонъ: въ чемъ же истина? Не бойся исповѣданія Лицъ, но именуй Отца, именуй два имени, но изъ каждаго именованія познавай особую мысль. Ибо страшная неблагодарность—не принимать наставленій Господа, который раздѣльно представляетъ намъ разность Лицъ. Онъ говоритъ: „Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя" пошлетъ „вамъ" (Іоан. 14, 16). Слѣдовательно Сынъ умоляющій, Отецъ умоляемый, а Утѣшитель посылаемый. Не ясно ли твое безстыдство, когда слышишь о Сынѣ: „Азъ"; объ Отцѣ „Онъ"; о Духѣ Святомъ—„Иный", и все смѣшиваешь, все сливаешь, всѣ именованія прилагаешь одному? Впрочемъ и раздѣленія Лицъ не обращай въ поводъ къ нечестію. Ибо хотя и два по числу, но не раздѣльны по естеству; и кто говоритъ „два", тотъ не вводитъ отчужденія. Одинъ Богъ, Онъ же и Отецъ. Одинъ Богъ и Сынъ. И не два Бога; потому что Сынъ имѣетъ тождество съ Отцемъ. Ибо не иное Божество созерцаю въ Отцѣ, а иное въ Сынѣ; не иное естество—Отчее, а иное Сыновнее. Поэтому, чтобы уяснилась для тебя особность Лицъ, считай особо Отца, и особо Сына, но чтобы не впасть тебѣ въ многобожіе, исповѣдуй въ Обоихъ единую сущность. Такъ и Савеллій падетъ, и Аномей сокрушится!

Но когда именую одну сущность, не представляй себѣ, что одно раздѣлилось на два, но что Сынъ отъ Отца, какъ отъ начала, а не Отецъ и Сынъ отъ одного высшаго начала. Ибо не братьевъ именуемъ, но исповѣдуемъ Отца и Сына. А тождество сущности въ томъ, что Сынъ отъ Отца, не повелѣніемъ произведенъ, но рожденъ изъ естества; не отдѣлился отъ Отца, но совершенный возсіялъ отъ пребывающаго совершеннымъ.

А вы, которые или не совершенно постигли сказанное, или пришли съ намѣреніемъ осмѣять насъ, не того ища, чтобы заимствоваться у насъ чѣмъ либо полезнымъ, но высматривая, нельзя ли привязаться къ чему изъ сказаннаго, не спѣшите говорить: „онъ проповѣдуетъ двухъ Боговъ,

возвѣщаетъ многобожіе“! Не два Бога; потому что не два Отца. Кто вводитъ два начала, тотъ проповѣдуетъ двухъ Боговъ. Таковъ Маркіонъ и всякій, кто подобенъ ему въ нечестіи. И опять, если кто говоритъ, что Рожденный иносущенъ съ Родшимъ, то и онъ именуетъ двухъ Боговъ, подобіемъ сущности вводя многобожіе. Ибо если одно Божество нерожденное, и одно рожденное, то ты проповѣдуешь многобожіе, утверждая, что нерожденное противно рожденному, и явнымъ образомъ полагая, что и сущности противны, если только сущность Отца—нерожденность, а сущность Сына—рожденіе. Поэтому именуешь не только двухъ Боговъ, но двухъ враждебныхъ между собою, и, что всего ужаснѣе, приписываешь имъ вражду, не по свободному ихъ произволенію, но по естественному раздору, который никогда не можетъ перейти въ мирное соглашеніе. Но ученіе истины избѣгло противорѣчій съ той и другой стороны. Ибо гдѣ одно начало и одно, что изъ начала,—одинъ первообразъ и одинъ образъ; тамъ понятіе единства не нарушается. Посему Сынъ, будучи отъ Отца рожденъ, и естественно отпечатлѣвая въ Себѣ Отца, какъ образъ, безразличенъ съ Отцемъ; а какъ рожденіе, сохраняетъ въ Себѣ единосущіе съ Нимъ. Кто на торжищѣ смотритъ на царскій образъ и говоритъ, что изображаемое на картинѣ есть царь, тотъ не двухъ царей признаетъ, то есть, образъ и того, чей образъ; и если, указавъ на писаннаго на картинѣ скажетъ: „это царь“, не лишитъ первообразъ царскаго именованія; вѣрнѣе же сказать, признаніемъ образа подтверждаетъ честь воздаваемую царю. Ибо если образъ царь; то тѣмъ паче слѣдуетъ быть царемъ тому, кто послужилъ причиною образа. Но здѣсь дерево и воскъ, и искусство живописца производятъ образъ тлѣнный—подражаніе тлѣнному, и искусственный—подражаніе сотворенному. Но тамъ, когда слышишь слово: „образъ“, разумѣй „сіяніе славы“. Что же за сіяніе? И что за слава? Апостолъ самъ толковалъ сіе вскорѣ, присовокупляя: „и образъ ѵпостаси“ (Евр. 1, 3). Поэтому славѣ тождезначительна ѵпостась, и сіянію тождезначителенъ образъ. Посему, какъ слава пребываетъ совершенною и не умаляется, такъ и сіяніе исходитъ совершенное. А въ такомъ случаѣ понятіе образа, взятое боголѣпно, приводитъ насъ къ единству Божества. Ибо Отецъ въ Сынѣ, и Сынъ въ Отцѣ; почему и Сынъ таковъ же, каковъ Отецъ и Отецъ таковъ же, каковъ Сынъ. Такъ пребываютъ въ единствѣ два; потому что не разнствуютъ и Сынъ уразумѣвается не въ иномъ видѣ, и не въ новомъ образѣ. Итакъ опять говорю: „Единъ и Единъ, но естество не раздѣлимо, совершенство безъ недостатковъ. Одинъ Богъ; потому что въ Отцѣ и Сынѣ созерцается единый видъ, всецѣло открывающійся въ Томъ и Другомъ.

Но давно замѣчаю, что вы не довольны словомъ, и кажется, почти уже слышу упрекъ, почему, останавливаясь на томъ, что всѣ исповѣдуютъ, не касаюсь вопросовъ, возбуждающихъ много толковъ; потому что нынѣ у

всякаго слухъ устремленъ къ слышанію ученія о Святомъ Духѣ. А я всего болѣе желалъ бы, какъ принялъ просто, какъ самъ повѣрилъ безхитростно, такъ и передалъ слушающимъ, не требуя отчего всегда объ одномъ и томъ же, но имѣя такихъ учениковъ, которые убѣдились однимъ исповѣданіемъ. Поелику же окружаете меня болѣе какъ судіи, нежели какъ ученики, и желаете подвергнуть меня испытанію, а не сами ищете заимствовать что нибудь: то для меня необходимо, чтобы, какъ въ судилищѣ, изслѣдованіе продолжилось, и какъ мнѣ непрестанно давали вопросы, такъ и я могъ сказать, что мною принято. А вамъ совѣтую всѣми мѣрами домогаться услышать отъ меня, не что вамъ пріятно, но что благоугодно Богу, согласно съ Писаніемъ и не противорѣчить отцамъ.

Поэтому, что сказано мною о Сынѣ, а именно, что должно исповѣдывать особое Лице Сына, то же долженъ я сказать и о Святомъ Духѣ. Ибо Духъ не то же, что Отецъ, хотя написано: „Духъ есть Богъ“ (Іоан. 4, 24); и опять, не одно лице Сына и Духа, хотя и сказано: „аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ. Христосъ же въ васъ“ (Рим. 8, 9—10). Ибо изъ сего нѣкоторые ложно заключали, будто бы Духъ и Христосъ одно и то же лице. Но что скажемъ на сіе? То, что изъ сего открывается сродство естества, а не слитность Лицъ. Ибо есть Отецъ, имѣющій совершенное и ни въ чемъ не скудное бытіе, корень и источникъ Сына и Святаго Духа. Но есть и Сынъ, въ полномъ Божествѣ живое Слово и ни въ чемъ не скудное Рожденіе Отца. Но полонъ и Духъ; Онъ не часть чего либо другаго, но совершенъ и всецѣлъ, созерцаемый Самъ въ Себѣ. И какъ Сынъ неразлучно соединенъ съ Отцемъ, такъ съ Сыномъ соединенъ Духъ. Ибо нѣтъ ничего такого, что разграничивало бы или разсѣкало вѣчное соединеніе. Никакой вѣкъ не пролегаетъ между Ними; и душа наша не допускаетъ и мысли о разлученіи, чтобы или Единородный не былъ всегда съ Отцемъ, или Святый Духъ не существовалъ вмѣстѣ съ Сыномъ.

Посему, когда соединяемъ Троицу, не преставляй себѣ какъ бы трехъ частей одного нераздѣльнаго (такое разсужденіе злочестиво), но разумѣй неразлучное сопребываніе Трехъ безтѣлесныхъ совершенныхъ. Ибо гдѣ присутствіе Святаго Духа, тамъ и пришествіе Христово; а гдѣ Христосъ, тамъ несомнѣнно присутствуетъ и Отецъ. „Не вѣсте“ ли, „яко тѣлеса ваша храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть“ (1 Кор. 6, 19)? И: „аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ“ (1 Кор. 3, 17). Посему освящаемые Духомъ пріемлемъ Христа, обитающаго во внутреннемъ нашемъ человѣкѣ, и съ Христомъ Отца, Который творитъ общую обитель въ достойныхъ. Сіе же соединеніе доказываютъ и преданіе крещенія, и исповѣданіе вѣры. Если бы Духъ былъ чуждъ по естеству, то почему бы числился вмѣстѣ? И если бы по времени въ послѣдствіи присоединенъ былъ къ Отцу и Сыну, то почему бы поставляемъ былъ въ одинъ рядъ съ вѣч-

нымъ естествомъ? А отдѣляющіе Духа отъ Отца и Сына и причисляющіе Его къ твари дѣлаютъ и крещеніе несовершеннымъ, и исповѣданіе вѣры недостаточнымъ; потому что Троица не пребываетъ уже Троицею, по отъятіи Духа. И опять, если одно что нибудь изъ твари присоединено будетъ, то и вся тварь взойдетъ въ единочисліе съ Отцемъ и Сыномъ. Въ такомъ случаѣ, что препятствуетъ сказать: вѣруемъ въ Отца и Сына и всю тварь? Если благочестиво вѣрить въ часть твари, то гораздо еще честнѣе всю тварь включить въ исповѣданіе. А вѣруя во всю тварь, будешь вѣровать не только въ Ангеловъ и въ служебныхъ духовъ, но и во всѣ, какія есть, сопротивныя силы; потому что и онѣ составляютъ часть твари. Къ нимъ приложишься своею вѣрою. Такъ хула на Духа приводитъ тебя къ понятіямъ злочестивымъ и недозволеннымъ. Какъ скоро сказалъ ты о Духѣ, чего не долженъ говорить: въ тебѣ обозначилось уже что оставленъ ты Духомъ. Какъ сомкнувшій глаза имѣетъ въ себѣ свою тьму; такъ отлучившійся отъ Духа, ставъ внѣ просвѣщающаго, объемлется душевною слѣпотою.

Но чтобы не отлучать тебѣ Святаго Духа отъ Отца и Сына, да устыдитъ тебя преданіе. Такъ Господь научилъ, Апостолы проповѣдали, отцы соблюли, мученики утвердили. Достаточно тебѣ говорить, какъ наученъ ты; не представляй мнѣ этихъ мудростей: „Онъ не рожденъ, или рожденъ: если не рожденъ, то Отецъ; если рожденъ, то Сынъ; а если ни то, ни другое, то тварь“. А я знаю Духа съ Отцемъ, однако же Духа—не Отца; я принялъ Духа съ Сыномъ, однако же не именуемаго Сыномъ. Но разумѣю свойство Его съ Отцемъ, потому что исходитъ отъ Отца, и свойство Его съ Сыномъ, потому что слышу:, „аще кто Духа Христова не имать, сей нѣсть931Еговъ“. Если Духъ не свой Христу, то какъ же насъ дѣлаетъ своими Христу? Но слышу также о „Духѣ истины“ (Іоан. 14, 17), а истина—Господь. Когда же слышу о „Духѣ сыноположенія“ (Рим. 8, 15); прихожу къ мысли о единствѣ Его съ Отцемъ и Сыномъ по естеству. Ибо какъ усыновляетъ стороннее? Какъ дѣлаетъ Своимъ чужое?

Такимъ образомъ и не выдумываю новыхъ реченій, и не отметаю достоинства; о тѣхъ же, которые дерзаютъ называть Духа тварію, плачу и сѣтую; потому что они маловажнымъ умоизобрѣтеніемъ и поддѣльнымъ лжеумствованіемъ низвергаютъ сами себя въ пропасть. Ибо говорятъ: „поелику умъ нашъ постигаетъ сихъ трехъ, и въ существующемъ нѣтъ ничего, что не подходило бы подъ это раздѣленіе существъ, то есть, все или нерожденно, или рожденно, или сотворено; Духъ же ни первое, ни второе; то, конечно, Онъ третіе“. Это ваше: „конечно“, сдѣлаетъ васъ повинными вѣчной клятвѣ. Все ли ты изслѣдовалъ? все ли разсудкомъ своимъ подвелъ подъ это раздѣленіе? Ужели ничего не оставилъ неиспытаннымъ? все обнялъ умомъ? все заключилъ въ своемъ понятіи? знаешь, что подъ зем-

лею? знаешь, что въ глубинѣ? Вотъ демонское хвастовство: „извѣстны мнѣ песку число и морю мѣра [1]“! Если же многаго не знаешь, и не познаннаго тысячекратно больше, чѣмъ познаннаго: то сверхъ всего прочаго не признаешься ли безъ стыда въ безбѣдномъ незнаніи и того, какимъ образомъ существуетъ Духъ Святый?

У меня нѣтъ времени изобличить суетность твоихъ разсужденій и показать, сколько существъ не взошло въ постиженіе твоего разсудка. Но охотно спросилъ бы о семъ у вашихъ, и съ увѣренностію полагаю, что въ этой безбожной мудрости раскаешься нѣкогда ты, называющій Духа Святаго тварію. Ужели не боишься непростительнаго грѣха? Или думаешь, что возможна хула и этой злочестивѣе? Ибо отъ одного сего слова происходятъ всѣ ужасныя слѣдствія:—отчужденіе отъ Бога по самому естеству, униженіе рабства, служебныя должности, лишеніе святыни; потому что она не принадлежитъ по естеству, и Духъ долженъ причащаться святыни такъ же по благодатному раздаянію, какъ причащается ея и все освящаемое. И какъ намъ дается „явленіе Духа на пользу“ (1 Кор. 12, 7), каждому удѣляется по мѣрѣ вѣры; такъ и Духъ Святый будетъ причастникомъ святыни, если въ самомъ дѣлѣ Онъ тварь, какъ думаютъ духоборцы.

Но не попустимъ, чтобы осталось не обличеннымъ неразуміе людей, которые думаютъ о себѣ, что все обняли своимъ разумомъ. Итакъ пусть отвѣчаютъ намъ: что составляетъ сущность чувственнаго солнца? Одна ли изъ четырехъ стихій, или нѣчто сложное изъ сихъ четырехъ? Но эта сущность—ни земля, ни воздухъ, ни вода, ни огонь. Ибо все сіе движется по прямому направленію; и одно стремится вверхъ, а другое внизъ. Земля и вода, по причинѣ тяжести, долу преклонны, а воздухъ и огонь, по причинѣ легкости, движутся по направленію вверхъ. Но движеніе солнца кругообразно. Потому сущность его не есть какая либо одна изъ четырехъ стихій. Но она и не что либо сложное изъ сихъ четырехъ стихій; потому что сложное, состоя изъ противоположныхъ стихій, подвержено утомленію отъ того, что противоположныя по движенію стихіи влекутъ одна другую въ противоположныя стороны. Движеніе же солнца неутомимо, почему и не прекращается; слѣдовательно солнце не сложно. Всякое же тѣло есть нѣчто или простое, или сложное: но солнце не простое тѣло; потому что движется не по прямому направленію,—и не сложное; потому что не утомляется въ движеніи. Поэтому солнца нѣтъ. Таковы ваши мудрыя раздѣленія; они достойны осмѣянія для имѣющихъ глаза. Еще: какъ мы—человѣки видимъ? Въ себя ли принимая образы видимыхъ предметовъ, или изъ себя испуская силу? Но мы и въ себя не принимаемъ изображеній видимаго (ибо какъ полушаріе неба дѣлается видимымъ въ маломъ проходѣ

---

[1]) Отвѣтъ делфійской Пиѳіи Крезу. См. Герод. кн. I; гл. 47.

зрачка?), и изъ себя ничего не испускаемъ (ибо какъ опять достанетъ вышедшаго изъ глаза, чтобы развернуться по всему небесному пространству?). А если и не принимаемъ въ себя изображеній видимаго, и изъ себя не испускаемъ никакой силы: то слѣдуетъ, что и не видимъ. Послѣ этого оспаривать ли мнѣ ваши умозаключенія? Или пожелать, чтобы ваши выводы были истинны? Чѣмъ разнятся отъ подобныхъ разсужденій и ваши тонкости о Святомъ Духѣ, какія выказываете предъ жалкими женщинами, или предъ близкими къ нимъ евнухами?

Слушай безъ непріязни. Если Духъ отъ Бога: то какъ же низводишь Его тварь? Ибо, конечно, не то симъ хочешь сказать, что и все отъ Бога. Какъ Христосъ называется „Божіимъ", но Онъ—не тварь, подобно намъ; ибо „мы Христовы, Христосъ же—Божій" (1 Кор. 3, 23); но въ иномъ смыслѣ мы называемся Христовыми, какъ рабы Владыки, а въ иномъ смыслѣ Христосъ называется Божіимъ, какъ Сынъ Отца;: такъ и Духъ,—не потому, что все отъ Бога, и Онъ отъ Бога, какъ и все. Ибо, потому что есть служебные духи, не подобенъ уже имъ, въ слѣдствіе наименованія, и Духъ Святый. Онъ одинъ есть истинно Духъ. Какъ много сыновъ, но одинъ истинный Сынъ: такъ, хотя о всемъ говорится, что оно отъ Бога, но собственно Сынъ отъ Бога. И Духъ отъ Бога; потому что и Сынъ ишелъ отъ Отца и Духъ отъ Отца исходитъ; но Сынъ отъ Отца чрезъ рожденіе, а Духъ отъ Бога неизреченно.

Итакъ смотри, какъ велика опасность умалять славу Утѣшителя. Не принимаетъ и Сынъ воздаваемой Ему чести, когда отмещутъ Духа. Ибо, говоритъ, „Онъ Мя прославитъ" (Іоан. 16, 14); не какъ рабъ вмѣстѣ съ тварію: ибо, если бы прославлялъ на ряду со всѣми, то не было бы сказано: „Онъ". Теперь же это отношеніе къ одному показываетъ, что воздается слава по превосходству предъ другими. Не какъ тѣ, которые говорятъ: „слава въ вышнихъ Богу" (Лук. 2, 14), но какъ Сказавшій: „Отче! Азъ прославихъ Тя, дѣло совершихъ, еже далъ еси" (Іоан. 17, 4); и какъ Отецъ прославляетъ Сына, говоря: „и прославихъ Тя, и паки прославлю" (Іоан. 12, 28): такъ и Сынъ пріемлетъ Духа въ общеніе съ Собою и съ Отцемъ. Или пусть покажетъ мнѣ кто нибудь славу большую этой, и тогда совершенно соглашусь, что противники говорятъ правду. — „Отметаяйся васъ, Мене отметается" (Луки 10, 16). Почему? Очевидно, по причинѣ обитающаго въ нихъ Духа. Поэтому кто не чтитъ Духа, тотъ не чтитъ Сына; а „иже не чтитъ Сына, не чтитъ Отца" (Іоан. 5, 23). Такимъ образомъ видно, что погрѣшность въ одномъ изъ предметовъ вѣры есть отрицаніе всего Божества. Если Духъ—тварь, то не Божій. Но сказано: „Духъ Божій, сотворимый мя" (Іов. 33, 4); и еще „наполни" Богъ Веселеила „Духа Божія, премудрости и разума" (Исх. 35, 31). Къ тому же, какъ ты находишь, ближе Божій? Къ твари, или къ Божеству? Если къ твари, то ты и

Отца Господа нашего Іисуса Христа назови тварію; ибо написано о Немъ: „присносущная сила Его и Божество“ (Рим. 1, 20). А если къ Божеству; то, оставивъ хулу, признай достоинство Духа. Столько ты неразуменъ, если самое это слово не приводитъ тебя къ достойнымъ понятіямъ о Духѣ!

Бесѣда 25. О милости и о судѣ[1]).

Міръ, забывшій Бога, преобладается, братія, несправедливостію къ ближнему и безчеловѣчіемъ къ малосильнымъ, какъ и божественный Апостолъ говоритъ: „якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная, исполненныхъ всякія неправды, лукавства, лихоимства, злобы, исполненныхъ зависти, убійства, рвенія, льсти, злонравія: шепотники, клеветники, богомерзки, досадители, величавы, горды, обрѣтатели злыхъ, родителемъ непокоривы, неразумны, нелюбовны, немилостивы“ (Рим. 1, 28—31). А кого Богъ возводитъ въ богочестіе, тѣхъ научаетъ и воздержанію отъ злыхъ дѣлъ, и попеченію о милости къ ближнему, какъ училъ Пророкъ Исаія, говоря отъ лица Божія: „престаните отъ лукавствъ вашихъ, научитеся добро творити“ (Иса. 1, 16. 17). И въ законѣ было много какъ повелѣній о томъ, чтобы не дѣлать вреда ближнему, такъ и заповѣдей о томъ, чтобы быть человѣколюбивымъ и милостивымъ. Если кто оставитъ одно что либо изъ этого, то другаго недостаточно къ исправности человѣка. Какъ благодѣяніе нуждающемуся, сдѣланное изъ неправедныхъ прибытковъ, непріятно Богу; такъ и не похваленъ воздерживающійся отъ неправды, если никому не удѣляетъ изъ своей собственности.

О тѣхъ, которые дѣлаютъ неправду, и намѣреваются приносить дары Богу, написано: „жертва нечестивыхъ мерзость Господеви“ (Притч. 15, 8). А о немилостивыхъ сказано: „иже затыкаетъ ушеса своя, еже не послушати“ нищаго: „и той призоветъ, и не будетъ послушаяй“ (21, 13). Поэтому притча совѣтуетъ: „чти Господа отъ праведныхъ твоихъ трудовъ, и начатки давай Ему отъ твоихъ плодовъ правды“ (3, 9). Ибо, если намѣреваешься принести Богу что нибудь изъ пріобрѣтеннаго неправдою и хищеніемъ: то лучше для тебя и не пріобрѣтать такого имущества, и не приносить изъ него. Даръ чистый возноситъ молитву, какъ написано: „обѣты правоходящихъ пріятны Ему“ (15, 8). И опять, если, пріобрѣтая праведными трудами, не приносишь Богу приношеній, которыми бы питались нищіе, то сіе вмѣнится тебѣ въ хищеніе, по сказанному у Пророка Малахіи: „яко десятины и начатцы съ вами суть, и будетъ рас-

[1]) Подлинникъ сей бесѣды и послѣдующій за нею въ первый разъ изданъ былъ въ Москвѣ 1775 г. Хр. Фр. Маттеемъ съ рукописи въ листъ, подъ № 22, хранящейся въ Моск. Синодальной Библіотекѣ и принадлежащей къ XI или XII вѣку.

хищеніе въ домахъ вашихъ" (Мал. 3, 8, 10). Поэтому должно вамъ, срастворивъ милость и судъ, пріобрѣтать съ судомъ и издерживать на милость, по написанному: „милость и судъ снабди, и приближайся къ Богу своему присно" (Осіи 12, 6). Ибо милостыню и судъ любитъ Богъ. Поэтому приближается къ Богу, кто имѣетъ попеченіе о милости и судѣ. Съ этой впредь стороны да испытываетъ себя человѣкъ, и богатый пусть посмотритъ на собственные свои доходы, изъ которыхъ намѣревается приносить дары Богу: не утѣснялъ ли нищаго, не дѣлалъ ли насилія немощному, не покорыствовался ли чѣмъ отъ подчиненнаго ему, вмѣсто справедливости употребивъ власть? Ибо намъ повелѣно соблюдать справедливость и равенство и въ разсужденіи рабовъ. Не дѣлай насилій по той причинѣ, что властвуешь; не лихоимствуй, потому что силенъ; напротивъ того, поелику есть у тебя преимущества власти, то покажи права справедливости. Не въ томъ, чего не силенъ ты сдѣлать, можешь представить доказательство послушанія и страха предъ Богомъ, но въ томъ, въ чемъ имѣешь силу преступить, и не преступаешь. А если, отнимая собственность нищихъ, подаешь нищимъ: то лучше было бы и не похищать и не давать. Для чего оскверняешь свое богатство, внося въ него неправедные прибытки? Для чего приношеніе свое обращаешь въ скверну неправдою, намѣреваясь принести то, въ разсужденіи чего надобно тебѣ пожалѣть другаго нищаго? Помилуй того, кому дѣлаешь неправду. Съ нимъ поступи человѣколюбиво; ему окажи милость, и исполнишь милость съ судомъ. Богъ не будетъ имѣть общенія съ любостяжательностію: Господь не сообщникъ разбойниковъ и хищниковъ. Не потому, что Самъ не въ силахъ пропитать нищихъ, оставилъ ихъ намъ; но намъ же въ благодѣяніе требуетъ отъ насъ правды и человѣколюбиваго плодоношенія. Не бываетъ милостыни отъ неправды, благословенія отъ клятвы, благодѣяній отъ слезъ. Извлекающимъ слезы у обиженныхъ Богъ говоритъ: „сія, яже ненавидѣхъ, твористе: покрывасте слезами олтарь" Мой, „и плачемъ и воздыханіемъ" (Мал. 2, 13). Отъ трудовъ своихъ оказывай милости, не желай поступать несправедливо подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы изъ пріобрѣтеннаго неправдою принести въ даръ Богу милостыню. Подобныя дѣла показываютъ тщеславіе и служатъ къ пріобрѣтенію похвалъ отъ людей, а не похвалы отъ Бога. Посему хорошо говоритъ Господь: „да не видими будете человѣки" (Матѳ. 6, 1). Если творишь милостыню въ той мысли, что видитъ ее Богъ; то остерегайся творить ее изъ корыстолюбивыхъ видовъ, зная, что симъ не возвеселишь зрителя—Бога. Такъ будемъ творить милостыню, чтобы обратно получить ее отъ Бога. А Богъ воздаетъ тѣмъ, кого хвалитъ: и Онъ не хвалитъ ни одного любостяжателя. Ты не можешь принести даръ Богу, если оскорбилъ брата. Сказано: „аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя, шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ

принеси даръ твой“ (Матѳ. 5, 23. 24). Помни мытаря Закхея, который положилъ сперва возвратить четверицею, если чѣмъ обидѣлъ, потомъ уже изъ остальнаго имѣнія отдѣлилъ половину нищимъ (Лук. 19, 8). Онъ радъ, что можетъ принять Христа; и Христосъ не иначе пріемлетъ щедрость къ нищимъ, какъ по вознагражденіи обиженныхъ за отнятое у нихъ корыстолюбіемъ. И такимъ образомъ Господь пріялъ правду Закхея, и сказалъ: „днесь спасеніе дому сему бысть“ (9). И это идетъ къ тѣмъ, которые творятъ милостыню, но не заботятся о соблюденіи справедливости.

А тому, кто остерегается дѣлать неправду, однако же нерадитъ о милосердіи, скажемъ, что „всяко древо, еже не творитъ плода, посѣкаемо бываетъ, и во огнь вметаемо“ (Матѳ. 3, 10), и что такое древо никогда не будетъ угодно небесному Земледѣльцу, Который говоритъ: пріиде „ища плода на смоковницѣ, и не обрѣте“ и повелѣваетъ срубить ее, чтобы и мѣста не занимала даромъ (Лук. 13, 7). Но осужденнымъ отъ Бога оказывается и тотъ, кто бѣдному не отдаетъ назадъ заклада; на таковаго человѣка изрекается угроза; сказано: „аще возопіетъ ко мнѣ“ не получившій назадъ своего заклада, „услышу его: милостивъ бо есмь“ (Исх. 22, 27). Опасно также и преступно было жать оставшееся послѣ первой жатвы, вторично обирать виноградъ и маслины, потому что надлежало оставлять сіе бѣднымъ (Втор. 24, 19—21). Если же предписывалось это жившимъ подъ закономъ: что скажемъ о тѣхъ, которые живутъ о Христѣ? Господь говоритъ имъ: „аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ царствіе небесное“ (Матѳ. 5, 20). Поэтому не только съ полей и изъ доходовъ, но и отъ труда рукъ своихъ Апостолъ совѣтуетъ подавать неимущимъ; „дѣлая“, говоритъ онъ, „своима рукама благое, да“ имате „подаяти требующему“ (Ефес. 4, 28). А Господь желающему слѣдовать за Нимъ далъ совѣтъ продать все имѣніе на благотвореніе нищимъ, и потомъ уже слѣдовать за Нимъ. Но какъ послѣдователямъ Своимъ и достигшимъ совершенства повелѣваемъ вдругъ и совершенно исполнить дѣло милостыни, чтобы, совершивъ служеніе своимъ имѣніемъ, приступили они къ служенію словомъ и духомъ; такъ прочимъ предписываетъ всегдашнія подаянія и всегдашнее общеніе того, что имѣютъ, чтобы чрезъ это, ставъ жалостливыми или общительными и милостивыми, оказались подражателями Божію человѣколюбію. Ибо говоритъ: „дайте и дастся вамъ“ (Лук. 6, 38). Чрезъ это же самое обѣщалъ имъ и общеніе съ самимъ собою. Ибо милостивые станутъ одесную Господа; имъ скажетъ пришедшій Царь: „пріидите, благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти: возжадахся, и напоисте Мя; нагъ бѣхъ, и одѣясте Мя; страненъ, и введосте Мене; боленъ и въ темницѣ, и пріидосте ко Мнѣ“. Поелику же праведники удивятся и скажутъ: когда мы дѣлали это для Тебя, Господи? Онъ речетъ

имъ аминь, „аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“ (Матѳ. 25, 34—40). Ибо усердіе ко святымъ есть благочестіе предъ Христомъ, и усердный служитель бѣдному оказывается общникомъ Христовымъ, не только если раздаетъ, имѣя у себя что либо великое, но если, и малое пріобрѣтя, отдаетъ это, и если только „чашею студены воды напоитъ“ ученика во имя учителя (Матѳ. 10, 42). Ибо что міръ называетъ скудостію учениковъ, то для тебя, богачъ, есть случай къ пріобрѣтенію истиннаго богатства. Чрезъ нихъ дѣлаешься ты поспѣшникомъ Христовыхъ воиновъ, и питаешь добровольно, а не по принужденію. Небесный Царь не вынуждаетъ, не требуетъ податей, но пріемлетъ усердствующихъ, чтобы подающіе сами получили, оказывающіе честь были почтены, допускающіе другихъ къ общенію временныхъ благъ призваны были въ общеніе благъ вѣчныхъ.

Сіе во всякое время да будетъ у насъ въ памяти и предъ очами душевными, чтобы не пропадало у насъ текущее время, чтобы, пропустивъ настоящее, не ожидать намъ другаго времени, и въ этомъ ожиданіи и отлагательствѣ не быть застигнутыми кончиною! Господь же да даруетъ намъ оказаться благоплодными, бодрственными, памятующими заповѣди Его, готовыми и ничѣмъ незадержанными къ славному срѣтенію Его, о самомъ Христѣ и Богѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Бесѣда 26. Утѣшеніе больному.

Жизнь человѣческая коротка, маловременныя радости многотруднаго житія—паутинная ткань, наружный блескъ жизни—сонъ. Но весьма блаженъ покой праведныхъ; упокоеніе на небесахъ безконечно. Подлинно, это—дары безсмертнаго Щедролюбца! Ибо Чье естество неизмѣняемо, у Того и даяніе нескончаемо. Поэтому здѣшняя борьба праведныхъ временна; а побѣда и тамошнія награды вѣчны.

Въ жизни, какъ въ училищѣ ратоборства трудимся мы, борясь со скорбями; и природѣ нашей много противниковъ. Удовольствія отнимаютъ твердость, роскошь измѣняетъ мужество, уныніе разслабляетъ силы, клеветы наносятъ оскорбленія, лесть прикрываетъ собою злоумышленія, страхъ дѣлаетъ, что падаемъ въ отчаяніе; и въ такомъ-то треволненіи непрестанно обуревается наша природа. Не только горести жизни несносны, но и то самое, что по видимому, пріятно, опечаливаетъ своею превратностію; и мы проходимъ жизнь почти полную скорбей и слезъ. И если угодно тебѣ знать, выслушай описаніе горестей жизни.

Человѣкъ посѣянъ въ утробѣ матерней; но этому сѣянію предшествовала скорбь. Сѣмя брошено въ бразды естества; если только размыслимъ

объ этомъ, то устыдимся началъ рожденія. Брошенное сѣмя измѣнилось въ кровь, кровь одебелѣла въ плоть, плоть со временемъ приняла на себя образъ; образовавшееся непонятнымъ для ума способомъ одушевилось; одушевленное воспиталось естественными средствами; стѣсняемый зародышъ скачетъ, негодуетъ на это узилище естества; но едва наступило время рожденія, распались затворы чревоношенія, отверзлись двери естества, матерняя утроба разрѣшила удерживаемый ею дотолѣ плодъ; выскользнулъ въ жизнь этотъ борецъ скорби, вдохнули въ себя воздухъ эти уста твари; и что же послѣ этого? Первый отъ него звукъ—плачетъ. Достаточно этого, чтобы по началу узнать жизнь. Младенецъ коснулся земли, и не смѣется, но, едва коснувшись, объемлется болѣзнями, и плачетъ. Онъ знаетъ уже, что заброшенъ бурею въ море скорбей. Питается со слезами, сосетъ молоко съ принужденіемъ; достигаетъ возраста, и начинаетъ бояться родителей, или домашнихъ слугъ. Сталъ взрослымъ отрокомъ, и отданъ въ науку учителямъ. Вотъ страхъ, не знающій отдыха! Лѣнится, принимаетъ побои, проводитъ ночи безъ сна, но выучивается, вполнѣ успѣваетъ, заходитъ далеко въ наукахъ, пріобрѣтаетъ добрую о себѣ славу, просвѣщенъ всѣми родами познаній, исполненъ опытности въ законовѣдѣніи, со временемъ достигаетъ мужескаго возраста, посвящаетъ себя военной службѣ. Опять начало еще большихъ скорбей! Боится начальниковъ, подозрѣваетъ злонамѣренныхъ, прилѣпляется къ корысти, вездѣ ея ищетъ, сходитъ съ ума, домогаясь прибыли; неусыпенъ, проводитъ жизнь въ тяжбахъ. Разсчитывая выгоды, оставляетъ родину никѣмъ не влекомый, служитъ невольно, трудится сверхъ силы, проводитъ въ заботахъ ночи, работаетъ неутомимо днемъ, какъ рабъ. Нужда запродала его свободу. Потомъ, послѣ всего этого, послѣ многихъ трудовъ и угожденій, удостоенъ онъ почестей, возведенъ на высоту чиновъ, управляетъ народами, повелѣваетъ войсками, величается, какъ первый сановникъ въ государствѣ, собралъ груды богатства; но съ трудами текло вмѣстѣ и время, съ чинами пришла и старость, и прежде, нежели насладился богатствомъ, отходитъ похищенный изъ жизни, и въ самой пристани терпитъ кораблекрушеніе. Ибо въ слѣдъ за суетными надеждами идетъ смерть, посмѣвающаяся смертнымъ.

Такова жизнь человѣческая—непостоянное море, зыбкій воздухъ, неуловимое сновидѣніе, утекающій потокъ, исчезающій дымъ, бѣгущая тѣнь, собраніе водъ, колеблемое волнами. И хотя буря страшна, плаваніе опасно; однакоже мы—пловцы спимъ безпечно. Страшно и свирѣпо море жизни, суетны надежды, надмевающія подобно бурямъ. Скорби ревутъ, какъ волны; злоумышленія скрываются, какъ подводные камни; враги лаютъ, какъ псы: похитители окружаютъ, какъ морскіе разбойники; приходитъ старость, какъ зима; настоитъ смерть, какъ кораблекрушеніе. Видишь бурю, правь искуснѣе; смотри, какъ плывешь, не затопи ладьи своей, на-

грузивъ ее или богатствомъ, пріобрѣтаемымъ неправдою, или бременемъ страстей.

Поэтому весьма благовременно взываетъ блаженный Павелъ: „есть снисканіе веліе благочестіе“ (1 Тим. 6, 6),—богатство небесное, сокровище таинъ, море премудрости, вѣдѣніе истины, поклоненіе несозданной Троицѣ, зерцало дѣвственной тайны, вѣра непытливая, исповѣданіе избѣгающее изслѣдованій, проповѣдь преподобная, произносимая устами, проникающая чрезъ слухъ, укореняемая въ душѣ и подающая озареніе Троицы.

„Есть снисканіе веліе благочестіе съ довольствомъ“: потому что всего богатѣе довольство, жизнь безъ излишествъ, упокоеніе беззаботное, богатство не вовлекающее въ сѣти, нужда, дающая и послабу, тяжесть безъ скорби, содержаніе нескудное, наслажденіе не посрамляющее. Пріучающіе себя къ довольству избѣгаютъ волненій богатства: ибо богатый всего боится,—боится дней, какъ времени судопроизводствъ, боится вечеровъ, какъ удобныхъ ворамъ, боится ночей, какъ мученій отъ заботъ, боится утренняго времени, какъ доступа къ нему льстецовъ, боится не только времени, но и мѣста. Его приводятъ въ ужасъ нападенія разбойниковъ, злоумышленія воровъ, клеветы притѣснителей, расхищенія сильныхъ, злодѣянія домашнихъ, любопытство доносчиковъ, нечувствительность доправляющихъ взысканія, разсужденія сосѣдей, гнилость стѣнъ, паденіе домовъ, нашествія варваровъ, коварство согражданъ, приговоры судей, потеря того, что имѣетъ, отнятіе того, чѣмъ владѣлъ. О человѣкъ, если такова зима обладанія, то гдѣ же весна наслажденія? „Есть снисканіе веліе благочестіе съ довольствомъ“. Оно не прекращается вмѣстѣ съ настоящею жизнію, говоритъ Апостолъ. Это—стяжаніе безсмертное; съ растратою богатства оно не утрачивается.

Скажи, Павелъ: „ничтоже внесохомъ въ міръ“ (1 Тим. 6, 7). Равночестія при вшествіи въ міръ достаточно къ тому, чтобы изгнать неровность киченія въ общественной жизни. „Ничтоже внесохомъ въ міръ“. Нагими вышли мы изъ матерней утробы. Ничего не имѣя у себя, взошелъ въ міръ ты, корыстолюбецъ; у тебя не было ни золота, потому что оно вырывается изъ земли; ни серебра, потому что не съ тобой посѣяно; ни одеждъ, потому что онѣ—примышленія искусства ткачей; ни помѣстій, которыя воздѣлали богатство и обстроили руки; ни достоинства, кромѣ одного—образа Божія; ни владычества, которое подтачиваетъ время и пожинаетъ смерть. Нагъ взошелъ ты въ міръ: о если бы изъ жизни выйдти тебѣ обнаженнымъ отъ грѣховъ!

„Ничтоже внесохомъ“ въ жизнь, но „ниже изнести что можемъ“. Ужели, Павелъ, ничего не выносимъ мы изъ принадлежащаго къ жизни?—Ничего, развѣ однѣ добродѣтели, ежели упражнялись въ нихъ. Износимъ

цѣломудріе, если цвѣли имъ. Износимъ милостыню, если обогащались ею. Это—споспѣшники души, уды для уловленія жизни. Богатство остается здѣсь, золото расхищается, серебро идетъ въ раздѣлъ, помѣстья продаются, слава забывается, владычество прекращается, страхъ угасаетъ. Съ позорищемъ жизни разрушается и убранство. Итакъ что же? „Имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ“ (1 Тим. 6, 8). Бѣгаю излишняго, какъ безполезнаго, и ищу необходимаго, какъ не подлежащаго осужденію. Богачъ предстаетъ тамъ нагимъ. Если имѣетъ добродѣтели, и тамъ онъ богатъ. А если обнаженъ отъ нихъ, то—вѣчный нищій.

Ничто не богатѣе добродѣтельной нищеты. Петръ нищъ, но взялъ добычу съ смерти. Іоаннъ нищъ, но исправилъ ноги хромаго. Филиппъ нищъ, но въ Сынѣ видѣлъ Отца (Іоан. 14, 9). Матѳей нищъ, потому что оставилъ богатство вмѣстѣ съ хищеніемъ (Лук. 5, 27—28). Ѳома нищъ, но отрылъ некрадомое сокровище—ребро Владыки. Павелъ нищъ, но сталъ наслѣдникомъ рая. Владыка нищъ по плоти; потому что безмѣрно богатъ по Божеству.

Вотъ и сегодня излилъ богатство врачеванія, освободилъ отъ болѣзни тещу Петрову, прикосновеніемъ отгналъ горячку. Не послѣ многихъ посѣщеній воздвигъ страждущую; не видно врачебнаго вещества; уврачеваніе послѣдовало вокругъ. Много истощила она трудовъ, и не было милующаго. Но здѣсь предстаетъ только Врачъ естества, и тѣлесная зима прекратилась.

Посмотри же на то, что наиболѣе чудно. Троихъ уврачевалъ отъ одного и того же,—двухъ мужей и одну жену,—Лазаря, сына вдовицы и дочь Іаирову. И для чего? Слушай; потому что причина сему таинственна. Хотѣлъ показать, что Онъ Владыка закона и благодати; поэтому въ другихъ соблюдаетъ подобный образъ; какъ и тамъ поставилъ трехъ правителей народу—Моисея, Аарона и Маріамъ. Слушай, что Самъ вопіетъ у Пророковъ: „Людіе Мои, что сотворихъ вамъ? Или чимъ оскорбихъ васъ? Отвѣщайте Ми, зане послахъ предъ вами Моѵсея, Аарона и Маріамъ“ (Мих. 6, 3, 4),—Моѵсея въ лицѣ закона, Аарона въ лицѣ Пророковъ, и Маріамъ въ лицѣ Церкви, которую ослѣпила нечистота идоловъ и уврачевало человѣколюбіе Воплотившагося.

Поэтому Церковь, какъ Маріамъ, освободившись отъ мысленнаго Фараона—діавола и отъ владычества демоновъ, и видя, что ветхій человѣкъ, подобно Египту, потопленъ въ морѣ купѣли, взявъ тимпанъ благодаренія и приведя въ согласіе съ древомъ креста, ударяетъ въ струны добродѣтели и восклицаетъ: „поимъ Господи; славно бо прославися“ (Исх. 16, 1). Сошелъ съ неба, и не отлучился отъ Отца; родился въ вертепѣ, и не сошелъ съ престола; возлегъ въ ясляхъ, и не оставилъ Отчихъ нѣдръ; ро-

дился, воплотившись отъ Дѣвы, и какъ Богъ, былъ безъ отца; снисшелъ, и не отлучился отъ горнихъ; взошелъ, и не содѣлалъ прибавленія въ Троицѣ; въ образѣ раба явился, и не утратилъ равночестія со Отцемъ, но есть Слово, и Образъ (εἰκὼν и χαρακτὴρ), и Сіяніе;—Слово, ибо никогда неотдѣленъ отъ ума; Образъ (εἰκὼν), не изъ воска вылитый кругъ, но печать равнообразная; Сіяніе, ибо свѣтъ совѣченъ солнцу; Образъ (χαρακτὴρ); потому что „видѣвый Сына, видѣ Отца“ (Іоан. 14, 9). Ему слава и держава съ единороднымъ Его Сыномъ, и животворящимъ его Духомъ, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

О ПОДВИЖНИЧЕСТВѢ.

О судѣ Божіемъ[1])

По милосердію и человѣколюбію благаго Бога, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, по дѣйствію Святаго Духа, избавленный отъ языческаго заблужденія, отъ предковъ унаслѣдованнаго,—издавна и съ самаго начала воспитанный христіанскими родителями, отъ нихъ съ дѣтства изучалъ я и священныя письмена, ведущія меня къ познанію истины. Когда же сталъ я мужемъ; тогда, предпринимая частыя путешествія и, какъ естественно, знакомясь съ очень многимъ, въ другихъ искусствахъ и наукахъ замѣтилъ великое согласіе у людей, тщательно занимающихся тѣмъ или другимъ; въ одной только Церкви Божіей, за которую Христосъ умеръ и на которую обильно излилъ Духа святаго, видѣлъ я у многихъ великое и чрезвычайное разногласіе, какъ между собою, такъ и съ божественными Писаніями; и, что всего ужаснѣе, сами предстоятели Церквей настолько разногласятъ между собою въ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ, допускаютъ столько противнаго заповѣдямъ Господа нашего Іисуса Христа, такъ безжалостно раздираютъ Церковь Божію, такъ нещадно возмущаютъ стадо Его, что, если когда, то именно теперь, съ появленіемъ Аномеевъ, исполняется на нихъ сказанное: „отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе“ (Дѣян. 20, 30).

Видя сіе и подобное сему, притомъ недоумѣвая, какая причина такого зла, и откуда она, сначала жилъ я какъ бы въ глубокой тьмѣ, или какъ на вѣсахъ колебался то туда, то сюда; потому что всякій по своему то привлекалъ меня къ себѣ по причинѣ долговременнаго обращенія съ людьми, то отталкивалъ отъ себя, по причинѣ дознаваемой изъ божественныхъ Писаній истины. Когда же долгое время находился я въ такомъ состояніи и

---

[1]) Сіе и послѣдующее за симъ слово, подъ заглавіемъ: „о вѣрѣ“, составляютъ какъ бы введеніе въ Нравственныя Правила, напечатанныя уже въ началѣ II-го тома Твореній св. Василія Великаго настоящаго изданія.

доискивался причины, о которой упомянулъ: пришла мнѣ на память книга Судей, которая повѣствуетъ, что „кійждо еже право предъ очима его творяше“, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняетъ и причину сего, сказавъ напередъ: „въ тыя дни не бяше царя во Израили“ (Суд. 17. 6). Припомнивъ же это, и о настоящемъ я подумалъ то, что страшно, можетъ быть, и странно выговорить, но должно признать весьма справедливымъ, а именно: не въ слѣдствіе ли отступленія отъ единаго и великаго, истиннаго и единственнаго Царя всяческихъ и Бога и нынѣ происходитъ такое разногласіе и распря между членами Церкви, когда каждый отступаетъ отъ ученія Господа нашего Іисуса Христа, самовольно защищаетъ какія-то собственныя сужденія и опредѣленія и хочетъ лучше начальствовать вопреки Господу, нежели быть подъ начальствомъ у Господа? Разсудивъ такъ и ужаснувшись крайней степени нечестія, я, продолжая свое изслѣдованіе, и изъ житейскихъ дѣлъ одинаково убѣдился въ томъ, что вышесказанная причина истинна. Я увидѣлъ, что всякое благочиніе и согласіе между многими до тѣхъ поръ держатся съ успѣхомъ, пока сохраняется общая всѣхъ благопокорность одному какому нибудь начальнику; а всякое разногласіе и раздоръ, также многоначаліе бываютъ слѣдствіемъ безначалія. Видалъ я иногда, что и рой пчелъ, по закону природы, имѣетъ у себя вождя и чинно слѣдуетъ за собственнымъ царемъ. Подобнаго сему много и видѣлъ я, много и слышалъ, но еще болѣе моего знаютъ занимавшіеся этимъ; такъ что и изъ этого обнаруживается истина сказаннаго. Ибо, если тѣмъ, которые внимаютъ одному мановенію и имѣютъ одного царя, свойственны благочиніе и согласіе; то всякое разногласіе и раздоръ—признакъ безначалія. На томъ же основаніи и встрѣчаемое у насъ такое разногласіе какъ съ заповѣдями Господними, такъ и въ отношеніи другъ къ другу, можетъ служить уликою или въ отступленіи отъ истиннаго Царя, по сказанному: „точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ“ (2 Сол. 2, 7), или въ отреченіи отъ Него, по сказанному: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“,—къ чему, какъ нѣкоторый признакъ, или доказательство, присовокуплено: „растлѣша и омерзишася въ начинаніихъ“ (Пс. 13, 1).

Итакъ здѣсь слово показало, что какъ бы признакомъ подобнаго нечестія, тайно гнѣздящагося въ душѣ, бываютъ явно обнаруживающіеся пороки. И блаженный Апостолъ Павелъ, чтобы людей, не погубившихъ сердца, тѣмъ сильнѣе привести въ страхъ судовъ Божіихъ, утверждаетъ, что именно на это (пороки) вмѣсто наказанія осуждаются вознерадѣвшіе объ истинномъ боговѣдѣніи. Ибо что говоритъ? „И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная, исполненныхъ всякія неправды, лукавства, лихоиманія, злобы, исполненныхъ зависти“ и прочаго (Рим. 1, 28. 29). И думаю, что Апостолъ не отъ себя выдумалъ этотъ судъ, потому что имѣлъ въ себѣ глаголю-

щаго Христа, но наведенъ на мысль тѣмъ Его изреченіемъ, въ которомъ говоритъ, что „сего ради въ притчахъ“ глаголетъ народу, да не разумѣютъ Божественныхъ таинъ евангелія. потому что сами напередъ „очи свои смѣжиша, и ушима тяжко слышать, и отолстѣ“ неразумное „сердце ихъ“ (Матѳ. 13, 13. 15). Такимъ образомъ въ видѣ наказанія страдаютъ слѣпотою въ важнѣйшемъ тѣ, которые еще прежде омрачились, произвольно ослѣпивъ свое душевное око. Сему-то страшась подвергнуться, Давидъ говорилъ: „просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть“ (Псал. 12, 4). Изъ сего и подобнаго сему выводилъ я то ясное заключеніе, что вообще порочность страстей происходитъ отъ незнанія Бога или отъ знанія неправаго; собственно же разногласіе многихъ между собою бываетъ отъ того, что сами себя дѣлаемъ недостойными Господня надъ нами попеченія.

Къ разсмотрѣнію же таковой жизни, если и хотѣлъ я иногда приступить, то не могъ измѣрить великости подобнаго безчувствія, или неразумія, или безумія, или по чрезмѣрности порока, или и сказать не умѣю, почему. Ибо, если находимъ, что и у безсловесныхъ взаимное между ними согласіе такъ хорошо поддерживается ихъ благопокорностію вождю, что скажемъ мы, находящіеся и въ такомъ раздорѣ между собою, и въ такомъ несогласіи съ заповѣдями Господними? Какъ не подумаемъ, что все сіе нынѣ предлагается всеблагимъ Богомъ въ наше наученіе и назиданіе, а въ великій и страшный день суда обращено будетъ въ посрамленіе и осужденіе непокорныхъ Тѣмъ, Кто сказалъ уже и всегда говоритъ: „позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли господина своего: Израиль же Мене не позна, и людіе Мои не разумѣша“ (Исаіи 1, 3), и многое другое сему подобное? А то, о чемъ говоритъ Апостолъ? „аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди; аще славится единъ удъ, съ нимъ радуются вси уди“ (1 Кор. 12, 26), и еще: „да не будетъ распри въ тѣлеси, но да тожде въ себѣ пекутся уди“ (25), очевидно движимые одною обитающею въ нихъ душею,—для чего такъ устроено? Для того, думаю, чтобы подобный порядокъ и благочиніе еще болѣе сохранялись въ Церкви Божіей, которой сказано: „вы же есте тѣло Христово и уди отъ части“ (1 Кор. 12, 27); потому, конечно, что въ ней содержитъ и сочетаваетъ каждый членъ въ единомысліи съ другимъ единая и истино единственная Глава, которая есть Христосъ. А если у кого не соблюдается единомысліе, не оберегается союзъ мира, не сохраняется кротость въ духѣ, находятся же раздѣленіе, распря и зависть: то очень дерзко было бы назвать таковыхъ членами Христовыми, или сказать, что они подъ управленіемъ Христовымъ; но въ простотѣ сердца смѣло можно утверждать, что тамъ владычествуетъ и царствуетъ мудрованіе плотское, по изреченію Апостола, который въ одномъ мѣстѣ говоритъ опредѣленно: „емуже представляете себѣ рабы въ послушаніе, раби есте, егоже послушаете“ (Рим. 6, 16); а въ другомъ ясно перечисляетъ свойства

таковаго мудрованія, когда говоритъ: „идѣже бо въ васъ зависти и рвенія и распри, не плотстіи ли есте?“ (1 Кор. 3, 3); и вмѣстѣ положительно учитъ, что конецъ ихъ тягостенъ, и что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ богочестіемъ; именно, говоря: „мудрованіе плотское вражда на Бога: закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ“ (Рим. 8, 7); ибо говоритъ Господь, „никтоже можетъ двѣма господинома работати“ (Матѳ. 6, 24).

Потомъ, поелику самъ Единородный Сынъ Божій, Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, Которымъ все приведено въ бытіе, вопіетъ: „снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца“ (Іоан. 6, 38), и: „о Себѣ нечесоже творю“ (8, 28), и: Я заповѣдь принялъ, „чтореку, и что возглаголю“ (12, 49); и поелику Духъ Святый, хотя и раздѣляетъ великія и чудесныя дарованія и все во всѣхъ дѣйствуетъ, однакоже ничего не глаголетъ отъ Себя, „но елика аще услышитъ“ отъ Господа, то и глаголетъ (Іоан. 16, 13): то не тѣмъ ли паче необходимо всей Церкви Божіей тщательно „блюсти единеніе духа въ союзѣ мира“ (Ефес. 4, 3), исполнять сказанное въ Дѣяніяхъ: „народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина“ (Дѣян. 4, 32); то есть, когда никто не слѣдовалъ собственной волѣ, но всѣ въ единомъ Святомъ Духѣ сообща искали воли единаго Господа Іисуса Христа, сказавшаго: „снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца“ (Іоан. 6, 38), Которому и говоритъ: „не о сихъ же молю токмо, но и о вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя, да вси едино будутъ“ (Іоан. 17, 20. 21)? Изъ сихъ и многихъ другихъ, умалчиваемыхъ мною, мѣстъ, ясно и безпрекословно увѣрившись, что для всей совокупно Церкви Божіей необходимо согласіе по волѣ Христовой въ Духѣ Святомъ, опасна же и пагубна во взаимномъ раздорѣ непокорность Богу (ибо сказано, что не покаряющійся Сыну „не узритъ живота, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ“ (Іоан. 3, 36), почелъ я приличнымъ изслѣдовать и то: какіе грѣхи могутъ имѣть извиненіе у Бога? въ чемъ и сколько разъ согрѣшивъ, человѣкъ дѣлается повиннымъ осужденію въ непокорности?

Итакъ, взявъ Божественныя Писанія, въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ нахожу, что непокорность Богу ясно поставляется не во множествѣ и не въ важности грѣховъ, но въ одномъ преступленіи какого бы то ни было повелѣнія, и что за всякое преступленіе судъ Божій равенъ.

Въ ветхомъ завѣтѣ читаю страшный этотъ конецъ Ахара (Іис. Нав. 7), или исторію о собиравшемъ дрова въ субботу (Числ. 15, 32—36), изъ которыхъ тотъ и другой никогда въ другое время не оказывается вовсе ни противъ Бога грѣшившимъ, ни людей обижавшимъ во многомъ или въ маломъ. Но одинъ изъ нихъ за однократное и первое собираніе дровъ несетъ неизбѣжное наказаніе, не находя и мѣста покаянію; ибо тотчасъ по Божію повелѣнію всенародно побивается камнями. А другой, за то един-

ственно, что взялъ нѣчто „отъ клятвы“ (ст. 11), не внесенное еще въ сонмище, не принятое тѣми, которые поставлены были надъ подобными вещами, сдѣлался причиною погибели не только себѣ, но и женѣ, и дѣтямъ, и самой даже кущѣ со всею собственностію. Зло грѣха, подобно огню, готово уже было истребить и весь народъ, который притомъ и не зналъ случившагося, и не былъ въ участіи съ согрѣшившимъ, если бы вскорѣ, вслѣдствіе того, что пали убитыми мужи (ст. 5), народъ, ощутивъ гнѣвъ Божій, не пришелъ въ сокрушеніе, а самъ Іисусъ Навинъ съ старцами не палъ на землю, посыпавъ главу перстію, и затѣмъ виновный, открытый жребіемъ, не понесъ сказанной выше казни.

Иный скажетъ, можетъ быть, что „людей сихъ справедливо можно подозрѣвать и въ другихъ грѣхахъ, изъ-за которыхъ они уличены и въ грѣхахъ поименованныхъ; святое же Писаніе упомянуло только о послѣднихъ, о болѣе тяжкихъ и достойныхъ смерти“. Но если таковый и крайне будетъ смѣлъ на то, чтобы одно прибавлять въ Писаніи, а другое убавлять; то неужели обвинитъ во множествѣ грѣховъ и Маріамъ, сестру Моvсееву, добродѣтель которой, думаю, всякому изъ вѣрныхъ небезъизвѣстна? Поелику она сказала нѣчто противъ Моvсея въ осужденіе его, и притомъ сказала правду, потому что пишется: „жену“ себѣ „поя Еѳіоплянину“ (Числ. 12, 1): то испытала на себѣ такой гнѣвъ Божій, что и по ходатайству самого Моvсея не отмѣнено ей наказаніе за грѣхъ. А когда вижу, что самъ Моvсей, рабъ Божій столь великій мужъ, удостоившійся отъ Бога такой высокой чести, о которомъ самъ Богъ многократно свидѣтельствовалъ, такъ что онъ сподобился услышать: „вѣмъ тя паче всѣхъ, и обрѣлъ еси благодать предо Мною“ (Исх. 33, 17); когда вижу, что и онъ, при водѣ пререканія, не за что либо иное, а за то единственно, что ропщущему на недостатокъ воды народу сказалъ: „еда изъ камени сего изведемъ вамъ воду?“ (Числ. 20, 10), за это одно тотчасъ услышалъ угрозу, что не войдетъ въ обѣтованную землю, которая тогда была для Іудеевъ главнымъ изъ обѣтованій; когда вижу, что онъ молится, и не получаетъ прощенія; когда вижу, что и ради такихъ заслугъ не удостоивается никакого извиненія за краткое сіе изреченіе: тогда дѣйствительно усматриваю, по слову Апостола, „непощадѣніе Божіе“ (Рим. 11, 22), дѣйствительно увѣряюсь въ истинѣ сказаннаго: „аще праведникъ едва спасется, нечестивый и грѣшный гдѣ явится“ (1 Петр. 4, 18)?

И что говорю сіе? Когда слышу тотъ страшный Божій приговоръ, который объявляется человѣку, по невѣдѣнію преступившему одну только заповѣдь: не знаю, какъ въ должной мѣрѣ убояться величія гнѣва. Ибо написано: „и душа аще согрѣшитъ, и сотворитъ едину отъ всѣхъ заповѣдей Господнихъ, ихже не лѣть есть творити, и не увѣдѣ, и согрѣшитъ, и пріиметъ грѣхъ свой, да принесетъ овна непорочна отъ овецъ, цѣною сребра

грѣха ради, къ жрецу; и да помолится о немъ жрецъ, о невѣдѣніи его, егоже не вѣдѣ, и самъ не вѣдяше, и оставится ему: согрѣши бо согрѣшеніемъ предъ Господемъ" (Лев. 5, 17—19). Если же такъ неумолимъ судъ за грѣхи по невѣдѣнію, и необходима жертва для очищенія, которую, какъ засвидѣтельствовано, приносилъ за сыновей даже праведный Іовъ: что сказать о согрѣшающихъ въ вѣдѣніи или о тѣхъ, которые подобныхъ людей оставляютъ въ покоѣ?

И чтобы не подумали, будто бы по вѣроятнымъ только догадкамъ дѣлаю заключеніе о гнѣвѣ Божіемъ на сихъ людей, нужно опять вспомнить богодухновенное Писаніе, которое въ настоящемъ случаѣ и одной историей достаточно изображаетъ судъ надъ таковыми. Сказано: „сынове Иліи жерца, сынове погибельніи" (1 Цар. 2, 12). Поелику же отецъ не строго наказывалъ таковыхъ сыновей: сіе на такой подвигнуло гнѣвъ долготерпѣніе Божіе, что, когда возстали иноплеменники, эти сыновья его были убиты въ одинъ день на войнѣ, весь народъ побѣжденъ, много людей пало и съ ковчегомъ святаго Божія завѣта случилось то, чего прежде никогда не слыхали,—тотъ ковчегъ, къ которому прикасаться Израильтянамъ не позволялось, даже и священникамъ позволено было не всѣмъ и не всегда, и который могло вмѣщать въ себѣ не всякое безъ разбора мѣсто, — сей самый ковчегъ нечестивыми руками переносимъ былъ туда и сюда и поставляемъ былъ не во Святомъ, а въ храмахъ идольскихъ, при чемъ, можно себѣ представить, сколько было отъ иноплеменниковъ посмѣянія и посрамленія и самому имени Божію! Сверхъ того, какъ написано, и самъ Илій потерпѣлъ самую жалкую кончину, выслушавъ угрозу, что даже и потомство его будетъ лишено священническаго сана; что и сбылось. Вотъ что случилось съ народомъ! Вотъ что за беззаконія дѣтей потерпѣлъ отецъ, который, впрочемъ, въ собственной своей жизни ни въ чемъ никогда не былъ обвиненъ, да и сыновей своихъ не оставлялъ въ покоѣ, но много увѣщавалъ ихъ, чтобы они не продолжали подобныхъ дѣлъ, говоря: „ни, чада, ни: не благъ слухъ, егоже азъ слышу о васъ" (1 Цар. 2, 24)! Даже въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ доказывая великость грѣха, представлялъ имъ болѣе страшную опасность; ибо говорилъ: „аще согрѣшая согрѣшитъ мужъ мужеви, помолятся о немъ ко Господу: аще же" Богу „согрѣшитъ, кто помолится о немъ" (25)? Впрочемъ, поелику, какъ сказалъ я, не показалъ надлежащей ревности противъ сыновей, то и случилось описанное выше.

Весьма много нахожу въ ветхомъ завѣтѣ подобныхъ судовъ надъ всякимъ преслушаніемъ; но, когда обращаюсь къ новому завѣту, гдѣ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не освобождаетъ отъ наказанія даже грѣховъ по невѣдѣнію, а противъ грѣховъ вѣдомыхъ еще сильнѣе выражаетъ угрозу, говоря: „той же рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не уготовавъ" себѣ, „ни сотворивъ по воли его, біенъ будетъ много: не вѣдѣвый же, со-

творивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало“ (Лук. 12, 47. 48); когда нахожу подобные приговоры самого единороднаго Сына Божія, вижу негодованіе святыхъ Апостоловъ на согрѣшающихъ, вижу, что такія и столь великія бѣдствія согрѣшившихъ въ чемъ-нибудь одномъ не меньше описанныхъ въ ветхомъ завѣтѣ, но еще и больше: тогда познаю всю строгость суда. Ибо „емуже предаша множайше, множайше истяжутъ отъ него“ (Лук. 12, 48). Вотъ что говоритъ и блаженный Павелъ, показывая вмѣстѣ и достоинство званія, и негодованіе на всякій грѣхъ; „оружія бо воинства нашего не плотская, но сильна Богомъ на разореніе твердемъ: помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій, и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово“; и даже не сіе только, но „и въ готовности имуще отмстити всяко преслушаніе“ (2 Кор. 10, 4—6).

Изъ сего тщательнѣе вникнувшій въ каждое слово точнѣе можетъ узнать намѣреніе Божественнаго Писанія, то есть, что оно не дозволяетъ намъ, чтобы душа каждаго изъ насъ, будучи поползновенна ко грѣху, вводила себя въ заблужденіе какими-то обманчивыми мнѣніями, думая, что иные грѣхи наказываются, а иные оставляются безъ наказанія. Но что говоритъ (Павелъ)?—„Помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій“, такъ что всякій грѣхъ, по причинѣ презрѣнія къ Божію повелѣнію, называется „возношеніемъ, взимающимся на разумъ Божій; что яснѣе выражается и въ книгѣ Числъ. Ибо, когда Богъ, исчисливъ непроизвольные грѣхи и установивъ за нихъ жертвы, восхотѣлъ уже дать народу надлежащіе законы касательно грѣховъ произвольныхъ, тогда начинаетъ такъ: „и душа, яже сотворитъ рукою гордости“ („рукою“ же „гордости“ называетъ дерзость согрѣшающихъ произвольно, что Апостолъ именуетъ „возношеніемъ, взимающимся на разумъ Божій“), итакъ, говоритъ, „душа яже сотворитъ рукою гордости отъ туземецъ, или отъ пришельцевъ; Бога сія разгнѣваетъ, и потребится душа та отъ людей своихъ: яко слово Господне презрѣ, и заповѣди Его разсыпа, сотреніемъ да сотрется душа та; грѣхъ ея на ней“ (Числъ 15, 30, 31).

Здѣсь должно замѣтить то, что, если не „сотрется сотреніемъ душа та, грѣхъ ея“ не „на ней“ только, но и на тѣхъ, которые не показали благой ревности, какъ во многихъ мѣстахъ о томъ писано, и какъ многократно бывало. И чтобы изъ меньшаго научиться намъ страху въ большемъ, посмотримъ, какъ во Второзаконіи гнѣвается (Богъ) на преслушавшихъ священника или судію. Ибо говоритъ: „и человѣкъ, иже сотворитъ въ гордости еже не послушати жерца предстоящаго служити во имя Господа Бога твоего, или судіи, иже въ тыя дни будетъ: да умретъ человѣкъ той, и да измеши злое отъ Израиля: и вси людіе услышавше убоятся, и не будутъ нечествовати ктому“ (Втор. 17, 12—13). И сіе надобно имѣть

въ виду, чтобы человѣкъ, въ должной мѣрѣ впечатлительный, поражался большимъ ужасомъ.

Потомъ Апостолъ говоритъ: „и плѣняюще всякъ разумъ въ послушаніе Христово,—всякъ разумъ“, а не тотъ или другой; и „въ готовности имуще отмстити“,—и здѣсь опять не то или другое, но „всяко преслушаніе“. Слѣдовательно обманываетъ насъ эта злѣйшая привычка; слѣдовательно причиною великихъ бѣдъ служитъ для насъ это превратное человѣческое преданіе, которое однихъ грѣховъ отвращается, а другіе допускаетъ равнодушно; на иные, какъ напримѣръ на убійство, прелюбодѣяніе и тому подобные грѣхи, представляется сильно негодующимъ, а иные, какъ напримѣръ гнѣвъ, злословіе, пьянство, любостяжаніе и другіе тому подобные, не почитаетъ достойными и простаго выговора, между тѣмъ какъ и на сіи послѣдніе во Христѣ глаголющій Павелъ и въ другомъ мѣстѣ произнесъ тотъ же приговоръ, сказавъ, что „таковая творящіи достойни смерти суть“ (Рим. 1, 32). А гдѣ „всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій“ низлагается, „и всякъ разумъ“ плѣняется „въ послушаніе Христово“, и всякое преслушаніе равно наказуется, тамъ ничто не оставляется неочищеннымъ, ничто—не остается внѣ послушанія Христова. Ибо Апостолъ Павелъ показалъ, что всякое преслушаніе есть вообще величайшее нечестіе, сказавъ слѣдующее: „иже въ законѣ хвалится, преступленіемъ закона Бога безчествуеши“ (Рим. 2, 23).

Но не одни ли это слова, а не дѣла? И такъ вотъ: въ Коринѳѣ, имѣвшій жену отцову и ни въ чемъ другомъ кромѣ сего не обвиненный, не только самъ предается „сатанѣ во изможденіе плоти“, пока не загладитъ прегрѣшенія достойными плодами покаянія, но и вся вмѣстѣ Церковь, за то, что не наказала за грѣхъ, подвергается тѣмъ-же обвиненіямъ: „что хощете? съ палицею ли пріиду къ вамъ?“ (1 Кор. 4, 21), и вскорѣ потомъ: „и вы разгордѣсте, и не паче плакасте, да изместся отъ среды васъ содѣявый дѣло сіе“ (5, 2). А Ананія, упоминаемый въ Дѣяніяхъ (гл. 5), какое другое злое дѣло совершилъ, кромѣ описаннаго тамъ? За что же оказывается достойнымъ такого гнѣва? Продавъ собственное имѣніе, принесъ онъ деньги и положилъ къ ногамъ Апостоловъ, утаивъ нѣсколько цѣны, и за сіе въ тотъ же часъ, вмѣстѣ съ женою, наказывается смертію, не удостоившись выслушать словъ о покаяніи во грѣхѣ, не имѣя времени прійдти о немъ въ сокрушеніе, не получивъ отсрочки на покаяніе. А исполнитель сего страшнаго суда, служитель такого гнѣва Божія на согрѣшившаго, блаженный Петръ, который былъ предпочтенъ всѣмъ ученикамъ, который одинъ болѣе другихъ былъ отличаемъ и ублажаемъ, которому ввѣрены ключи царства небеснаго, когда слышитъ отъ Господа: „аще не умыю тебе, не имаши части со Мною“ (Іоан. 13, 8), какого, даже и каменнаго, сердца не убѣдитъ страшиться и трепетать судовъ Божіихъ? И

это слышитъ тотъ, кто не показалъ и вида грѣха и презрѣнія; напротивъ того воздалъ самую высокую честь Господу, и показалъ почтительность, свойственную рабу и ученику. Ибо, видя, что его и общій всѣхъ Богъ и Господь, и Царь, и Владыка, и Учитель, и Спаситель, и все вмѣстѣ, препоясывается полотенцемъ, подобно служителю, и хочетъ омывать ноги его, тотчасъ, какъ бы пришедши въ сознаніе своего недостоинства и пораженный достоинствомъ Приходящаго, воскликнулъ: „Господи? Ты ли мои умыеши нозѣ?“ и еще: „не умыеши ногу моею во вѣки“ (Іоан. 13, 6. 8). И за сіе слышитъ такую угрозу, что, если бы, сознавъ опять истину словъ Господнихъ, не ускорилъ исправить прекословія послушаніемъ, то къ уврачеванію настоящей его непокорности было бы не достаточно всего предшествовавшаго, и собственныхъ его заслугъ, и Господнихъ ублаженій, даровъ и обѣтованій, и самаго откровенія о толикомъ благоволеніи Бога и Отца къ единородному Сыну.

Но если пожелаю собрать все, что нахожу въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ: то скоро не достанетъ у меня времени, чтобы пересказать это. Когда уже перехожу къ самымъ изреченіямъ Господа нашего Іисуса Христа въ Евангеліи, къ глаголамъ Того, Кто будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, къ глаголамъ, которые для вѣрующихъ достовѣрнѣе всякой исторіи и всякаго другаго доказательства: познаю изъ нихъ великую, такъ скажу, необходимость благопокорности во всемъ Богу, но совсѣмъ не вижу, чтобы въ какомъ либо случаѣ оставалось извиненіе не раскаявающимся въ непокорности, если только при столь открытыхъ, ясныхъ и рѣшительныхъ изреченіяхъ позволительно отважиться—хотя помыслить о чемъ другомъ. Ибо говоритъ: „небо и земля мимоидетъ; словеса же Моя не мимоидутъ“ (Матѳ. 24, 35). Нѣтъ здѣсь различія, нѣтъ раздѣленія, вовсе никакого не сдѣлано исключенія. Не сказалъ: тѣ или другія слова; но „словеса Моя“, то есть, всѣ въ совокупности, „не мимоидутъ“. Ибо написано: „вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ“ (Псал. 144, 13), запрещаетъ ли что или повелѣваетъ, обѣщаетъ ли, или угрожаетъ, какъ за содѣланіе запрещеннаго, такъ за опущеніе предписаннаго.

А что наравнѣ съ содѣланіемъ зла наказываетъ и опущеніе добрыхъ дѣлъ, душѣ, не вовсе недугующей невѣріемъ, достаточное въ томъ доказательство и удостовѣреніе упомянутый выше судъ надъ Петромъ, который не что либо запрещенное сдѣлалъ, и не заповѣдь какую либо не исполнилъ, чѣмъ обличилось бы нерадѣніе или презрѣніе не исполнившаго, а только изъ благоговѣнія не соглашаясь принять услугу и честь отъ Владыки, услышалъ такую угрозу, которой не избѣжалъ бы, если бы, какъ сказано выше, не предупредилъ гнѣва скоростію и ревностію въ исправленіи. По крайней мѣрѣ, поелику благій и милосердый Богъ, будучи къ намъ долготерпѣливъ, благоволилъ одно и то же показать намъ многократно и во

многихъ примѣрахъ, чтобы душа, возбуждаемая и поражаемая многими и непрестанными вразумленіями, хотя со временемъ могла избавиться отъ долговременнаго навыка къ беззаконію: въ настоящемъ случаѣ нужно упомянуть только сказанное о тѣхъ, которые въ великій и страшный день суда станутъ ошуюю Господа нашего Іисуса Христа; о нихъ Пріявшій отъ Отца всю власть суда, Пришедшій „во свѣтѣ привести тайная тьмы, и объявить совѣты сердечныя“ (1 Кор. 4, 5), сказалъ: „идите отъ Мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его“ (Матѳ. 25, 41), и присовокупилъ причину, говоря: не потому, что вы убивали или блудили, или лгали, или кого нибудь обижали, или дѣлали что иное изъ запрещеннаго, хотя бы и маловажное. Но почему? Потому что нерадѣли о добрыхъ дѣлахъ. „Взалкахся бо“, говоритъ „и не дасте Ми ясти: возжадахся, и не напоисте Мене: страненъ бѣхъ, и не введосте Мене: нагъ, и не одѣясте Мене: боленъ, и въ темницѣ, и не посѣтисте Мене“ (42, 43).

Іо благодати благаго Бога, хотящаго „всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумъ истины пріити“ (1 Тим. 2, 4) и учащаго „человѣка разуму“ (Псал. 93, 10), познавъ сіе и подобное сему изъ богодухновенныхъ Писаній, постигнувъ ужаснѣйшую причину таковаго разногласія многихъ и другъ съ другомъ, и съ заповѣдями Господа нашего Іисуса Христа, наставленный о страшномъономъ судѣ за такое беззаконіе, наученный и тому, что всякое преслушаніе всякаго Божія суда равно наказывается, и еще познавъ страшный оный судъ надъ тѣми, которые хотя не грѣшили, однако-жъ подпали гнѣву, потому-что не показали доброй ревности противъ грѣшившихъ, хотя часто и не сознавали сего грѣха, почелъ я за нужное, хотя и поздно (потому что всегда ожидалъ подъявшихъ этотъ самый подвигъ благочестія и не полагался на себя одного), впрочемъ, можетъ быть, и не безвременно, собравъ изъ богодухновенныхъ Писаній, и что не угодно Богу, и чѣмъ Онъ благоугождается, предложить сіе нынѣ, по мѣрѣ силъ и по общему желанію въ напоминаніе подвизающимся подвигомъ богочестія, чтобы намъ, по благодати Господа нашего Іисуса Христа и по наученію Святаго Духа, отставъ отъ навыка творить собственную волю и соблюдать преданія человѣческія, сообразуясь же съ „благовѣстіемъ блаженнаго Бога“ Іисуса Христа Господа нашего, въ настоящее время поживъ благоугодно Ему (1 Тимоѳ. 1, 11) усильнымъ удаленіемъ отъ запрещеннаго и ревностнымъ попеченіемъ о похвальномъ, въ будущемъ вѣкѣ удостоиться безсмертія, избѣжать „гнѣва“, грядущаго „на сынов противленія“ (Кол. 3, 6), удостоиться оказаться достойными вѣчной жизни и небеснаго царствія, обѣтованнаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ всѣмъ „хранящимъ завѣтъ Его, и помнящимъ заповѣди Его творити я“ (Псал. 102, 18). Помня же, что Апостолъ сказалъ: „о Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію поспѣшествуема“

(Гал. 5, 6), за приличное и вмѣстѣ за нужное почелъ я изложить сперва здравую вѣру и благочестивое ученіе объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, а къ сему присовокупить и нравственныя правила.

О вѣрѣ.

По благодати благаго Бога, узнавъ достойное любви къ Богу о Христѣ требованіе вашего благоговѣнія, которымъ домогались вы у меня письменнаго исповѣданія благочестивой вѣры, хотя сперва, сознавая свое смиреніе и немощь, медлилъ я отвѣтомъ, однакожъ, какъ скоро вспомнилъ Апостола сказавшаго: „терпяще другъ другу любовію“ (Еф. 4, 2), и еще: „сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе“ (Рим. 10, 10), почелъ не безопаснымъ, какъ отказать вамъ, такъ и предать молчанію спасительное исповѣданіе, имѣя, по написанному, „надѣяніе Христомъ къ Богу: не яко довольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога, Иже“ тогда ихъ, а нынѣ, и это ради васъ, и насъ, „удоволи служители быти нову завѣту не письмене, но духу“ (2 Кор. 3, 4—6).

Вѣрному же служителю, какъ, безъ сомнѣнія, сами знаете, свойственно—все то, что ввѣрено ему благимъ Владыкою на благоустроеніе сослужителей, сохранять для нихъ безъ обмана и лжи. Потому и я, чему научился изъ богодухновеннаго Писанія, то въ угожденіе Богу обязанъ предложить вамъ къ общей пользѣ. Ибо, если самъ Господь, о „Немже благоволи“ Отецъ (Матѳ. 3, 17), „въ Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна“ (Кол. 2, 3), пріявшій отъ Отца всякую власть и весь судъ, говоритъ: „заповѣдь даде мнѣ, что реку и что возглаголю“; и еще: „яже убо Азъ глаголю, якоже рече Мнѣ Отецъ, тако глаголю“ (Іоан. 12, 49. 50); и если Духъ Святый „не отъ Себе“ глаголетъ, „но елика аще услышитъ“ отъ Него, „сіе“ глаголетъ (Іоан. 16, 13); то кольми паче намъ благочестиво, и вмѣстѣ безопасно, такъ думать и дѣлать во имя Господа нашего Іисуса Христа. Пока надлежало бороться съ возникавшими по временамъ ересями, слѣдуя предшественникамъ, почиталъ я приличнымъ, смотря по различію посѣваемаго діаволомъ нечестія, останавливать или низлагать распространяемыя хулы опроверженіями, и употреблялъ, какъ вынуждала къ тому потребность недугующихъ, тѣ и другія изреченія, часто и такія, которыхъ нѣтъ въ Писаніи, но которыя, впрочемъ, не чужды благочестивому смыслу Писанія; потому-что и Апостолъ не отказывался, для собственной своей цѣли, употреблять не рѣдко и языческія изреченія. А теперь почелъ я сообразнымъ съ общею моею и вашею цѣлію требованіе вашей во Христѣ любви исполнить въ простотѣ здравой вѣры, говоря то одно, чему наученъ богодухновеннымъ Писаніемъ, какъ

остерегаясь тѣхъ именъ и изреченій, которыя не находятся буквально въ Божественномъ Писаніи, хотя и сохраняютъ мысль, содержащуюся въ Писаніи, такъ отъ словъ, которыя будучи не употребительны въ Писаніи буквально, подаютъ еще намъ и странную мысль, и которыхъ нельзя найдти въ проповѣди святыхъ, совершенно отказываясь, какъ отъ странныхъ и чуждыхъ благочестивой вѣрѣ.

Вѣра есть несомнѣнное согласіе на то, что выслушано съ удостовѣреніемъ въ истинѣ проповѣданнаго, по благодати Божіей; такую вѣру показалъ Авраамъ, о которомъ засвидѣтельствовано, что „не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богови: и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити“ (Рим. 4, 20. 21). Если же „вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Своихъ“ (Псал. 144, 13), „вѣрны вся заповѣди Его, утвержены въ вѣкъ вѣка, сотворены во истинѣ и правотѣ“ (Псал. 110, 7. 8): то отметать что нибудь изъ написаннаго, или вводить что нибудь изъ ненаписаннаго есть явное отпаденіе отъ вѣры и изобличеніе своей гордости, потому что Господь нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ: „овцы Моя гласа Моего слушаютъ“; и прежде сего сказалъ: „по чуждемъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него яко не знаютъ чуждаго гласа“ (Іоан. 10, 27. 5): и Апостолъ строго запрещаетъ прибавлять или убавлять что нибудь въ богодухновенныхъ Писаніяхъ, представляя примѣръ, взятый изъ человѣческихъ обычаевъ, когда говоритъ: „обаче человѣческаго предутвержденна завѣта никтоже отметаетъ или приповелѣваетъ“ (Гал. 3, 15).

Посему рѣшился я, какъ всегда, такъ и теперь, избѣгать всякаго реченія и понятія, чуждаго ученію Господню; потому что, какъ выше замѣтилъ, цѣль, мнѣ и вамъ теперь предлежащая, во многомъ различна отъ тѣхъ предметовъ разсужденія, которые заставляли меня писать или говорить иногда такъ, а иногда иначе. Ибо тогда занимало меня обличеніе ереси и опроверженіе діавольскаго ухищренія; а теперь предполагается исповѣданіе и простое изъясненіе здравой вѣры. Поэтому не приличенъ мнѣ теперь и прежній образъ рѣчи. Какъ человѣкъ ни одни и тѣ же снаряды взялъ бы въ руки, идя воевать, и воздѣлывать землю (ибо иные снаряды у тѣхъ, которые въ безопасности трудятся для своего пропитанія, и иныя вооруженія у тѣхъ, которые готовятся къ битвѣ): такъ не одно и то же могутъ говорить и тотъ, кто увѣщаваетъ здравымъ ученіемъ, и тотъ, кто обличаетъ противорѣчащихъ. Ибо иный родъ рѣчи обличительной, и иный родъ рѣчи увѣщательной. Инакова простота въ мирѣ исповѣдующихъ благочестіе, инаковы труды опревергающихъ возраженія лжеименнаго вѣдѣнія. Поэтому и я, такимъ же образомъ устроя рѣчь съ разсужденіемъ, вездѣ буду сообразно съ цѣлію употреблять слова, служащія къ охраненію или назиданію вѣры, иногда мужественно противоборствуя тѣмъ, которые съ дьявольскимъ ухищреніемъ покушаются разорить вѣру, а иногда простѣе

и ближе излагая ее для тѣхъ, которые желаютъ назидаться въ вѣрѣ, и не иное что дѣлая, но сказанное Апостоломъ: „вѣдѣти, како подобаетъ вамъ единому комуждо отвѣщавати“ (Квл. 4, 6).

Но прежде нежели приступлю къ самому исповѣданію вѣры, надобно замѣтить и то, что величія Божія и славы Божіей, которыя и словомъ необъемлемы и умомъ непостижимы, невозможно ни изобразить, ни представить однимъ реченіемъ или понятіемъ. Богодухновенное же Писаніе, съ помощію многихъ реченій, обращающихся въ нашемъ употребленіи, едва приблизило ихъ къ понятію чистыхъ сердцемъ, и то представивъ какъ въ зеркалѣ. Ибо зрѣніе „лицемъ къ лицу“ и совершенное познаніе, по обѣтованію (1 Кор. 13, 12), дано будетъ достойнымъ въ будущемъ вѣкѣ. А нынѣ будь кто Павелъ или Петръ, хотя истинно видитъ то, что видитъ, и не обманывается и не мечтаетъ, однако же видитъ „зерцаломъ и въ гаданіи“, и „отъ части“ пріемля нынѣ съ благодареніемъ, совершеннаго познанія съ радостію ожидаетъ въ будущемъ вѣкѣ. Въ семъ удостовѣряетъ Апостолъ Павелъ, слѣдующимъ образомъ ведя слово: какъ, „егда бѣхъ младенецъ“, едва обучившійся первымъ начаткамъ словесъ Божіихъ, „яко младенецъ глаголахъ, яко младенецъ смышляхъ; егда же быхъ мужъ“, и поспѣшаю прійдти „въ мѣру возраста исполненія Христова“ (Еф. 4, 13), „отвергохъ младенческая“ (1 Кор. 13, 11), и въ познаніи Божественнаго пріобрѣлъ такой успѣхъ и такое усовершеніе, что познаніе въ іудейскомъ богопочтеніи стало для меня подобно движеніямъ младенческаго ума, а вѣдѣніе, почерпаемое въ евангеліи,—свойственнымъ мужу, уже во всемъ совершенному: такъ, въ сравненіи съ вѣдѣніемъ, какое откроется въ будущемъ вѣкѣ, и то, что нынѣ въ вѣдѣніи кажется совершеннымъ, столь коротко и темно, что предъ ясностію вѣдѣнія будущаго вѣка имѣетъ болѣе недостатковъ, нежели сколько видѣніе „зерцаломъ и въ гаданіи“ недостаточно предъ видѣніемъ „лицемъ къ лицу“. Подтверждаютъ же сіе кромѣ блаженнаго Петра и Іоанна и другіе ученики Господни, которые, при непрестанно большемъ и большемъ возрастаніи и преспѣяніи въ настоящей жизни, тѣмъ не менѣе были увѣрены въ превосходствѣ вѣдѣнія, предоставленнаго будущему вѣку. И послѣ того, какъ оказались достойными избранія Господня, сопребыванія съ Господомъ, Его апостольства, раздаянія духовныхъ дарованій, послѣ того какъ слышали: „вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго“ (Матѳ. 13, 11), послѣ таковаго вѣдѣнія по откровеніи имъ таинъ, неизреченныхъ для прочихъ, все еще, предъ самымъ уже страданіемъ Господнимъ, слышатъ они наконецъ: „еще много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ“ (Іоан. 16, 12). Изъ сего и подобнаго сему познаемъ, что богодухновенному Писанію извѣстны какъ безпредѣльность познанія, такъ и непостижимость Божественныхъ таинъ для природы человѣческой въ настоящей жизни; потому что, хотя каждому,

по мѣрѣ его успѣха, прибавляется непрестанно большее и большее вѣденіе, однако же во всѣхъ познаніе никогда не достигаетъ до совершенства, пока не „пріидетъ совершенное“, когда „еже отчасти упразднится“ (1 Кор. 13, 10). Слѣдственно, какъ одного имени недостаточно къ выраженію всѣхъ совершенствъ Божіихъ въ совокупности, такъ и каждое изъ именъ не безъ опасности можетъ быть взято вообще. Ибо, если кто скажетъ: Богъ, то не выразитъ понятія: Отецъ; а въ словѣ: Отецъ, недостаетъ понятія о Творцѣ.

Къ симъ же понятіямъ нужно еще присовокупить понятія: благости, премудрости, силы и прочаго, упоминаемаго въ святомъ Писаніи. Опять, если слово: Отецъ, беремъ о Богѣ вообще въ употребительномъ у насъ смыслѣ сего слова, то впадаемъ въ нечестіе; потому что имъ приписывается страсть, истеченіе, невѣдѣніе, немощь, и все тому подобное. Подобно сему и слово: Творецъ; потому что у насъ нужны время, вещество, снаряды, пособіе; благочестивое же понятіе о Богѣ должно очистить отъ всего этого, сколько возможно то человѣку. Ибо понятія, которое бы вполнѣ было достойно Его, какъ сказалъ я, никто никогда не достигнетъ, хотя бы соединились всѣ умы для изслѣдованія, и стеклись всѣ языки для выраженія онаго. Сію же мысль ясно представляетъ намъ и премудрый Соломонъ, говоря: „рѣхъ, умудрюся: и сія удалися отъ мене далече, паче неже бѣ“ (Еккл. 7, 24—25), то есть, не сокрылась, но для тѣхъ, въ комъ по благости Божіей воспреизбыточествовало вѣдѣніе, наипаче уяснилась ея непостижимость. Итакъ богодухновенное Писаніе по необходимости употребляетъ многія имена и реченія для частнаго и притомъ загадочнаго изображенія славы Божіей. Но въ настоящее время собрать все то, что въ богодухновенномъ Писаніи въ разныхъ мѣстахъ сказано объ Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Духѣ, по причинѣ настоятельности вашей, нѣтъ у меня ни силы, ни досуга. Предложивъ же изъ всего не многое, думаю, что и сего довольно будетъ для вашей совѣсти, какъ для обнаруженія моего образа мыслей, основаннаго на Писаніи, такъ и для удостовѣренія васъ самихъ и тѣхъ, которые сего между вами желаютъ. Ибо какъ многое у насъ выражаетъ одну благочестивую мысль, такъ, думаю, благомыслящій и изъ немногаго познаетъ, что благочестиво вообще.

Итакъ: вѣруемъ и исповѣдуемъ, что единъ только истинный и благій Богъ и Отецъ Вседержитель, изъ Котораго все, Богъ и Отецъ Господа нашего и Бога Іисуса Христа. И единъ Единородный Его Сынъ Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, единственно истинный, чрезъ Котораго пришло въ бытіе все, и видимое и невидимое, и въ Которомъ „всяческая состоятся“ (Кол. 1, 16—17), Который „въ началѣ бѣ у Бога“, и „Богъ бѣ“ (Іоанна 1, 1), и „посемъ“, по Писанію, „на земли явися, и съ человѣки поживе“ (Варух. 3, 38): „во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева

быти равенъ Богу, но Себе“ истощилъ, и чрезъ рожденіе отъ Дѣвы „зракъ раба пріимъ и образомъ обрѣтеся якоже человѣкъ“; все написанное Его ради и о Немъ исполнилъ по заповѣди Отца, „послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя“ (Филип. 2, 6—8); и въ третій день воставъ изъ мертвыхъ по Писаніямъ, явился святымъ Своимъ ученикамъ и прочимъ, какъ написано (1 Кор. 15, 4—8); восшелъ на небеса, и сѣдитъ одесную Отца; откуда придетъ при скончаніи вѣка сего воскреситъ всѣхъ и воздать каждому по дѣламъ его, когда праведные будутъ восприняты въ жизнь вѣчную и въ царство небесное, а грѣшные осуждены на вѣчное мученіе, „идѣже червь ихъ не умираетъ, и огнь не угасаетъ“ (Мар. 9, 44). И единъ только Духъ Святый Утѣшитель, Которымъ знаменались мы въ день искупленія (Еѳ. 4, 30), Духъ истины, Духъ „сыноположенія, о Немже вопіемъ: Авва Отче“ (Рим. 8, 15), дѣйствующій и раздѣляющій дарованія Божіи „комуждо на пользу, якоже хощетъ“ (1 Кор. 12, 1—11); всему научающій и все воспоминающій, что слышитъ отъ Сына (Іоан. 14, 26); благій, наставляющій на всякую истину (Іоан. 16, 13), утверждающій всѣхъ вѣрующихъ въ истинномъ и точномъ вѣдѣніи, въ благочестивомъ служеніи, въ духовномъ поклоненіи и истинномъ исповѣданіи Бога Отца и единороднаго Сына Его, Господа и Бога нашего Іисуса Христа, и Себя самого. Вѣруемъ и исповѣдуемъ такъ, что каждое имя ясно отличаетъ у насъ свойство Именуемаго, и непремѣнно о каждомъ изъ Именуемыхъ благочестиво умопредставляются преимущественныя нѣкоторыя свойства: Отецъ умопредставляется съ свойствомъ Отца, Сынъ—съ свойствомъ Сына, Святый Духъ—съ особеннымъ свойствомъ; ни Святый Духъ отъ Себе глаголетъ, ни Сынъ отъ Себе что творитъ; и Отецъ посылаетъ Сына, а Сынъ посылаетъ Святаго Духа. Такъ мудрствуемъ, и такъ крестимъ въ единосущную Троицу, по заповѣди самого Господа нашего Іисуса Христа, Который сказалъ: „шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа: учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ“ (Матѳ. 28, 19. 20). И соблюдая сіе, доказываемъ свою любовь къ Нему и удостоиваемся, какъ написано (Іоан. 15, 10), пребывать въ ней; а не соблюдая сего, изобличаемъ себя въ противномъ расположеніи. Ибо „не любяй Мя“ говоритъ Господь, „словесъ Моихъ не соблюдаетъ“, и еще: „имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя“ (Іоан. 14, 24, 21).

Всего болѣе дивлюсь, что, хотя самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: „не радуйтеся, яко дуси вамъ повинуются: радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ“ (Лук. 10, 20); и еще: „о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ (Іоан. 13, 35); почему Апостолъ, доказывая, что во всемъ необходима любовь, свидѣтельствуетъ, говоря: „аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любве же не имамъ, быхъ мѣдь звенящи, или кимвалъ звяцаяй.

И аще имамъ пророчество, и вѣмъ тайны вся и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти, любве же не имамъ, ничтоже есмь“; и нѣсколько ниже: „аще же пророчествія упразднятся, аще ли языцы умолкнутъ, аще разумъ испразднится“ и прочее, къ чему присовокупляетъ: „нынѣ же пребываютъ вѣра, надежда, любы, три сія: больши же сихъ любы“ (1 Кор. 13, 1. 2. 8. 13); хотя сіе и подобное сему такъ опредѣленно сказано Господомъ и Апостоломъ: дивлюсь, говорю, почему люди имѣютъ столько попеченія и знанія объ упраздняемомъ и прекращающемся, а о пребывающемъ и наипаче о любви, которая больше всего и составляетъ отличительное свойство христіанина, не только сами не имѣютъ никакой заботы, но и старательнымъ противятся, и симъ противленіемъ исполняютъ сказанное: сами не входятъ, и входящимъ возбраняютъ входить (Мате. 23, 13. Лук. 11, 52)? Потому молю и прошу, прекративъ пытливое совопросничество и неприличныя словопренія, довольствоваться тѣмъ, что сказано святыми и самимъ Господомъ, имѣть мысли, достойныя небеснаго званія, жить достойно Христова евангелія въ надеждѣ вѣчной жизни и небеснаго царствія, уготованнаго всѣмъ тѣмъ, которые сохраняютъ заповѣди Бога и Отца, данныя намъ по евангелію блаженнаго Бога Іисуса Христа Господа нашего въ Духѣ Святомъ и истинѣ.

Сіе по требованію вашего благоговѣнія сказать вамъ напослѣдокъ, и мнѣніе свое обнаружить вамъ, а чрезъ васъ и братіямъ во Христѣ, въ удостовѣреніе васъ и ихъ, о имени Господа нашего Іисуса Христа, почелъ я необходимымъ и должнымъ для меня, чтобы умъ нѣкоторыхъ ни мало не смущался разностію изложеннаго у меня иногда такъ, а иногда иначе; потому что всегда вынуждаемъ я былъ разсуждать о томъ, къ чему подавали поводъ противники истины, и чтобы не поколебались иные возраженіями тѣхъ, которые хотятъ приписывать мнѣ чужое, или, для увлеченія простодушныхъ, не рѣдко и собственныя свои заблужденія ложно выдаютъ за мое мнѣніе. Таковыхъ людей и вамъ необходимо должно остерегаться, какъ чуждыхъ евангельской и апостольской вѣры и любви, помнить же слова Апостола: „но и аще мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ“ (Гал. 1, 8); чтобы, соблюдая сказанное: „внемлите отъ лживыхъ пророкъ“ (Мате. 7, 15), и еще: „отлучатися вамъ отъ всякаго брата безчинно ходяща, а не по преданію, еже пріяша отъ насъ“ (2 Сол. 3, 6), сообразоваться намъ съ правиломъ Святыхъ, какъ назданнымъ „на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому“ Господу нашему „Іисусу Христу, о Немже всяко созданіе составляемо растетъ въ Церковь святую о Господѣ“ (Еф. 2, 20. 21). „Богъ же мира да освятитъ васъ всесовершенныхъ: и всесовершенъ вашъ духъ и душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится. Вѣренъ“ Богъ „призвавый васъ, Иже и сотворитъ“

(1 Сол. 5. 23. 24), если будемъ соблюдать заповѣди Его по благодати Христовой о Духѣ Святомъ.

Разсуждая, что о здравой вѣрѣ въ сказанномъ доселѣ говорено для настоящаго времени достаточно, постараюсь теперь во имя Господа нашего Іисуса Христа исполнить обѣщаніе свое касательно нравственныхъ правилъ. Поэтому, что нахожу запрещеннымъ или одобреннымъ въ разныхъ мѣстахъ новаго завѣта, то постарался я, по возможности, для удобовразумительности желающимъ собрать въ сокращенныя правила, приложивъ къ каждому правилу и число заключающихся въ немъ главъ Писанія, изъ евангелія, или Апостола, или изъ Дѣяній, чтобы читающій правило, видя при немъ приложенное первое или, если случится, второе число, потомъ, взявъ самое Писаніе и пріискавъ главу сказаннаго выше числа, такимъ образомъ нашелъ свидѣтельство, по которому составлено правило. Сначала хотѣлъ я присовокупить къ правиламъ и изъ ветхаго завѣта сказанное въ ономъ согласно съ каждымъ мѣстомъ изъ новаго завѣта; но поелику настояла нужда, а во Христѣ братія нынѣ съ особеннымъ усердіемъ стали требовать отъ меня давно обѣщаннаго, то вспомнилъ я сказавшаго: „даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ" (Притч. 9, 9). Поэтому желающій, въ предложенныхъ ему мѣстахъ находя достаточное пособіе, можетъ взять ветхій завѣтъ и самъ собою дознать согласіе всѣхъ богодухновенныхъ Писаній. Впрочемъ для вѣрныхъ и несомнѣвающихся въ истинѣ словесъ Господнихъ достаточно и одного изреченія. По сей-то причинѣ призналъ я недостаточнымъ и изъ новаго завѣта предложить не все, но изъ всего немногое.

Предначертаніе подвижничества.

Внушительны указы царя, объявляемые подданнымъ, но внушительнѣе и царственнѣе его приказы воинамъ. Поэтому, какъ провозглашенію военныхъ приказовъ, да внимаетъ тотъ, кто желаетъ горняго и великаго чина, кто хочетъ всегда быть Христовымъ сподвижникомъ, кто слышитъ эти великія слова: „аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ; и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ" (Іоан. 12, 26). Гдѣ Царь Христосъ? Конечно, на небѣ. Туда и тебѣ, воинъ, должно направлять шествіе. Забудь всякое земное упокоеніе.

Ни одинъ воинъ не строитъ дома, не пріобрѣтаетъ себѣ во владѣніе полей, не вмѣшивается въ различныя купли для пріумноженія имущества. „Никтоже воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ" (2 Тим. 2, 4). Пропитаніе воинъ имѣетъ отъ царя; ему не нужно самому добывать пропитаніе, ни даже заботиться объ этомъ. Ему вездѣ у подданныхъ царя отверстъ домъ по царскому повелѣнію; не нужно ему прилагать трудовъ о домѣ. У него на широкой дорогѣ шатеръ, и пища по

мѣрѣ нужды, и питіе вода, и столько сна, сколько дала природа; много походовъ и бдѣній, терпѣливость и къ зною и къ холоду, битвы съ противниками, опасности крайнія, многократно встрѣчается и смерть, но смерть славная: у него и почести и дары царскіе. Многотрудна жизнь его въ военное время, но свѣтла во время мира. Въ видѣ награды за доблести и вѣнца за добрую жизнь въ подвигахъ ему ввѣряется начальство, онъ именуется другомъ царевымъ, имѣетъ близкій доступъ къ царю, удостоивается прикасаться къ царской десницѣ, принимаетъ отличія изъ руки царя, властвуетъ надъ его подчиненными и ходатайствуетъ за друзей внѣшнихъ, за кого угодно.

Итакъ, воинъ Христовъ, взявъ себѣ малые образцы ихъ дѣлъ человѣческихъ, размысли о благахъ вѣчныхъ. Предназначь себѣ жизнь бездомную, не общественную, нестяжательную. Сдѣлайся независимымъ, отрѣшившись отъ всѣхъ мірскихъ заботъ; да не связываютъ тебя ни вожделѣніе жены, ни попеченіе о дѣтяхъ; потому что это не возможно для воинствующаго Богу. „Оружія бо воинства нашего не плотская, но сильна Богомъ“ (2 Кор. 10, 4). Да не побѣждаетъ тебя тѣлесная природа, да не стѣсняетъ тебя противъ воли, да не дѣлаетъ изъ свободнаго узникомъ. Заботься не на землѣ оставить дѣтей, но возвести на небо; не прилѣпляйся къ супружеству плотскому, но стремись къ духовному, раждай души и воспитывай дѣтей духовно. Подражай небесному Жениху, низлагай востанія невидимыхъ враговъ, воюй съ началами и властями (Ефес. 6, 12), изгоняя ихъ сперва изъ своей души, чтобы не имѣли въ тебѣ никакой части, а потомъ изъ сердца тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ тебѣ, поставляютъ тебя вождемъ и защитникомъ охраняемыхъ словомъ твоимъ. Низлагай помыслы, возстающіе противъ вѣры Христовой. Словомъ благочестія воюй съ нечестивымъ и лукавымъ помысломъ; ибо сказано: „помышленія низлагающе, и всяко возношеніе взимающееся на разумъ Божій“ (2 Кор. 10, 4. 5). Всего болѣе уповай на руку великаго Царя, которая, едва только покажется, приводитъ въ страхъ и обращаетъ въ бѣгство сопротивныхъ; если же Ему угодно будетъ, чтобы ты показалъ доблесть въ опасностяхъ, и когда восхощетъ Свое воинство ввести въ битву съ воинствомъ сопротивныхъ, то и здѣсь будь неодолимъ для всякаго труда въ ополченіи, непоколебимъ душею среди опасности, съ охотою переходи изъ земли въ землю, съ моря на море. Ибо сказано: „егда гонятъ вы, бѣгайте“ изъ града во градъ (Матѳ. 10, 23). И когда потребуетъ нужда явиться на судъ, предстать предъ правителей, терпѣть нападенія толпы, видѣть страшный взоръ палача, слышать его суровый голосъ, переносить мучительный видъ орудій казни, подвергнуться пыткѣ, подвизаться до смерти: не теряй вѣры при всемъ этомъ, имѣя предъ очами Христа, ради тебя все сіе претерпѣвшаго, и зная, что ради Христа и тебѣ должно терпѣть зло. И побѣдишь при этомъ, потому

что слѣдуешь за побѣдителемъ Царемъ, Который хочетъ, чтобы и ты сталъ участникомъ Его побѣды.

Если и умрешь, не будешь побѣжденъ, но тогда-то и одержишь самую совершенную побѣду, до конца сохранивъ въ себѣ истину непоколебимою и дерзновеніе за истину неизмѣннымъ. И перейдешь отъ смерти къ вѣчной жизни, отъ безчестія у людей, къ славѣ у Бога, отъ скорбей и мученій въ мірѣ къ вѣчнымъ упокоеніямъ съ Ангелами. Земля не приняла тебя въ свои граждане, но приметъ небо; міръ гналъ, но понесутъ Ангелы представить тебѣ Христу, и наречешься другомъ, и услышишь вожделѣннѣйшую похвалу: „добрѣ, благій рабе и вѣрный" (Матѳ. 25, 23), воинъ доблій. подражатель Владыки, послѣдователь Царя: Я вознагражу тебя Своими дарами; Я послушаю словъ твоихъ, потому что и ты слушалъ Моихъ". Будешь просить о спасеніи труждающихся братій, и съ общниками вѣры, таинниками священной любви примешь отъ Царя причастіе благъ. Будешь ликовать вѣчнымъ ликованіемъ, явишься вѣнценосцемъ среди Ангеловъ, подъ державою Царя царствуя надъ тварію и блаженно вѣчнуя въ ликѣ блаженства. Если же восхощетъ и послѣ подвиговъ оставить тебя еще въ мірѣ, чтобы совершилъ ты большее число разнообразныхъ подвиговъ, и многихъ спасъ отъ невидимыхъ и видимыхъ браней: то и на землѣ велика твоя слава; почтенъ будешь у друзей, которые найдутъ въ тебѣ заступника, помощника и добраго молитвенника. Одни напитаютъ тебя, какъ добраго воина; другіе почтятъ, какъ мужественнаго ратоборца; иные будутъ привѣтствовать и съ радостію срѣтать, принимая, какъ говоритъ Павелъ, „якоже Ангела Божія, яко Христа Іисуса" (Гал. 4, 14). Таковы и подобны симъ образцы воинствованія Божія.

Слово же сіе относится не къ однимъ мужамъ. У Христа воинствуетъ и женскій полъ, вписываемый въ воинство по душевному мужеству и не отвергаемый за тѣлесную немощь. И многія жены отличились не менѣе мужей; есть и такія, что даже больше прославились. Таковы наполняющія собою ликъ дѣвственницъ; таковы сіяющія подвигами исповѣданія и побѣдами мученичества. И за самимъ Господомъ, въ пришествіе Его, слѣдовали не только мужи, но и жены. Тѣми и другими совершалось служеніе Спасителю.

Поелику таковы и такъ славны награды, уготованныя воинствующимъ по Христѣ, то да возжелаютъ сего воинствованія и отцы для сыновъ, и матери для дочерей. Да приведутъ рожденныхъ ими, наслаждаясь вѣчными надеждами, которыхъ пріобщатся у нихъ дѣти, и вожделѣвая имѣть заступниковъ у Христа и добрыхъ молитвенниковъ. Не будемъ малодушны въ разсужденіи дѣтей, не убоимся, если утрудятся, но будемъ увеселять себя тѣмъ, что прославятся. Посвятимъ Господу дарованныхъ Имъ, чтобы и намъ быть причастниками въ прославленіи дѣтей своихъ, когда вмѣстѣ

съ ними сами себя приведемъ и посвятимъ Господу. Людямъ, столь ревностнымъ и такъ прекрасно подвизающимся, иный можетъ сказать словами Псалмопѣвца: „благословени вы Господеви, сотворшему небо и землю“ (Псал. 113, 23); и по примѣру Моvсея помолится о нихъ: „благослови, Господи, дѣла“ ихъ „порази“ гордыню „воставшихъ“ на нихъ (Втор. 33, 11). Мужайтесь, какъ неустрашимые, и мужественно совершайте теченіе ради вѣчныхъ вѣнцевъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава во вѣки. Аминь.

Слово подвижническое и vвѣщаніе объ отреченіи отъ міра и о духовномъ совершенствѣ.

„Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“, говоритъ Божественный гласъ (Матѳ. 11, 28), указывая или на тамошнее, или на здѣшнее упокоеніе. Но безъ сомнѣнія, призывая насъ, онъ увѣщаваетъ во первыхъ свергнуть съ себя бремя многостяжанія, передавъ это нуждающимся, а затѣмъ, отринувъ все множество грѣховъ, происходящихъ отъ многостяжанія, чрезъ благотвореніе и исповѣданіе, притечь къ крестоносной жизни монаховъ. Поэтому вознамѣрившійся повиноваться Христу и поспѣшающій къ нищетолюбивой и неразвлеченной жизни истинно достоинъ удивленія и ублаженія.

Но, прошу, пусть не дѣлаетъ сего безъ испытанія, пусть не воображаетъ себѣ жизни удобосносной и спасенія безъ борьбы, а лучше пусть напередъ упражняется въ благоискусномъ терпѣніи скорбей тѣлесныхъ и душевныхъ, чтобы, ввергнувъ себя въ неожиданныя боренія, и потомъ не имѣя силы противостоять встрѣтившимся испытаніямъ, опять со стыдомъ и посмѣяніемъ не устремиться назадъ къ тому, отъ чего бѣжалъ, съ осужденіемъ души возвращаясь въ міръ и дѣлаясь для многихъ соблазномъ, подавая всѣмъ поводъ заключать о невозможности жить о Христѣ. Опасность же сего знаете всѣ вы, читающіе евангеліе, въ которомъ говоритъ Божественный гласъ: „унѣе ему было бы, аще жерновъ оселскій облежалъ бы о выи его, и вверженъ въ море, неже да соблазнитъ отъ малыхъ сихъ единаго“ (Лук. 17, 2); потому что будетъ онъ подлежать осужденію, не только какъ оставившій свои ряды воинъ, но и за погибель совращенныхъ имъ; хотя бы и думалъ увѣрять себя душепагубными разсужденіями, будто, и живя въ мірѣ, умилостивляетъ Бога добрыми дѣлами,—что для него невозможно. Ибо кто въ жизни, безгрѣшной по ея неразвлеченности, не смогъ выдержать бореній врага, тотъ въ жизни многогрѣшной и имъ самимъ управляемой возможетъ ли преуспѣть въ какой либо добродѣтели? Пусть даже онъ и благоустроитъ собственную свою жизнь, все таки не избѣжитъ осужденія за то, что оставилъ Христа, подобно ученикамъ, упоминаемымъ

въ евангеліи, о которыхъ божественный евангелистъ свидѣтельствуетъ: „мнози отъ ученикъ идоша вспять, и ктому не хождаху" съ Іисусомъ, говоря: „жестоко есть слово" Его, „кто можетъ его послушати" (Іоан. 6, 66. 60)?

Посему и человѣколюбецъ Богъ, пекущійся о нашемъ спасеніи, далъ жизни человѣческой двоякаго рода направленіе, то есть, супружество и дѣвство, чтобы тотъ, кто не въ состояніи вынести подвига дѣвства, вступалъ въ сожитіе съ женою, зная то, что потребуется отъ него отчетъ въ цѣломудріи, святости и уподобленіи тѣмъ, которые въ супружествѣ и при воспитаніи дѣтей жили свято. Таковъ былъ въ ветхомъ завѣтѣ Авраамъ, который прославился тѣмъ, что предпочелъ Бога и, преодолѣвъ чувство жалости, принесъ въ жертву единороднаго сына и двери шатра своего держалъ отверстыми, готовый къ принятію идущихъ странниковъ; потому что не слышалъ (еще): „продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ" (Матѳ. 19, 21). Еще больше сего показали Іовъ и многіе другіе, Давидъ и Самуилъ. Таковы были въ новомъ завѣтѣ Петръ и прочіе Апостолы. Ибо у каждаго человѣка потребуются плоды любви къ Богу и ближнему, и за уклоненіе отъ сихъ, равно и отъ всѣхъ заповѣдей, всякій понесетъ наказаніе, какъ и Господь объявляетъ въ евангеліяхъ, говоря: „иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ" (Матѳ. 10, 37), и еще: „кто не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ" (Лук. 14, 26).

Соглашаешься ли въ томъ, что евангелія даны и оженившимся? Вотъ тебѣ приведено въ ясность, что въ послушаніи евангелію потребуется отчетъ у всѣхъ людей,—монахи ли они, или живутъ въ супружествѣ. Для вступившаго въ бракъ достаточно и того, что ему извиняется невоздержаніе, пожеланіе жены и сожитіе съ нею; прочія же заповѣди, какъ всѣмъ равно узаконенныя, преступать не безопасно. И Христосъ, благовѣствуя заповѣди Отца, обращалъ рѣчь къ живущимъ въ мірѣ. А если и случалось, что вопрошенный наединѣ отвѣчалъ ученикамъ Своимъ, то свидѣтельствовалъ, говоря: „а яже вамъ глаголю, всѣмъ глаголю" (Мар. 13, 37). Поэтому и ты, избравшій общежитіе съ женою, не будь безпеченъ, какъ будто вправѣ ты предаться міру. Тебѣ для улученія спасенія потребно больше трудовъ и осторожности; потому что избралъ себѣ жилище среди сѣтей и державы отступническихъ силъ, имѣешь предъ глазами побужденія ко грѣхамъ, и всѣ твои чувства день и ночь напряжены къ вожделѣнію ихъ. Посему знай, что не избѣжишь борьбы съ отступникомъ, и не одержишь надъ нимъ побѣды безъ многихъ трудовъ на стражбѣ евангельскихъ догматовъ. Ибо какъ возможешь отказаться отъ ратоборства со врагомъ, ведя жизнь на самомъ ратоборномъ поприщѣ? А это поприще—вся „поднебесная" земля, которую „приходитъ" и „обходитъ" врагъ, какъ бѣшеный песъ, ища, кого

поглотить, какъ узнаемъ изъ исторіи Іова (Іов. 2, 2). И поэтому, если отрекаешься отъ брани съ сопротивникомъ, то ступай въ другой міръ, въ которомъ его нѣтъ; тамъ возможно будетъ для тебя отреченіе отъ борьбы съ нимъ и безопасное небреженіе о догматахъ евангельскихъ. А если это не возможно, спѣши обучиться ратоборству съ нимъ, въ Писаніи изучая ратоборное искусство, чтобы тебя, побѣжденнаго имъ по незнанію, не предали вѣчному огню. И это какъ бы мимоходомъ да будетъ сказано тѣмъ, которые въ супружеской жизни безъ опасенія пренебрегаютъ сохраненіемъ Христовыхъ заповѣдей.

А ты, любитель небесныхъ уставовъ, ревнитель ангельскаго житія, желающій стать соратникомъ святыхъ учениковъ Христовыхъ, укрѣпи себя къ претерпѣнію скорбей, мужественно приступи къ собору монаховъ и въ самомъ началѣ своего отреченія будь твердъ, чтобы не увлекла тебя привязанность къ сродникамъ по плоти, при чемъ укрѣпляй и себя обмѣномъ смертнаго на безсмертное. А когда самымъ дѣломъ оставляешь собственность свою, будь непреклоненъ,—въ несомнѣнной увѣренности, что предпосылаешь это на небо, скрывая въ нѣдрахъ убогихъ, и обрѣтая у Бога съ вликимъ приращеніемъ. Разрывая связь съ друзьями и близкими, не будь прискорбенъ; потому что сопрягаешься со Христомъ, за тебя распявшимся; а такого дружелюбія можешь ли представить себѣ что выше?

Когда же, при Божіемъ содѣйствіи, побѣдишь врага своего въ этой первой борьбѣ; не бросай себя, подобно какому нибудь негодному сосуду. Ибо отреченіемъ отъ земныхъ вещей ты украсилъ уже себя предъ Христомъ. Но съ великою заботливостію и обдуманностію постарайся найдти мужа, который бы непогрѣшительно предшествовалъ тебѣ въ образѣ жизни, хорошо умѣлъ руководить шествующихъ къ Богу, украшенъ былъ добродѣтелями, въ собственныхъ дѣлахъ своихъ имѣлъ свидѣтельство любви своей къ Богу, былъ свѣдущъ въ божественныхъ Писаніяхъ, не разсѣянъ, не сребролюбивъ, не озабоченъ многимъ, безмолвенъ, боголюбивъ, нищелюбивъ, не гнѣвливъ, не памятозлобенъ, силенъ въ назиданіи сближающихся съ нимъ, не тщеславенъ, не высокомѣренъ, не льстивъ, не измѣнчивъ, ничего не предпочиталъ Богу. И если найдешь такого, предай ему себя, ни во что вмѣнивъ и отринувъ прочь всякую свою волю, чтобы ты оказался подобнымъ чистому сосуду, храня, къ своей похвалѣ и славѣ, влагаемое въ тебя добро. А если оставишь въ себѣ какую-нибудь изъ прежде бывшихъ въ тебѣ страстей; то, и добро, вложенное въ тебя, претворивъ въ уксусъ, будешь изринутъ вонъ, какъ негодный сосудъ.

Это вторая борьба съ противникомъ нашего спасенія. Ибо у добрыхъ учителей и уроки добрые, а у злыхъ, конечно, злые. Когда лукавый нашъ противоборникъ не въ силахъ убѣдить насъ, чтобы оставались въ мірскомъ смятеніи и погибели: спѣшитъ онъ убѣдить, чтобы не предавали себя

строгой жизни, или такому мужу, который всѣ грѣхи наши выводитъ намъ предъ взоры и исправляетъ ихъ, но чтобы ввѣрились кому нибудь изъ страстныхъ славолюбцевъ, удовлетворяющему собственныя свои страсти подъ предлогомъ снисхожденія къ живущимъ съ нимъ вмѣстѣ, чтобы такимъ образомъ, незамѣтно содѣлавъ насъ опять многострастными, опутать насъ собственными узами грѣха. А если поручишь себя мужу, украшенному многими доблестями, то содѣлаешься наслѣдникомъ благъ, какія въ немъ, и будешь весьма блаженъ предъ Богомъ и предъ людьми. Но если, щадя тѣло свое, отъищешь учителя снисходительнаго къ страстямъ твоимъ, или, лучше сказать, вмѣстѣ съ тобою надающаго: то напрасно ты вступалъ въ подвигъ отреченія отъ міра; потому что предался страстной жизни, взялъ себѣ слѣпаго вождя, и приближаешься къ ямѣ. Ибо „слѣпецъ слѣпца аще водитъ, оба въ яму впадутъ: довлѣетъ бо ученику, да будетъ, яко учитель его (Матѳ. 15, 14. 10, 25). Это—Божіе слово, и оно не погрѣшитъ: тебѣ должно жить по закону подвижническому; въ противномъ случаѣ не будешь и увѣнчаннымъ, какъ сказалъ Апостолъ: „аще и“ подвизается „кто, не вѣнчается, аще не законно“ подвизатися „будетъ“ (2 Тим. 2, 5).

Поэтому, если по благодати Божіей найдешь (а поискавъ, непремѣнно найдешь) учителя добрыхъ дѣлъ, наблюдай за собою, чтобы не дѣлать тебѣ ничего вопреки волѣ учителя. Ибо все, что дѣлается безъ него, есть нѣкое хищеніе и святотатство, ведущее къ смерти, а не къ пользѣ, хотя бы казалось тебѣ добрымъ. Ибо если оно доброе; то почему дѣлается тайно, а не въявь? Допроси помыслъ свой, который чрезъ правыя дѣла доводитъ тебя до кражи и повидимому добрыми преслушаніями пріуготовляетъ тебѣ дѣла неправыя. Не желай производить заклинаній надъ звѣрями, будучи неопытенъ въ заклинаніи, чтобы, созвавъ къ себѣ змѣй, когда обовьютъ тебя, а ты не будешь въ состояніи сопротивляться имъ, самому не быть нещадно ими истреблену. Не опирайся на благородство плоти и не ищи чести, потому что плотскій „не пріемлетъ яже Духа“ (1 Кор. 2, 14).

Не покушайся измѣнять что-либо въ уставахъ доброй жизни и собственнымъ своимъ своеволіемъ дѣлать преткновеніе подвизающимся, а себѣ самому собирать бремя грѣховъ: (не дѣлай сего) ни въ постели, болѣе мягкой, ни въ одеждахъ, или въ обуви, или въ другой какой принадлежности, или въ перемѣнѣ снѣдей, или въ столѣ, не соотвѣтствующемъ времени твоего отшельничества, или въ стояніи, или въ рукодѣліи болѣе покойномъ и опрятномъ. Ибо все это, не только когда у тебя уже есть оно, но и когда составляетъ предметъ твоего исканія, не будетъ имѣть добраго слѣдствія. А если не познаешь скоро въ этомъ діавольскаго коварства, и не отсѣчешь сего отъ своего сердца; то уготовитъ тебѣ отпаденіе отъ жизни во Христѣ. Напротивъ того, положивъ въ сердцѣ своемъ, что ты безчестнѣе и грѣшнѣе всѣхъ людей, что ты странникъ и пришлецъ, изъ жалости при-

нять отрекшимся отъ міра прежде тебя, спѣши быть послѣднимъ изъ всѣхъ и всѣмъ рабомъ. Послѣднее принесетъ тебѣ честь и истинную славу, а не первое.

Имѣй уши, отверстыя къ послушанію, и руки, готовыя исполнять слышанное, уста имѣй молчаливыя и сердце осмотрительное. Будь лѣнивъ къ празднословію, а благоразуменъ и свѣдущъ въ спасительномъ слышаніи божественныхъ Писаній. Да будетъ тебѣ горькимъ вкушеніемъ слышаніе мірскихъ разсказовъ, и сотами меда бесѣда мужей преподобныхъ! Спѣши въ подражаніи тѣмъ, которые прежде тебя подвизались въ доброй нравственности, и не берись самъ обучать каждаго. Употреби стараніе успѣвать въ важнѣйшихъ добродѣтеляхъ и не вознерадѣть о меньшихъ. Не пренебрегай никакою погрѣшностію, хотя бы она была менѣе всякаго зловреднаго животнаго, но поспѣши исправить ее покаяніемъ, хотя многіе многократно погрѣшаютъ въ большомъ и маломъ, и остаются нераскаянными.

Не будь судьею чужихъ паденій. У нихъ есть Судія праведный, Иже „воздастъ коемуждо по дѣломъ его“ (Рим. 2, 6). Ты наблюдай за своимъ и, сколько есть силъ, облегчай свое бремя. Отягощающій бремя свое самъ и понесетъ его. Въ покаяніи—спасеніе, а неразуміе—смерть покаянія.

Скрывай себя отъ людей суетныхъ; обнаруживай же себя, всего чаще, предъ Богомъ. Сколько отъ тебя зависитъ, уклоняйся отъ всякаго выхода въ общество, избѣгая разсѣянности сердца. Только вышелъ ты изъ келліи: оставляешь уже воздержность, погружаешься въ міръ, встрѣчаешь жену блудницу, которая, очаровавъ твой слухъ обольстительными словами, твои взоры—красотою лица, твой вкусъ—лакомыми яствами, какъ бы на удѣ, приведетъ къ себѣ. Потомъ, прижимаясь къ тебѣ и заключая въ свои объятія, ослабитъ въ тебѣ постоянство любви къ воздержанію, и такимъ образомъ, постепенно отвлекши отъ добродѣтельной жизни, развратитъ собой. А если, при Божіей помощи, и возможешь избѣжать ея сѣтей: то, хотя возвратишься въ келлію, однако уже не такимъ (какимъ вышелъ), но разслабленнымъ и болѣзненнымъ, не расположеннымъ ни къ какому доброму дѣлу, и только по истеченіи долгаго времени способнымъ возвратиться къ свойственному тебѣ навыку. Тебя будетъ безпокоить въ помыслахъ желаніе той и другой жизни; и со многимъ только трудомъ въ состояніи будешь уступить побѣду душѣ. Поэтому, если случится тебѣ по какому-нибудь обстоятельству выйти изъ келліи; то, облекшись въ броню страха Божія, утвердивъ на рукѣ (подобну щиту) любовь Христову и воздержаніемъ во всемъ преодолѣвъ приражемія похотей, тотчасъ, по исправленіи нужды, иди назадъ, ни мало не замедляя, но на быстрыхъ крыльяхъ возвращаясь, подобно невинной голубицѣ спасаясь въ ковчегъ, изъ котораго ты посланъ, и неся въ устахъ милости Христовы, а такимъ образомъ

убѣждая внутренніе свои помыслы, что на всякомъ другомъ мѣстѣ не доступно для тебя спасительное упокоеніе.

Если ты юнъ по плоти, или по разуму; удаляйся короткаго обращенія съ сверстниками, и бѣгай отъ нихъ, какъ отъ пламени. Ибо врагъ, воспаливъ чрезъ нихъ многихъ, предалъ вѣчному огню, подъ видомъ духовной любви низринувъ ихъ въ гнусную пропасть обитателей пятиградія [1]), и тѣхъ, которые спаслись среди моря при всѣхъ вѣтрахъ и буряхъ, когда ни о чемъ не безпокоились внутри пристани, погрузилъ въ глубину съ ладьей и пловцами. Когда садишься, садись гораздо дальше отъ сверстнаго съ тобою; когда ложишься спать, одѣяніе твое да не сближается съ его одѣяніемъ; но лучше пусть будетъ между вами старецъ. А когда говоритъ онъ съ тобою, или поетъ, стоя напротивъ тебя; отвѣчай ему, поникши взоромъ долу, чтобы тебѣ, останавливая взоръ свой на лицахъ, не принять въ себя сѣмени похотѣнія отъ врага и сѣятеля зла и не пожать сноповъ растлѣнія и погибели. Въ домѣ, или на всякомъ мѣстѣ, гдѣ никто не видитъ дѣлъ вашихъ, не оставайся съ нимъ или подъ предлогомъ разсужденія о Божіемъ словѣ, или подъ предлогомъ другой какой нибудь, даже самой необходимой, потребности: ибо всего нужнѣе душа, за которую умеръ Христосъ. Не вѣрь обманчивому помыслу, который подсказываетъ тебѣ, что это ни мало ни соблазнительно, несомнѣнно зная, что сіе самое и есть соблазнъ, какъ ясно тебѣ будетъ доказано многократнымъ опытомъ падшихъ. Повѣрь словамъ моимъ, происходящимъ отъ братолюбиваго сердца. Прибѣгай къ суровымъ старцамъ, которые приточными словами умащаютъ юношей къ дѣламъ похвальнымъ, но не дѣлаютъ никакого вреда своею наружностію.

„Всяцѣмъ храненіемъ блюди твое сердце“ (Притч. 4, 23). Какъ тати день и ночь непрерывно подбираются къ золоту и похищаютъ нечаянно, когда не знаешь; такъ смотри, чтобы врагъ не обольстилъ тебя грѣхомъ прародительскимъ, и не изгналъ вскорѣ изъ рая сладости. Ибо тотъ, кто хищеніемъ снѣди отвлекъ Адама отъ жизни, надѣялся запнуть и Іисуса, тѣмъ паче не постыдился и тебѣ подмѣшать этой первой причины золъ, зная, какой это сильный ядъ: потому что страсть чревоугодія, обыкновенно, обнаруживаетъ свою силу не въ множествѣ яствъ, но въ пожеланіи и въ маломъ вкушеніи. Поэтому, если пожеланіе вкусить что либо малое такъ будетъ сильно, что ввергнетъ въ страсть чревоугодія, то оно безъ труда предастъ тебя смерти. Какъ вода, раздѣляемая на многіе протоки, дѣлаетъ, что зеленѣютъ всѣ мѣста, лежащія около протоковъ: такъ и страсть чревоугодія, если разлилась въ твоемъ сердцѣ, напоивъ всѣ твои чувства и

---

[1]) Т. е. Содома, Гоморры, Адамы, Севоима и Валаки (Быт. 14, 2), изъ которыхъ послѣдній, по молитвѣ Лота, спасся отъ истребленія и наименованъ Сигоромъ (Быт. 19).

насадивъ въ тебѣ лѣсъ пороковъ, обратитъ душу твою въ жилище звѣрей. Видѣлъ я, что многіе, одержимые страстями, исцѣлялись, но не видалъ между ними ни одного, привыкшаго ѣсть тайно отъ другихъ, или чревоугодника; напротивъ того всѣ такіе люди или оставляли воздержную жизнь и развращались міромъ, или пытались укрыться между воздержными, и сластолюбіемъ оказывали услуги діаволу. Ибо это—лжецы, люди много клянущіеся, клятвопреступные, любящіе прекословить, мстить, кричать, запирающіеся въ томъ, что ѣдятъ, скупые, роскошные въ пищѣ, жалующіеся на свою участь, любопытные, радующіеся дѣламъ темнымъ и охотно противодѣйствующіе всякому похвальному образу жизни. Чтобы прикрыть страсть чревоугодія, впадаютъ они во множество золъ. Такіе люди, хотя по наружности въ числѣ спасаемыхъ, но по дѣламъ въ числѣ осужденныхъ. Чревоугодіе Адама предало смерти; и причинило міру погибель. Изъ-за чревоугодія Ной осмѣянъ, Хамъ проклятъ, Исавъ лишился правъ первородства и породнился съ Хананеями; Лотъ сталъ мужемъ дочерей, а самому себѣ зятемъ и тестемъ, отецъ—мужемъ и дѣдъ—отцомъ, въ обоихъ отношеніяхъ нарушая предѣлы естества. Чревоугодіе и Израиля сдѣлало поклонникомъ идолу, и довело Израильтянъ до того, что „тѣлеса“ ихъ пали „въ пустыни“ (Числ. 14, 29). Чревоугодіе и одного изъ пророковъ, посланнаго Богомъ для обличенія нечестиваго царя, содѣлало снѣдію дикаго звѣря. И кому не могъ отмстить за себя царь Іеровоамъ, при всемъ царскомъ могуществѣ, тотъ, уловленный обольщеніемъ чрева, подвергся жалкой смерти (3 Цар. 13, 23, 24). А Даніилъ, мужъ желаній, преодолѣвъ чрево, повелѣвалъ въ царствѣ халдейскомъ, содѣлавшись низложителемъ идоловъ, истребителемъ, наставникомъ львовъ, предсказателемъ Божія вочеловѣченія, истолкователемъ сокровенныхъ таинъ. Три святые отрока, оказавшись выше удовольствій чрева, презрѣли царскій гнѣвъ и безтрепетно дерзнули войдти въ страшную горящую печь, какую только могъ разжечь царь Навуходоносоръ, обнаружили ничтожность обоготвореннаго златаго образа, и тотъ образъ, который долгое время, къ поруганію Божіей славы, сооружалъ сатана, получивъ въ добычу, принесли собственному Владыкѣ, заставили самого враждебнѣйшаго царя и все богопротивное воинство со всею тварію пѣснословить Бога. И, скажу кратко, если будешь владѣть чревомъ, то станешь обитать въ раю; а если не овладѣешь имъ, то сдѣлаешься добычею смерти. Будь вѣрною сокровищницею добродѣтелей, а ключемъ имѣй языкъ духовнаго твоего отца. Онъ пусть отверзаетъ уста твои для принятія хлѣба; онъ пусть и замыкаетъ. Не бери въ совѣтники змія, который, вмѣсто ключа, хочетъ уловить тебя совѣтомъ—попробовать что-либо хотя бы только языкомъ. Остерегайся грѣха тайноядѣнія. Если онъ сможетъ совратить тебя въ маломъ, то низложитъ уже совершенно и будетъ держать въ узахъ.

Не подставляй ушей всякому разглагольствующему, и не отвѣчай всякому говоруну въ бесѣдахъ, не соотвѣтственныхъ цѣли твоего подвижничества. Будь слушателемъ добрыхъ поученій, и размышленіемъ о нихъ храни свое сердце. Береги свой слухъ отъ мірскихъ разсказовъ, чтобы не замарать души своей брызгами грязи. Не старайся вслушиваться, что говорятъ другіе и не вкладывай головы своей въ средину бесѣдующихъ, чтобы и самому тебѣ не быть осмѣяннымъ, и ихъ не сдѣлать злорѣчивыми. Не будь любопытенъ, и не желай все видѣть, чтобы не удержать тебѣ въ сердцѣ своемъ гноя страстей. По мѣрѣ надобности смотри, по мѣрѣ надобности слушай, по мѣрѣ надобности говори, по мѣрѣ надобности отвѣчай.

Передъ высшимъ не вдругъ осмѣливайся садиться; а если пригласятъ, то не садись рядомъ, но, осмотрѣвшись кругомъ, старайся найти низшее мѣсто, чтобы Богъ прославилъ тебя за смиреніе. Спрашиваютъ тебя,— отвѣчай пристойнымъ и смиреннымъ голосомъ, а не спрашиваютъ, храни молчаніе. Когда спрашиваютъ другаго, сожми уста твои, чтобы языкъ твой, понуждаемый опрометчивымъ сердцемъ, прорвавшись, не поразилъ кого изъ строгихъ въ подвижничествѣ, и самого тебя не ввергъ въ узы укоризнъ. Сидя, не клади одной ноги на другую; это знакъ невнимательности и души разсѣянной. Если разговариваешь съ низшимъ себя, или онъ тебя о чемъ спрашиваетъ, не давай ему отвѣтовъ небрежно, презирая брата въ оскорбленіе Богу. Ибо „ругайся убогому раздражаетъ Сотворшаго его“ (Притч. 17, 5), говоритъ притча. Слово утѣшенія да предшествуетъ прочимъ рѣчамъ твоимъ, подтверждая любовь твою къ ближнему. Предлагай его и въ срединѣ, и въ концѣ разговора, съ свѣтлымъ лицемъ, чтобы доставить услажденіе твоему собесѣднику. При всякомъ успѣхѣ ближняго своего веселись и прославляй Бога, потому что его успѣхи суть твои, а твои его. Въ собраніяхъ избѣгай „преждевозлеганій“ и „преждесѣданій“ (Матѳ. 23, 6); ищи себѣ послѣдняго мѣста, чтобы услышать лучше: „друже, посяди выше“ (Лук. 14, 10). За трапезою лѣвая рука твоя да не безчинствуетъ и да не беретъ преимущества у правой, а лучше пусть остается въ покоѣ; въ противномъ же случаѣ, по крайней мѣрѣ, пусть помогаетъ правой.

Пусть уста твои предваряютъ приглашеніе тебя ко всякой молитвѣ, и до послѣдней молитвы будь на правилѣ, почитая великимъ ущербомъ оставить молитву. Ибо если, вкушая пищу для подкрѣпленія своей плоти, останешься безвыходно за трапезой, пока не удовлетворишь потребности, и безъ большой необходимости не легко выйдешь изъ-за стола: то не тѣмъ ли паче долженъ ты до конца оставаться во время духовнаго питанія, и укрѣплять молитвою свою душу? Ибо насколько отличается небо отъ земли, небесное отъ земнаго, настолько же отличается душа отъ тѣла. Душа— подобіе неба, потому что въ ней обитаетъ Господь; а плоть — отъ земли;

на которой обитають смертные люди и безсловесныя животныя. Поэтому нужды тѣлесныя соразмѣряй съ часами молитвъ, и приготовься не слушаться помысла, который отвлекаетъ тебя отъ правила. Ибо у демоновъ въ обычаѣ—въ часы молитвы, подъ предлогомъ благовидной, якобы, причины, побуждать насъ къ отлучкѣ, чтобы благовидной отвлечь насъ отъ спасительной молитвы. Не говори въ извиненіе: „у меня болитъ голова, болитъ чрево", представляя неизвѣстныхъ свидѣтелей небывалой болѣзни и ради упокоенія ослабляя усердіе къ бдѣнію. Напротивъ того, совершай еще и тайныя молитвы, которыя Богъ видитъ въ „тайнѣ, а воздастъ тебѣ явѣ" (Мате. 6, 6).

Собирай прибытокъ совершеннаго житія, чтобы найти богатство сокрытое въ день нужды. На чредахъ своего служенія къ труду тѣлесному присоединяй и слово утѣшенія, во свидѣтельство любви къ тѣмъ, кому служишь, чтобы служеніе свое, „растворенное солію" (Кол. 4, 6), содѣлать тебѣ благопріятнымъ. Не позволяй другому исполнять дѣлъ, на тебѣ лежащихъ, чтобы и награда не была отнята у тебя и отдана другому, и чтобы другой не прославился твоимъ богатствомъ, къ твоему униженію. Дѣла служенія своего исполняй благообразно и тщательно, какъ служащій Христу. Ибо сказано „проклятъ" всякъ „творяй" дѣла Господня „съ небреженіемъ" (Іер. 48, 10). Хотя бы поручаемыя тебѣ службы казались низкими, бойся злоупотребленія, допуская превозношеніе и презрѣніе, потому что за тобою надзираетъ Богъ. Дѣло служенія велико и можетъ доставить тебѣ царство небесное. Это мрежа добродѣтелей, влекущая въ себѣ всѣ заповѣди Божіи, и во-первыхъ превосходнѣйшую изъ всѣхъ добродѣтель—смиреніе, которое приноситъ съ собою цѣлый рой благъ, а потомъ и сіе: „взалкахся, и дасте Ми ясти, возжадахся, и напоисте Мя". былъ страненъ, и боленъ, и вътемницѣ, и вы послужили мнѣ (Мате. 25, 35. 36), и особенно, когда требуемое должностію исполняется со смиреннымъ о себѣ мнѣніемъ, безъ превозношенія, гнѣва и ропота.

Будь соревнователемъ живущихъ право, и дѣла ихъ запиши у себя въ сердцѣ. Желай быть въ числѣ немногихъ; потому что добро рѣдко; почему не многіе входятъ въ царствіе небесное. Не думай, что спасутся всѣ живущіе въ келліи, и добрые и худые. На дѣлѣ не то. Многіе приступаютъ къ похвальной жизни, но не многіе принимаютъ иго ея. Ибо царство небесное принадлежитъ употребляющимъ принужденіе, и „нуждницы восхищаютъ е" (Мате. 11, 12). Это—евангельское слово. Оно назвало принужденіемъ изнуреніе тѣла, какое ученики Христовы терпятъ добровольно въ отреченіи отъ собственныхъ своихъ хотѣній и отъ тѣлеснаго упокоенія, въ храненіи же всѣхъ заповѣдей Христовыхъ. Поэтому, если хочешь восхитить царствіе Божіе, употреби принужденіе, подклони выю свою подъ иго служенія Христова, стяни яремъ на выи своей; пусть гнететъ онъ выю

твою; истончай ее трудомъ добродѣтелей, въ постахъ, въ бдѣніяхъ, въ послушаніи, въ безмолвіи, въ псалмопѣніяхъ, въ молитвахъ, въ слезахъ, въ рукодѣліи, въ перенесеніи всякой скорби, наносимой тебѣ демонами и людьми. Да не внушаетъ тебѣ высокомудренный помыслъ ослабить со временемъ труды, чтобы предъ дверьми исшествія не застали тебя обнаженнымъ отъ добродѣтелей, и что-бы тебѣ не остаться внѣ вратъ царствія.

Да не надмеваетъ тебя степень церковнаго чина, но болѣе да смиряетъ; ибо преуспѣяніе души—преуспѣяніе въ смиреніи; а лишеніе и безчестіе раждается отъ высокомудрія. Въ какой мѣрѣ будешь приближаться къ высшимъ священнымъ степенямъ, въ такой мѣрѣ смиряй себя, боясь примѣра сыновъ Аароновыхъ. Познаніе богочестія—познаніе смиренія и кротости. Смиреніе—подражаніе Христу, а превозношеніе, вольномысліе и безстыдство—подражаніе діаволу. Будь подражателемъ Христу, а не антихристу; Богу, а не противнику Божію; Владыкѣ, а не рабу бѣглецу; милостивому, а не жестокому; человѣколюбцу, а не человѣконенавистнику; жителямъ брачнаго чертога, а не тьмы. Не спѣши давать приказы братству, чтобы не возложить тебѣ на выю свою чужаго бремени грѣховъ.

Разсматривая дѣланіе каждаго дня, сравнивай его съ дѣланіемъ предшествующаго, и поспѣшай къ исправленію. Преуспѣвай въ добродѣтеляхъ, чтобы стать ближе къ Ангеламъ. Оставайся въ келліи не дни, не мѣсяцы, но въ продолженіе многихъ лѣтъ, воспѣвая своего Владыку день и ночь, подражая Херувимамъ. Если такъ начнешь, такъ и окончишь, идя путемъ тѣснымъ въ короткое время своего подвижничества, по благодати Божіей, войдешь въ рай съ сіяющимъ свѣтильникомъ души, радуясь со Христомъ во вѣки. Аминь.

Слово о подвижничествѣ. Чѣмъ должно украшаться монаху?

Монаху должно прежде всего стяжать жизнь нестяжательную, тѣлесное уединеніе, благоприличную наружность, голосъ умѣренный и слово благочинное; пищу и питіе принимать безшумно и сдержанно; при старшихъ молчать, мудрыхъ слушать, къ равнымъ имѣть любовь, низшимъ подавать исполненный любви совѣтъ; удаляться людей негодныхъ, плотскихъ и суетныхъ; больше думать, а меньше говорить, не быть дерзкимъ въ словѣ, не допускать излишествъ въ разговорахъ, не быть смѣшливымъ, но украшаться стыдливостію, взоръ потуплять долу, а душу возносить горѣ, на прекословія не отвѣчать прекословіемъ; быть благопокорну; трудиться своими руками; всегда памятовать о послѣднихъ, съ надеждою радоваться, скорби терпѣть, непрестанно молиться, о всемъ благодарить; предъ всѣми быть смиреннымъ, ненавидѣть высокомѣріе; быть трезвеннымъ и охранять сердце отъ лукавыхъ помысловъ; чрезъ исполненіе заповѣдей собирать

себѣ сокровище на небѣ; дѣлать себѣ испытаніе въ ежедневныхъ помышленіяхъ и поступкахъ; не вдаваться въ житейскія заботы и излишнія бесѣды; не любопытствовать о жизни людей безпечныхъ, но соревновать только жизни святыхъ отцевъ; сорадоваться, а не завидовать преуспѣвающимъ въ добродѣтели; сострадать страждущимъ, плакать съ ними, и весьма сѣтовать о нихъ, но не обвинять ихъ; не дѣлать упрековъ отвращающемуся отъ грѣха и никогда не оправдывать самого себя, признавать себя паче всѣхъ грѣшныхъ предъ Богомъ и предъ людьми; вразумлять безчинныхъ, утѣшать малодушныхъ, прислуживать недужнымъ, омывать ноги святымъ, заботиться о странноприимствѣ и братолюбіи; съ единовѣрными быть въ мирѣ, а человѣка еретика отвращаться; книги общепринятыя читать, а отреченныхъ вовсе не брать въ руки; объ Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ не словопросничать, но съ дерзновеніемъ говорить и мыслить о несозданной и единосущной Троицѣ, и спрашивающимъ отвѣчать, что должно креститься, какъ приняли, и вѣровать, какъ крестились, и прославлять, какъ увѣровали; и дѣлать, и говорить хорошее; вовсе не клясться; не давать ни сребра въ ростъ, ни хлѣба и вина и елея изъ приращенія; воздерживаться отъ жизни разгульной, и отъ пьянства, и отъ заботъ житейскихъ; не обходиться ни съ кѣмъ коварно, даже вовсе не говорить ни о комъ худо, не оговаривать, ни даже вообще слушать съ пріятностію оговоры, не скоро вѣрить тому, что говорятъ на кого; не отдаваться во власть раздражительности; не покаряться пожеланію; не гнѣваться на ближняго понапрасну, не держать ни на кого неудовольствія, не воздавать зломъ за зло, лучше быть хулимымъ, нежели хулить, быть битымъ, нежели бить, стерпѣть обиду, нежели обидѣть, понести лишеніе, нежели другаго лишить чего.

А паче всего монаху надобно воздерживаться отъ свиданія съ женщинами и отъ питія вина; потому что „вино и жены превратятъ разумивыхъ“ (Сир. 19, 2); и исполняя по возможности заповѣди Господа, не приходить въ уныніе, но ожидать отъ Него мзды и похвалы; желать наслажденія вѣчной жизни и имѣть всегда предъ очами Давидово изреченіе и говорить: „предзрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся“ (Псал. 15, 8); какъ сыну, всѣмъ сердцемъ, всею крѣпостію и мыслію и силою любить Бога, а какъ рабу, благоговѣть предъ Нимъ, бояться Его и повиноваться Ему; со страхомъ и трепетомъ содѣлывать спасеніе свое, горѣть духомъ, быть облечену во всеоружіе Святаго Духа, тещи не „безвѣстно“, и подвизаться, не „яко воздухъ біяׂ“ (1 Кор. 9, 26): побарать врага въ немощи тѣла и нищетѣ душевной; творить все заповѣданное и называть себя неключимымъ; благодарить святаго, славнаго и страшнаго Бога; ничего не дѣлать по рвенію и тщеславію, но ради Бога и въ угодность Ему; „яко Богъ разсыпа кости человѣкоугодниковъ“ (Псал. 52, 6); вовсе

не хвалиться, не говорить себѣ самому похвалъ, и не слушать съ пріятностію, когда хвалитъ другой; втайнѣ служить всегда, и на показъ людямъ не дѣлать, но искать только похвалы у Бога, и помышлять о страшномъ и славномъ Его пришествіи, объ изшествіи отсюда, о благахъ, уготованныхъ праведнымъ, подобно и объ огнѣ, уготованномъ діаволу и аггеламъ его; а сверхъ всего этого памятовать апостольское изреченіе: „яко недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ" (Рим. 8, 18), и напередъ говорить съ Давидомъ: хранящимъ „заповѣди Его воздаяніе много" (Псал. 18, 12), великая награда, вѣнцы правды, вѣчныя сѣни, нескончаемая жизнь, неизглаголанная радость, неразоряемая обитель на небесахъ у Отца и Сына и Святаго Духа—истиннаго Бога, откровеніе лицемъ къ лицу, ликованіе съ Ангелами, съ отцами, съ патріархами, съ Пророками, съ Апостолами, и мучениками, и исповѣдниками, и съ благоугодившими Богу отъ вѣка, обрѣстися съ которыми потщимся и мы, по благодати Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

Слово о подвижничествѣ.

Человѣкъ сотворенъ по образу и по подобію Божію; а грѣхъ, увлекая душу въ страстныя пожеланія, исказилъ красоту образа. Но Богъ, сотворившій человѣка, есть истинная жизнь: потому, кто утратилъ подобіе Божіе, тотъ утратилъ и общеніе съ жизнію; а кто внѣ Бога, тому невозможно быть въ блаженной жизни. Итакъ возвратимся къ первоначальной благодати, которой отчуждились мы чрезъ грѣхъ, и снова украсимъ себя по образу Божію, безстрастіемъ уподобившись Творцу. Ибо кто въ подражаніи самъ, насколько возможно, достигъ безстрастія Божія естества, тотъ и въ душѣ своей возстановилъ образъ Божій. А кто уподобился Богу указаннымъ способомъ, тотъ, безъ сомнѣнія, пріобрѣлъ и подобіе Божіей жизни, постоянно пребывая въ вѣчномъ блаженствѣ. Поэтому, если безстрастіемъ снова возстановляемъ въ себѣ образъ Божій, а уподобленіе Богу даруетъ намъ непрекращающуюся жизнь: то, вознерадѣвъ о всемъ прочемъ, употребимъ попеченіе свое на то, чтобы душа наша никогда не была обладаема никакою страстію, а мысль наша, въ приразженіяхъ искушеній, оставалась непреклонною и непоколебимою, и чтобы чрезъ то содѣлались мы причастниками Божія блаженства.

Но пособникомъ въ таковомъ попеченіи служитъ дѣвство,—у тѣхъ, которые разумно притекаютъ къ сему дарованію. Ибо дарованіе дѣвства заключается не въ одномъ только воздержаніи отъ дѣторожденія, но вся жизнь и бытъ и нравъ должны быть дѣвственны, во всякомъ занятіи безбрачнаго показывая нерастлѣнность. Можно и словомъ соблудить, и окомъ

прелюбодѣйствовать, и слухомъ осквернитьcя, и въ сердце принять нечистоту, и неумѣренностію въ пищѣ и питіи преступить предѣлы цѣломудрія. А кто чрезъ воздержаніе во всемъ этомъ соблюдаетъ себя подъ закономъ дѣвства, тотъ дѣйствительно показываетъ въ себѣ совершенную и во всемъ преуспѣвшую благодать дѣвства.

Посему, если желаемъ, чтобы обликъ души нашей, по Божію подобію, украсился безстрастіемъ, а чрезъ сіе пріобрѣли мы и вѣчную жизнь, то будемъ внимать себѣ, чтобы, поступая въ чемъ нибудь недостойно обѣта, не подпасть одному суду съ Ананіею. Ибо Ананіи въ началѣ можно было не обѣщать имѣнія своего Богу. Но поелику, имѣя въ виду славу человѣческую, въ обѣтѣ посвятилъ уже свое имѣніе Богу, чтобы удивить людей щедростію, а цѣну утаилъ; то возбудилъ на себя такой гнѣвъ Господень (служителемъ же его былъ Петръ), что не обрѣлъ даже двери покаянія. Посему, не давъ еще обѣта строгой жизни, можно желающему, согласно съ дозволеніемъ и закономъ, вступать въ житейскія связи, предаваться брачному союзу; но кто произнесъ уже свой обѣтъ, тому надобно соблюдать себя для Бога, какъ одно изъ священныхъ приношеній, чтобы тѣло, посвященное Богу обѣтомъ, осквернивъ опять служеніемъ обыкновенной жизни, не подпасть суду за святотатство.

Говорю же это, имѣя въ виду не одинъ родъ страсти (какъ думаютъ нѣкоторые, поставляя подвигъ дѣвства въ одномъ храненіи тѣла), но страстныя расположенія всякаго рода, чтобы намѣревающійся соблюдать себя для Бога не осквернялъ себя никакимъ мірскимъ пристрастіемъ. Гнѣва, зависти, памятозлобія, лжи, гордости, паренія мыслей, разговоровъ не во время, лѣности въ молитвѣ, пожеланія имѣть, чего нѣтъ, нерадѣнія о заповѣдяхъ, нарядныхъ одеждъ, украшеній лица, собраній и бесѣдъ, противныхъ приличію и не нужныхъ,—всего этого столько нужно остерегаться посвятившему себя Богу обѣтомъ дѣвства, что ему равно почти опасно, какъ пребывать во грѣхѣ, отъ котораго онъ отрекся, такъ и предаваться чему либо одному изъ сказаннаго. Ибо все, дѣлаемое по страсти, вредитъ нѣкоторымъ образомъ душевной чистотѣ и препятствуетъ божественной жизни. Поэтому отрекшійся отъ міра долженъ то имѣть въ виду, чтобы себя, Божій сосудъ, не осквернять никакимъ страстнымъ употребленіемъ.

Особенно же надобно ему разсудить, что избравшій жизнь ангельскую, преступивъ мѣры естества человѣческаго, подчинилъ уже себя уставамъ житія безплотныхъ. Ибо ангельскому естеству свойственно быть свободнымъ отъ брачнаго союза, не развлекаться никакою другою красотою, но непрестанно взирать на лице Божіе. Посему вступившій въ ангельскій чинъ, если оскверняется человѣческими страстями, подобенъ кожѣ рыси, у которой шерсть не совершенно бѣла, и не вовсе черна, но испещрена смѣсью разныхъ цвѣтовъ и не причисляется ни къ чернымъ, ни къ бѣлымъ.

Это пусть будетъ нѣкоторымъ общимъ правиломъ для избравшихъ жизнь воздержную и чистую. Поелику же надобно подробно разобрать и частные случаи, то необходимо и объ нихъ оставить краткое напоминаніе.

Удалившіеся отъ жизни обыкновенной и подвизающіеся для жизни божетсвенной пусть подвизаются не сами по себѣ и не по-одиночкѣ. Ибо для таковой жизни нужно засвидѣтельствованіе, чтобы избыть ей лукаваго подозрѣнія. И какъ законъ духовный требуетъ, чтобы вкушающихъ таинственную пасху было не менѣе десяти [1]): такъ и здѣсь надобно, чтобы лучше увеличивалась, нежели уменьшалась десятерица совокупно подвизающихся въ духовной жизни.

Началовождемъ въ благообразіи жизни да будетъ поставленъ одинъ, избранный изъ прочихъ, по испытаніи его жизни, нравовъ и благоустроеннаго во всемъ поведенія, и по приеятіи во вниманіе, при этомъ предпочтеніи, лѣтъ его жизни. Ибо въ естествѣ человѣческомъ, что старѣе, то и почтеннѣе. И онъ надъ братствомъ, добровольно повинующимся изъ одной благопокорности и смиренномудрія, да имѣетъ такую власть, чтобы никому въ этомъ обществѣ не дозволялось противиться волѣ его, когда приказываетъ что нибудь клонящееся къ благообразію и строгости жизни. Но, какъ говоритъ Апостолъ, не должно противиться „отъ Бога учиненнымъ властямъ"; ибо осуждаются противящіеся „Божію повелѣнію" (Рим. 13, 1. 2): такъ и здѣсь прочее братство должно имѣть убѣжденіе, что не случайно, но по Божію изволенію дана настоятелю такая власть, чтобы преспѣяніе по Богу совершалось безпрепятственно, когда одинъ предлагаетъ все душѣ полезное и пригодное, а прочіе съ благопокорностію принимаютъ благіе совѣты. Поелику же надобно, чтобы общество было совершенно благопокорно и подчиненно настоятелю; то прежде всего необходимо избрать такого вождя для сего житія, чтобы жизнь его для взирающихъ на него была образцемъ всего добраго, и чтобы онъ, какъ говоритъ Апостолъ, былъ „трезвеннымъ, цѣломудреннымъ, честнымъ, учительнымъ" (1 Тим. 3, 2). И мнѣ кажется, что надобно испытать жизнь его не въ томъ одномъ отношеніи, старѣе ли онъ лѣтами,—ибо при сѣдинѣ и морщинахъ можно имѣть юные нравы,—но преимущественно въ томъ отношеніи, убѣлены ли его нравъ и поведеніе благолѣпіемъ, чтобы все, что онъ ни говоритъ и ни дѣлаетъ, могло быть для общества вмѣсто закона и правила.

Проходящимъ же подобную жизнь прилично придумать такой способъ пропитанія, какой предлагаетъ Апостолъ, „да" своими руками „дѣлающе", благообразно „свой хлѣбъ ядятъ" (2 Сол. 3, 12). А работа ихъ должна быть въ распоряженіи какого-нибудь старца, засвидѣтельствованнаго по честности жизни, который распредѣлитъ дѣла рукъ ихъ на нуж-

[1]) См. Іосифа Флавія „о войнѣ іудейской" VI, 9, 3.

ныя потребности, чтобы исполнилась и заповѣдь, повелѣвающая въ потѣ и трудѣ добывать пищу (Быт. 3, 19), и благопристойность ихъ поведенія оставалась безукоризненною и безупречною, когда не будетъ имъ никакой нужды показываться въ народѣ ради жизненныхъ потребностей.

А самымъ лучшимъ предѣломъ и правиломъ воздержанія пусть будетъ слѣдующее: не стремиться ни къ нѣгѣ, ни къ злостраданію плоти, но избѣгать неумѣренности и въ томъ и въ другомъ, чтобы плоть, утучнѣвъ, не мятежничала, и, ставъ болѣзненною, не лишилась силъ къ исполненію заповѣдей. Ибо равный вредъ душѣ въ обоихъ случаяхъ,—и когда плоть не покорна и отъ избытка здоровья предается неистовымъ порывамъ, и когда отъ недуговъ изнурена, разслаблена и неподвижна; потому что душа, при такомъ состояніи тѣла, не имѣетъ времени свободно возводить взоры горѣ, но по всей необходимости бываетъ занята ощущеніемъ боли, и ослабѣваетъ, подавляемая злостраданіемъ тѣла.

Поэтому употребленіе пусть будетъ соразмѣрно потребности; и виномъ гнушаться не должно, если принимаютъ его для врачеванія, и не должно домогаться его безъ нужды; равно и все прочее пусть служитъ потребностямъ, а не прихотямъ подвизающихся.

Вся жизнь да будетъ лучше временемъ молитвы. Но поелику напряженности псалмопѣнія и колѣнопреклоненія надобно давать отдыхъ нѣкоторыми перерывами: то должно соображаться съ часами, которые опредѣлены для молитвы святыми. Такъ великій Давидъ говоритъ: „полунощи исповѣдатися Тебѣ о судьбахъ правды Твоея" (Псал. 118, 62). А ему, какъ видимъ, послѣдуя, Павелъ и Сила „въ полунощи" хвалятъ Бога въ темницѣ (Дѣян. 16, 25). Потомъ тотъ же Пророкъ говоритъ: „вечеръ, и заутра, и полудне" (Псал. 54, 18). Но и пришествіе Духа Святаго совершается въ третій часъ, какъ знаемъ изъ Дѣяній, когда фарисеямъ, которые смѣялись надъ учениками за разнообразное дѣйствіе языковъ, Петръ говоритъ, что „не піяни" глаголющіе сіе: „есть бо часъ третій" (Дѣян. 2, 15). Девятый часъ напоминаетъ страданіе Господне, совершившееся нашей ради жизни. Но поелику Давидъ говоритъ: „седмерицею днемъ хвалихъ Тя о судьбахъ правды Твоея" (Псал. 118, 164), а упомянутыя времена молитвы не наполняютъ собою седмеричнаго числа молитвъ; то полуденную молитву надобно раздѣлить на молитву предъ принятіемъ пищи и на молитву по принятіи оной, чтобы и намъ, при каждомъ кругообращеніи дня, служило образцемъ сіе правило: „седмерицею днемъ хвалить Бога".

Въ обители подвижниковъ да заключены будутъ входы женщинамъ, и мужчины не всѣ пусть входятъ, а развѣ кому дозволенъ входъ настоятелемъ; потому что безъ разбора входящіе не рѣдко оставляютъ въ сердцахъ рядъ неблаговременныхъ рѣчей и безполезныхъ разсказовъ, а съ пустыми

словами влагають суетные и безполезные помыслы. И потому пусть будетъ общій законъ, чтобы приходящіе, о чемъ необходимо надобно быть слову, спрашивали одного настоятеля, и отъ него получали отвѣты, а прочіе не отвѣчали бы любителямъ суетныхъ бесѣдъ, чтобы не увлечься въ рядъ праздныхъ словъ.

У всѣхъ пусть будетъ одна общая кладовая, и ничто да не называется чьею-нибудь собственностію, ни одежда, ни обувь, ни другое что, служащее къ необходимой потребности тѣла. А употребленіе пусть будетъ во власти настоятеля, чтобы, по его распоряженію, каждый, что ему прилично, тѣмъ и пользовался изъ общаго.

Но въ этомъ общежитіи законъ любви не дозволяетъ частныхъ содружествъ и товариществъ. Ибо частныя пристрастія, по всей необходимости, много вредятъ общему согласію. А теперь надобно, чтобы всѣ смотрѣли другъ на друга съ равномѣрнымъ расположеніемъ, и чтобы всѣмъ обществомъ владѣла одна мѣра любви. Если же найдется кто, подъ какимъ нибудь предлогомъ расположенный съ большею любовію къ монаху брату, или родственнику, или къ кому другому, то да уцѣломудрится, какъ дѣлающій обиду обществу. Ибо избытокъ расположенія къ одному лицу обличаетъ великое оскудѣніе любви къ другимъ.

А наказанія осужденному въ какомъ-либо прегрѣшеніи да будутъ по мѣрѣ грѣха,—таковы: воспрещеніе стоять вмѣстѣ съ другими при псалмопѣніи, недопущеніе къ общенію въ молитвѣ, удаленіе отъ вкушенія пищи. При чемъ по важности проступка наказаніе согрѣшающему опредѣлитъ поставленный наблюдать за общимъ благочиніемъ.

Прислуживаніе общему собору да будетъ поочередно: и пусть двое попеременно въ продолженіе одной недѣли имѣютъ все попеченіе, требуемое нуждою, чтобы и награда за смиренномудріе была общая, и никому не возможно было даже и въ прекрасномъ имѣть преимущество предъ братствомъ, чтобы и отдохновеніе давалось всѣмъ равно. Ибо поперемѣнное утомленіе, и отдохновеніе дѣлаютъ трудъ нечувствительнымъ трудящимся.

Настоятель обители имѣетъ власть, по усмотрѣнію, дозволять необходимые выходы, а кому полезно, приказывать заниматься домашними дѣлами и оставаться дома. Ибо не рѣдко въ юномъ тѣлѣ, при всемъ усиліи изнурять его воздержаніемъ, никакъ не увядаетъ доброцвѣтность возраста, и для встрѣчныхъ дѣлается сіе поводомъ къ страсти. Поэтому, если кто по цвѣту тѣла представляется молодымъ, то да не показываетъ такого благообразія, скрывая до тѣхъ поръ, пока наружность не прійдетъ въ приличное состояніе.

Ни что да не будетъ въ нихъ признакомъ гнѣва, или памятозлобія, или зависти, или упорства: ни видъ, ни движеніе, ни слово, ни пристальный взглядъ, ни выраженіе лица, или что еще обыкновенно возбуждаетъ

ко гнѣву живущихъ вмѣстѣ съ другими. Если же кто впадетъ во что либо подобное, то къ извиненію прегрѣшенія, въ какомъ онъ пребываетъ, недостаточно того, что самъ онъ потерпѣлъ прежде нѣчто оскорбительное; потому что худое, въ какое бы время ни отваживались на него, равно худо.

Всякая клятва да будетъ изгнана изъ общества подвижниковъ; вмѣсто же клятвы и говорящимъ и слушающимъ да пріемлется помаваніе головою, или согласіе, подтвержденное словомъ. Если же кто не повѣритъ простому подтвержденію, то произнесетъ обличеніе собственной совѣсти, что не достигъ еще нелживости въ словѣ, и за это настоятель включитъ его въ число согрѣшившихъ, и уцѣломудритъ врачующимъ наказаніемъ.

По прошествіи дня и по приведеніи къ концу всякаго дѣла, тѣлеснаго и духовнаго, прежде упокоенія, совѣсть каждаго должна быть подвергнута испытанію собственнаго его сердца. И если что было противное долгу,— или помышленіе о запрещенномъ, или слово неприличное, или лѣность къ молитвѣ, или нерадѣніе къ псалмопѣнію, или пожеланіе мірской жизни, да не скрывается проступокъ, но да будетъ объявленъ обществу, чтобы немощь увлеченнаго въ таковое зло была уврачевана общею молитвою.

Слово о подвижничествѣ.

Подвижническая жизнь имѣетъ одну цѣль—спасеніе души, и поэтому все, что можетъ содѣйствовать сему намѣренію, должно соблюдать со страхомъ, какъ Божественную заповѣдь; потому что и самыя заповѣди Божіи не иное что имѣютъ въ виду, какъ спасеніе послушнаго имъ.

Посему какъ входящіе въ баню обнажаются отъ всякаго одѣянія, такъ и приступающимъ къ подвижнической жизни надобно, обнажившись отъ всякой житейской вещественности, вести жизнь любомудрую. Первое, о чемъ болѣе всего должно заботиться христіанину, это—обнажиться отъ разнородныхъ и различныхъ порочныхъ наклонностей, которыми оскверняется душа, а стремящемуся къ высокой жизни, сверхъ предъидущаго, надобно выполнить отреченіе имущества, потому что забота и попеченіе о вещественномъ производятъ великое развлеченіе въ душѣ. Посему, когда многіе, имѣя въ виду ту же цѣль спасенія, вступаютъ въ общежитіе другъ съ другомъ, надобно прежде всего въ нихъ утвердить, чтобы у всѣхъ были одно сердце, одна воля, одно вожделѣніе и, какъ заповѣдуетъ Апостолъ, вся полнота собранія была однимъ тѣломъ, составленнымъ изъ различныхъ членовъ (1 Кор. 12, 12). А въ семъ не иначе можно преуспѣть, развѣ когда превозможетъ обычай—ничего не называть чьею либо собственностію, ни одежды, ни сосуда, ничего другаго изъ употребительнаго въ общей жизни, чтобы каждая такая вещь служила потребности, а не владѣющему ею. И какъ большому тѣлу не прилична малая одежда, или ма-

тому большая, но соразмѣрная каждому и полезна и прилична ему, такъ и все прочее: ложе, постель, теплая одежда, обувь должны принадлежать тому, для кого очень нужны, а не тому, кто владѣетъ ими. Ибо какъ врачевствомъ пользуется раненый, а не здоровый; такъ и тѣмъ, что придумано къ упокоенію тѣла, наслаждается не роскошествующій, но имѣющій нужду въ упокоеніи.

Поелику же нравы у людей различны, и не всѣ одинаково разсуждають о полезномъ; то, чтобы не было какого либо разстройства, если каждый будетъ жить по собственной своей волѣ, такого человѣка, о которомъ засвидѣтельствовано, что онъ предъ всѣми отличенъ благоразуміемъ, постоянствомъ и строгостію жизни, надобно поставить въ руководители другимъ, чтобы доброе въ немъ сдѣлалось общимъ для всѣхъ ему подражающихъ. Если многіе живописцы будутъ списывать черты одного лица, то всѣ изображенія будутъ сходны между собою, потому что сходны съ однимъ лицемъ. Такъ, если многіе нравы будутъ устремлены къ подражанію нравамъ одного, во всѣхъ равно будетъ сіять добрый образъ жизни. Поэтому съ избраніемъ одного останутся въ бездѣйствіи всѣ частныя произволенія, и съ превосходнѣйшимъ будутъ сообразоваться всѣ послѣдующіе, повинуясь апостольской заповѣди, которая повелѣваетъ, чтобы „всякая душа властемъ предержащимъ“ повиновалась; потому что „противляющіися себѣ грѣхъ пріемлютъ“ (Рим. 13 1. 2).

А истинное и совершенное послушаніе подчиненныхъ на[illegible]авнику выказывается въ томъ, чтобы не только, по совѣту настоятеля, удерживаться отъ несообразнаго, но чтобы безъ его воли не дѣлать даже и похвальнаго. Ибо воздержаніе и всякое злостраданіе тѣла на что-нибудь полезно: но если кто слѣдуя собственнымъ стремленіямъ, дѣлаетъ себѣ угодное и не повинуется совѣту настоятеля; то прегрѣшеніе его будетъ важнѣе заслуги: потому что „противляйся власти, Божію повелѣнію противляется“ (Римл. 13, 2), и награда за послушаніе выше награды за преуспѣяніе въ воздержаніи.

Любовь же другъ къ другу должна быть во всѣхъ такъ же равною и общею, какъ человѣкъ естественнымъ образомъ имѣетъ любовь къ каждому изъ своихъ членовъ, въ равной мѣрѣ желая здравія всему тѣлу, потому что страданіе каждаго члена причиняетъ равное безпокойство тѣлу. Но какъ въ насъ самихъ, хотя страданіе каждаго больнаго члена равно касается всего тѣла, однако же одни члены предпочтительнѣе другихъ; ибо не одинаково занимаемся глазомъ и пальцемъ на ногѣ, хотя страданіе ихъ и равно: такъ надобно, чтобы въ каждомъ ко всѣмъ живущимъ въ томъ же обществѣ были сочувственное расположеніе и любезное отношеніе, но почтеніе, по справедливости, будетъ онъ имѣть въ большей мѣрѣ къ тѣмъ, которые болѣе полезны. Но поелику всѣ непремѣнно обязаны любить другъ

друга съ равномѣрнымъ расположеніемъ; то оскорбительно для общества, когда находятся въ немъ отдѣльныя какія-нибудь собратства и сотоварищества. Ибо любящій одного предпочтительно предъ другими обличаетъ себя въ томъ, что не имѣетъ совершенной любви къ другимъ. Посему равно должны быть изгнаны изъ общества и непристойная ссора, и частная расположенность, потому что отъ ссоры происходитъ вражда, а отъ частной дружбы и близости происходятъ подозрѣнія и зависть. Ибо нарушеніе равенства вездѣ бываетъ въ унижаемыхъ началомъ и предлогомъ зависти и непріязни. Поэтому и заповѣдь приняли мы отъ Господа подражать благости Его, „сіяющаго солнце свое“ одинаково „на праведныя и на неправедныя“ (Матѳ. 5, 45). Какъ Богъ всѣмъ даетъ возможность равно пріобщаться свѣта, такъ и подражатели Божіи да изливаютъ на всѣхъ общій и равночестный лучъ любви. Ибо гдѣ оскудѣваетъ любовь, тамъ непремѣнно на мѣсто ея входитъ ненависть. А если, какъ говоритъ Іоаннъ, „Богъ любы есть“ (1 Іоан. 4, 16); то, по всей необходимости, ненависть есть діаволъ. Посему, какъ имѣющій любовь имѣетъ въ себѣ Бога, такъ имѣющій ненависть питаетъ въ себѣ діавола. Итакъ надобно, чтобы любовь у всѣхъ и ко всѣмъ была равная и одинаковая, а почтеніе воздавалось каждому по достоинству. У людей же, такъ между собою сопряженныхъ, тѣлесное родство не будетъ имѣть преимущества въ отношеніи къ любви. Братъ ли кто кому по плоти, или сынъ, или дочь; единокровный не будетъ имѣть къ родственнику предпочтительно предъ другими большаго расположенія, потому что послѣдующій въ этомъ природѣ обличаетъ себя, что не совершенно отказался отъ естественныхъ узъ, но управляется еще плотію.

Неполезное же слово и безвременное разсѣяніе себя бесѣдою съ другими да будутъ запрещены. Напротивъ того, если что полезно къ назиданію души, то о семъ только и надобно говорить; да и о самомъ полезномъ должны говорить благочинно, въ приличное время, и тѣ только лица, которымъ дозволено говорить. А кто низшій, тотъ дожидайся дозволенія отъ высшаго. Шептанья же, собесѣдованія на ухо, знаки, подаваемые мановеніями, все это да будетъ изгнано; потому что шептаніе заставляетъ подозрѣвать въ злословіи, а знаки чрезъ помаваніе служатъ доказательствомъ брату, что скрываютъ отъ него какой-нибудь худой умыселъ. Все же это бываетъ началомъ ненависти и подозрѣнія. Когда же необходимъ будетъ взаимный о чемъ нибудь разговоръ; тогда мѣру голоса должна опредѣлять самая потребность, и съ тѣмъ, кто близко, надобно разговаривать тихимъ голосомъ, а говоря съ тѣмъ, кто вдали, надобно возвысить голосъ. Но чтобы совѣтующій кому, или дающій о чемъ приказаніе, употреблялъ голосъ громкій и грозный, сего, какъ оскорбительнаго, да не бываетъ въ обществѣ.

Выходить изъ обители подвижничества, кромѣ положенныхъ и необходимыхъ выходовъ, не позволительно.

Поелику же есть общества не мужей только, но и дѣвъ, то все доселѣ сказанное должно быть общимъ правиломъ для тѣхъ и другихъ. Одно только надобно знать, что большаго и преимущественнѣйшаго благообразія требуетъ жизнь женщинъ, ихъ преуспѣяніе въ нестяжательности, въ безмолвіи, въ послушаніи, дружелюбіи, строгость касательно выхода изъ обители, остереженіе отъ встрѣчъ, взаимное между собою расположеніе, избѣжаніе частныхъ содружествъ. Во всемъ этомъ съ особеннымъ тщаніемъ должна преуспѣвать жизнь дѣвъ.

Та, которой ввѣрено смотрѣніе за благочиніемъ, должна не того искать, что пріятно сестрамъ, и не о томъ заботиться, чтобы заслужить ихъ благосклонность, дѣлая имъ угодное, но всегда соблюдать степенность, внушая къ себѣ страхъ и почтеніе. Ибо долж о ей знать, что она дастъ Богу отчетъ въ общихъ прегрѣшеніяхъ противъ долга. И каждая изъ живущихъ въ составѣ общества да ищетъ отъ настоятельницы не пріятнаго, но полезнаго и пригоднаго, да не входитъ въ изслѣдованія о томъ, что ей приказываютъ; потому-то навыкъ къ сему есть обученіе безначалію и слѣдствіе онаго. Но какъ заповѣди Божіи пріемлемъ безъ изслѣдованія, зная что „всяко Писаніе богодухновенно и полезно“ (1 Тимоѳ. 3, 16), такъ и сестры да принимаютъ приказы отъ настоятельницы безъ испытанія, съ усердіемъ, а не „отъ скорби, ни отъ нужды“ (2 Кор. 9 7), исполняя всякій совѣтъ, чтобы послушаніе ихъ имѣло награду. Да принимаютъ не только наставленія, относящіяся къ строгости жизни, но если наставница запрещаетъ постъ, или совѣтуетъ принять укрѣпляющую пищу или, по требованію нужды, приказываетъ что-либо другое, служащее къ облегченію, все одинаково да исполняютъ, съ увѣренностію, что сказанное ею есть законъ.

Если же по необходимости надобно будетъ переговорить о чемъ-нибудь нужномъ или съ кѣмъ нибудь изъ мужчинъ, или съ имѣющимъ попеченіе о дѣлѣ, или съ другимъ человѣкомъ, который можетъ быть полезенъ въ требуемомъ дѣлѣ; то должна переговорить о семъ настоятельница въ присутствіи одной или двухъ сестеръ, для которыхъ по жизни и по лѣтамъ безопасно уже имѣть свиданіе и вести разговоръ съ кѣмъ бы то ни было. Если же сестра сама отъ себя придумаетъ что полезное, то пусть предложитъ настоятельницѣ, и чрезъ нее скажетъ, что нужно сказать.

Правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Поелику, по благодати Божіей, во имя Господа нашего Іисуса Христа, сошлись мы вмѣстѣ, предположивъ себѣ одну и ту же цѣль благочестивой жизни, и вы изъявляете желаніе узнать нужное ко спасенію, а мнѣ надлежитъ нужда возвѣстить оправданія Божіи, потому что день и ночь у меня въ памяти Апостолъ, который говоритъ: „три лѣта день и нощь не престаяхъ уча со слезами единаго когождо васъ" (Дѣян. 20, 31), и къ тому же настоящее время для насъ весьма удобно, а мѣсто сіе доставляетъ полную тишину и освобожденіе отъ внѣшняго шума. Помолимся же другъ о другѣ, чтобы мнѣ сослужителямъ моимъ „даяти во время житомѣріе" (Лук. 12, 42), а вамъ, какъ доброй землѣ, принявъ слово, воздать, по написанному, совершенный и во много кратъ преумноженный плодъ правды (Матө. 13, 23).

Посему умоляю васъ любовію Господа нашего Іисуса Христа, давшаго „Себе за ны" (Тит. 2, 14): позаботимся наконецъ о душахъ нашихъ, возскорбимъ о суетѣ протекшей жизни, начнемъ подвизаться ради будущаго во славу Бога, и Христа Его, и покланяемаго и Святаго Духа. Не будемъ оставаться въ этой лѣности и въ этомъ разслабленіи, чтобы намъ, по лѣности потерявъ настоящее, и начало дѣлъ откладывая до завтрашняго и послѣдующихъ дней, когда потомъ притязатель душъ нашихъ застигнетъ насъ, не запасшихся добрыми дѣлами, не быть лишенными радости брачнаго чертога и не плакать, напрасно и безполезно, сѣтуя о худо проведенномъ времени жизни, когда ничто уже не поможетъ раскаявающимся. „Нынѣ время благопріятно", говоритъ Апостолъ, „нынѣ день спасенія" (2 Кор. 6, 2). Этотъ вѣкъ—вѣкъ покаянія, а тотъ—воздаянія; этотъ—дѣланія, а тотъ отплаты; этотъ терпѣнія, а тотъ—утѣшенія. Нынѣ Богъ—помощникъ обращающихся отъ пути злаго, а тогда—страшный и неумыт-

ный изслѣдователь человѣческихъ дѣлъ, словъ и помышленій. Нынѣ пользуемся долготерпѣніемъ, а тогда познаемъ правосудіе, когда возстанемъ— одни на вѣчное мученіе, а другіе для вѣчной жизни, и каждый получитъ по дѣламъ своимъ. До котораго времени будемъ отлагать послушаніе Христу, призвавшему насъ въ Свое небесное царство? Ужели не отрезвимся? Не призовемъ себя отъ обычной жизни къ строгости евангельской? Не представимъ предъ очами того страшнаго и славнаго дня Господня, въ который приближающихся дѣлами къ десной странѣ Господа приметъ небесное царство, а за неимѣніе добрыхъ дѣлъ отторженныхъ на лѣвую страну сокроютъ геенна огненная и вѣчная тьма? Сказано: „ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ" (Матѳ. 25, 30).

А мы говоримъ, что желаемъ царства небеснаго, но не заботимся о томъ, посредствомъ чего можно достигнуть онаго, и не принимая на себя никакого труда ради заповѣди Господней, по суетности ума своего предполагаемъ, что получимъ одинаковыя почести съ противоборствовавшими грѣху даже до смерти. Кто, во время сѣянія сидѣвшій дома, или предававшійся сну, при наступленіи жатвы наполнялъ нѣдра рукоятей? Кто собиралъ виноградъ, котораго самъ не возрастилъ? Чьи труды, тѣхъ и плоды; и почесть и вѣнцы принадлежатъ побѣдившимъ. Увѣнчиваютъ ли когда-нибудь человѣка, который не снималъ съ себя и одежды для борьбы съ противникомъ, когда, по апостольскому слову, должно не только побѣдить, но и подвизаться законно (2 Тим. 2, 5), то есть, и малости не оставлять изъ предписаннаго, все же дѣлать такъ, какъ узаконено? Ибо сказано: „блаженъ рабъ той, егоже пришедъ господь обрящетъ", не какъ ни есть дѣлающаго, но „творяща тако" (Лук. 12, 43); и: „аще право принеслъ еси, право же не раздѣлилъ еси, согрѣшилъ еси" (Быт. 4, 7).

А мы, только думая, что исполнили какую-нибудь одну изъ заповѣдей,—ибо не могу сказать, что исполнили дѣйствительно, потому что всѣ онѣ, по здравопонимаемому намѣренію Писанія, состоятъ между собою въ такой связи, что нарушеніемъ одной необходимо нарушаются всѣ прочія,— не ожидаемъ себѣ гнѣва за неисполненныя, но ждемъ почестей за ту, которую будто-бы исполнили. Кому дано на сбереженіе десять талантовъ тотъ, удержавъ у себя одинъ или два таланта, а остальные уплативъ, не признается честнымъ за уплату большей части, но называется обидчикомъ и любостяжательнымъ за растрату меньшей части. Что говорю: за растрату, когда и тотъ, кому ввѣренъ былъ одинъ талантъ, отдавъ потомъ сполна и безъ обмана все, что получилъ, осуждается за то, что ничего не пріобрѣлъ къ данному? Кто десять лѣтъ оказывалъ почтеніе отцу, а напослѣдокъ нанесъ ему одинъ только ударъ, тотъ не почестей удостоивается, какъ сдѣлавшій доброе дѣло, но предается суду, какъ отцеубійца. „Шедше", говоритъ Господь, „научите вся языки, учаще ихъ" не блюсти одно, а о

другомъ нерадѣть, но блюсти „вся, елика заповѣдахъ вамъ" (Матѳ. 28, 19. 20). И Апостолъ согласно съ симъ пишетъ: „ни едино ни въ чемже дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ: но во всемъ представляюще себе, якоже Божія слуги" (2 Кор. 6, 3. 4). Ибо, если бы не все было необходимо намъ для достиженія цѣли спасенія, то не всѣ заповѣди были бы написаны, и не о всѣхъ повелѣвалось бы соблюдать ихъ необходимо.

Что мнѣ пользы въ другихъ заслугахъ, если, назвавъ брата уродомъ, буду повиненъ геённѣ (Матѳ. 5, 22)? Что пользы въ свободѣ отъ многихъ тому, кто однимъ удерживается въ рабствѣ? Ибо сказано: „творяй грѣхъ рабъ есть грѣха" (Іоан. 8, 34). Какая выгода быть избавленнымъ отъ многихъ страданій тому, у кого тѣло повреждено одною мучительною болѣзнію? „Слѣдовательно,—скажетъ кто нибудь,—для множества христіанъ, которые не соблюдаютъ всѣхъ заповѣдей, безполезно будетъ соблюденіе нѣкоторыхъ?" При семъ прекрасно привести себѣ на память блаженнаго Петра, который, послѣ стольких заслугъ и послѣ стольких ублаженій, за одно только слово услышалъ: „аще не умыю тебе, не имаши части со Мною" (Іоан. 13, 8). Не говорю уже о томъ, что и это одно слово не лѣность и пренебреженіе доказывало, но было выраженіемъ почтенія и благоговѣнія.

Впрочемъ скажетъ иный: „написано: „всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется" (Іоил. 2, 32): посему одно призываніе имени Господня достаточно къ тому, чтобы спасти призывающаго". Но и этотъ пусть выслушаетъ, что говоритъ Апостолъ: „како убо призовутъ, въ Негоже не вѣроваша" (Рим. 10, 14)? А если не вѣришь, послушай Господа, Который говоритъ: „не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю отца Моего, Иже есть на небесѣхъ" (Матѳ. 7, 21). Даже и тому, кто исполняетъ волю Господню, но не какъ хочетъ сего Богъ, и не по чувству любви къ Богу дѣлаетъ это, безполезно усердіе въ дѣлѣ, по изреченію самого Господа нашего Іисуса Христа, Который говоритъ: поелику дѣлаютъ, „да явятся человѣкомъ, аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою" (Матѳ. 6, 5). Симъ и Апостол Павелъ наученъ былъ сказать: „аще раздамъ вся имѣнія моя, и аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е, любве же не имамъ, никая польза ми есть" (1 Кор. 13, 3).

Вообще же усматриваю слѣдующія три различныя расположенія, въ которыхъ неизбѣжна необходимость послушанія: или, боясь наказанія, уклоняемся отъ зла, и бываемъ въ состояніи рабскомъ; или, гонясь за выгодами награды, исполняемъ повелѣнное ради собственной пользы, и тѣмъ уподобляемся наемникамъ; или дѣлаемъ сіе ради самаго добра и изъ любви къ Давшему намъ законъ, радуясь, что удостоились служить столь

славному и благому Богу,—и въ такомъ случаѣ бываемъ въ состояніи сыновъ.

Кто изъ страха исполняетъ заповѣди, и непрестанно боится наказанія за лѣность, тотъ не будетъ одно изъ предписаннаго дѣлать, а другое пренебрегать, но утвердится въ той мысли, что наказаніе за преслушаніе равно для него страшно. И посему, хотя ублажается, „иже боится всѣхъ, за благоговѣніе“ (Притч. 28, 14), однако же твердо стоитъ въ истинѣ и тотъ, кто можетъ сказать: „презрѣхъ Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся“ (Псал. 15, 8): потому что не хочетъ упустить изъ вниманія ничего должнаго. И: „блаженъ мужъ, бояйся Господа“. Почему? Потому что „въ заповѣдехъ Его восхощетъ зѣло“ (Псал. 111, 1). Поэтому боящимся не свойственно оставлять безъ исполненія какое-нибудь приказаніе или исполнять небрежно.

Но и наемникъ не захочетъ преступить какого либо повелѣнія. Ибо какъ получитъ плату за дѣланіе въ виноградникѣ, не исполнивъ всего по условію? Ибо, если недостанетъ и одного чего-нибудь изъ необходимаго; то виноградникъ дѣлаетъ онъ безполезнымъ владѣльцу. Кто же, поэтому, за поврежденіе дастъ плату причинившему вредъ?

Третій случай—служеніе изъ любви. Какой же сынъ, имѣя цѣлію угождать отцу и веселя его въ важнѣйшемъ, захощетъ оскорбить ради малостей,—особливо же, если помнитъ, что говоритъ Апостолъ: „и не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся“ (Еф. 4, 30).

Посему преступающіе большую часть заповѣдей куда желаютъ быть причислены, когда не служатъ Богу, какъ Отцу, не покаряются Ему, какъ давшему великія обѣтованія, не работаютъ, какъ Владыкѣ? Ибо говоритъ Онъ: „аще Отецъ есмь Азъ, то гдѣ слава Моя? И аще Господь есмь Азъ, то гдѣ есть страхъ Мой“ (Мал. 1, 6)? Какъ „бояйся Господа въ заповѣдехъ Его восхощетъ зѣло“ (Псал. 111, 1): такъ „преступленіемъ закона Бога“, сказано, „безчествуеши“ (Рим. 2, 23).

Какъ же, предпочтя жизнь сластолюбивую жизни по заповѣди, можемъ обѣщать себѣ блаженную жизнь, купножительство со святыми и веселія съ Ангелами предъ лицемъ Христовымъ? Подобныя мечты свойственны истинно дѣтскому уму. Какъ буду съ Іовомъ, когда и самой обыкновенной скорби не принялъ я съ благодареніемъ? Какъ буду съ Давидомъ, когда со врагомъ поступилъ не великодушно? Какъ буду съ Даніиломъ, когда не взыскалъ я Бога съ непрестаннымъ воздержаніемъ и неусыпною молитвою? Какъ буду съ каждымъ изъ святыхъ, когда не шелъ я по слѣдамъ ихъ? Какой подвигоположникъ столько не разсудителенъ, что удостоитъ равныхъ вѣнцовъ и побѣдителя, и не вступавшаго въ подвигъ? Какой военачальникъ призывалъ когда-нибудь къ равному раздѣлу добычи и побѣдившихъ, и тѣхъ, которые не являлись на сраженіе?

Богъ благъ, но и правосуденъ. А правосудному свойственно воздавать по достоинству, какъ написано: „ублажи, Господи, благія и правыя сердцемъ: уклоняющіяся же въ развращенія отведетъ Господь съ дѣлающими беззаконіе“ (Псал. 124, 4—5). Богъ милосердъ, но и Судія; ибо, сказано, „любитъ милостыню и судъ Господь“ (Псал. 32, 5). Посему говоритъ: „милость и судъ воспою Тебѣ, Господи“ (Псал. 100, 1). Мы научены, къ кому „милость“; ибо сказано: „блажени милостивіи, яко тіи помиловани будутъ“ (Матѳ. 5, 7). Видишь ли, какъ разсудительно употребляетъ милость? Не безъ суда милуетъ, и не безъ милости судитъ. Ибо „милостивъ Господь и праведенъ“ (Псал. 114, 4). Посему не будемъ знать Бога въ половину, и человѣколюбіе Его обращать себѣ въ поводъ къ лѣности. Для того громы, для того молніи, чтобы не была презираема благость. Кто велитъ сіять солнцу, Тотъ наказываетъ и слѣпотою; Кто даетъ дождь, Тотъ дождитъ и огнемъ. Одно показываетъ благость, другое—строгость; или за первое будемъ любить, или за послѣднее страшиться, чтобы и намъ не было сказано: „или о богатствѣ благости Его и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ? По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва“ (Рим. 2, 4. 5).

Итакъ, поелику не возможно спастись, не творя дѣлъ, сообразныхъ съ заповѣдію Божіею, и не безопасно пренебрегать чѣмъ-нибудь изъ заповѣданнаго (ибо ужасно превозношеніе—поставлять себя судіями Законодателя, и одни законы Его избирать, а другіе отвергать); то мы, подвижники благочестія, предпочетшіе жизнь безмолвную и безмятежную, какъ споспѣшествующую къ соблюденію евангельскихъ догматовъ, сообща позаботимся и поразсудимъ, какъ сдѣлать, чтобы ничего изъ предписаннаго не осталось у насъ безъ исполненія? Ибо, если долженъ быть, „совершенъ Божій человѣкъ“, какъ написано (2 Тим. 3, 17), и какъ доказало слово въ изложенномъ ранѣе сего; то по всей необходимости надобно ему, посредствомъ всякой заповѣди, быть уготовану „въ мѣру возраста исполненія Христова“ (Еф. 4, 13); потому что и по закону Божію, хотя и чистое, но поврежденное, не пріемлется въ жертву Богу. Поэтому, въ чемъ каждый почитаетъ себя неопытнымъ, то пусть и предложитъ на общее разсмотрѣніе; потому что при трудолюбивомъ изслѣдованіи многихъ удобнѣе найдется сокровенное, если только Богъ, по обѣтованію Господа нашего Іисуса Христа, даруетъ намъ найдти искомое, по наученію и напоминанію Святаго Духа (Іоан. 14, 26).

Посему какъ „нужда ми належитъ“ и „горе мнѣ есть, аще не благовѣствую“ (1 Кор. 9, 16), такъ равная опасность и вамъ, если облѣнитесь изслѣдовать, или безъ напряженія и слабо приступите къ соблюденію и исполненію на дѣлѣ преданнаго вамъ. Почему Господь говоритъ: „слово,

еже глаголахъ, то судитъ ему въ послѣдній день" (Іоан. 12, 48). И: „рабъ не вѣдѣвый волю господина своего, сотворивъ же достойная ранамъ, біенъ будетъ мало. Вѣдѣвый же и не сотворивъ, ни уготовавъ по воли Его, біенъ будетъ много" (Лук. 12, 48. 47). Итакъ помолимся, чтобы и у меня домостроительство слова было непорочно, и въ часъ ученіе плодоносно. Поелику знаемъ, что словеса богодухновеннаго Писанія лицемъ къ лицу противостануть на судилищѣ Христовомъ; ибо сказано: „обличу тя, и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя" (Псал. 49, 21): то и внимать предлагаемому будемъ трезвенно, и приводить въ исполненіе божественныя наставленія поспѣшимъ съ усердіемъ, потому что не знаемъ. въ какой день или часъ Господь нашъ пріидетъ.

Правила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Вопросъ 1. О порядкѣ и послѣдовательности въ заповѣдяхъ Господнихъ.

Поелику дано намъ позволеніе предлагать вопросы; то прежде всего желаемъ быть научены: есть ли порядокъ какой и послѣдовательность въ заповѣдяхъ Божіихъ, такъ что одна изъ нихъ первая, другая—вторая, и такъ далѣе, или всѣ одна съ другой смыкаются и всѣ одна другой равночестны въ разсужденіи первенства, такъ что желающему безопасно, какъ въ кругѣ, положить начало, откуда ни захочетъ?

Отвѣтъ. Вопросъ нашъ есть давній и прежде еще изложенъ въ Евангеліяхъ, когда законникъ, поступивъ къ Господу, сказалъ: „Учителю, кая заповѣдь первая въ законѣ?" а Господь отвѣчалъ: „возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею крѣпостію твоею, и всею мыслію твоею. Сія есть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе" (Матѳ. 22, 35—39. Мар. 12, 28—31). Итакъ Самъ Господь далъ порядокъ Своимъ заповѣдямъ, опредѣливъ, что заповѣдь о любви къ Богу есть первая и большая, вторая же по порядку и подобная первой, лучше же сказать, служащая дополненіемъ ей и отъ ней зависящая, есть заповѣдь о любви къ ближнимъ. Почему и изъ приведеннаго мѣста и изъ другихъ подобныхъ мѣстъ, находящихся въ богодухновенныхъ Писаніяхъ, можно узнать порядокъ и послѣдовательность всѣхъ заповѣдей Господнихъ.

Вопросъ 2. О любви къ Богу и о томъ, что въ людяхъ отъ природы есть наклонность къ заповѣдямъ Божіимъ и сила исполнять ихъ.

Поэтому скажи намъ прежде о любви къ Богу. Ибо слышали мы, что надобно любить Бога, и желаемъ знать, какъ преуспѣвать въ этомъ?

Отвѣтъ. Любовь къ Богу не есть что-либо ученіемъ пріобрѣтаемое. Ибо не у другаго учились мы восхищаться свѣтомъ, быть привязанными

къ жизни: не другой кто училъ насъ любить родителей, или воспитателей. Такъ, или еще болѣе, не возможно отвнѣ научиться любви Божіей; но вмѣстѣ съ устроеніемъ живаго существа, разумѣю человѣка, вложено въ насъ нѣкоторое прирожденное стремленіе (λόγος σπερματικὸς), въ себѣ самомъ заключающее побужденія къ общенію любви. И его-то взявъ, училище Божіихъ заповѣдей имѣетъ обычай тщательно воздѣлывать, благоразумно воспитывать и, при помощи Божіей благодати, возводить до совершенства. Посему и я, похваливъ ваше тщаніе, какъ необходимое для цѣли, при помощи Божіей, пріобщивъ къ себѣ и васъ въ молитвахъ, по данной мнѣ отъ Духа силѣ, постараюсь пробудить сокрытую въ васъ искру Божіей любви.

Впрочемъ надобно знать, что хотя это (любовь)—одна добродѣтель, однако же она силою своею приводитъ въ дѣйствіе и объемлетъ всякую заповѣдь. „Ибо любяй Мя", говоритъ Господь, „заповѣди Моя соблюдетъ" (Іоан. 14, 21—23). И еще: „въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ" (Матѳ. 22, 40). Однако я не намѣренъ теперь входить въ подробности, потому что въ такомъ случаѣ непримѣтнымъ образомъ въ одну часть включилъ бы все ученіе о заповѣдяхъ: но, насколько мнѣ удобно и соотвѣтственно настоящей цѣли, напомню вамъ о любви, какою обязаны мы къ Богу, сказавъ прежде всего то, что для исполненія всѣхъ тѣхъ заповѣдей, какія даны намъ отъ Бога, получили мы отъ Него и силы, чтобы не возможно было и негодовать на то, будто бы отъ насъ требуется что-то необыкновенное, и превозноситься тѣмъ, будто отъ себя привносимъ нѣчто сверхъ даннаго. И этими силами дѣйствуя правильно и какъ должно, благочестиво проводимъ добродѣтельную жизнь, а разстраивая ихъ дѣйствіе, увлекаемся въ порокъ.

А опредѣленіе порока таково: это—лукавое и противное Христовой заповѣди употребленіе того, что дано намъ Богомъ для доброй цѣли; равно какъ опредѣленіе добродѣтели, требуемой Богомъ, будетъ слѣдующее: это—употребленіе Божіихъ даровъ съ доброю совѣстію, по заповѣди Господней. Если же это такъ, то и о любви скажемъ то же самое.

Именно: получивъ заповѣдь любить Бога, пріобрѣли мы также и силу любить, вложенную въ насъ при самомъ первоначальномъ нашемъ устройствѣ; и доказательство этому не внѣ, но каждый можетъ узнать сіе самъ собою и самъ въ себѣ. Ибо отъ природы въ насъ есть вожделѣніе прекраснаго, хотя по большей части одному то, а другому другое кажется прекраснымъ: и нѣжную любовь къ свойственному и родственному имѣемъ не учась, и благодѣтелямъ добровольно оказываемъ всякое благорасположеніе. Что же досточуднѣе Божіей красоты? Какое представленіе пріятнѣе Божія великолѣпія? Какое желаніе душевное такъ живо и невыносимо, какъ желаніе, порождаемое Богомъ въ душѣ, которая очищена отъ всякаго порока и съ

истиннымъ расположеніемъ говоритъ: „уязвлена есмь любовію азъ“ (Пѣсн. 2, 5)? Подлинно неизреченны и неописанны молніеносныя блистанія Божіей красоты; ни слово не можетъ выразить, ни слухъ вмѣстить. Наименуешь ли блескъ денницы, или сіяніе луны, или свѣтъ солнца,—все это не достойно къ уподобленію славы, и въ сравненіи съ истиннымъ Свѣтомъ далѣе отстоитъ отъ Него, нежели глубокая ночь и ужаснѣйшая тьма отъ самаго яснаго полудня. Если красота сія, не зримая тѣлесными очами, а постижимая только душею и мыслію, озаряла кого-нибудь изъ святыхъ, и оставляла въ нихъ невыносимое уязвленіе желаніемъ; то, возмущенные здѣшнею жизнію, говорили они; „увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися“ (Псал. 119, 5)! „когда пріиду, и явлюся лицу Божію“ (Псал. 41, 3)? и: „разрѣшитися и со Христомъ быти, много паче лучше“ (Филип. 1, 23); и: „возжада душа моя къ Богу крѣпкому, живому“ (Псал. 41, 3); и: „нынѣ отпущаеши раба Твоего, Владыко“ (Лук. 2, 29). Тяготясь сею жизнію какъ узилищемъ, столько были неудержимы въ стремленіяхъ тѣ, у кого коснулось души Божественное желаніе. По причинѣ ненасытимаго желанія созерцать Божественную доброту, они молились о томъ, чтобы зрѣніе красоты Господней простиралось на всю вѣчную жизнь (Псал. 26, 4). Такъ люди по природѣ вожделѣваютъ прекраснаго; въ собственномъ же смыслѣ прекрасно и достолюбезно благое; а благъ—Богъ, къ благому же все стремится; слѣдовательно все стремится къ Богу.

Посему, что совершаемъ мы по произволенію, то въ насъ есть и по природѣ, у кого разсудокъ не совращенъ лукавствомъ. И любовь къ Богу требуется отъ насъ, какъ необходимый долгъ; оскудѣніе ея въ душѣ есть самое несносное изъ всѣхъ золъ. Ибо отчужденіе и удаленіе отъ Бога несноснѣе мученій, ожидаемыхъ въ геённѣ; оно тяжело для страждущаго, какъ для глаза лишеніе свѣта, хотя и безболѣзненное, и какъ для живаго существа лишеніе жизни. А ежели въ рожденныхъ есть природная любовь къ родившимъ, и это показываетъ и привязанность безсловесныхъ, и въ людяхъ съ перваго возраста открывающаяся расположенность къ матерямъ; то недостаткомъ любви къ Сотворшему насъ и отчужденіемъ отъ Него да не окажемъ себя неразумнѣе младенцевъ и свирѣпѣе звѣрей. Если бы и не знали, каковъ Онъ по благости: по тому одному, что отъ Него получили бытіе, должны мы безмѣрно любить Его со всею нѣжностію и непрестанно прилѣпляться къ памятованію о Немъ, какъ дѣти къ матерямъ. Но благодѣтель выше любимыхъ естественно, и привязанность къ даровавшимъ какое нибудь благо есть расположеніе, свойственное не людямъ только, но всѣмъ почти животнымъ. Сказано: „позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли господина своего“. О, если бы не было сказано о насъ послѣдующихъ словъ: „Израиль же Мене не позна, и людіе Мои не разумѣша“ (Исаіи 1, 3)! Ибо о псѣ и многихъ другихъ подобныхъ животныхъ нужно

ли говорить, какую привязанность оказываютъ они къ тѣмъ, которые кормятъ ихъ?

Если же по природѣ имѣемъ любовь и расположеніе къ благодѣтелямъ, и рѣшаемся на всякій трудъ, чтобы воздать за оказанное намъ благодѣяніе; то какое слово можетъ изобразить Божіи дары? Они таковы по множеству, что превышаютъ всякое число, такъ велики и важны, что достаточно и одного, чтобы обязать насъ ко всякой благодарности Подателю. Умолчу о тѣхъ изъ насъ, которые, хотя сами по себѣ и чрезмѣрны величіемъ и пріятностію, однако же превышаемые свѣтозарностію большихъ, какъ звѣзды сіяніемъ солнечныхъ лучей, не такъ ясно выказываютъ свою пріятность. Ибо нѣтъ времени, оставивъ превосходнѣйшее, измѣрять благость Благодѣтеля меньшими Его дарами. Поэтому пусть будутъ преданы молчанію восхожденіе солнца, круговращеніе луны, благорастворепіе воздуха, смѣны годовыхъ временъ, вода изъ облаковъ, вода изъ земли, самое море, вся земля, раждающееся изъ земли, живущее въ водахъ, роды живыхъ тварей въ воздухѣ, тысячи различій между животными, все назначенное на служеніе нашей жизни.

Но одного, хотя бы кто и захотѣлъ, нельзя миновать; объ одномъ дарѣ совершенно не возможно умолчать тому, кто имѣетъ здравый умъ и слово, хотя еще болѣе не возможно сказать о немъ, какъ должно,—а именно, что Богъ, сотворивъ человѣка по образу и по подобію Божію, удостоивъ вѣдѣнія о Себѣ, украсивъ предъ всѣми животными даромъ слова, давъ ему наслаждаться безмѣрными красотами рая, поставивъ его княземъ надъ всѣмъ, что на землѣ, и послѣ того, какъ перехищренъ онъ зміемъ, ниспалъ въ грѣхъ, а чрезъ грѣхъ въ смерть и во все, что достойно смерти, не презрѣлъ его, но сперва далъ ему въ помощь законъ, для охраненія его и попеченія о немъ приставилъ Ангеловъ, для обличенія порока и наученія добродѣтели посылалъ Пророковъ, порочныя стремленія пресѣкалъ угрозами, усердіе къ добрымъ дѣламъ возбуждалъ обѣтованіями, неоднократно на разныхъ лицахъ для вразумленія прочихъ предварительно показывалъ конецъ порока и добродѣтели, и отъ тѣхъ, которые, при всѣхъ таковыхъ пособіяхъ, пребывали въ непокорности, не отвратился; потому что не были мы оставлены благостію Владыки и не прервала любви Его къ намъ оскорбительная для Благодѣтеля наша безчувственность къ такимъ почестямъ, но мы воззваны отъ смерти и снова оживотворены самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. При чемъ еще болѣе удивителенъ самый способъ благодѣянія: ибо Онъ, „во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непщева быти равенъ Богу, но Себе истощилъ, зракъ раба пріимъ“ (Филип. 2, 6); „недуги наша пріятъ, и болѣзни понесе“ (Матѳ. 8, 17); (Ис. 53, 4), былъ „язвенъ“ за насъ, чтобы мы „язвою Его“ испѣлѣли (Исаіи 53, 5), „искупилъ ны есть отъ клятвы бывъ, по насъ клятва“

(Гал. 3, 13), претерпѣлъ поноснѣйшую смерть, чтобы насъ возвести къ славной жизни, и не удовольствовался тѣмъ однимъ, что оживотворилъ насъ мертвыхъ, но еще даровалъ намъ достоинство божества, уготовалъ вѣчныя упокоенія, великостію веселія превышающія всякую человѣческую мысль. „Что“ же воздадимъ „Господеви о всѣхъ, яже воздаде“ намъ (Псал. 115, 3)? Но Онъ столь благъ, что не требуетъ воздаянія, а довольствуется тѣмъ, чтобы любили Его за дарованное Имъ.

Когда все это привожу себѣ на мысль, тогда (откроюсь въ своей немощи) прихожу въ какой-то ужасъ и страшное изступленіе отъ боязни, чтобы, по невнимательности ума или по причинѣ занятія суетнымъ, отпавъ отъ любви Божіей, не сдѣлаться мнѣ нѣкогда укоризною Христу. Ибо тотъ, кто нынѣ обольщаетъ насъ, и мірскими приманками всемѣрно старается произвести въ насъ забвеніе о Благодѣтелѣ, къ погибели душъ нашихъ ругается и посмѣвается надъ нами, тогда пренебреженіе наше обратитъ въ укоризну Господу, и будетъ хвалиться нашею непокорностію и нашимъ отступничествомъ; что онъ не сотворилъ насъ и не умеръ за насъ, однако же имѣлъ насъ своими послѣдователями въ непокорности и нерадѣніи о заповѣдяхъ Божіихъ. Эта укоризна Господу и эта похвальба врага для меня кажутся тяжелѣе геенскихъ мученій—врагу Христову послужить предметомъ похвальбы и поводомъ къ превозношенію предъ Тѣмъ, Кто за насъ умеръ и воскресъ, Кому, по написанному, тѣмъ болѣе за сіе мы обязаны (2 Кор. 5, 15)!

И сего довольно о любви къ Богу; ибо, какъ сказалъ я, наша цѣль—не все говорить,—что и невозможно,—но сдѣлать краткое напоминаніе о главномъ, которое бы непрестанно возбуждало въ душахъ Божественное желаніе.

Вопросъ 3. О любви къ ближнему.

Послѣдовательность требуетъ сказать о второй, по порядку и по силѣ, заповѣди.

Отвѣтъ. Въ предъидущихъ рѣчахъ мы говорили, что законъ есть возделыватель и воспитатель силъ, какія заключены въ насъ въ видѣ сѣмени. Поелику же намъ предписано любить ближняго, какъ самихъ себя, то посмотримъ: имѣемъ ли отъ Бога и силу къ исполненію этой заповѣди?

Кто не знаетъ, что человѣкъ есть животное кроткое и общительное, а не уединенное и дикое? Ничто такъ не свойственно нашей природѣ, какъ имѣть общеніе другъ съ другомъ и нужду другъ въ другѣ, и любить соплеменныхъ.

А какія сѣмена предварительно вложилъ въ насъ самъ Господь, отъ тѣхъ въ послѣдствіи требуетъ и плодовъ, говоря: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“ (Іоан. 13, 34). И желая возбудить душу нашу къ сей заповѣди, въ доказательство, кто Его ученикъ, потребовалъ

не знаменій и чудесъ необычайныхъ (хотя въ Духѣ Святомъ даровалъ силу и на это), но что говоритъ? „о семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ (35). И такимъ образомъ вездѣ сочетаваетъ сіи заповѣди, такъ что благотвореніе ближнему вмѣняетъ Себѣ. Ибо говоритъ: „взалкахся, и дасте Мя ясти“ и прочее: потомъ присовокупляетъ: „понеже сотвористе единому сихъ братій Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе“ (Матѳ. 25, 35—36. 40).

Слѣдовательно чрезъ исполненіе первой заповѣди можно преуспѣть и во второй, а чрезъ исполненіе второй опять возвратиться къ первой, и кто любитъ Господа, тотъ, конечно, любитъ и ближняго. Ибо любящій Меня, сказалъ Господь, заповѣди Мои „соблюдетъ“ (Іоан. 14, 23). „Сія“ же „есть“, говоритъ, „заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы“ (Іоан. 15, 12). И опять, кто любитъ ближняго, тотъ исполняетъ свою любовь къ Богу, потому что Богъ его милосердіе переноситъ на Самого Себя. Посему-то вѣрный служитель Божій Моѵсей оказалъ такую любовь къ братіямъ, что изъ книги Божіей, въ которой былъ записанъ, желалъ быть изглаженнымъ, если не будетъ прощенъ грѣхъ народу (Исх. 32, 32). А Павелъ дерзалъ молиться о томъ, чтобъ ему быть отлученнымъ отъ Христа за братій своихъ сродниковъ по плоти (Римл. 9, 3), желая, въ подражаніе Господу, стать самъ искупительною цѣною спасенія всѣхъ, а вмѣстѣ и зная, что невозможно быть отчужденнымъ отъ Бога тому, кто изъ любви къ Богу, ради важнѣйшей изъ заповѣдей, отказывается отъ благодати Божіей, и что чрезъ это получитъ во много кратъ болѣе того, чѣмъ жертвовалъ. По крайней мѣрѣ сказанное достаточно доказываетъ, что святые достигали до сей мѣры любви къ ближнему.

Вопросъ 4. О страхѣ Божіемъ.

Отвѣтъ. Какъ новоначальнымъ въ благочестіи полезнѣе обученіе при помощи страха, по наставленію премудраго Соломона, сказавшаго: „начало премудрости страхъ Господень“ (Притч. 1, 7); такъ вамъ, вышедшимъ изъ младенчества о Христѣ, не имѣющимъ уже нужду въ молокѣ, и способнымъ твердою пищею догматовъ усовершать себя по внутреннему человѣку, потребны обширнѣйшія заповѣди, по которымъ достигается вся истина любви о Христѣ, а именно, вамъ нужно блюстись, чтобы обиліе даровъ Божіихъ не сдѣлалось для васъ причиною тягчайшаго осужденія, если будете неблагодарны къ Благодѣтелю; ибо сказано: „емуже предаша множайше, множайше истяжутъ отъ него“ (Лук. 12, 48).

Вопросъ. 5. О собранности мыслей.

Отвѣтъ. Впрочемъ надобно знать, что не можемъ преуспѣвать ни въ соблюденіи всякой другой заповѣди, ни въ самой любви къ Богу и въ любви къ ближнему, блуждая мыслями туда и сюда. Ибо не возможно дойти до точности въ искусствѣ или въ познаніи тому, кто переходитъ

отъ одного къ другому; даже не пріобрѣтаетъ успѣха и въ одномъ, кто не знаетъ, что свойственно концу искусства; потому что дѣйствія должны соотвѣтствовать цѣли, и ни въ чемъ, требующемъ соображенія, невозможно успѣть несвойственными способами, такъ какъ цѣль искусства ковать изъ мѣди достигается, обыкновенно, не произведеніями горшечнаго искусства, и ратоборческіе вѣнцы пріобрѣтаются не тщательнымъ упражненіемъ въ игрѣ на свирѣли, но для каждой цѣли требуется свойственный ей и соотвѣтственный трудъ.

Поэтому и упражненіе въ благоугожденіи Богу, по евангелію Христову, бываетъ успѣшно при удаленіи отъ мірскихъ попеченій и при совершенномъ удаленіи себя отъ развлеченій. Почему Апостолъ, хотя бракъ дозволенъ и удостоенъ благословенія, налагаемыя имъ на человѣка заботы противоположилъ попеченіямъ о Богѣ, какъ будто бы тѣ и другія не могутъ быть совмѣщены между собою, и сказалъ: „не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви, а оженивыйся печется о мірскихъ, како угодити женѣ" (1 Кор. 7, 32. 33). Такъ и Господь о расположеніи учениковъ засвидѣтельствовалъ, что оно чисто и собранно, говоря: „нѣсте отъ міра" сего (Іоан. 15, 19). А напротивъ о мірѣ свидѣтельствовалъ, что не можетъ онъ принять познанія о Богѣ, и вмѣстить Духа Святаго. Ибо говоритъ: „Отче праведный, и міръ Тебе не позна" (Іоан. 17, 15); и: „Духъ истины, Егоже міръ не можетъ пріяти" (Іоан. 14, 17). Поэтому намѣревающійся истинно послѣдовать Богу долженъ отрѣшиться отъ узъ житейскаго пристрастія; а сіе достигается совершеннымъ удаленіемъ отъ прежнихъ нравовъ и забвеніемъ оныхъ. Почему, если не сдѣлаемъ себя чуждыми и плотскаго родства и мірскихъ связей, переходя какъ-бы въ другой міръ по своему поведенію, по словамъ сказавшаго: „наше бо житіе на небесѣхъ есть" (Фил. 3, 20): то невозможно намъ достигнуть цѣли благоугожденія Богу, потому что Господь опредѣленно сказалъ: „тако всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ" (Лук. 14, 33). А сдѣлавъ это, надобно „всяцѣмъ храненіемъ" блюсти свое „сердце" (Притч. 4, 23), чтобы никакъ не терять мысли о Богѣ, и памятованія о чудесахъ Его не осквернять представленіями суетнаго, но святую мысль о Богѣ, постояннымъ и чистымъ памятованіемъ напечатлѣнную въ душахъ нашихъ, всюду носить съ собою, какъ неизгладимую печать. Ибо такимъ образомъ пріобрѣтается нами любовь къ Богу, которая и возбуждаетъ къ исполненію заповѣдей Господнихъ, и вмѣстѣ опять ими сама соблюдается, дѣлаясь продолжительною и непоколебимою. И это показываетъ Господь, говоря въ одномъ мѣстѣ: „аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите" (Іоан. 14, 15), а въ другомъ: „аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей": и еще убѣдительнѣе: „якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ, и пребываю въ Его любви" (Іоан. 15, 10).

Симъ научаетъ насъ—въ предстоящемъ намъ всегда дѣлѣ поставлять для себя какъ бы цѣлію волю Повелѣвшаго и по оной направлять тщательность свою, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ Онъ: „снидохъ съ небесе, не да творю волю Мою, но волю Пославшаго Мя Отца“ (Іоан. 6, 38). Ибо какъ необходимыя въ жизни искусства, предложивъ нѣкія свойственныя себѣ цѣли, къ нимъ приспособляютъ частныя дѣйствія; такъ, поелику и нашимъ дѣламъ положены одинъ предѣлъ и одно правило—исполнять заповѣди благоугодно Богу, то не иначе можно преуспѣть съ точностію въ дѣлѣ, какъ совершая оное по волѣ Давшаго заповѣди. А при строгой тщательности совершать дѣло по волѣ Божіей возможно будетъ чрезъ памятованіе вступить въ единеніе съ Богомъ. Ибо какъ ковачъ, при изготовленіи, напримѣръ, топора, помня того, кто далъ ему работу и имѣя его въ умѣ, представляетъ тотъ видъ и ту величину, какіе назначены, соображаетъ работу съ волею заказавшаго (а если забудетъ, то сдѣлаетъ или что-нибудь другое, или иначе, нежели какъ заказано): такъ и христіанинъ, всякое дѣйствіе маловажное и важное соображая съ волею Божіею, и дѣйствіе свое благоукрашаетъ тщательностью, и вмѣстѣ сохраняетъ мысль о томъ, кто повелѣлъ такъ поступать, выполняетъ сказанное: „предзрѣхъ Господа предо Мною выну, яко одесную Мене есть, да не подвижуся“ (Псал. 15, 8), удовлетворяетъ также и тому повелѣнію: „аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся въ славу Божію творите“ (1 Кор. 10, 31). А кто въ дѣлѣ своемъ нарушаетъ точность заповѣди, тотъ, очевидно, слабо памятуетъ о Богѣ.

Посему, помня слова Сказавшаго: „еда небо и землю не Азъ наполняю? рече Господь“ (Іер. 23, 24); и: „Богъ приближаяйся Азъ есмь, а не Богъ издалеча“ (23); и: „идѣже еста два, или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ“ (Матѳ. 18, 20);—надобно всякое дѣло совершать, какъ бы оно дѣлалось предъ очами Господа, и всякую мысль слагать, какъ бы Господь назиралъ ее. Ибо въ такомъ случаѣ будетъ и всегдашній страхъ, который по написанному, „ненавидитъ неправды, досажденія же и гордыни, и пути лукавыхъ“ (Притч. 8, 13), и любовь усовершится, исполняя сказанное Господомъ: „не ищу воли Моея, но воли пославшаго Мя Отца“ (Іоан. 5, 30); потому что душа сохранитъ всегдашнюю увѣренность, что, какъ добрыя дѣла пріятны Судіи и Подвигоположнику нашей жизни, такъ дѣла противныя вскорѣ подвергнутся осужденію. А думаю, что съ симъ вмѣстѣ достигнуто будетъ и то, чтобы самыя заповѣди Господни исполнять не изъ человѣкоугодія. Ибо никто при увѣренности, что онъ въ присутствіи высшаго, не обращается къ низшему. А если бы и случилось, что сдѣланное пріятно и угодно лицу знаменитому, но непріятно и стоитъ порицанія по мнѣнію низшаго, то всякій, признавая достойнымъ предпочтенія одобреніе высшаго, пренебрегаетъ охужденіемъ

низшаго. Если же такъ бываетъ у людей; то какая душа, истинно трезвенная и здравая, при увѣренности въ присутствіи Божіемъ, иногда оставивъ совершеніе дѣла, благоугоднаго Богу, обратится къ людскимъ мнѣніямъ, иногда же не радя о заповѣдяхъ Божіихъ, поработится человѣческому обычаю, или уступитъ надъ собою власть общему предразсудку, или придетъ въ смущеніе предъ облеченными высокимъ саномъ? Таково было расположеніе сказавшаго: „повѣдаша мнѣ законопреступницы глумленія, но не яко законъ Твой, Господи" (Псал. 118, 85); и еще: „и глаголахъ о свидѣніихъ Твоихъ предъ цари, и не стыдяхся" (46).

Вопросъ 6. О томъ, что необходимо уединяться.

Отвѣтъ. Душевной собранности способствуетъ и уединеніе по мѣсту жительства. Ибо что вредно вести жизнь въ обществѣ съ людьми, которые небоязненно и презрительно смотрятъ на обязанность въ точности исполнять заповѣди, это показываетъ и слово Соломона, который учитъ насъ: „не бывай другъ мужу гнѣвливу, и со другомъ жестокосердымъ не сооводворяйся, да не когда научишися путемъ его, и пріимеши тенета души твоей" (Притч. 22, 24—25). Къ тому клонится и сіе изреченіе: „изъидите отъ среды ихъ и отлучитеся, глаголетъ Господь" (2 Кор. 6, 17). Поэтому, чтобы ни очами, ни ушами не принимать намъ ничего раздражающаго на грѣхъ, и нечувствительно не привыкнуть къ нему, чтобы въ душѣ къ вреду и пагубѣ ея не оставалось какъ бы образовъ какихъ и отпечатковъ видимаго и слышимаго, и чтобы намъ прійти въ возможность пребывать въ молитвѣ, для этого прежде всего уединимся по мѣсту жительства. Такимъ образомъ можемъ преодолѣть прежній обычай, по которому жили мы вопреки заповѣдямъ Христовымъ (а не малый это подвигъ—преодолѣть свою привычку, потому что обычай, утвердившійся долговременностію, получаетъ силу природы); и также въ состояніи будемъ стереть съ себя грѣховныя пятна люботрудною молитвою и постояннымъ изученіемъ Божіей воли. А въ молитвѣ и въ семъ изученіи не возможно успѣть среди многихъ людей, развлекающихъ душу и занимающихъ ее дѣлами житейскими.

Да и сіе требованіе: „аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе" (Лук. 9, 23), какъ можно кому-нибудь исполнить, живя въ многолюдствѣ? Итакъ, намъ надлежитъ сперва отречься самихъ себя и взять крестъ Христовъ, а потомъ уже слѣдовать Христу. Отреченіе же отъ себя есть полное забвеніе прошлаго и удаленіе отъ своей воли, въ чемъ живущему въ обществѣ съ людьми всякаго рода успѣть весьма трудно (чтобы не сказать—совершенно невозможно). Напротивъ того, участіе въ такомъ образѣ жизни служитъ препятствіемъ тому, чтобы взять крестъ свой и послѣдовать Христу. Ибо готовность къ смерти за Христа, умерщвленіе удовъ, „яже на земли" (Колосс. 3, 5), расположеніе духа съ неустрашимо-

стію встрѣчать всякую опасность во имя Христово, непривязанность къ настоящей жизни—вотъ что значитъ: взять крестъ свой, къ чему видимъ великія въ себѣ препятствія отъ привычки къ жизни земной.

Сверхъ другихъ многихъ неудобствъ, душа, смотря на множество живущихъ беззаконно, во-первыхъ, не находитъ времени очувствоваться въ собственныхъ своихъ грѣхахъ и сокрушаться покаяніемъ о прегрѣшеніяхъ, напротивъ же того, чрезъ сравненіе себя съ худшими пріобрѣтаетъ какое-то мечтательное понятіе о заслугѣ; а потомъ мятежами и недосугами, какіе обыкновенно производитъ мірская жизнь, будучи отвлекаема отъ драгоцѣннаго памятованія о Богѣ, не только лишается возможности радоваться и веселиться о Богѣ" (Пс. 34, 9), „насладиться Господеви" (Пс. 36, 4) и усладиться словесами Господними, чтобы прійти въ состояніе сказать: „помянухъ Бога и возвеселихся" (Псал. 76, 4), „коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устомъ моимъ" (Псал. 118, 103), но и совсѣмъ привыкаетъ къ пренебреженію и забвенію судовъ Божіихъ. А больше и пагубнѣе сего зла и потерпѣть невозможно.

Вопросъ 7. О томъ, что должно жить съ людьми согласно стремящимися къ той же цѣли угожденія Богу, и что трудно, и вмѣстѣ опасно, жить отшельникомъ.

Поелику слово твое удостовѣрило насъ, что опасно жить вмѣстѣ съ людьми, которые съ пренебреженіемъ смотрятъ на заповѣди Господни, то въ слѣдъ за симъ желаете узнать, какъ надо жить удалившемуся отъ такихъ людей, уединенно ли самому съ собой, или съ единомысленными братіями, избравшими тў же цѣль благочестія?

Отвѣтъ. Примѣчаю, что совокупное пребываніе многихъ во многихъ отношеніяхъ полезнѣе.

Во-первыхъ, каждый изъ насъ самъ собою не можетъ удовлетворить тѣлеснымъ потребностямъ, но къ сниcканію необходимаго имѣемъ нужду другъ въ другѣ. Ибо какъ нога одну силу имѣетъ, а другой лишена, и безъ помощи прочихъ членовъ находитъ, что ея дѣятельность несильна и недостаточна къ собственному ея поддержанію и не можетъ вознаградить недостающаго: такъ и въ одинокой жизни, что есть, то дѣлается для насъ безполезнымъ, а чего нѣтъ, то невознаградимымъ; потому что Создатель Богъ опредѣлилъ, чтобы мы имѣли нужду другъ въ другѣ и, по написанному, вступали другъ съ другомъ въ единеніе (Сир. 13, 20).

Но и безъ этого понятіе любви Христовой не дозволяетъ каждому имѣть въ виду собственное свое; ибо сказано: „любы не ищетъ своихъ си" (1 Кор. 13, 4—5). А жизнь, со всѣми разобщенная, имѣетъ одну цѣль—служеніе собственнымъ каждаго потребамъ. Это же явнымъ образомъ противно закону любви, какой исполнялъ Апостолъ, „не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся" (1 Кор. 10, 33).

А потомъ: въ удаленіи отъ всѣхъ не легко узнать каждому свой недостатокъ, не имѣя человѣка, который бы обличалъ его и исправлялъ съ кротостію и сердоболіемъ. Ибо и отъ врага обличеніе не рѣдко въ благосознательномъ возбуждаетъ желаніе уврачеванія, а возлюбившимъ искренно врачеваніе грѣха производится искусно. Ибо сказано: „любяй наказуетъ прилежно“ (Притч. 13, 25). А такого человѣка въ одиночествѣ найдти трудно, если кто прежде не сблизился съ нимъ въ жизни: почему съ нимъ сбывается сказанное: „горе единому, яко аще падетъ“, некому воздвигнуть его (Еккл. 4, 10).

И многія заповѣди многими вмѣстѣ исполняются удобно, а однимъ нѣтъ; потому что совершенію одной препятствуетъ другая, напримѣръ: посѣщенію больнаго—принятіе странника, подаянію и раздачѣ жизненныхъ потребностей, и особливо, когда на такое служеніе требуется много времени,—попеченіе о дѣлахъ, такъ что отъ сего остается неисполненною самая важная и наиболѣе способствующая ко спасенію заповѣдь, поелику и алчущій не накормленъ, и нагой не одѣтъ. Поэтому кто же рѣшится жизнь праздную и безплодную предпочесть жизни плодоносной и сообразной съ Господнею заповѣдію?

А если и всѣ мы, соединенные единымъ упованіемъ званія, „едино тѣло есмы“, имѣя главою Христа, и „по единому другъ другу уди“ (Рим. 12, 5), то, когда согласіемъ не счиневаемъ себя о Духѣ Святомъ въ составъ единаго тѣла, но каждый изъ насъ избираетъ одиночество, не служа созиданію общей пользы изъ—за благоугожденія Богу, а удовлетворяя собственной страсти самоугодія, тогда, раздѣленные и разлученные между собою, какъ будемъ въ состояніи сохранить взаимную связь членовъ, ихъ служеніе другъ другу, или подчиненіе Главѣ нашей, то есть, Христу? Ибо ни радоваться съ прославляемымъ, ни страдать съ страждущимъ нельзя при раздѣленной жизни, потому что каждый, какъ и естественно, не можетъ знать состоянія ближняго.

Сверхъ сего, поелику одинъ не въ состояніи вмѣстить всѣхъ духовныхъ дарованій, но каждому, по мѣрѣ вѣры, бываетъ подаяніе Духа, то въ общежитіи собственное дарованіе каждаго дѣлается общимъ для живущихъ вмѣстѣ. „Овому бо духомъ дается слово премудрости; иному же слово разума; другому вѣра; иному пророчество; иному дарованія исцѣленій“. и пр. (1 Кор. 12, 8—10). Каждое же изъ сихъ дарованій пріемлющій имѣетъ скорѣе не ради себя, а ради другихъ; почему въ общежитіи дѣйствію Святаго Духа въ одномъ необходимо переходить на всѣхъ вмѣстѣ. Поэтому живущій особо, если и имѣетъ одно какое-либо дарованіе, по причинѣ недѣятельности, заключивъ его въ себѣ, и оное дѣлаетъ безполезнымъ; а сколько сіе опасно, знаете, конечно, вы, читавшіе евангеліе. Въ сожительствѣ же многихъ и своимъ дарованіемъ каждый наслаждается, пріумножая

оное чрезъ подаяніе другимъ, и пользуется дарованіями другихъ, какъ своими.

Совокупная жизнь имѣетъ и иныя многія блага, которыя не легко всѣ перечислить. Ибо она болѣе одинокой жизни способствуетъ къ соблюденію дарованныхъ намъ отъ Бога благъ, и къ охраненію отъ внѣшнихъ козней врага надежнѣе пробужденіе людьми бодрственными, если кому случилось бы когда воздремать тѣмъ смертнымъ сномъ, объ избавленіи отъ котораго научилъ насъ молиться Давидъ, говоря: „просвѣти очи мои, да не когда усну въ смерть“ (Псал. 12, 4). И согрѣшающему удобнѣе разстаться съ грѣхомъ, когда приводитъ его въ стыдъ согласное осужденіе многихъ, такъ что къ нему примѣнимо сказанное: „довольно таковому запрещеніе сіе, еже отъ многихъ“ (2 Кор. 2, 6); а для преуспѣвающаго великимъ удостовѣреніемъ служитъ одобреніе многихъ и согласіе ихъ на дѣло. Ибо, если „при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ“ (Матѳ. 18, 16); то очевидно, что дѣлающій доброе дѣло гораздо непоколебимѣе утвердится на свидѣтельствѣ многихъ.

А жизнь одинокую, кромѣ показанныхъ опасностей, сопровождаютъ и другія. Первая и величайшая—опасность самоугодія. Ибо, не имѣя никого, кто бы могъ оцѣнить дѣло его, возмнитъ, что достигъ до совершенства заповѣди. А сверхъ того, заключивъ навсегда душевныя силы и не давая имъ упражненія, не знаетъ своихъ недостатковъ, не познаетъ и успѣха въ дѣлахъ, потому что отняты всѣ случаи къ исполненію заповѣдей. Въ чемъ покажетъ смиренномудріе, не имѣя человѣка, въ сравненіи съ которымъ могъ бы оказать себя болѣе смиреннымъ? Въ чемъ покажетъ сердоболіе, будучи отдѣленъ отъ общенія съ многими? Какъ будетъ упражнять себя въ долготерпѣніи, когда нѣтъ противящагося его желаніямъ? Если же кто говоритъ, что въ усовершеніи нравовъ довольно ему изученія Божественныхъ Писаній, тотъ поступаетъ подобно тому, кто учится строить, и никогда не строитъ, обучается искусству ковать, но не намѣренъ прилагать уроковъ къ дѣлу. Ему Апостолъ скажетъ: „не слышателіе закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона оправдятся“ (Рим. 2, 13). Вотъ и Господь, по преизбытку человѣколюбія, не удовольствовался только словеснымъ наученіемъ, но, чтобы во всей точности и ясности показать намъ примѣръ смиренномудрія въ совершенствѣ любви, Самъ, препоясавшись, омылъ ноги учениковъ. Кого же омоешь, кому послужишь, предъ кѣмъ будешь послѣднимъ, живя одинъ особо? А это доброе и красное житіе братіи „вкупѣ“, которое Духъ Святый уподобляетъ мvру, благоухающему на главѣ архіерея (Псал. 132, 1—2), какъ будетъ имѣть мѣсто, когда живутъ по одиночкѣ.

Поэтому поприще подвижничества, благонадежный путь къ преспѣянію, постоянное упражненіе и поученіе въ заповѣдяхъ Господнихъ, это—

совокупное жительство братій, цѣлію имѣющее славу Божію, по заповѣди Господа нашего Іисуса Христа, сказавшаго: „тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ“ (Матѳ. 5, 16), а въ образецъ принимающее упоминаемыхъ въ книгѣ дѣяній Святыхъ, о которыхъ написано: „вси же вѣровавшіи бяху вкупѣ, и имяху вся обща“ (Дѣян. 2, 44); и еще: „народу же вѣровавшему бѣ сердце и душа едина, и ни единъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти, но бяху имъ вся обща“ (4, 32).

Вопросъ 8. Объ отреченіи отъ міра.

Нужно ли прежде отречься отъ всего, и потомъ приступать къ житію по Богу?

Отвѣтъ. Поелику Господь нашъ Іисусъ Христосъ, послѣ сильнаго и многими дѣлами подкрѣпленнаго доказательства, всѣмъ говоритъ: „аще кто грядетъ ко Мнѣ“ (Лук. 14, 26) „да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ“ (Матѳ. 16, 24); и еще: „тако убо всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ“ (Лук. 14, 33): то думаю, что повелѣніе сіе простирается на многія вещи, которыхъ отчужденіе необходимо. Ибо прежде всего отрицаемся діавола и плотскихъ страстей, мы, отрекшіеся „тайныхъ срама“ (2 Кор. 4, 2), тѣлеснаго сродства, человѣческой дружбы и навыковъ жизни, противоборствующихъ точности евангельскаго спасенія. И, что еще необходимѣе, отрицается самого себя совлекшійся „ветхаго человѣка съ дѣяньми его“ (Кол. 3, 9), „тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ“ (Ефес. 4, 22); отрицается и отъ всѣхъ пристрастій къ міру, которыя могутъ препятствовать цѣли благочестія. Таковый человѣкъ будетъ почитать истинными родителями породившихъ его благовѣствованіемъ о Христѣ Іисусѣ, а братіями—пріявшихъ того же Духа сыноположенія, на всякое же имущество станетъ смотрѣть, какъ на чужое, каково оно и дѣйствительно. Однимъ словомъ, тотъ, кому Христа ради „весь“ міръ „распяся“ и онъ „міру“ (Гал. 6, 14), можетъ ли быть рабомъ „частей“ міра, если Господь нашъ Іисусъ Христосъ доводитъ до крайней степени ненавидѣніе души и самоотверженіе, когда говоритъ: „аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой“, и потомъ присовокупляетъ: „и по Мнѣ грядетъ“; и еще: „аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и матерь, и жену, и чадъ, и братію и сестръ, еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ“((Лук. 14, 26)? Поэтому совершенное отреченіе состоитъ въ томъ, чтобы преуспѣть въ безпристрастіи даже и къ самой жизни и имѣть себѣ „осужденіе смерти, да не на ся надѣющеся будемъ“ (2 Кор. 1, 9). Начинается же оно отчужденіемъ внѣшняго, какъ то: имѣнія суетной славы, привычекъ жизни, пристрастія къ неполезному, какъ показали намъ святые ученики Господни: Іаковъ и Іоаннъ, — оставившіе

отца своего Зеведея и самый корабль, доставлявшій всѣ средства къ жизни; также и Матѳей, воставшій съ мытницы и послѣдовавшій за Господомъ, не только оставивъ выгоды своего промысла, но и презрѣвъ опасности, какія должны были постигнуть его и его домашнихъ отъ начальства за оставленіе неконченными счетовъ по сбору пошлинъ; а Павлу весть „міръ распяся", и онъ „міру" (Гал. 6, 14).

Такимъ образомъ объятый сильнымъ вожделѣніемъ послѣдовать Христу не можетъ уже обращать вниманія ни на что, касающееся этой жизни: ни на любовь къ родителямъ и домашнимъ, какъ скоро она противна повелѣніямъ Господа (ибо тогда имѣетъ мѣсто сіе изреченіе: „аще кто грядетъ по Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь" и пр.)—ни на страхъ человѣческій, такъ чтобы ради его оставить что-нибудь полезное, въ каковомъ безстрастіи преуспѣли святые, говоря „повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ" (Дѣян. 5, 29),—ни на злобный смѣхъ мірскихъ людей, такъ, чтобы поражаться ихъ осмѣяніемъ. А кто хочетъ точнѣе и яснѣе узнать, какая сила сопряжена съ вожделѣніемъ послѣдовать Господу, тотъ пусть вспомнитъ, что Апостолъ въ назиданіе наше повѣствуетъ о себѣ и говоритъ: „аще кто мнитъ надѣятися во плоти, азъ паче: обрѣзанъ осмодневно, отъ рода Израилева, колѣна Веніаминова, Евреинъ отъ Еврей, по закону Фарисей, по ревности гонихъ Церковь, по правдѣ законнѣй бывъ непороченъ. Но яже ми бяху пріобрѣтенія, сія вмѣнихъ Христа ради тщету. Но убо вмѣняю вся тщету быти за превосходящее разумѣніе Христа Іисуса Господа моего, Егоже ради всѣхъ отщетихся, и вмѣняю уметы быти, да Христа пріобрящу" (Фил. 2, 4—8). Ибо, если Апостолъ (скажу нѣчто смѣлое, впрочемъ справедливое), если онъ самому презрѣнному и не чистому въ тѣлѣ, что всего болѣе спѣшимъ удалить отъ себя, уподобилъ Богомъ данныя нѣкогда законныя преимущества, какъ служащія препятствіемъ къ увѣдѣнію Христа, къ оправданію въ немъ, къ сообразованію себя съ смертію Его: что послѣ сего сказать объ узаконеніяхъ человѣческихъ? И нужно ли еще подтверждать мысль сію нашими разсужденіями и примѣрами святыхъ, если можно представить собственныя изреченія Господа, и ими убѣдить робкую душу? потому что Онъ непререкаемо свидѣтельствуетъ, говоря: „тако убо всякъ отъ васъ, иже не отречется всего своего имѣнія, не можетъ быти Мой ученикъ" (Лук. 14, 33). И въ другомъ мѣстѣ послѣ словъ: „аще хощеши совершенъ быти", сперва говоритъ: „иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ", а потомъ присовокупляетъ: „и гряди въ слѣдъ Мене" (Матѳ. 19, 21). Сюда же относится и притча о купцѣ, какъ это ясно для всякаго благомыслящаго. Ибо сказано: „подобно есть царствіе небесное человѣку купцу ищущу добрыхъ бисерей: иже обрѣтъ единъ многоцѣненъ бисеръ, шедъ продаде вся, елика имяше, и купи его" (Матѳ. 13, 45—46). Явно же, что многоцѣн-

ный бисеръ взятъ здѣсь въ подобіе царства небеснаго, котораго намъ какъ показываетъ слово Господне, не возможно пріобрѣсти, если въ промѣнъ за оное не отдадимъ все, что у насъ есть, богатство, славу, родъ, и если что еще вожделѣнно для многихъ.

А потомъ, что уму, развлекаемому разными заботами, невозможно преуспѣть въ желаемомъ, Господь подтвердилъ, сказавъ: „никтоже можетъ двѣма господинома работати"; и еще: „не можете Богу работати и мамонѣ" (Матѳ. 6, 24). Поэтому надобно намъ избрать одно, небесное сокровище, чтобы въ немъ было сердце наше. Ибо сказано: „идѣже бо есть сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше" (21). А если оставимъ себѣ какое нибудь земное имущество и тлѣнное богатство; то, поелику умъ будетъ зарытъ здѣсь, какъ въ нѣкоторой тинѣ, душа, по необходимости, не увидитъ Бога и не подвигнется къ вожделѣнію небесныхъ красотъ и уготованныхъ намъ по обѣтованіямъ благъ, обладанія которыми достигнуть намъ невозможно, если неразвлекаемая и сильная любовь не ведетъ къ исканію оныхъ и не облегчаетъ нужнаго ради ихъ труда.

Посему отреченіе отъ міра, какъ видно изъ сказаннаго, есть разрѣшеніе узъ этой вещественной и временной жизни, свобода отъ человѣческихъ обязательствъ, дѣлающая насъ болѣе способными начать путь къ Богу. Это безпрепятственный случай къ пріобрѣтенію и употребленію того, что многоцѣнно „паче злата и камене честна многа" (Псал. 18, 11), и короче сказать, переселеніе человѣческаго сердца въ жительство небесное, чтобы можно было говорить: „наше бо житіе на небесѣхъ есть" (Фил. 3, 20), а что еще важнѣе, это—начало уподобленія Христу, Который „насъ ради обнища, богатъ сый" (2 Кор. 8, 9). И если не преуспѣемъ въ немъ, нельзя намъ приступить къ жизни по евангелію Христову. Ибо сокрушеніе сердца, смиреніе ума, освобожденіе души отъ гнѣва, скорби, заботъ, коротко сказать, отъ пагубныхъ страстей могутъ ли имѣть мѣсто при богатствѣ, житейскихъ попеченіяхъ, пристрастіи и привычкѣ къ другимъ? Вообще же, кому можно не имѣть попеченія даже о самомъ необходимомъ, какъ то: о пищѣ и одеждѣ, того убѣдитъ ли какая причина окружить себя, какъ терніями, лукавыми попеченіями о богатствѣ, препятствующими плодоношенію сѣмени, какое посѣяно Земледѣлателемъ душъ нашихъ, если Самъ Господь говоритъ: „сіи суть, иже въ терніи сѣеміи, отъ печали и богатства, и сластей житейскихъ подавляются. и не совершаютъ плода" (Марк. 4, 18. Лук. 8, 14)?

Вопросъ 9. Присоединяющійся къ людямъ, посвятившимъ себя Господу, долженъ ли безъ разбора оставлять свое имущество недобросовѣстнымъ свойственникамъ.

Отвѣтъ. Поелику Господь сказалъ: „продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ, и имѣти имаши сокровище на небеси, и гряди въ слѣдъ Мене"

(Матѳ. 19, 21), и еще: „продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню" (Лук. 12, 33); то заключаю, что съ подобною цѣлію оставляющій свою собственность долженъ не презрительно смотрѣть на свое имущество, но постараться, собравъ все тщательно, какъ посвященное уже Богу, распорядить со всѣмъ благоговѣніемъ или самъ, если имѣетъ возможность и опытность, или чрезъ людей, по многомъ извѣданіи избранныхъ и на дѣлѣ доказавшихъ, что могутъ распорядиться вѣрно и благоразумно, зная, что не безопасно и оставлять имѣніе своимъ, и давать въ распоряженіе, кому попало. Если тотъ, кому ввѣрено попеченіе о царскихъ имуществахъ, часто, хотя бы изъ собраннаго ничего не утратилъ, если по какой-нибудь небрежности упуститъ изъ рукъ, что могло быть пріобрѣтено, не освобождается отъ обвиненія: то какому же, надобно ожидать, подвергнутся осужденію тѣ, которые неразумно и нерадиво поступаютъ въ распоряженіи посвященнаго уже Господу? Не подпадутъ ли они суду небрежныхъ, по написанному: „проклятъ" всякъ, „творяй дѣло Господне съ небреженіемъ" (Іер. 48, 10)?

Но во всемъ должно намъ остерегаться, чтобы подъ предлогомъ исполненія одной заповѣди, не оказаться нарушителями другой. Намъ не прилично ссориться и препираться съ людьми недобросовѣстными, такъ какъ „рабу Господню не подобаетъ сваритися" (2 Тим. 2, 24). Напротивъ того, кто видитъ недобросовѣстные поступки отъ родственниковъ по плоти, тому надобно помнить, что сказалъ Господь: „никтоже есть, иже оставилъ есть домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь или жену, или чада, или села" не просто, „но Мене ради и Евангелія ради", иже „не пріиметъ сторицею во время сіе, и въ вѣкъ грядущій животъ вѣчный" (Мар. 10, 29—30). Такимъ недобросовѣстнымъ надобно засвидѣтельствовать, что впадаютъ въ грѣхъ святотатства, по заповѣди Господа, сказавшаго: „аще согрѣшитъ братъ твой, иди, обличи его" и пр. (Матѳ. 18, 15). Но судиться съ нимъ въ мірскихъ судилищахъ запрещаетъ слово благочестія, когда говоритъ: „хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу" (Матѳ. 5, 40), и еще: „смѣетъ ли кто отъ васъ, вещь имѣя ко иному, судитися отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ" (1 Кор. 6, 1)? Да и на судъ святыхъ призовемъ при этомъ, имѣя болѣе въ виду спасеніе брата, а не пріобрѣтеніе имѣнія. Ибо и Господь, сказавъ: „аще тебе послушаетъ", присовокупилъ: „пріобрѣлъ еси" не имущество, но „брата твоего" (Матѳ. 18, 15). Но бываютъ случаи, что иногда, поелику нерѣдко самъ, начавшій недобросовѣстное дѣло, зоветъ насъ въ общее собраніе судей, для уясненія истины приходимъ и мы на изслѣдованіе, не сами начавъ судъ, но слѣдуя за позвавшими насъ, не въ удовлетвореніе своей страсти гнѣва и сварливости, но для открытія истины. Такимъ образомъ и его противъ воли избавимъ отъ бѣдъ, и сами не преступимъ заповѣ-

дей, какъ служители Божіи, не сварливые и не сребролюбивые, твердо стоящіе за обнаруженіе истины и никогда не преступающіе надлежащую мѣру ревности.

Вопросъ 10. Всѣхъ ли приходящихъ принимать должно или нѣкоторыхъ, и допускать ли ихъ тотчасъ, или по испытаніи, и по какомъ испытаніи?

Отвѣтъ. Поелику Человѣколюбецъ Богъ и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ проповѣдуетъ и говоритъ: „пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы“ (Матѳ. 11, 28): то не безопасно отталкивать отъ себя тѣхъ, которые чрезъ насъ приходятъ ко Господу, и желаютъ взять на себя Его благое иго и бремя заповѣдей, облегчающее намъ путь къ небу. Впрочемъ не должно дозволять, чтобы неумовенными ногами попирали честность уроковъ. Но какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ пришедшаго юношу спрашивалъ о прежней жизни, и узнавъ, что пріобрѣлъ онъ нѣкоторые успѣхи, велѣлъ исполнить и то, чего еще не доставало къ совершенству, и по исполненіи приглашалъ слѣдовать за Собою (Матѳ. 19): такъ и намъ, конечно, надобно извѣдывать предшествовавшую жизнь приходящихъ, и тѣмъ, которые сдѣлали уже нѣкоторые успѣхи, передать совершеннѣйшее въ урокахъ, а тѣхъ, которые оставляютъ жизнь порочную, или изъ состоянія безразличія стремятся къ строгой жизни боговѣдѣнія, надлежитъ испытать, каковы они нравомъ, не оказываются ли непостоянными и опрометчивыми въ сужденіяхъ. Ибо скорая перемѣна въ таковыхъ людяхъ подозрительна. Они и себѣ не дѣлаютъ никакой пользы, и для другихъ дѣлаются еще причиною вреда, распространяя о дѣлѣ нашемъ укоризну, ложь и злыя хулы.

Поелику же тщательностію все исправляется, а страхъ Божій преодолѣваетъ всякаго рода душевные недостатки, то не надобно и въ нихъ скоро отчаяваться, но должно вводить ихъ въ приличныя упражненія, долговременностію и трудными подвигами испытывая ихъ сужденіе, чтобы безопасно допустить ихъ, если найдемъ въ нихъ нѣкоторую твердость, а въ противномъ случаѣ отослать отъ себя, пока еще не приняты; и такимъ образомъ испытаніе ихъ сдѣлать безвреднымъ для братства. Надобно же испытывать и то, безъ стыда ли человѣкъ, жившій во грѣхахъ, исповѣдуетъ „тайная срама“ (2 Кор. 4, 2), и самъ себѣ дѣлается обвинителемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стыдясь и удаляясь тѣхъ, которые содѣйствовали ему въ порочныхъ дѣлахъ, подражая сказавшему: „отступите отъ мене вси дѣлающіи беззаконіе“ (Псал. 6, 9), и тѣмъ на послѣдующую жизнь пріобрѣтая себѣ безопасность — не впадать уже въ подобныя страсти. А общій способъ испытанія всѣхъ—это: расположены ли, не стыдясь, оказывать всякое смиренномудріе, такъ чтобы принимать на себя самыя низкія работы, если разумъ признаетъ исполненіе ихъ полезнымъ. И

когда каждый, послѣ всякаго испытанія людьми, способными благоразумно извѣдывать подобныя вещи, признанъ будетъ какъ бы „сосудомъ, благопотребнымъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованнымъ“ (2 Тим. 2, 21): то да будетъ причисленъ къ посвятившимъ себя Господу. Особливо же тому, кто изъ жизни знатной поспѣшаетъ къ смиренномудрію въ подражаніе Господу нашему Іисусу Христу, нужно назначать что-нибудь, по мнѣнію мірскому, самое постыдное, и наблюдать, съ полнымъ ли убѣжденіемъ представляетъ себя несрамляющимся дѣлателемъ Богу.

Вопросъ 11. О рабахъ.

Отвѣтъ. Если находящіяся подъ игомъ рабства прибѣгаютъ къ братству, то, вразумивъ и исправивъ ихъ, надобно отсылать къ господамъ въ подражаніе блаженному Павлу, который Онисима, родивъ благовѣствованіемъ, отослалъ къ Филимону, одного удостовѣривъ въ томъ, что иго рабства, носимое благоугодно Господу, дѣлаетъ достойнымъ царствія небеснаго, а другому совѣтуя не только оставить угрозу Онисиму, памятуя истиннаго Господа, сказавшаго: „аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпустить согрѣшенія ваша и Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. 16, 14. Марк. 11, 26), но даже имѣть къ нему болѣе доброе расположеніе, написавъ такъ: „негли бо ради сего разлучися на часъ, да вѣчна того пріимеши: не ктому эки раба, но выше раба, брата возлюбленна“ (Филимон. 15—16). А если будетъ злой господинъ, приказывающій что либо беззаконное и принуждающій раба къ преступленію заповѣди истиннаго нашего Владыки Господа Іисуса Христа; то надобно подвизаться, что бы имя Божіе не было хулимо ради раба того, сдѣлавшаго что либо неугодное Богу. А подвигъ сей состоитъ въ томъ, чтобы или раба того приготовить къ терпѣливому перенесенію страданій, какимъ подвергается онъ за то, что, по Писанію, повинуется „Богови паче, нежели человѣкомъ“ (Дѣян. 5, 29), или принявшимъ къ себѣ раба богоугодно принять на себя и искушенія, какія изъ-за него постигаютъ ихъ самихъ.

Вопросъ 12. Какъ принимать надобно состоящихъ въ супружествѣ?

Отвѣтъ. И тѣхъ, которые приступаютъ къ подобной жизни, состоя въ брачномъ сожитіи, надобно допрашивать: съ согласія ли дѣлаютъ сіе, по заповѣди апостольской? Ибо сказано: „своимъ тѣломъ не владѣетъ“ (1 Кор. 7, 4). И такимъ образомъ приходящаго принимать при многихъ свидѣтеляхъ; потому что всего предпочтительнѣе послушаніе Богу. Если же другая сторона возмущается и споритъ, менѣе заботясь о благоугожденіи Богу; то да будетъ приведенъ на память Апостолъ, который говоритъ: „въ миръ призва насъ Богъ“ (1 Кор. 7, 15), и потомъ да исполняется повелѣніе Господа, сказавшаго: „аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матерь, и жену, и чадъ, и братію“, и прочее, „не можетъ Мой быти ученикъ“ (Лук. 14, 26); ибо всего предпочтительнѣе повиновеніе

Богу. А мы знаемъ, что во многихъ намѣреніе жить въ чистотѣ не рѣдко превозмогало въ слѣдствіе усильной молитвы и неослабнаго поста; тѣхъ же, которые все еще упорствуютъ, Господь къ согласію съ здравымъ сужденіемъ приводитъ часто и тѣлесною необходимостію.

Вопросъ 13. О томъ, что нововводимымъ хорошо упражненіе въ молчаніи.

Отвѣтъ. Нововводимымъ хорошо и упражненіе въ молчаніи. Владѣя языкомъ, представятъ они достаточное доказательство воздержности, и вмѣстѣ во время безмолвія, у тѣхъ, которые благоразумно пользуются даромъ слова, съ усиленнымъ и собраннымъ вниманіемъ будутъ обучаться, какъ должно и спрашивать и отвѣчать каждому. Ибо у благочестивыхъ есть свои отличныя и напряженія голоса, и соразмѣрность слова, и сноровка времени, и свойство реченій, чему нельзя обучиться, не отучившись отъ прежнихъ привычекъ, при чемъ молчаніе какъ производитъ забвеніе прежняго чрезъ прекращеніе дѣятельности, такъ вмѣстѣ доставляетъ досугъ къ изученію добраго. Поэтому, если не понуждаютъ ни собственная потребность, касающаяся попеченія о душѣ своей, или неизбѣжной необходимости дѣло, которое подъ руками, ни подобный сему предложенный вопросъ; то надобно пребывать въ молчаніи, исключая только псалмопѣнія

Вопросъ 14. О тѣхъ, которые дали обѣтъ посвятить себя Богу, и потомъ намѣреваются нарушить произнесенный обѣтъ.

Отвѣтъ. На каждаго, принятаго въ братство и потомъ нарушающаго произнесенный обѣтъ, надобно смотрѣть, какъ на согрѣшившаго Богу, предъ Которымъ и Которому онъ произнесъ исповѣданіе согласія своего. „Аще же", сказано, „согрѣшитъ" кто Богу, „кто помолится о немъ" (1 Цар. 2, 25)? Посвятившій себя Богу, и потомъ бѣжавшій къ другому роду жизни, сталъ святотатцемъ, потому что самъ себя похитилъ и присвоилъ себѣ Божье приношеніе. Такимъ справедливо не отворять уже двери братства, если-бы даже только мимоходомъ пришли они и попросили крова. Ибо ясно правило апостольское, которое повелѣваетъ намъ удаляться всякаго безчиннаго человѣка и „не примѣшатися ему, да посрамится" (2 Сол. 3, 14).

Вопросъ 15. Съ какого возраста надобно дозволять произнесеніе обѣта о посвященіи себя Богу, и когда обѣтъ дѣвства почитать дѣйствительнымъ.

Отвѣтъ. Поелику Господь говоритъ: „оставите дѣтей приходити ко Мнѣ" (Марк. 10, 14), а Апостолъ похваляетъ „измлада" изучившаго „священная писанія" (2 Тим. 3, 15), и еще повелѣваетъ воспитывать „чадъ въ наказаніи и ученіи Господни" (Ефес. 5, 4); то всякое время, и время перваго возраста, почитаемъ удобнымъ къ принятію приходя-

щихъ. И дѣтей, у которыхъ нѣтъ родителей, принимаемъ сами собою, чтобы въ подражаніе Іову (Іов. 29, 12) быть отцами сиротъ; которые же зависятъ отъ воли родителей, и которыхъ сами родители приводятъ, принимаемъ при многихъ свидѣтеляхъ, чтобы не подать случая желающимъ найдти случай,, но заградить всякія неправедныя уста, говорящія противъ насъ хулу. На семъ основаніи принимать дѣтей надобно, но не тотчасъ надлежитъ причислять и приписывать ихъ къ составу братства, чтобы, по несчастію, заслуженныя ими укоризны не пали на жизнь благочестивую. Но хотя должно ихъ воспитывать во всякомъ благочестіи, какъ общихъ чадъ братства, однако же отдѣлять особые домы и особый образъ жизни дѣтямъ мужескаго и женскаго пола, чтобы не пріобрѣли они смѣлости и безмѣрной дерзости предъ старшими, но, по рѣдкости встрѣчъ, сохраняли уваженіе къ высшимъ, и чтобы наказанія, налагаемыя на болѣе совершенныхъ за пренебреженіе ими своихъ обязанностей (если-бы имъ случилось впасть въ такое разсѣяніе), непримѣтнымъ образомъ не породили въ дѣтяхъ удобопреклонности ко грѣхамъ, или иногда и превозношенія, какъ скоро замѣтятъ, что старшіе претыкаются въ томъ, въ чемъ сами они преуспѣваютъ. Ибо младенчествующій разумомъ не разнится съ младенцемъ по возрасту, а потому не удивительно, если и въ томъ и въ другомъ сказываются тѣ же недостатки. Да и въ чемъ у старшихъ по ихъ возрасту соблюдается приличіе, то молодымъ, въ слѣдствіе частаго обращенія ихъ съ старшими, дѣлать преждевременно не прилично. Итакъ, для сей предосторожности и для соблюденія степенности во всемъ прочемъ, надобно отдѣльно помѣщать дѣтей и совершенныхъ возрастомъ. А съ симъ вмѣстѣ въ домѣ подвижниковъ не будетъ и шума, при изученіи уроковъ, необходимомъ для юныхъ.

Но молитвы, которыя установлено совершать днемъ, должны быть общія и у дѣтей и у старшихъ, потому что у дѣтей чрезъ соревнованіе совершеннымъ укореняется навыкъ къ сокрушенной молитвѣ, и для старшихъ не маловажно пособіе дѣтей въ молитвѣ.

Уединенныя же упражненія и правила касательно сна и бодрствованія, времени, мѣры и качества пищи, для дѣтей должны быть опредѣлены приличнымъ образомъ. Надъ ними долженъ быть поставленъ старшій возрастомъ, превосходящій другихъ опытностію, доказавшій свое великодушіе, чтобы могъ съ отеческимъ сердоболіемъ и благоразумнымъ словомъ исправлять погрѣшности юныхъ, послѣ каждаго паденія употреблять приличныя врачества; такъ что одно и тоже служило бы наказаніемъ за погрѣшность и обращалось въ упражненіе въ безпристрастіи душѣ. Напр. разсердился кто на сверстника? Такого должно заставить успокоить его и, по мѣрѣ продерзости, оказать ему услугу, потому что навыкъ смиренія какъ бы отсѣкаетъ душевную раздражительность, а провозношеніе, всего

чаще, производитъ въ насъ гнѣвъ. Коснулся ли не во время снѣдей? Пусть большую часть дня остается безъ пищи. Обличенъ ли кто, что вкушалъ пищу не въ мѣру, или неблагочинно? Пусть во время принятія пищи, отлученный отъ яствъ, принужденъ будетъ смотрѣть на другихъ вкушающихъ чинно, чтобы и наказанъ былъ воздержаніемъ и научился чинности. Произнесъ ли кто праздное слово, оскорбленіе ближнему, ложь, или иное что запрещенное? Пусть уцѣломудрится воздержаніемъ чрева и молчаніемъ.

Но надобно, чтобы и обученіе грамотѣ было соотвѣтственно цѣли; а для сего должно заставлять ихъ употреблять слова, взятыя изъ Писанія, и вмѣсто басенъ разсказывать имъ повѣствованія о дѣлахъ чудныхъ, вразумлять ихъ изреченіями изъ Притчей, и назначать награды за удержаніе въ памяти словъ и вещей, чтобы дѣти съ пріятностію и легкостью, безъ огорченія для себя и непреткновенно достигали цѣли. При правильномъ руководствѣ у нихъ скоро появляется внимательность ума и навыкъ не разсѣяваться, если наставники постоянно будутъ допрашивать, на чемъ остановилась ихъ мысль и какой предметъ ихъ размышленія. Ибо простота возраста, неухищренность и неспособность ко лжи легко высказываютъ душевныя сокровенности. А сверхъ того ребенокъ, чтобы не часто застигали его на какой нибудь непозволительной мысли, будетъ избѣгать мыслей нелѣпыхъ и постоянно станетъ удерживаться отъ нелѣпостей, боясь стыда обличеній.

Поэтому, пока душа еще способна къ образованію, нѣжна и, подобно воску, уступчива, удобно напечатлѣваетъ въ себѣ налагаемые образы, надобно немедленно и съ самаго начала возбуждать ее ко всякимъ упражненіямъ въ добрѣ, чтобы, когда раскроется разумъ и прійдетъ въ дѣйствіе разсудокъ, начать теченіе съ положенныхъ первоначально основаній и преподанныхъ образцовъ благочестія, между тѣмъ какъ разумъ будетъ внушать полезное, а навыкъ облегчитъ преуспѣяніе. Тогда должно принимать обѣтъ дѣвства, какъ уже твердый, произносимый по собственному расположенію и разсужденію, при совершенной зрѣлости разума, послѣ чего и праведнымъ Судіею по достоинству дѣлъ воздаются почести и наказанія преуспѣвающимъ или согрѣшающимъ.

Въ свидѣтели же расположенія должно брать предстоятелей церкви, чтобы чрезъ нихъ и совершаемо было освященіе тѣла, какъ нѣкоего приношенія Богу, и получило твердость совершенное при свидѣтельствѣ. Ибо сказано: „при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ" (Матѳ. 18, 16). Такимъ образомъ и ревность братій не подвергнется хулѣ, и тѣмъ, которые посвятили себя Богу, а потомъ намѣреваются уничтожить обѣтъ, не останется предлога къ безстыдству.

А не пріемлющій на себя дѣвственной жизни, какъ не способный не-

щися „о Господнихъ“ (1 Кор. 7, 32), при тѣхъ же свидѣтеляхъ да будетъ отпущенъ. Кто, по долговременномъ самоиспытаніи и наблюденіи, которое надобно дозволить ему производить надъ собою въ теченіе многихъ дней, чтобы не причли намъ чего въ хищеніе, произнесъ наконецъ обѣтъ, того должно уже принять и причислить къ братству, дозволить имѣть и жилище и образъ жизни общіе съ совершенно возрастными.

Забыли мы сказать, но теперь не безвременно присовокупить, что, поелику инымъ искусствамъ надобно обучаться тотчасъ съ самаго дѣтства, то, какъ скоро нѣкоторые изъ дѣтей окажутся способными къ обученію, не запрещаемъ имъ проводить дни съ наставниками въ искусствѣ. Но на ночь необходимо переводимъ ихъ къ сверстникамъ, съ которыми надобно принимать имъ и пищу.

Вопросъ 16. Необходимо ли воздержаніе намѣревающимся жить благочестиво.

Отвѣтъ. Что необходимъ законъ воздержанія,—ясно во-первыхъ изъ того, что Апостолъ причисляетъ воздержаніе къ плодамъ духовнымъ (Галат. 5, 23); потомъ изъ того, что Апостолъ воздержанію приписываетъ успѣхъ въ непорочности служенія, когда говоритъ: „въ трудѣхъ, во бдѣніяхъ, въ пощеніихъ, во очищеніи“ (1 Кор. 6, 5—6), и въ другомъ мѣстѣ: „въ трудѣ и подвизѣ, во бдѣніихъ множицею, во алчбѣ и жажди, въ пощеніихъ многащи“ (11, 27), и еще: „всякъ же подвизаяйся, отъ всѣхъ воздержится“ (1 Кор. 9, 25). Да и умерщвленіе и порабощеніе плоти ничѣмъ не производится такъ успѣшно, какъ воздержаніемъ, потому что кипучесть юности и неукротимость въ стремленіяхъ, какъ бы нѣкоторою уздою, удерживаются воздержаніемъ. „Не пользуетъ безумному слабость“, по Соломону (Притч. 19, 10); а что неразумнѣе преданной удовольствіямъ плоти и кружащейся юности? Почему Апостолъ говоритъ: „и плоти угодія не творите въ похоти“ (Римл. 13, 14); и: „питающаяся пространно, жива умерла“ (1 Тим. 5, 6). И примѣръ роскоши богача доказываетъ намъ необходимость воздержанія, чтобы иначе не услышать намъ того же, что услышалъ богачъ: „яко воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ“ (Лук. 16, 25).

А какъ страшна невоздержанность, сіе показалъ и Апостолъ, причисливъ ее къ отличительнымъ свойствамъ отступленія и сказавъ: „въ послѣднія дни настанутъ времена люта; будутъ бо человѣцы, самолюбцы, и и перечисливъ многіе виды порока, присовокупилъ онъ: „клеветницы, невоздержницы (2 Тим. 3, 1—3). И Исавъ, какъ въ величайшемъ порокѣ, обвиненъ въ невоздержности, потому что за одно кушанье отдалъ право первородства. И первое преслушаніе случилось съ человѣкомъ отъ невоздержности.

Всѣ же святые имѣютъ свидѣтельство о своемъ воздержаніи. Вся

Изданія П. П. Сойкина.—Спб., Стремянная, № 12, собств. д.

БѢГЛЕЦЪ.

Романъ изъ пограничной жизни *Ѳ. Ѳ. Тютчева.* 340 стран.,
съ 40 рисунк. художника *А. А. Чинина.*

Цѣна 1 руб. 50 коп., въ коленк. переплетѣ, тиснен. красками, 2 руб.

Особ. отд. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ безпл. нар. чит. и библ.

Помните-ли вы годы своей юности, школьные годы? Помните-ли вы, какъ между различными Musterstücke, хрестоматіями и грамматиками въ вашей партѣ лежала завѣтная книга: какой нибудь «Всадникъ безъ головы», «Охотники за черепами», «Команчо, или вождь индѣйцевъ?» Помните-ли вы, какъ въ то самое время, какъ преподаватель разрывается, объясняя задачу о двухъ курьерахъ, стучитъ мѣломъ по доскѣ, вы, склонивши голову надъ партой и уложивши книгу на выдвинутой крышкѣ ранца или большомъ атласѣ Ильина, унеслись въ пампасы или преріи, бредите степными пожарами, охотами за львами, отчаянными схватками съ индѣйцами, гдѣ вы защищаете прелестную, дѣвушку съ пепельными кудрями и поэтичнымъ именемъ Мэри? Мэри! Кто изъ насъ въ кадетскіе годы не мечталъ о Мэри? Кто не декламировалъ Пушкинскаго «Пью за здравіе Мэри?». Первое біеніе юношескаго сердца, первая платоническая любовь отдавалась этимъ образамъ фантазіи Жюля Верна, Майнъ-Рида, Купера, Жаколліо, Эмара и Вальтеръ Скотта. И завидовали тогда мы англичанамъ, завидовали жизни среди прерій, полной опасностей, веселой охотами, поэтичной полудикими героями и прелестными дочерьми пустынь. И не подозрѣвали мы тогда въ порывахъ зависти къ англичанамъ, что въ нашемъ отечествѣ есть суровая тайга, болѣе страшная, чѣмъ всѣ пустыни Америки, что въ камышахъ и скалахъ Аракса немолчно стучатъ выстрѣлы и жизнь въ Муганской степи у подножія Арарата и въ Манчжуріи полна еще большихъ опасностей, чѣмъ жизнь въ фермерскомъ домѣ южной Америки.

Передо мною изящно изданный, снабженный многими недурными иллюстраціями въ текстѣ томикъ — «Бѣглецъ» — романъ изъ пограничной жизни, Ѳ. Тютчева. Я взялся за этотъ романъ съ большимъ интересомъ... Какъ же, мѣста, гдѣ я былъ недавно, персидская граница!... И не раскаялся. Живо, картинно, художественно и легко набрасываетъ авторъ сцены пограничной жизни, обычаи персовъ и курдовъ, охоту на кабановъ, стычки съ контрабандистами. Есть и Мэри романовъ Майнъ-Рида. Прелестная дѣвушка Лидія Оскаровна Норденштраль, шведо-малороссіянка, призвана авторомъ романа на глухой пограничный постъ смущать душевное спокойствіе молодого поручика пограничной стражи Воинова и начальника стражи самостоятельнаго суджинскаго султана. *„Рус. Инв.“ № 61,—1903 г.*

Завоеватель міра.

АЛЕКСАНДРЪ МАКЕДОНСКІЙ. Историческій очеркъ *Н. Д. Носкова.* 144 стр., съ 29 рис Цѣна 1 руб., въ коленк. переплетѣ, тиснен. краскою, 1 руб. 50 к.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНО** въ ученич. библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит

Величавая фигура Александра Македонскаго всегда приковывала къ себѣ вниманіе ученыхъ и писателей. Еще въ древности Квинтъ Курцій описалъ въ формѣ увлекательнаго романа подвиги „завоевателя міра“. Но разсказы Квинта Курція преисполнены легендарности, сказочности. Въ настоящее время отъ книги объ Александрѣ Великомъ требуется историческая точность. Хорошо, если удастся соединить фантастическій вымыселъ съ историческою правдою и настолько слить ихъ между собою, чтобы сочетаніе это не теряло своего правдоподобія. Автору предлежащей книги, какъ нельзя лучше удалось разрѣшить эту трудную задачу: его „Завоеватель міра“ воскресаетъ предъ читателями как живой и невольно заставляетъ его хоть навремя жить полною жизнью передняго Востока IV вѣка до Р.

Образецъ переплета.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ

Петра Великаго.

Роскошное изданіе,

большого формата, отпечатанное на плотной глазирован. бумагѣ, свыше 700 стр. съ 150 рисунками и портретами

Цѣна 5 руб., съ перес. 5 руб. 50 коп. Въ коленкоровомъ переплетѣ тисненомъ красками и золотомъ **6** руб., съ перес. **6** руб. **50** коп.

Царствованіе Петра Великаго является однимъ изъ славныхъ періодовъ въ исторіи Россіи, когда жизнь нашей родины пошла по новому руслу, по которому она течетъ и въ настоящіе дни. Петръ Великій ввелъ Россію въ семью европейскихъ государствъ, отъ общенія съ которыми она была отторгнута татарскимъ игомъ. Поэтому изученіе петровскаго времени представляетъ огромный научный интересъ для всякаго образованнаго человѣка, и для каждаго русскаго такое изученіе должно быть безусловно обязательнымъ. **Между существующими жизнеописаніями** великаго царя едва ли не самое выдающееся мѣсто занимаетъ **прекрасное изслѣдованіе А. Г. Брикнера**, бывшаго профессора исторіи въ Казанскомъ и Юрьевскомъ университетахъ. Съ рѣдкою добросовѣстностью и еще болѣе рѣдкимъ безпристрастіемъ рисуетъ намъ почтенный ученый величественную личность преобразователя Россіи. Онъ ярко выставилъ, выражаясь словомъ поэта, „трудъ, добро и славу“ Петра, но на ряду съ этимъ не прошелъ молчаніемъ его „грѣхи и темныя дѣянія“. Но Брикнеръ не ограничивается одною личностью Петра, онъ попутно рисуетъ намъ картины современной политической и духовной жизни Россіи, въ связи съ жизнью ея сосѣдей, друзей и враговъ.

Сочиненіе Брикнера представляетъ громадный вкладъ въ русскую науку. Этотъ трудъ оцѣненъ по достоинству и у насъ и за-границею. Написанный на нѣмецкомъ языкѣ, онъ появился въ 1882 г. въ русскомъ переводѣ въ прекрасномъ изданіи Суворина, сдѣлавшемся теперь библіографической рѣдкостью. Послѣ того авторъ вновь переработалъ свой трудъ, и наша книга является переводомъ новѣйшаго берлинскаго изданія, значительно дополненнаго и пересмотрѣннаго самимъ Брикнеромъ. Нѣтъ надобности говорить, что его научное достоинство отъ этого еще больше выигрываетъ.

Съ цѣлью сдѣлать настоящую книгу еще болѣе цѣнною, мы снабдили ее цѣлымъ ...домъ историческихъ и бытовыхъ рисунковъ и портретовъ, имѣющихъ отношеніе къ ...ржанію книги.

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная ул., собств. д., № 12.